HISTORIA ROSSICA

Игорь Федюкин

ПРОЖЕКТЕРЫ

ПОЛИТИКА ШКОЛЬНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подобно военному кораблю или шеренге вымуштрованной пехоты, новая светская и «регулярная» школа стала символом петровского царствования. Принято считать, что образовательные новации стали результатом личных усилий самого Петра и отражали объективные потребности государства в кадрах для новой бюрократии и регулярной армии. Монография Игоря Федюкина, однако, выявляет ключевую роль разнообразных «прожектеров» в появлении новых школ в России первой половины XVIII века. Автор показывает, как возникновение и развитие училищ отражали усилия «административных предпринимателей», стремившихся к продвижению своей карьеры, расширению клиентской сети, упрочению придворных позиций или реализации своей идейной повестки. Именно из таких индивидуальных «прожектов» и складывался фасад петровского «регулярного» государства. Игорь Федюкин – директор Центра истории России Нового времени НИУ ВШЭ. Igor Fedyukin THE ENTERPRISERS: THE POLITICS OF SCHOOL IN EARLY MODERN RUSSIA, FIRST EDITION

- Игорь Федюкин
  - ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142

- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186

- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274

- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318

- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362

- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406

- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450

- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494

- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538

- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582

- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626

- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670

- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714

- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758

- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802

- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821

Игорь Федюкин
Прожектеры Политика школьных реформ в России в первой половине XVIII века

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Работа над этой книгой продолжалась долго – слишком долго – и в процессе этой работы я накопил длинный список неоплатных долгов. Мой самый давний долг – А. Б. Каменскому и А. Л. Зорину, которым я обязан моим интересом к изучению России XVIII столетия и которым я глубоко благодарен за научное и житейское руководство на протяжении вот уже четверти века.

В основу этой книги легла диссертация, подготовленная в Университете Северной Каролины, и я признателен моим многочисленным коллегам и друзьям по департаменту истории и аспирантской программе по истории России за поддержку с их стороны. Среди замечательных профессоров, с которыми мне довелось встретиться в Чапел Хилле, я хотел бы отдельно упомянуть Дж. Смита. Его работа, посвященная зарождению меритократических идей во Франции в начале XVIII века, повлияла на меня сильнее, пожалуй, любой другой книги, прочитанной мною за время обучения в аспирантуре, а принципиальная позиция, которую он занял по вопросу об академической коррупции в Университете Северной Каролины, остается образцом для подражания. Завершение работы над диссертацией стало возможно благодаря поддержке С. М. Гуриева, который пригласил меня работать в РЭШ, а позднее предоставил мне творческий отпуск, позволивший дописать диссертацию и защитить ее.

За возможность переработать диссертацию в книгу я глубоко признателен Я. И. Кузьминову, пригласившему меня в 2013 году присоединиться к коллективу Высшей школы экономики. М. М. Юдкевич на протяжении всех этих лет относилась к моим разнообразным прожектам с неизменной благожелательностью. Я благодарен мои коллегам по Школе исторических наук НИУ ВШЭ и моим товарищам по Центру истории России Нового времени, в особенности И. А. Христофорову, М. Б. Лавринович и Е. С. Корчминой, которые на протяжении всех этих лет были всегда готовы поддержать, помочь, покритиковать и поделиться идеями. Отдельно хотелось бы высказать признательность за всегдашнюю поддержку научному руководителю Центра А. О. Чубарьяну. Н. Ф. Немцева оказала неоценимую помощь в подготовке рукописи к печати.

Разумеется, книга не могла бы состояться, если бы не неизменно профессиональная и доброжелательная поддержка со

стороны уважаемых коллег – сотрудников Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота, других архивов и библиотек, в которых мне довелось работать. Эрнст Петрич и Лена Аннимер крайне любезно предоставили мне копии архивных документов из OeStA/HHStA в Вене и Riksarkivet в Стокгольме, соответственно. Я глубоко признателен О. Г. Промптовой, которая согласилась помочь с получением необходимого мне изобразительного материала из Черногории.

Я глубоко благодарен за поддержку друзьям и коллегам во Франции. Владимир Берелович, Ален Блюм и Франсуаза Досе неоднократно принимали меня в Центре исследований России, Кавказа и Центральной Европы (CERCEC), в том числе как лауреата стипендии Дидро в 2010–2012 годах. Анн Ле Уеру и Марта Кравери на протяжении многих лет оказывали неоценимую поддержку от лица Дома наук о человеке, предоставив возможность провести два месяца в 2015 году в парижских архивах и библиотеках в качестве приглашенного исследователя. Сотрудница секретариата Дома наук о человеке Соня Кольпар до своего выхода на пенсию неизменно была самым настоящим ангелом-хранителем российских гуманитариев, приезжавших с исследовательскими целями в Париж.

На завершающей стадии работы над рукописью мне посчастливилось провести время в качестве приглашенного исследователя в Институте наук о человеке (IWM) в Вене и в Международном центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Я признателен руководству этих организаций, и в особенности Ивану Крастеву в IWM, Мэтью Рожански и Уильяму Померанцу в Центре Вильсона, за возможность отвлечься от текущих дел и сосредоточиться на доработке книги. Среди прочего мое пребывание в Центре Вильсона позволило мне представить отдельные главы этой работы в целом ряде американских университетов. Рад, что выход этой книги на русском языке дает мне возможность еще раз выразить благодарность многочисленным коллегам, принявшим участие в обсуждениях и высказавших ценные замечания, но особенно Майклу Дэвид-Фоксу, Янни Коцонису, Дэвиду Гольдфранку, Екатерине Евтухов, Питеру Холквисту, Ричарду Вортману, Роберту Джераси, Дэвиду Макдоналду, Джону Рэндольфу, Полу Бушковичу, Юрию Слёзкину, Алексею Юрчаку, Скотту Гельбаху и Дейву Дэвидсону, сделавшим эти обсуждения возможными.

Крайне полезной, разумеется, была и возможность представить предварительные результаты моей работы в

Европейском университете в Санкт-Петербурге, в РАНХиГС и в Уральском федеральном университете. Особенно я благодарен за сотрудничество Д. А. Редину, собравшему вокруг себя блестящую команду историков и превратившему Екатеринбург в один из ведущих мировых центров изучения России XVIII века. О. Е. Кошелева, Никос Криссидис, В. С. Ржеуцкий, Т. В. Костина и А. М. Феофанов любезно и очень щедро делились своими идеями, материалами и (тогда еще) неопубликованными работами. На разных стадиях работы над книгой Бен Эклофф, Гари Маркер, Харли Бальцер и Роб Коллис согласились прочитать фрагменты рукописи и высказали ценные замечания.

В Центрально-Европейском университете мне повезло работать с выдающимся историком Российской империи Альфредом Дж. Рибером, знакомство с работами которого подстегнуло мой интерес к бюрократической политике. Ключевую роль в формировании моего подхода к проблеме институциональных новаций в образовании сыграли работы С. Л. Козлова, а беседы с Сэмом Грином и В. Я. Гельманом помогли мне, хотя бы до некоторой степени, взглянуть на проблему административного предпринимательства сквозь политологические очки. Коллеги из Института образования НИУ ВШЭ, и в особенности И. Д. Фрумин, не давали мне забыть, что изучение истории школ может и должно помогать нам лучше понимать наши сегодняшние споры об образовании – и наоборот. Наконец, было бы странно отрицать, что на мои размышления о прожектерах и прожектерстве сильнейшим образом повлияло общение с выдающимися административными предпринимателями в области образования – С. М. Гуриевым, Д. В. Ливановым, Я. И. Кузьминовым, В. А. Мау, С. Э. Зуевым, О. В. Хархординым, С. М. Реморенко, С. М. Кадочниковым, И. Д. Фруминым, С. В. Салиховым, А. А. Климовым, А. Б. Повалко – и я глубоко благодарен коллегам за полученный опыт.

В завершение остается сказать особые слова благодарности нескольким дорогим друзьям и коллегам. Эрик Зитцер всегда был готов поделиться своими обширными знаниями и яркими идеями. Катя Правилова поддерживала и советовала, когда поддержка и совет были особенно нужны. Трейси Деннисон подталкивала, подбадривала и направляла на протяжении вот уже более чем двух десятков лет. И конечно же, эта книга едва ли состоялась бы без помощи, советов и поддержки со стороны Дона Роли. Хотя формально он и не был моим научным руководителем, он принял меня в ряды своих учеников как лидер аспирантской программы в Университете Северной Каролины и оставался ментором на протяжении последующих двух десятилетий.

Никогда не была бы книга завершена, конечно, и без поддержки Кати и Пети, которые не просто терпели мою привычку допоздна засиживаться за письменным столом, возиться с черновиками рукописи во время каникул и убегать в архив в самые неподходящие моменты, но придавали смысл и значение этой работе.

И наконец, мои заключительные слова благодарности обращены к Дэвиду и Карен Грифиттс. Дэвид и Карен приняли меня в Чапел Хилле осенью 1999 года и поддерживали на протяжении всей моей учебы в аспирантуре. Профессор Гриффитс был не только замечательным знатоком истории России и Европы XVIII века, но и одним из самых щедрых и добрых людей, которых мне доводилось встречать. К сожалению, он не дожил до выхода этой книги: надеюсь, она бы ему понравилась. Его памяти она и посвящена.

* * *

Я глубоко признателен И. Д. Прохоровой и издательству «Новое литературное обозрение» за возможность представить эту книгу российской аудитории. Работа над подготовкой русского издания книги позволила обнаружить и исправить целый ряд досадных оплошностей, вкравшихся, к сожалению, в ее английскую версию; учесть некоторые новые работы по теме, вышедшие за последние два года; а в некоторых случаях и включить кое-какие дополнительные материалы.

Монография подготовлена в результате проведения исследования (проект № 15-01-0148) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 годах и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

ВВЕДЕНИЕ

Сильвестра Медведева вывели на эшафот на Красной площади подле Спасских ворот 11 февраля 1691 года. Ученый монах был приговорен к смерти еще за год до того: его обвиняли, ни много ни мало, в намерении извести царя Петра и патриарха Иоакима, посадить на престол царевну Софью, а себе самому присвоить патриаршество. Но казнить Сильвестра правительство Нарышкиных не спешило: от него требовали показаний, которые изобличали бы других предполагаемых сторонников Софьи. Этого, однако, добиться не удалось даже после «истязания его огнем и бичами до пролития крови». Теперь, наконец, мучениям пришел конец: книжнику отрубили голову, а тело похоронили в яме близ Покровского убогого монастыря, вместе с трупами нищих[1].

Среди прочего, Медведев был автором и «Привилегии на Академию», первого в России проекта школьного устава, в самом названии которого заложена отсылка к западноевропейским образовательным моделям[2]. Вероятнее всего, монах подготовил «Привилегию» еще в 1681 году, намереваясь представить ее царю Федору Алексеевичу. После смерти Федора Медведев еще раз попытался добиться ее утверждения, на этот раз царевной Софьей, но снова потерпел неудачу. Правительница какое-то время колебалась, но в итоге поручила создание училища недавно прибывшим из Греции братьям Лихудам: судя по всему, это была уступка патриарху в тщетной надежде заручиться его поддержкой в противостоянии с юным Петром и стоящими за ним Нарышкиными[3]. Такое решение, разумеется, спровоцировало ожесточенную вражду между Медведевым и поддержавшей Лихудов группировкой, вылившуюся в публичный теологический спор с неизбежными в таких случаях взаимными обвинениями в ереси. Пока Софья оставалась у власти, она и ее ближайший приспешник Федор Шакловитый, глава Стрелецкого приказа, защищали Сильвестра от его недругов, в число которых теперь входил и сам патриарх. Но с падением в 1689 году режима Софьи эти связи лишь окончательно обрекли монаха на гибель[4].

История Сильвестра Медведева поучительна в нескольких отношениях. Наиболее очевидным образом она напоминает нам, что политические столкновения той эпохи сложно описывать как борьбу между «модернизаторами» и «консерваторами». Группировка, которая свергла в 1689 году Софью и привела к власти Петра, включала также и целый ряд изоляционистски настроенных представителей элиты, в том числе и самого

патриарха, тогда как на противоположной стороне мы находим таких ведущих «западников», как князь В. В. Голицын и сам Медведев. Скорее, политические альянсы формировались в ту эпоху не на основе идеологий, а по принципу принадлежности к аристократическим кланам и патрон-клиентским сетям. Одновременно этот эпизод показывает, как тесно попытки Медведева основать академию были переплетены с его политическими интригами. Амбиции монаха, его жажда власти и статуса прямо определяли и приемы, с помощью которых он продвигал свой образовательный проект, и облик училища, которое он хотел создать.

И в самом деле, в «Привилегии» удивительно мало говорится о содержании и методах преподавания в будущей академии. Вместо этого в документе заложена попытка установить единоличный контроль ректора за любым вообще преподаванием мало-мальски продвинутых предметов во всем Московском государстве. Среди прочего, «Привилегией» запрещается преподавание греческого, польского, латинского и других иностранных языков где бы то ни было, кроме академии, даже в частных домах, без предварительного одобрения со стороны ректора академии. Академия должна была также играть роль своего рода инквизиции, исследуя религиозные воззрения иноземных учителей, намеревавшихся преподавать в России; содержание подозрительных книг; случаи публичного поругания православной веры и церковных традиций и так далее. Более того, согласно тексту «Привилегии», академия, по сути, выводилась из-под власти патриарха – не потому, конечно, что Медведев был ранним сторонником секуляризации образования, но потому что он состоял в конфликте с тогдашним главой церкви. Поэтому в документе также перечисляются и многочисленные монастыри, которые должны были быть переданы, вместе с принадлежащими им вотчинами, на содержание академии. Наконец, в тексте делается и попытка заручиться твердыми гарантиями со стороны монарха, который, утверждая «Привилегию», обязался бы также от своего имени и имени своих наследников академию «содержати во всякой целости без всякого изменения».

Итак, составленный монахом проект «Привилегии» был направлен, называя вещи своими именами, на монополизацию образовательного поля, устранение конкурентов и присвоение его автором некоторых ресурсов и полномочий. Медведев основывался на более ранних наработках своего бывшего учителя, поэта и придворного проповедника Симеона Полоцкого (1629–1680)[5], но непосредственно к составлению документа и к

попыткам добиться его утверждения монаха подтолкнуло, похоже, прибытие в Москву некоего Яна Белобоцкого, который предлагал здесь свои услуги в качестве преподавателя и потому был воспринят Медведевым как опасный соперник, – а также успех другого конкурента, монаха Тимофея и его Типографской школы. Как замечает по этому поводу Б. Л. Фонкич, «честолюбивые замыслы, ревность и ненависть к возможным противникам своих планов – вот что водило пером Медведева в те месяцы, когда он сочинял „Привилегию на Академию“»[6].

ШКОЛЫ, КОТОРЫЕ ПОСТРОИЛ ПЕТР?

Судьба Медведева и его попыток добиться утверждения своей «Привилегии» интересна не просто как исторический анекдот: на примере этого эпизода наглядно видно, как вообще происходили институциональные изменения на заре Нового времени. Как показывают многочисленные примеры, разбираемые в этой книге, новые институты не возникали «сами по себе» и не вызывались к жизни ни некоей безличной волной «европеизации», ни потребностями войны и технологического прогресса. Наоборот, возникновение новых институтов и укоренение новых организационных форм следует рассматривать в первую очередь как результат усилий, предпринимавшихся вполне конкретными индивидами и группами для реализации их личных проектов и достижения их собственных целей – карьерных, материальных, идейных, а чаще всего их сочетания. Проекты эти могли быть самого разного характера и масштаба. В некоторых случаях речь шла о создании новых организаций, например, об основании Московского университета (1755) или Горного училища (1773), в других – об изобретении новой правительственной должности; описании новой административной функции; введении нового регламента. В значительной мере рост государства и в России, и в других странах происходил постольку, поскольку он создавал предприимчивым деятелям благоприятные условия для реализации их инициатив. Проекты, которые они придумывали и воплощали в жизнь, служили теми кирпичами, из которых на пороге Нового времени складывалось здание «рационального» и «бюрократического» государства.

Данная книга представляет собой попытку изучения этого процесса на примере развития школ в России на ключевом этапе строительства модерного государства, при Петре I и его ближайших преемниках. Вообще, основание новых школ, «просвещение» России является и в историографии, и в

общественном восприятии важнейшим, знаковым элементом петровского царствования и петровских реформ. Обычно предполагается, что образовательные новации эти были обусловлены практическими, а вернее военными нуждами, поскольку создание новой регулярной армии требовало квалифицированного технического персонала. В более широком смысле новые школы и новые методы обучения рассматриваются как ключевой элемент развернувшегося в России в XVIII веке эксперимента по социальному инжинирингу, попыток создать «нового человека» и новую, «европеизированную» элиту[7]. Наконец, петровская школа воспринимается как предвестник модерных училищ следующего столетия, воплощающих в себе рациональность, маскулинность, дисциплину, имперскость. Подобно военному кораблю или шеренге вымуштрованной пехоты, школа вполне может служить символом петровского режима и его институтов.

И за рассматриваемый период школа в России действительно изменилась до неузнаваемости. В XVII столетии обучение в Московском государстве было основано на неформальных практиках передачи знаний от наставника к ученику[8]. Когда в самом конце века стали появляться первые школы, они описывались, по сути, в ремесленных терминах: «школа» была группой учеников, собирающихся вокруг «мастера» и его «подмастерьев». Мы не находим здесь ни фиксированной программы обучения, ни делопроизводства (помимо самого базового учета расходов), ни попыток формализовать алгоритмы взаимодействия между учителем и его учениками. Однако уже ко времени восшествия на престол Екатерины II в 1762 году Россия могла похвастаться целым набором учебных заведений, которые в организационном отношении не так уж сильно отличались от классических школ XIX века. В этих училищах имелись регламенты и инструкции, где устанавливались, среди прочего, иерархия должностей, функциональное разделение обязанностей; регулировался учебный процесс и повседневное поведение учеников и учителей; вводились формализованные процедуры оценки знаний и поведения. Иначе говоря, мы уже имеем дело с полностью институциализированной школой. Школа эта должна была не только давать знания, но и подталкивать учеников к усвоению предписываемых моделей поведения и мышления, то есть, «воспитывать». Вопрос, на который призвана ответить данная книга, состоит в том, как именно возникали такие школы – и, более широко, новые институты и практики, из которых складывалась инфраструктура раннемодерного государства вообще.

Сама необходимость задаваться подобным вопросом может показаться неочевидной, поскольку ответ на него вроде бы понятен заранее. Подобно любым другим нововведениям в России в первой половине XVIII столетия, новые школы обычно описываются как результат титанических усилий самого вездесущего царя-реформатора. Классические тексты и отечественных историков, и зарубежных почитателей часто представляли Петра I как настоящего Прометея, для которого прогресс и «европеизация» оказываются непреодолимой внутренней потребностью. В работах последнего времени подход царя к нововведениям, в том числе и в образовании, описывается более осторожно, подчеркиваются его прагматизм, непоследовательность, даже оппортунизм; он может представать как реформатор без стратегии, реформатор, которым движут весьма приземленные, практические соображения – но все равно ключевым двигателем реформ является именно он. В частности, говоря о школах, мы по-прежнему считаем, что, в отличие от Западной Европы, где «образовательные теории и школы разного рода появлялись обычно как результат индивидуального экспериментирования», в России «серьезные инициативы в образовании были делом рук императора, и только императора»[9]. Разумеется, не приходится отрицать, что Петр I и в самом деле лично инициировал множество изменений и играл определяющую роль в создании целого ряда новых институций. Царь мог не покладая рук работать над важными для него проектами, часами и сутками напролет редактируя черновики Устава морского или коллежских регламентов[10]. Однако Пол Бушкович совершенно справедливо предостерегает нас от восприятия Петра как «некоего Deus ex machina, словно по мановению волшебной палочки творящего изменения в обществе как в безвоздушном пространстве»[11].

По крайней мере применительно к школам миф о Петре-демиурге, как я надеюсь показать ниже, плохо согласуется с источниками. При ближайшем рассмотрении оказывается, что сам Петр I не написал ни одного мало-мальски развернутого текста об образовании; те тексты, которые мы имеем в нашем распоряжении, представляют собой записки в несколько строчек, написанных петровским фирменным трудночитаемым почерком. Взгляды и представления царя по данному вопросу мы вынуждены реконструировать на основании именно таких записочек – или на основании официальных указов, которые могли быть основаны на данных им устных распоряжениях. При этом сам факт таких разговоров зачастую постулируется без всякого подтверждения источниками: исследователи полагают

априори, что государь не мог не иметь со своими соратниками бесед, в ходе которых якобы и были сформулированы соответствующие идеи. Если же строго придерживаться источников, то окажется, что хотя Петр всячески настаивал на необходимости «учить» подданных, он практически никогда не объяснял, что же конкретно это может означать. Приходится признать, что между его короткими, крайне расплывчатыми призывами к учению и конкретными организационными действиями в области образования лежала дистанция огромного размера. Его сотрудники должны были заполнять эту дистанцию в меру собственного разумения, тем способом, который был наиболее удобным и выигрышным для них самих.

Далее, говоря о петровских образовательных нововведениях, недостаточно, конечно, просто указывать на заимствования из западноевропейского опыта, поскольку на начало XVIII века и в самой Западной Европе не сложилось еще устоявшихся, привычных нам сегодня форм школьной подготовки чиновников и офицеров для зарождающегося «регулярного» государства. Да и в практическом смысле институциализированные школы не были, строго говоря, необходимы для подготовки профессиональных моряков или военных: не случайно опытные специалисты, бывалые генералы и адмиралы, никогда и не были активными сторонниками создания школ. Обычно они, наоборот, считали гораздо более важной и полезной подготовку кадров через практику. Вобан, величайший военный инженер той эпохи, так высказывался о выпускниках кадетских рот, основанных во Франции Кольбером: «Они не приносят службе никакой пользы, они ничего не видели, ни в чем не разбираются, и не думают ни о чем кроме фехтования, танцев и драк». В созданной самим Вобаном инженерной службе французской армии, *corps du génie*, молодые люди обучались не в школе, а на практике, чертя планы крепостей и укреплений[12]. Характерно, что фельдмаршал фон Миних, основатель Сухопутного шляхетного кадетского корпуса в России, сам в школе никогда не учился. Однако познаний, которые он приобрел, читая книги и наблюдая за инженерными работами в своем родном Ольденбурге и в Дании, где служил его отец, Миниху хватило, чтобы произвести благоприятное впечатление на Петра и успешно довести до конца строительство Ладожского канала[13].

Представлять возникновение школ в России в начале XVIII века просто как импорт организационных форм было бы поэтому неверно: в действительности школы эти изобретались вполне конкретными акторами, действующими в собственных интересах и конкурирующими между собой в конкретных условиях

петровской и послепетровской монархии. Отталкиваясь от различных западноевропейских образцов, они создавали новые образовательные модели, отражавшие их собственные политические цели, включая и стремление позиционировать себя тем или иным образом или присвоить тех или иные ресурсы. В этой книге делается попытка выявить и изучить таких игроков, понять методы, которыми они действовали, а значит, и логику, которая определяла изобретение раннемодерной школы в России в период с конца XVII века и до восшествия Екатерины II.

ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

На кону, таким образом, стоит не только возникновение новой школы, но также рост и развитие институтов раннемодерного государства, его «рационализация» и «бюрократизация» в целом. На протяжении нескольких последних десятилетий историки Европы раннего Нового времени постепенно, но последовательно деконструировали историографическую абстракцию гиперактивной абсолютной монархии, которая якобы целенаправленно занималась построением благоустроенного «регулярного полицейского государства». На смену этой абстракции приходит представление о раннемодерных политических режимах как о продукте «сотрудничества» между монархами и элитами[14]. Если раньше предполагалось, что правители той эпохи – в том числе и сам Людовик XIV, на которого все они так или иначе равнялись, – с помощью эффективной, централизованной бюрократии безжалостно подавляли всякое сопротивление со стороны элит, то сегодня историки гораздо больше внимания уделяют политическим компромиссам и согласованию интересов. В частности, в работах по истории Франции подчеркивается ключевая роль аристократических сетей и кланов, которые одновременно и ограничивали произвол монархов, и становились ключевым инструментом, позволявшим им осуществлять управление. Все менее очевидно, существовало ли вообще в этот период что-то, хоть отдаленно напоминающее современный бюрократический аппарат: править и мобилизовывать ресурсы монархи могли прежде всего через придворные группировки и патрон-клиентские сети. Соответственно, политическая динамика в Европе раннего Нового времени определялась не противостоянием правителей-модернизаторов и реакционных элит, а переплетениями частных интересов отдельных семейств и

аристократических кланов – и конкуренцией между ними[15]. Историки поэтому не только отказываются от представления о тогдашних режимах как об «абсолютных», но и все чаще описывают самих правителей-реформаторов как не слишком «модерных» в смысле их политических представлений, целей и методов действия.

Фокус на домодерных аспектах политических режимов характерен и для новейших работ по истории петровской и послепетровской России. Исследователи подчеркивают важность неформальных связей, личностных механизмов и родственных сетей для политического процесса этой эры в противовес формальным, обезличенным и рационально организованным структурам. В результате выдающиеся правители эпохи выглядят гораздо более ограниченными в своей способности реформировать и «модернизировать», чем мы привыкли о них думать; зачастую кажется, что они с трудом балансировали поверх враждующих аристократических кланов, а то и вовсе становились игрушкой в их руках. С учетом этого великий «петровский водораздел» кажется некоторым историкам не таким уж и непреодолимым, а пресловутое «регулярное» государство, построенное первым императором, – не более чем фасадом, за которым сохранялись традиционные управленческие практики, социальные отношения и культурные модели[16]. Даже сам Петр в смысле своих ментальных привычек и интеллектуального горизонта воспринимается скорее как человек московского барокко конца XVII века, чем как рациональный предтеча «просвещенного абсолютизма»[17].

В самом деле, уже несколько десятилетий назад профессор Дэвид Л. Рансел обратил внимание историков на важность аристократических группировок и патрон-клиентских связей в придворной политике и в правительственных конъюнктурах екатерининской эпохи, в формулировании и воплощении в жизнь монаршей воли[18]. Изучая роль боярских кланов и дворянских родственных сетей в Московском государстве, историки также подчеркивают преемственность в этом отношении между допетровской и послепетровской политическими системами[19]. Относительно недавно в работе П. В. Седова была предложена детальная хроника борьбы придворных фракций последних десятилетий XVII века, а Пол Бушкович в своем новаторском исследовании предположил, что и сам Петр управлял страной, балансируя поверх соперничающих группировок элиты, среди которых преобладали все те же самые боярские кланы, что правили страной и в предшествующем столетии[20]. Эти исследования «традиционных» аспектов политической истории

хорошо сочетаются с работами, подчеркивающими влияние культурных практик XVII столетия на саморепрезентацию Петра как монарха. Даже заявляя о своем радикальном разрыве с прошлым, царь делал это во многом в рамках позднемосковской семиотики[21]. Недавние работы, посвященные государственному управлению в начале XVIII века, также показывают, как далеко оно отстояло от идеала рациональной, централизованной и эффективной бюрократии[22].

Вопрос, таким образом, состоит в том, как нам объяснить несомненно наблюдаемое в XVIII веке расширение и рационализацию государства, усложнение и повышение эффективности все более инвазивных инструментов сбора информации и регулирования – не теряя при этом из виду и столь же несомненное преобладание «традиционных, персоналистских моделей» в этот период[23]. Ответ на этот вопрос, как кажется, предполагает описание самого зарождения институтов раннемодерного государства как раз из того непрестанного соперничества различных неформальных иерархий и сетей, которому справедливо уделяется столь существенное внимание в современной историографии. Характерные для раннемодерного политического процесса неформальность и персонализм должны быть прямо интегрированы в наш нарратив не только как напоминание о господстве «традиционного» на данном этапе, но и как ключевой механизм, способствовавший выработке более современных, «рациональных» и «регулярных» институтов. Это, в свою очередь, предполагает признание субъектности, «агентности» (*agency*) за многочисленными индивидами, действующими на самых разных социальных уровнях – субъектности не только в смысле способности избегать, саботировать или оппортунистически использовать исходящее из центра движение к «модерности», но и в смысле способности самим активно порождать такие изменения посредством целенаправленных, сознательных и стратегических действий[24]. Наконец, мы должны объяснить, почему институты, которые мы – в ретроспективе – воспринимаем как модерные, «рациональные» и «регулярные», были выгодны этим игрокам настолько, что они готовы были прилагать значительные усилия для их создания. Говоря иначе, наше объяснение должно демонстрировать, как именно эти институты возникали в итоге многоуровневой и многовекторной конкуренции между различными игроками, действовавшими каждый в своих собственных интересах.

Именно такой нарратив предлагается в последнее время в целом ряде исследований: Гая Роулендса об армии Людовика XIV; Джейкоба Скролла о механизмах сбора информации в эпоху

Кольбера; Аарона Грэма о роли партийной борьбы и неформальных социальных сетей в институционализации современных бюджетных процедур в Англии начала 1700-х годов; или Андре Уэйкфилда о том, как «изобретатели-предприниматели в сфере государственных финансов», как он их называет, создавали практики «регулярного полицейского государства» в немецких княжествах[25]. Ярче всего эту парадигму возникновения раннемодерного государства формулирует Гай Роулендс: в его описании даже траектория колоссального роста французской регулярной армии в эпоху Людовика XIV «определялась не задачами „модернизации“ и „рационализации“, а частными интересами тысяч представителей элит, начиная с самого монарха и заканчивая мелкими провинциальным дворянством и городской буржуазией»[26]. Возможно, «регулярное полицейское государство», как пишет Уэйкфилд в своем ревизионистском исследовании камерализма, в этом смысле вообще было «всего лишь бумажным тигром», «пустой фантазией»[27]?

Обращаясь к России XVIII века, уместно вспомнить, что еще Дэвид Л. Рансел предположил, что соперничество между придворными кликами в екатерининской России не только определяло ход политического процесса, но и прямо способствовало становлению «систематического государственного управления». Хотя «способность государственных деятелей управлять, даже способность реформаторов реформировать зависела от поддержания традиционных иерархий патронажа, через которые и можно было добиваться желаемых результатов», разворачивавшееся за бюрократическим фасадом соперничество между такими патрон-клиентскими сетями «в долгосрочной перспективе играло важную роль в закреплении представлений об эффективности юридических норм». И наоборот, хотя предложения реформаторов могли «утверждать главенство объективных, юридических стандартов по сравнению с личностными соображениями», эти рационально-правовые нормы должны были «служить инструментами в столкновениях между борющимися за власть патрон-клиентскими и клановыми группировками». Например, предложения о создании некоего высшего совета, который бы поставил исполнение монархом своих правительственных функций на регулярную основу, неизбежно исходили от представителей тех придворных клик, которые в данный момент теряли позиции и стремились таким образом избежать маргинализации. И наоборот, вельможи, пользующиеся полным доверием монарха, никогда не предлагали подобных реформ, поскольку создание такого совета неизбежно

ограничило бы их возможность действовать по своему усмотрению[28].

Целый ряд работ последних лет, так или иначе, рассматривает эволюцию институтов раннемодерного государства под сходным углом зрения. Е. В. Анисимов напоминает нам, что возникновение допетровских приказов, а затем и ранних петровских правительственных органов на практике принимало форму постепенной институционализации конкретного, частного поручения, данного государем тому или иному сановнику[29]. Анна Жуковская блестяще реконструировала один эпизод такой трансформации «поручения» в «учреждение» в результате усилий одного из приказных, знаменитого своей предприимчивостью А. А. Курбатова (1663–1721), стремившегося таким образом укрепить свой административный статус и поддержать своих клиентов[30]. Д. О. Серов в своих ярких очерках «государственной и криминальной деятельности» петровских сподвижников продемонстрировал неразрывную связь их частных интересов и откровенно коррупционных махинаций с процессом строительства империи[31]. Обращаясь к еще более раннему периоду, М. М. Кром подчеркивает, что «перестановки в приказах были продиктованы не стремлением более четко разграничить их функции, а являлись следствием борьбы придворных группировок, отражением возвышения или падения влиятельных бояр»[32].

Опираясь на эти идеи, данная монография представляет возникновение институтов раннемодерного государства – в данном случае, школ – в России XVIII века как кумулятивный итог множества нескоординированных между собой отдельных, частных организационных изменений. Изменения эти могли затрагивать самые разные сферы: правила извлечения и распределения ресурсов, доступа в те или иные корпорации, к той или иной информации или центрам принятия решений, способы кодификации отношений между индивидами и организациями. Каждое из этих изменений придумывали и осуществляли конкретные акторы или группы акторов, преследующие собственные интересы; говоря словами Дугласа Норта, «институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»[33]. В самом деле, трудно представить, что соратники Петра не задумывались о том, как то или иное изменение или новшество скажется на их личных полномочиях, финансовых интересах, возможности

доступа к государю. Каждое такое изменение сулило преимущества одним и потери другим; разработка и реализация этих изменений требовали приложения усилий со стороны конкретных лиц, которые должны были мобилизовать необходимые для этого административные, символические, людские, финансовые и иные ресурсы, а также формировать альянсы. Чтобы любое из этих изменений произошло, его сторонники и потенциальные бенефициары должны были инвестировать достаточно ресурсов, чтобы преодолеть сопротивление тех, кто что-то терял от этого новшества. Именно подобные строители институтов и методы, которыми они действовали, и являются предметом рассмотрения этой книги.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Историческая наука XX века скептически относилась к самой возможности рассмотрения сознательных действий индивидов как движущей силы исторического процесса. Скорее наоборот: вполне понятное неприятие примитивных нарративов, объяснявших ход истории действиями «выдающихся личностей», подталкивало к изучению социальной и культурной запрограммированности индивидуального поведения. Ближе к концу столетия сама возможность сознательного автономного действия, индивидуальной субъектности оказалась под вопросом: размышления о роли акторов в историческом процессе стали уделом почти исключительно социологии и политологии. Разумеется, выходило множество эмпирических работ и биографических исследований, авторы которых так или иначе признавали важность индивидуальных судеб и изучали жизненные траектории тех, кто осмысленно совершал значимый стратегический выбор. Не будет, однако, слишком большим преувеличением сказать, что для более теоретически настроенных историков изучение субъектности, «агентности» в истории означало в основном изучение субалтернов[34]. Применительно к русской истории такой подход предполагал фокус на том, как простые люди (включая и «рядовых представителей элиты»), маргинальные группы, молчаливое большинство пытались избежать «объятий» господствующих структур, будь то государство, церковь или крепостничество, саботировать требования этих структур или вступать с ними в неравные переговоры, выкраивая себе небольшие островки автономии, сколь бы относительной эта автономия ни была[35].

Однако, как указывал историк раннемодерной государственности Ян Глете, «сложные организации не возникают спонтанно». Скорее они обязаны своим появлением «способности человека координировать свои действия с другими и добиваться изменений, то есть сознательно реализовывать определенную стратегию». Для осмысления этого процесса Глете предлагал нам опираться, в том числе, и на теории инноваций и предпринимательства: в конце концов, правители, министры и полководцы той эпохи и в самом деле были зачастую инноваторами – «коронованными прожектерами», как их называет Сэмюэль Джонсон – которым, чтобы выжить в конкурентной среде, приходилось изобретать новые технологии властвования, новые административные процедуры, выстраивать политические альянсы[36]. Глете выделял организационные, технологические и политические аспекты подобного предпринимательства. По его словам, успешный предприниматель такого рода должен был уметь найти и мотивировать необходимые квалифицированные кадры; мобилизовать ресурсы, достигая для этого соглашения с существующими элитами; вступать в долгосрочные альянсы с индивидами и группами, которые потенциально могли получить социальные и экономические преимущества благодаря новым институтам. Такое предпринимательство предполагало сознательное изменение тех или иных социальных отношений, манипулирование информационными потоками и попытки придать легитимность своим действиями, убеждая окружающих в необходимости централизованного государства для достижения общественного блага[37].

В своих размышлениях о построении раннемодерного государства как предпринимательском проекте Глете прямо ссылается на идеи Йозефа Шумпетера, сделавшего, как хорошо известно, фигуру предпринимателя ключевым элементом своего экономического анализа. Согласно Шумпетеру, предприниматели выполняют важную экономическую функцию, а именно, реформируют или революционизируют производственный процесс, опираясь на новые технологии, новые источники сырья, новые продукты, новые рыночные ниши, модели организации отрасли и так далее. Для наших целей существенно, что предприниматели – это не просто изобретатели, это люди, которые реализуют изобретения. При этом наиболее ценная, пожалуй, мысль в шумпетеровской теории предпринимательства – это отказ рассматривать появление нового как обусловленное исключительно сдвигами во внешней среде. В его картине мира предприниматели порождают изменения изнутри системы благодаря своей способности вырваться за пределы сложившихся

шаблонов и действовать по-новому[38].

Надо сказать, что концепция предпринимательства все чаще используется в последнее время для объяснения изменений и в институциональном анализе, и в исследованиях государственной политики (*policy studies*). Исследователи стремятся преодолеть перекос, сложившийся в этих дисциплинах в результате повышенного внимания к устойчивости традиционных форм и к «эффектам колеи», когда изменения понимаются прежде всего как скачки или разрывы, особенно происходящие под влиянием внешних шоков[39]. И если предшествующие поколения исследователей были склонны делать упор на то, как действия индивидов предопределяются их социализацией, то в последнее время работы в области институциональной теории гораздо охотнее допускают возможность «целенаправленных действий индивидов и организаций, ориентированных на создание, поддержание или разрушение институтов»[40]. Корни этого направления в литературе восходят, среди прочего, к работам Пола ДиМадджио, полагавшего, что «новые институты возникают тогда, когда организованные акторы, обладающие достаточными ресурсами (институциональные предприниматели), видят в них возможность для реализации важных для себя целей»[41]. Отталкиваясь от этого тезиса, все больше авторов рассматривают «политическое предпринимательство» (*policy entrepreneurship*) как источник изменений и инноваций в современных бюрократических системах. В этих работах разбираются факторы, объясняющие появление таких предпринимателей, а также их успехи или провалы, включая их карьерные траектории и используемые ими тактические и стратегические приемы[42].

Сходным образом все больше работ в области институциональных исследований посвящено тому, как именно происходят изменения в больших организациях. В центре внимания их авторов находится парадокс «встроенной агентности» (*embedded agency*): вопрос о том, как же именно агенты изменений или институциональные предприниматели – будь то лидеры бизнеса или другие лица, действующие изнутри фирм и организаций, – представления и способы мышления которых должны, казалось бы, быть заданы существующими институтами, могут тем не менее выходить за пределы этих ограничений и строить новое[43]. Исследователи вводят понятие «институциональной работы» (*institutional work*), под которой понимаются не только резкие и заметные, но и, вроде бы, самые что ни на есть рутинные изменения, то есть «повседневная корректировка, адаптация и компромиссы, на которые идут акторы в стремлении поддержать институциональный порядок».

Институты в этом контексте рассматриваются как «продукты человеческих действий и реакций на действия, обусловленных как совершенно случайными личными интересами, так и потребностью в изменении и поддержании институтов»[44]. Исследования институционального предпринимательства часто посвящены поэтому таким темам, как структура соответствующего профессионального поля и положение в ней данного предпринимателя, роль социальных сетей, роль идей в канализировании и легитимации изменений. Сходным образом Джоэль Мокир указывает на роль «культурных предпринимателей», таких как Фрэнсис Бэкон или Исаак Ньютон, в создании новых «эпистемических фокусных точек, на которые люди могут ориентировать свои воззрения». В его описании речь идет об индивидах, которые отказываются принимать существующие эпистемы «как данность и пытаются изменить их – и разумеется, извлекают из этого процесса выгоду для себя. Подобно любым другим предпринимателям, в большинстве случаев они вносят лишь весьма маргинальные изменения в наше культурное меню; однако некоторые выделяются из этого общего ряда и влияют на него существенным и весьма осязаемым образом»[45].

Принимая эти рассуждения за отправную точку, в данной книге предлагается рассматривать новые организационные формы и институты раннемодерной России – в данном случае, школы – как построенные конкретными индивидами и группами, которые видели для себя выгоду в тех или иных институциональных изменениях и потому мобилизовывали ресурсы (административные, политические, финансовые или какие-то еще), чтобы создавать эти самые новые институты и трансформировать существующие. Действительно, при более внимательном взгляде на конкретные эпизоды институциональных изменений в интересующую нас эпоху, как правило, выясняется, что за ними стоит тот или иной сановник, чиновник или, как бы мы сейчас сказали, «эксперт», который надеялся в результате этих изменений получить больше полномочий, ресурсов, доступа к монарху или возможностей заслужить монаршее благоволение. Чтобы достичь своих целей, эти акторы должны были проявлять *предприимчивость*: им необходимо было выйти за пределы существующих институциональных рамок (как формальных, так и неформальных) и своих официальных полномочий и обязанностей, указывая на существование вновь открывшихся проблем, предлагая и реализуя новые решения, привлекая и комбинируя ресурсы новыми способами. Их

предпринимательские усилия разворачивались в *административном* поле – и в том смысле, что ожидаемая ими для себя выгода заключалась в том или ином изменении административных структур, и в том смысле, что они полагались на свое положение внутри административного аппарата для того, чтобы и предлагать изменения, и привлекать ресурсы для их реализации. Стремясь повысить или защитить свой административный статус, предприниматели эти использовали, в том числе, и зарождающиеся теории и методы «рационального» и «бюрократического» управления, развивая или рекомбинируя их по мере необходимости. Таким образом, эти акторы выступали в качестве *административных предпринимателей*, или прожектеров. Именно *административное предпринимательство*, или прожектерство, рассматривается в этой книге как ключевая движущая сила процесса формирования раннемодерных государственных институтов.

Если административное предпринимательство играет важную роль в наше гипербюрократизированное время, то на заре раннего Нового времени эта роль была абсолютно ключевой, причем в России, возможно, даже больше, чем в Западной Европе. Как и другие государства той эпохи, российское государство бурно росло, постоянно расширяя сферу своей деятельности. Если раньше его функции ограничивались в основном ведением войны, сбором налогов и отправлением правосудия, то в XVIII веке оно начинает вмешиваться во все новые и новые области экономики и общественной жизни. Образование и здравоохранение, наука и искусства, сельское хозяйство и религия, поддержание дорог и призрение сирот – все это теперь оказывалось вполне легитимным объектом государственного действия, регулирования, «улучшения». Но при этом еще и в начале 1700-х годов даже самые передовые государства Европы обладали лишь весьма рудиментарными бюрократиями, которые к тому же, пользуясь терминологией Макса Вебера, были «патримониальными» по своему устройству. Как показывает Гай Роулендс на примере администрирования французской армии в эпоху Людовика XIV и Ле Телье, обязанности и сфера компетенции должностных лиц не были четко определены: их полномочия во многом определялись их личными отношениями с вышестоящими лицами и с собственными подчиненными, а управление осуществлялось через сеть их личных клиентов[46]. При этом монарх, поручающий сановнику выполнить ту или иную задачу, редко мог предоставить ему необходимые для этого деньги, кадры и информацию. Это особенно хорошо видно на примере Петра I, который хронически недофинансировал

поддержанные им же самим новые инициативы не только потому, что ему вечно не хватало денег, но и потому, что он, похоже, просто не чувствовал себя обязанным своевременно предоставлять своим соратникам ресурсы.

На этом фоне успешные сановники находили способы – часто не вполне легальные – получать требуемые средства и привлекать необходимых специалистов, опираясь на собственных клиентов и творчески перенаправляя финансирование. Более того, раннемодерное государство зачастую росло путем прямого поглощения не только патримониальных структур, но и коммерческих предприятий, начиная с частных военных формирований и коммерческих каналов их снабжения и заканчивая торговыми компаниями, выполнявшими роль территориальных квази-суверенов и строившими для этого соответствующую административную инфраструктуру[47]. Как напоминает в своей недавней работе Дэвид Паррот, «военное предпринимательство» вовсе не было тупиковой ветвью в развитии современной армии и военной администрации. Наоборот, оно играло в этом процессе ключевую роль, поскольку централизованные государственные вооруженные силы и системы снабжения строились, по сути, путем «национализации» структур, созданных ранее военными предпринимателями[48]. Поэтому многие правительственные органы этой эпохи представляли собой действительно «гибридное пространство», где любые попытки провести четкую границу между «государством» и «обществом» оказываются тщетными. Сюда относятся «частные компании по сбору налогов; частные торговые компании, выполняющие государственные задачи; банки и кредитные рынки, специализирующиеся на государственных ценных бумагах; гильдии, обеспечивающие выполнение установленных государством правил», и так далее[49].

В этих условиях карьеру можно было сделать именно с помощью административного предпринимательства, изобретая себе должности и эксплуатируя их. Как мы увидим далее, тот, кто уже находился внутри административного поля, внутри «патримониальной бюрократии», был постоянно озабочен расширением или защитой своего весьма нечетко сформулированного мандата и ресурсной базы: именно этот процесс и лежал в основе экспансии и «рационализации» административного аппарата. Вебер отмечает, в частности, что конкуренция за распределение источников дохода «давала очень сильный стимул для постепенного разграничения административных юрисдикций»[50]. Для тех же, кто занимал маргинальные позиции в административном поле или вообще

находился вне его, задача состояла в том, чтобы найти для себя нишу и «отрегулировать» ее, то есть описать и кодифицировать; и в этом случае также непрестанное движение к более «регулярным» формам административного взаимодействия было во многом результатом соперничество между такими предпринимателями. Создание новых регулирующих документов становится формой экспертного знания, которым можно было торговать, как это показывает Андре Уэйкфилд на примере камералистов. Еще более существенно, что регламенты и бюрократические процедуры становятся технологией власти, помогающей административным предпринимателям очерчивать свою нишу, присваивать полномочия и ресурсы, структурировать свои взаимоотношения с другими игроками. Это особенно заметно в случае наиболее маргинальных персонажей, которые не могли отстаивать свой статус, опираясь лишь на свои (более слабые) социальные связи и личные отношения с монархом, и потому в качестве компенсации пытались формализовать свои позиции в административном поле. Но, как мы увидим далее, подобные регламенты и бюрократические процедуры имели шанс укорениться лишь в том случае, если достаточное число иных игроков находило их удобными для достижения своих собственных целей.

А что же государь? Речь здесь, конечно, не о том, чтобы отрицать роль Петра, а о том, чтобы рассматривать ее более предметно и на основе источников, выявлять конкретные формы и пределы его влияния в каждом конкретном случае, а также принимать всерьез цели и интересы окружающих его лиц. В этом случае в рамках предлагаемого здесь подхода монарх может выступать в двух ипостасях. Во-первых, государь может действовать в качестве «верховного прожектера», лично мобилизуя время, деньги и людские ресурсы для того или иного проекта. Петр I, конечно, представляет собой особенно яркий пример такого монаршего прожектерства: он собственноручно разрабатывал и реализовывал важные для него проекты – от картографирования Финского залива до строительства конкретных зданий (от собственного дворца до канатных сараев) или ремонта укреплений. В таких случаях он мог производить гипертрофировано детальные инструкции, например, пошагово описывая производство тех или иных инструментов или корабельных снастей. В этом смысле наш фокус на роли административных предпринимателей не означает попытки приуменьшить способность Петра в определенных случаях решительно вмешиваться в происходящее.

Во-вторых, монарх мог задать направление и пределы

прожектирования, выражая свои предпочтения и давая понять, проекты какого типа могут рассчитывать на его поддержку. Он мог также расчищать пространство для предпринимательства, ослабляя существующие институты и социальные структуры в той или иной сфере, что, конечно, было тоже очень характерно для Петра. Но способность монарха задавать общий вектор предпринимательства не означает, что он полностью определял содержание соответствующих проектов. Зачастую именно предприниматель, действуя в условиях жесткой конкуренции, должен был артикулировать невысказанную монаршую волю. Как указывает Михаил Долбилов, «единоличная воля монарха уже на ранней стадии „конфигурировалась“ ожиданиями и запросами узкого, но активного круга элиты», а обсуждение государственной политики выливалось в борьбу в среде высшей бюрократии за возможность истолкования этой самой высочайшей воли[51]. В итоге мы видим, что многие прожектеры выдвигали и пытались реализовывать инициативы, которые лишь весьма косвенным образом отражали образ мыслей самого государя. Конечно, мало кому удавалось успешно воплощать в жизнь проекты, которые противоречили бы прямо заявленным взглядам монарха, особенно когда речь шла о таких монархах, как Петр I или Людовик XIV. Однако на практике всегда существовали обширные серые зоны, где процесс институционального строительства практически не затрагивался какими-то конкретными предпочтениями со стороны правителя. Вообще говоря, большинство ключевых сановников, включая и самого государя, обычно имели лишь предельно общее представление о том, как мог бы или должен был бы выглядеть тот или иной институт и что конкретно подразумевали те или иные институциональные решения. Эта неопределенность и открывала простор для деятельности административных предпринимателей.

Наконец, наш фокус на конкуренции за ресурсы и полномочия как движущей силе институциональных изменений не подразумевает отрицания роли идей в этом процессе. Ничто из сказанного выше не означает, что административные предприниматели были непременно циничными оппортунистами; более того, противопоставлять прожектеров «подлинным», идейным прогрессистам было бы в корне неверно. Реализация даже самой «прогрессивной» и благонамеренной реформы все равно предполагала перераспределение ресурсов и полномочий, формирование коалиций заинтересованных игроков, а идеологические конструкции и концептуальные шаблоны, в свою очередь, структурировали процесс предпринимательства. В данном случае, именно инструментальная роль этих идей и

интересует нас в первую очередь – то, как именно они использовались прожектерами для продвижения собственных интересов, как различные концепции и теоретические конструкции оказывались «сырьем» для выработки новых предложений, а также придавали легитимность проектам и прожектерам. Общность идейных повесток также способствовала формированию горизонтальных и вертикальных солидарностей: идеи зачастую служили тем «клеем», который помогал поддерживать сети сторонников и соратников, охватывающие иногда всю Европу и включающие влиятельных покровителей. Вместе с тем, стремление реализовать ту или иную идейную повестку – включая и прямо миссионерские устремления – и само по себе было важным мотивом для прожектерства; в этом смысле интересы прожектеров не сводимы только к сугубо материальным соображениям. Мы также видим случаи, когда идейная повестка того или иного прожектера прямо противоречила преобладающим политическим тенденциям – но несмотря на это, даже действуя в рамках петровской и послепетровской самодержавной монархии, эти административные предприниматели все равно находили способы мобилизовать ресурсы для реализации проектов, имеющих мало общего с интересами и предпочтениями государя. Крайне важно поэтому признать это многообразие идейных повесток, не пытаясь искусственно привести их к единому знаменателю или возвести все инициативы петровского царствования к самому Петру.

Таким образом, мы не можем изучать возникновение раннемодерного государства, не изучая одновременно и административных предпринимателей и их усилия. С одной стороны, нас интересует, как именно набор ресурсов, доступных тому или иному прожектеру, определял его предпринимательскую стратегию и тактику. Речь может идти о социальных связях; о доступе к правителю или другим ключевым лицам, принимающим решения; о команде сотрудников-клиентов; о репутации эксперта, придающей легитимность новому проекту; о способности мобилизовать финансовые или административные ресурсы. С другой стороны, нас интересует та конкурентная среда, в которой действовал предприниматель, особенно то влияние, которое его проект мог оказать на интересы (ресурсы, полномочия) других игроков – а также доступные им инструменты защиты своих интересов. Не следует забывать и о других предпринимателях, выступавших в том же поле с альтернативными инициативами. Далее, устойчивость тех или иных организационных изменений зависела от умения прожектера собрать коалицию в поддержку этих изменений и от

готовности и желания других игроков использовать новые правила и организационные формы в своих целях. Как мы увидим, в отсутствие «пользователей» – тех, кому новые структуры и регуляторные нормы были бы нужны для защиты и продвижения своих интересов и формализации собственных отношений с другими акторами, – инновации имели мало шансов на успех, даже при условии одобрения их на самом высоком уровне.

«ВЕК ПРОЖЕКТЕРСТВА»

Современники вполне осознавали ключевую роль, которую предприимчивые «прожектеры» играли в изобретении социальных и экономических структур раннего Нового времени: это был «век прожектерства» по всей Европе[52]. Фразу эту, как известно, предложил Даниель Дефо: в своем памфлете 1697 года под названием «Опыт о проектах» он настаивал, что «минувшие столетия никогда не достигали той степени прожектерства и изобретательства касательно дел торговых и способов гражданского благоустроения, какие мы видим в веке нынешнем». Проекты, в описании Дефо, это «схемы», которые «позволяют их автору стремиться преимущественно к своей собственной пользе, но однако же и с добавлением некоторого публичного блага», как то «распространение торговли, доставление заработка беднякам и обращение и увеличение публичного капитала в королевстве»[53]. Именно из такого понимания прожектерства и вытекает заметное уже в XVII столетии глубоко двойственное отношение к прожектерам со стороны их современников, где восхищение и интерес сочетались с опасениями и отторжением[54]. С одной стороны, «прожектерство» и «изобретательство» отражали, казалось бы, дух времени, веру в возможность – в необходимость даже! – целенаправленного, рационального улучшения социума[55]. С другой стороны, откровенно корыстные мотивы многих прожектеров вызывали у современников неприятие. Дефо и сам был серийным прожектером: в его послужном списке значились самые разнообразные схемы, от улучшения дорог и исправления законодательства о банкротстве, создания благотворительных обществ и просвещения женщин и солдат до разведение виверр и подъема затонувших сокровищ с помощью водолазного колокола. Собственное увлечение прожектерством не мешало ему, однако, печатно же обличать прожектеров как «хищников», противопоставляя их добропорядочным предпринимателям.

Обычной реакцией на порождаемые волной прожектерства

страхи и сомнения были попытки разделить прожектеров на две категории. Для Дефо существовали, с одной стороны, гораздо более многочисленные прожектеры, которые «обращают свои замыслы на разные способы обмана и мошенничества, современные способы грабежа», с помощью которых «честных людей лукавством соблазняют расстаться со своими деньгами». Подобный прожектер есть не более чем «существо презренное». С другой стороны, встречаются – хотя и нечасто – прожектеры, которые посвящают себя «честным изобретениям, основанным на фундаменте острого ума и порядочности»: такое прожектерство надо поощрять, поскольку «новые открытия, касающиеся до коммерции, искусства и секретов производства разнообразных вещей, усовершенствования почв, несомненно приносят не меньше пользы, чем любые открытия в познании природы, совершаемые всеми академиями и королевскими обществами в мире». Сэмюэл Джонсон в своем эссе 1753 года пытается заступаться за прожектеров, «быстрота воображения и широта замыслов [которых] пробуждают такую зависть в других смертных, что всякий глаз высматривает признаки их падения, и всякое сердце радуется их затруднениям». Прожектер склонен увлекаться своими схемами и планами, которые в итоге могут оказаться нереализуемыми, но это лишь побочный продукт присущих ему смелости, воображения и находчивости – «кипения вместительного ума, переполненного разнообразными сведениями и разгоряченного напряженным размышлением» – именно тех качества, благодаря которым он и оказывается способен к полезным изобретениям. То обстоятельство, что прожектеры часто терпят неудачу в своих замыслах, является лишь оборотной стороной их готовности пробовать что-то новое[56]. И тем не менее в своем «Словаре» 1755 года Джонсон должен был признать существование двух определений этого понятия: прожектер – это тот, кто «составляет схемы и замыслы», но также и тот, кто «составляет фантастические неосуществимые схемы», сродни «шарлатанам и законникам»[57]. Даже Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов» проводит различие между полезными «предпринимателями» и прожектерами, втягивающими простаков в разные «дорогие и ненадежные проекты, которые приносят банкротство большинству увлекающихся ими людей»[58].

В России восприятие и роль прожектеров определялись их отношениями не с широкой публикой, а в первую очередь с самим правителем. Разумеется, в самом общем виде традиция подачи подданными государю предложений и просьб по вопросам государственного управления имеет давнюю историю[59]. Именно

при Петре I, однако, прожектерство становится заметным и распространенным явлением. Пресловутые «прибыльщики» специализировались на изобретении новых источников доходов для казны, говоря попросту, новых податей; но, кроме этого, они и им подобные деятели разрабатывали множество самых разнообразных реформ, так или иначе копирующих западноевропейские практики. Подобно их коллегам в Западной Европе, «прибыльщики» обычно изображаются в литературе в лучшем случае как наивные и недалекие энтузиасты, увлекающиеся своими грандиозными схемами, но чаще – как сознательные авантюристы, жулики и самозванцы, паразитирующие на искреннем восхищении царя и его приближенных заграничными порядками[60]. И подобно тому, как в Европе Дефо и Смит пытались проводить различие между зловредными махинаторами и общественно-полезными «предпринимателями», так и применительно к России возникает соблазн противопоставить эгоистичных прожектеров, «жужжащих» где-то на периферии политического процесса со своими явно нереалистичными и, возможно, даже вредными затеями, «настоящим» государственным мужам, действующим изнутри правительственного аппарата и выдвигающим не «прожекты», но полезные и обоснованные «реформаторские предложения».

При более внимательном рассмотрении, впрочем, граница между «прожектерством» и легитимной «государственной деятельностью» оказывается крайне условной. Для Н. Н. Павлова-Сильванского, опубликовавшего целый ряд важнейших проектов той эпохи и давшего очерк деятельности некоторых наиболее заметных прожектеров, появление прожектов-«доношений» важно постольку, поскольку оно указывает, что Петр «не был так одинок» в своем реформаторстве, что он «опирался на сочувствие общества, на готовность большинства к сближению с западом». Сами прожектеры в его описании – это носители «прогрессивных стремлений», движимые «крайним увлечением западной культурой». Однако проекты представляют для Павлова-Сильванского интерес лишь потому, что они предвосхищают или повторяют реализованные Петром реформы; расхождения же между предложениями прожектеров и последующими действиями царя зачастую трактуются как проявления наивности, непрактичности со стороны излишне увлекающихся авторов[61]. Но одновременно из работы Павлова-Сильванского видна и невозможность провести четкую грань между «прожектерством» и серьезной государственной деятельностью. Для самого Петра не существовало принципиальной разницы между меморандумами того же Федора Салтыкова (более всего среди рассматриваемых

Павловым-Сильванским персонажей приближавшегося к чистому типу прожектера), написанными с очевидной целью привлечь внимание государя и вернуть себе его расположение, и документами, которые готовились ключевыми сотрудниками царя, в том числе по его прямому указанию: и те, и другие подлежали анализу и рассмотрению, прорабатывались профильными учреждениями, сопоставлялись с альтернативными проектами. Говоря иначе, не видно, чтобы сам царь рассматривал «прожектерство» как нечто отличное от «государственной деятельности», а самих прожектеров – как особую, низшую разновидность политических игроков.

П. Н. Милюков в своей классической работе пошел гораздо дальше, не только соглашаясь принимать «прожекты» и предложения всерьез, но и рассматривая их как ключевые элементы политического процесса петровской эпохи и петровской реформаторской повестки. Историк говорит даже о «стихийно-подготовленной, коллективно-обсужденной реформе», «реформе без реформатора»[62]. Авторы работ последнего времени не готовы следовать за Милюковым в его радикальном отказе признавать за Петром авторство «петровских» реформ, но одновременно не готовы и рассматривать прожектерство как нечто отдельное и внешнее по отношению к «государственной деятельности»[63]. Роджер Бартлетт в особенности предлагает нам взглянуть на это явление в более широком контексте, отталкиваясь от фразы Сэмюэля Джонсона, описавшего Петра I, Карла XII и других подобных им монархов как «коронованных прожектеров». Петровские преобразования Бартлетт характеризует как один колоссальный «прожект», поскольку они отражали «рационалистическое стремление кодифицировать и переучредить материальный мир», «дух рационального предпринимательства той эпохи» и ее готовность к «неопробованным и визионерским начинаниям». Это же относится и к Екатерине II, и к ключевым министрам середины – второй половины столетия, начиная с Шуваловых и Бецкого и закачивая Потемкиным. При этом, полагает Бартлетт, хотя августейшее прожектерство было элементом общеевропейской философской и политической культуры того времени с ее «оптимистической верой в механическое планирование и социальное конструирование», в России оно приобретало особые черты: традиции самодержавного правления делали возможным гораздо более прямое вмешательство монарха и ключевых вельмож в самые разные аспекты социальной и экономической жизни – вмешательство, которое в Западной Европе чаще всего было бы невозможным или затруднительным[64].

Само по себе слово «проект», или «прожект», появляется в русском языке не позднее 1705 года для обозначения предварительной версии или черновика официального документа[65]. В нашем сегодняшнем словоупотреблении «проект» может обозначать как документ (включая и план действий), так и усилия по реализации такого плана, обычно коллективные, предпринимаемые некоей временной командой. Чтобы избежать путаницы, в тех случаях, когда нам необходимо провести такое различие, мы далее будем стараться использовать термин «проект» именно в этом последнем значении, а для обозначения документа, где излагается план действий или желаемая регуляторная норма, использовать термин «предложения».

Подобные предложения могли принимать в России XVIII века разные формы. Наиболее узнаваемые и характерные для петровского времени предложения, подаваемые пресловутыми «прибыльщиками», были направлены в первую очередь на изобретение новых источников казенных доходов. Самонадеянность этих авторов – зачастую относительно маргинальных фигур, выходцев из социальных низов или иностранцев, – осмеливавшихся лезть со свиным рылом своих идей в калашный ряд государственных дел и высказываться по смехотворно широкому набору вопросов, ожидая к тому же материального вознаграждения за свои непрошенные советы, могла, разумеется, видеться некоторым современникам совершенно неуместной, а сами советы – абсурдными и непрактичными. После смерти Петра эпоха «дворских бурь» 1720-х и политический кризис 1730 года породили целую волну уже прямо политических предложений, затрагивавших такие вопросы, как прерогативы и полномочия самодержавного монарха и служебный статус дворянства; если не авторами, то подписантами этих документов были уже сотни представителей элиты[66].

Во второй половине XVIII столетия появляются все более институционализированные формы консультаций с подданными, запрашивания и подачи мнений. Сюда можно отнести и знаменитую екатерининскую уложенную комиссию 1767–1768 годов, и различные конкурсы, организуемые вновь возникающими добровольными ассоциациями, например, Вольным экономическим обществом. Уже к середине столетия предложения оформились во вполне узнаваемый жанр политических текстов со своей конвенциональной структурой, манерой подачи материала и риторикой. Обращаясь к монарху

напрямую или через императорского фаворита, авторы предложений стремились привлечь внимание читателя полными драматизма указаниями на опасности, якобы грозящие государственному интересу и общему благу. За этим следовало более или менее структурированное изложение способов отвращения подобных напастей, которое могло быть даже подкреплено ссылками на теоретические работы и анализом предшествующей практики в данной сфере в России и за рубежом, и выливалось в призыв к государю принять некоторые конкретные меры[67]. Важным инструментом обоснования предложений могли быть ссылки на Петра, к которому якобы и восходили формулируемые автором идеи; это, конечно, дополнительно способствовало укоренению мифа о первом императоре как первоисточнике любых реформ. Иногда предложения могли содержать текст регламента, который следовало принять, или штат организации, которую следовало учредить. При обсуждении прожектеров и их предложений в историографии основное внимание обычно уделяется именно таким текстам.

Однако ограничиваться рассмотрением лишь таких, формальных и четко артикулированных предложений означало бы искусственно вырывать их из того более широкого контекста политических дискуссий и инициатив, в котором они существовали. Многие из наиболее заметных предложений заведомо создавались как квазилитературные произведения и обладали весьма своеобычной структурой и содержанием. Но, если взглянуть на них в более широком контексте повседневных правительственных практик, то грань между этими очевидно прожектерскими текстами, с одной стороны, и многочисленными рутинными документами – формальными и неформальными письмами, «мемориями», «вопросными пунктами» и так далее – с другой, окажется гораздо менее очевидной. Даже известные своим прожектерством сановники не всегда придерживались жанровых конвенций «прожекта» в каждом из многочисленных документов, подготовленных ими на протяжении своей карьеры. Некоторые из их предложений действительно представляли собой развернутые политические сочинения, другие могли принимать форму коротких записок, личных писем или даже устных выступлений в Сенате и других коллективных органах, отразившихся в протоколах заседаний[68]. В данной работе предметом рассмотрения являются любые предложения об институционализации распределения или перераспределения ресурсов – будь то ресурсы финансовые, символические, информационные или иные – и об изменении правил

взаимодействия между организациями и индивидами, какую бы конкретную форму эти предложения ни принимали.

Что же касается понятия «проект» или «прожект», то оно обозначает не только сам текст предложения, но и совокупности действий, направленных на его подготовку и реализацию. Фокус на этих практических усилиях (пусть даже неудачных) помогает привлечь внимание к механике изменений и подчеркнуть предпринимательскую природу прожектерства, напомнить, что реализация «прожекта» требовала еще и инвестирования ресурсов и сотрудничества с другими. Даже подготовка текста предложения сама по себе была не таким простым делом, как может показаться: она предполагала умение оценить актуальные интересы и приоритеты лиц, принимающих решения; найти необходимую информацию, в том числе иностранные источники; нанять искусного переводчика и/или писца для изготовления подносной версии. Далее требовалось получить доступ к правителю или сановнику; заявить собственный статус как эксперта в данной области; заручиться поддержкой лиц, способных повлиять на мнение правителя; и заблокировать оппонентов. Если предложение получало высочайшее одобрение, предпринимателю надо было найти необходимые финансовые и людские ресурсы, а позднее – продемонстрировать правителю свои достижения.

Предварительно можно выделить три типа административных предпринимателей – в зависимости от их положения в административном поле, от имевшегося у них доступа к ресурсам и к правителю и от их способа действий: это «эксперты», «министры» и «чиновники». Представители всех трех типов появляются на страницах этой книги. Границы между ними, разумеется, весьма условны, а многие прожектеры занимали промежуточное положение или могут быть отнесены к разным категориям в зависимости от обстоятельств. Не менее часто мы видим и представителей этих разных типов, действующих совместно, как эпизодически, так и в составе стабильных «констелляций», как их называет Джозеф Бен-Дэвид в своем исследовании академической политики во Франции, «вертикальных сочетаний отдельных научных предпринимателей или научных группировок <…> с одной стороны, и отдельных администраторов и политиков, с другой»[69].

Наиболее узнаваемый и очевидный тип прожектера – это «эксперт»[70]. Как правило, речь идет о людях, претендовавших на какие-то особые познания или опыт, благодаря которым они, де, особенно подходили на роль создателей новой организации или авторов нового регламента. Претензии эти могли подкрепляться

ссылками на знакомство с передовыми практиками других стран, так что эксперты часто были иностранцами или имели опыт проживания за рубежом. Для придания дополнительной легитимности этим ссылкам могли использоваться чины, звания или патенты, полученные заграницей, или рекомендации от заграничных авторитетов. Зачастую поступавшие от таких экспертов предложения не отвечали на какие-то конкретные запросы со стороны правителя: наоборот, их авторы претендовали на открытие неких социальных проблем или административных сложностей, которые само правительство еще и не осознало. Подобные предложения часто сопровождались указаниями на готовность автора к решению этой проблемы: например, предприниматели давали понять, что у них уже есть необходимые кадры для будущей организации или же что они легко могут привлечь такие кадры через свои связи. Разумеется, они иногда ссылались на успешную реализацию аналогичных проектов в прошлом. Такие прожектеры обычно занимали маргинальные позиции, и в социальном, и в административном смысле, причем именно эта маргинальность и подталкивала их к роли эксперта. В свою очередь, это часто означало необходимость найти покровителя, который помог бы им с доступом к ресурсам и к лицам, принимающим решения.

Именно предложения, поступившие от таких экспертов, обычно представляли собой «прожект» в его чистом виде, призыв к созданию новой организации и намек (зачастую весьма прозрачный), что именно автор предложения и мог бы ее возглавить. Прожектер в этом случае буквально изобретал новую государственную функцию и брался ее выполнять. Но нередко – особенно если речь шла о масштабных общегосударственных реформах – практической целью прожектера могла быть не полная реализация его плана, а получение разовой денежной награды или оплачиваемой должности на службе у монарха. Было бы неверно, однако, оставлять такие случаи за скобками и рассматривать только те эпизоды, в результате которых действительно появились новая организация или регламент. Неспособность добиться одобрения данного конкретного предложения необязательно означала, с точки зрения прожектера, полный провал, поскольку отдельные предложения могли быть частью более широкой предпринимательской стратегии. Целью прожектера мог быть уже сам факт представления его предложений влиятельному сановнику или монарху. Даже если они не будут реализованы, подобный шаг позволит привлечь внимание к автору, утвердить его репутацию как эксперта и установить канал коммуникации с лицом, принимающим

решение. Все это помогало проложить дорогу для последующих прожектов. В самом деле, для серийных прожектеров подача предложений становится едва ли не частью ритуала: периодически поднося правителю и его министрам такие документы, предприниматель закрепляет свои позиции как эксперта и поддерживает контакт с получателями. В частности, восшествие на престол нового правителя или возвышение нового первого министра дает предпринимателям повод напомнить о себе и своей готовности к разработке предложений. В этом смысле прожектеры похожи на поэтов и художников того времени, для которых представление своих творений в определенные ключевые моменты придворной жизни становится обязательным элементом построения карьеры и репутации[71].

Другой весьма распространенный тип административного предпринимателя – это «министр», выступавший патроном и покровителем целого ряда параллельных прожектов. Для министра прожекты представляли собой ключевой инструмент в его отношениях с монархом и с другими вельможами. Во-первых, представление прожекта позволяло ему вступить в коммуникацию с правителем, отвлечь его внимание от своих соперников, представить себя в качестве активного и способного сановника, компетентного в той или иной сфере государственной деятельности – и повлиять на формирование повестки в данной области. Во-вторых, получение монаршего одобрения проекта подразумевало получение награды и повышение придворного статуса автора. Что еще более существенно, изобретая новые государственные функции, министр расширял и собственный административный домен, «регулируя» ранее неосвоенные государством сферы общественной жизни или вторгаясь на административную территорию своих соперников. Например, прожект, касающийся сферы полномочий другого министра, мог привести к перераспределению полномочий в пользу успешного административного предпринимателя или к получению его клиентами должностей в сфере полномочий конкурента. Разумеется, некоторые прожекты были направлены, наоборот, на защиту собственной территории от таких вторжений со стороны соперников. От вельможи, попавшего в фавор, окружающие могли прямо ожидать целой серии прожектов, которые бы использовали вновь открывшиеся перед ним возможности и продемонстрировали его способность добиваться от монарха одобрения своих идей[72]. Министр мог усилить свои позиции, успешно «угадывая» ожидания государя, то есть предлагая прожекты, соответствующие намерениям монарха, не сформулированным еще даже им самим. Это помогало

административному предпринимателю получать ресурсы для реализации своего проекта и позволяло надеяться, что его последующие прожекты будут также встречены благожелательно. В других случаях прожекты могли быть направлены на то, чтобы вернуть себе инициативу или реабилитироваться в глазах монарха за какой-то промах. Успешная реализация проекта позволяла сановнику публично продемонстрировать свою эффективность, устроив, например, парад, экскурсию на строительный объект, фейерверк или театральное представление: примером такой презентации могут служить легендарные «потемкинские деревни», представленные Екатерине II во время ее путешествия в Крым в 1787 году[73].

В практическом смысле административное предпринимательство в исполнении «министров» могло принимать разные формы. Вельможа вполне мог собственноручно готовить черновики предложений, опираться на профессиональный аппарат помощников или внешних экспертов, или же и вовсе продвигать предложения, разработанные другими. Личный вклад самого министра установить поэтому зачастую непросто: иногда мы находим многочисленные черновые версии предложений, отражающие ход работы сановника с текстом документа, в том числе содержащие его собственноручные правки и дополнения; в других случаях таких правок мы не видим, и документ появляется среди бумаг сановника сразу в окончательной версии. Продвигая тот или иной проект, министр мог представлять его как свой собственный, принимая на себя полную ответственность за его результаты; в других случаях он действовал скорее как посредник или брокер, представляя автора монарху и помогая в получении одобрения и требуемых ресурсов. Разумеется, доступ к правителю являлся ключевым фактором. Не менее важно было иметь в своем непосредственном распоряжении некоторые ресурсы, например, ведомство с собственным штатом и источниками финансирования, которые можно было бы использовать для быстрого запуска проекта. Неизбежно, административное предпринимательство министра было тесно связано и с поддержанием и расширением им сети собственных клиентов; нередко именно желание клиентов получить новые карьерные возможности становилось движущей пружиной такого предпринимательства. И наоборот, министр едва ли мог надеяться на успешную реализацию прожектов, если у него не было надежных и мотивированных клиентов, на которых он мог опереться.

Наконец, третий тип административного предпринимателя можно условно назвать «чиновником» – это клерк или, в нашем

случае, учитель или школьный администратор. Предложения таких прожектеров редко принимали форму развернутых трактатов. Вместо этого речь чаще шла о каких-то очень конкретных идеях, в том числе представленных как бы вскользь, ненароком. Толчком для подобного предпринимательства со стороны чиновников часто становились действия других. Например, получив распоряжение от начальника или новый указ из Сената, угрожавшие сокращением его административного домена или делавшие его ответственным за какие-то процессы, контролировать которые он не мог, такой чиновник предлагал четче разграничить сферы полномочий, перераспределить ресурсы, кодифицировать ранее неурегулированные взаимоотношения путем издания письменной инструкции; чиновник мог запросить от начальства уточнение или сам предложить проект регламента или инструкции. Такой документ помог бы ему в будущем защититься от возможных упреков или расширить свой административный домен – одновременно, разумеется, способствуя процессу дальнейшей «рационализации» и «бюрократизации» данной сферы. Шансы на одобрение таких предложений были гораздо выше, если автор был связан патрон-клиентскими отношениями с вышестоящим сановником; те, у кого таких связей не было, вообще реже выступали в качестве административных предпринимателей. Разумеется, чиновник представлял свои предложения как служащие, прежде всего, интересам патрона, то есть расширяющие сферу его полномочий или защищающие его от политических рисков. В отличие от экспертов, которые всячески подчеркивали свой личный вклад в разработку предложения и, соответственно, свое право на награду в случае его успешной реализации, предприимчивые чиновники могли затушевывать свою роль и свои интересы.

* * *

Эта работа не претендует, конечно, на роль хоть сколько-нибудь полного обзора истории образования в петровской и послепетровской России. Вместо этого здесь разбираются лишь некоторые наиболее заметные эпизоды образовательного прожектерства первой половины XVIII века, прослеживается организационная эволюция школы в эти десятилетия и иллюстрируются различные типы и стратегии административного предпринимательства. Основное внимание уделяется «микрополитике» прожектерства – возможно более детальной реконструкции обстоятельств борьбы вокруг конкретных

институциональных изменений, помогающей взглянуть изнутри на процесс институционализации школы и на историю появления в России различных форм организации обучения. В индивидуальных главах этой книги делается попытка установить авторство конкретных изменений и понять, как изменения эти отражали интересы соответствующих административных предпринимателей и набор доступных им ресурсов. Новации эти рассматриваются в более широком политическом контексте эпохи, в увязке с интересами других игроков, которые были их бенефициарами и использовали их в собственных целях, тем самым придавая им устойчивость. Еще две важнейшие темы – это роль самого Петра I и потребности «модернизации». В книге очерчивается, насколько возможно, непосредственный личный вклад царя в определение облика образовательных институций, разграничиваются те эпизоды, где этот вклад действительно отражен в источниках, и те, где он традиционно подразумевался, но не находит прямого документального подтверждения. Сходным образом в книге вычленяются, по мере возможности, те конкретные механизмы и каналы, через которые потребности новой «регулярной» армии действительно могли влиять на развитие школ, и показывается, насколько новые организационные формы в образовании отражали (или не отражали) мнения и запросы практиков военного дела.

Глава 1
МОНАХИ, МАСТЕРА, МИССИОНЕРЫ В ПОЗДНЕМОСКОВСКИЙ ПЕРИОД: ОТ УЧИТЕЛЬСТВА К ШКОЛЕ

Старинная картина, висящая на стене морского музея в черногорском городе Котор, помогает нам представить, как именно происходило обучение петровских «волонтеров», посланных царем за границу постигать навигацкие науки. Сам учитель Марко Мартинович сидит за столом, его поза исполнена достоинства, суровое лицо обращено скорее к зрителям, чем к студентам. Напротив него расположилась группа молодых московских аристократов: их разноцветные допетровские наряды подчеркивают контраст между ними и их наставником, изображенным в строгом, темном одеянии. Ученики образуют нечто вроде полукруга вокруг Мартиновича; одни сидят в креслах, другие стоят за их спинами. Несколько человек, как кажется, рассматривают металлическую сферу, стоящую на столе, прочие глядят в сторону или болтают друг с другом. Автор картины постарался передать реакцию «московитских бояр», столкнувшихся со странными и «высокими» науками: ученики выглядят оживленными, их лица и жесты выражают изумление. Впрочем, хотя картина и посвящена событиям, имевшим место в городе Пераст в Которском заливе примерно в 1698 году, создана она была, видимо, где-то около 1711 года в Венеции. Едва ли мы видим на ней, как происходило обучение именно у Мартиновича: скорее всего, неизвестный художник изобразил, как, по его мнению, оно в принципе могло быть устроено в то время[74].

Во многих отношениях навигация – секулярная, «техническая», основанная на математике, – была главной прикладной дисциплиной раннего Нового времени в Европе, и именно благодаря упору на математику и навигацию в петровских школах мы воспринимаем их как особенно новаторские и современные. Однако характерно, что собравшийся вокруг Мартиновича кружок осваивающих навигацию учеников мало походит на институциализированную, «регулярную» школу, привычную нам по более поздней эпохе. Да и сам Мартинович не был «учителем»: он был опытным мореходом на венецианской службе и состоятельным судовладельцем. И в самом деле, в тот период было вовсе не очевидно, что будущего моряка – или офицера, или инженера – надо готовить именно в «школе», под

руководством «учителя». Привычные нам учебные заведения для подготовки морских офицеров только начинали, путем проб и ошибок, приобретать свой современный облик; ведущие морские державы обзаведутся такими школами лишь во второй половине столетия. В начале же XVIII века подготовка технических специалистов происходила на практике, в форме ученичества под надзором опытных «мастеров». Если говорить именно о мореходном искусстве, то группу молодых людей могли поручить бывалому капитану, который был готов объяснить им теоретические аспекты навигации (возможно, прямо у себя дома), а затем взять с собой в плавание. Насколько мы можем судить, именно так должен был учить своих русских подопечных и Мартинович[75]. Подобные неформальные методы обучения были близки и понятны Петру и его современникам, и именно к этим методам царь обращался, когда хотел, чтобы его подданные усвоили те или иные новые навыки. Нарастающая же институционализация и формализация обучения в Московском государстве и в петровской и послепетровской России была обусловлена не столько какими-то очевидными потребностями службы, сколько усилиями предприимчивых прожектеров, продвигавших свои проекты, а вместе с ними и свою повестку, и свои интересы.

А БЫЛИ ЛИ ШКОЛЫ В МОСКОВИИ?

Споры о времени появления школ в допетровской России не утихают уже более столетия. Отталкиваясь по большей части от одного и того же набора источников, историки приходят по данному вопросу к прямо противоположным, даже взаимоисключающим выводам— если одни находят многочисленные школы уже в первые десятилетия XVII века, а то и раньше, то другие вообще отрицают их существование вплоть до начала петровского царствования[76]. И в самом деле, с одной стороны, у нас имеются неоспоримые свидетельства достаточно массового распространения грамотности и арифметических познаний в допетровской России, даже если в этом отношении она и отставала от ведущих западноевропейских стран. А. И. Соболевский, сто с лишним лет назад первым попытавшийся обсуждать эту проблему с цифрами в руках, полагал, что уровень грамотности среди горожан мужского пола в середине XVII столетия мог достигать 40 процентов и более в крупных городах и 15–20 процентов в прочих; среди дворян и духовного сословия он должен был быть еще выше. Согласно более взвешенным оценкам,

однако, общий уровень грамотности среди населения в целом к концу столетия составлял где-то 3–5 процентов, а среди офицеров в полках «нового строя», например, поставить подпись по состоянию на 1670 год могли порядка 55 процентов[77]. При этом для некоторых русских людей учение не ограничивалось лишь освоением самых базовых навыков. К концу столетия в Москве вполне можно было встретить мелких подьячих или боярских холопов, владевших латынью (см. случай Ивана Хрипунова, описанный в следующей главе). Очевидно, что все эти люди где-то и как-то учились. С другой стороны, источники почти ничего не говорят нам о том, как именно происходило это учение. Время от времени в документах промелькнет упоминание того или иного учителя, ученика или эпизода учения, но затем и наставник, и его «школа» опять исчезают с наших радаров. Попытки идентифицировать конкретные школы, проследить их эволюцию или найти «первую школу» в начале – середине XVII века оказываются обычно неубедительными и даже спекулятивными.

Источником затруднений, как кажется, является наша собственная склонность описывать образовательные реалии XVII века с помощью современных нам понятий. Историки зачастую трактуют любое упоминание «учения» как свидетельство существования «школы», пытаются втиснуть те или иные эпизоды «учения» в привычные нам категории «технического», «высшего» или «начального» образования. Но употребление подобных ярлыков следует считать неуместным анахронизмом; более того, даже самим термином «школа» следует пользоваться крайне осторожно. В Московском государстве, несомненно, существовали практики, позволявшие представителям самых разных социальных слоев приобретать не только грамотность и базовые арифметические познания, но и навыки, необходимые для ведения государственного и частного документооборота, работы с церковными книгами, и даже знакомиться с теологией и овладевать классической гуманитарной ученостью. Но как уже довольно давно указала Н. Ф. Демидова в своей работе, посвященной практическому обучению в московских приказах в конце XVII столетия, существовавшие при них формы обучения «могут быть названы [школами] только условно и не соответствуют современному пониманию слова»[78].

В самом деле, в этих «школах» не было привычных нам классов, не было фиксированной программы обучения (мастер учил, «чему сам знает»), не было ежегодного цикла приема-выпуска учеников и, самое главное, не было формализованных алгоритмов взаимодействия между учителем и учениками. Говоря

шире, передача знания в допетровской России происходила в контексте прямого, личного общения с наставником, будь то старший родственник, духовный отец или мастер в ремесленной мастерской. Освоение более «высоких» познаний также происходило в формате личного общения с мудрым человеком: взыскующий учения становился своего рода последователем и интеллектуальным подмастерьем выбранного им наставника. Такой наставник периодически вел беседы с небольшим кружком учеников, которые старались усвоить его стиль и метод и при необходимости обращались к нему за разъяснениями. О. Е. Кошелева совершенно справедливо призывает отказаться от попыток вписать эти практики в наши современные представления о школе. Говоря иначе, на протяжении большей части столетия в Москве, несомненно, были ученики и учителя, но вовсе не обязательно были «школы». И вместо того, чтобы искать «школы» в Московском государстве XVII века, гораздо плодотворнее будет сосредоточиться на изучении существовавших там форм «ученичества» и «наставничества»[79].

Более того, в XVII веке учителя в Московском государстве редко работали по заказу государства или церкви. Учение и учительство были делом преимущественно частным (в той степени, в какой самое понятие «частного» применимо в том контексте). Большинство известных нам «мастеров» брались обучать небольшие группы учеников с целью получения дополнительного дохода (как, например, в случае приходских священников или дьячков, учивших местных детей грамоте) или с целью подготовки подмастерьев, которые будут потом помогать им в их ремесле. Контакты властей с этими мастерами были, насколько можно судить, крайне ограниченными: мы не видим со стороны светских властей или церкви попыток предписывать им, чему и как следует учить. Поэтому, хотя упоминания таких «мастеров» иногда и встречаются в официальных документах[80], неформальный и частный характер обучения в Московском государстве означал, что по большей части обучение это не отражалось в письменных источниках – и потому-то оно и остается невидимым для историка. По сути, мастера появляются в документах, лишь когда они получают плату от государя или патриарха за свои услуги. Чем ближе к концу столетия, тем чаще встречаются такие упоминания, отражая все большую вовлеченность светских и церковных властей в финансирование учения. И тем не менее даже и на рубеже веков упоминания эти по-прежнему обнаруживаются почти исключительно в финансовых документах: это записи о выплате жалованья учителям и «кормовых денег» ученикам, о расходах на покупку

книг, бумаги, мебели, починку помещений, в которых происходит учение[81]. Но сам процесс учения по-прежнему остается прерогативой учителя и не отражается в официальных документах.

И действительно, нарастающая вовлеченность светских властей в организацию учения и растущий спрос на технические навыки и знание иностранных языков (греческого и латыни, необходимых для справы церковных книг) сами по себе не означали, что практике неформального «учительства» автоматически должна была прийти на смену институциализированная школа[82]. Протосингел Иосиф, один из первых известных нам иноземных учителей в Москве, был нанят в 1632 году «переводити <…> греческие книги на словенской язык и учити на учительном дворе малых ребят греческого языка и грамоте, да ему ж переводить книги с греческого языка на словенский язык»[83]. Иными словами, он рассматривался как «мастер»-ремесленник, в обязанности которого входила и подготовка для себя подмастерьев-помощников. В этом смысле Иосиф не слишком сильно отличался от все более многочисленных иноземных ремесленников, трудившихся в кремлевских мастерских, или от иноземных офицеров в полках «нового строя»: заключавшиеся с этими специалистами соглашения, как правило, также предусматривали подготовку ими учеников из числа природных подданных царя[84]. Подмастерье помогал мастеру в его работе и одновременно постигал секреты мастерства; рано или поздно ему разрешали самостоятельно выполнять наиболее простые операции. Сходным образом желающие вступить в быстро растущую писцовую корпорацию обычно начинали свою службу в приказе в качестве подмастерьев без жалованья: трудясь бок о бок с опытными подьячими, они осваивали искусство письма, а также знакомились с существующим законодательством и приобретали навыки подготовки «выписок» (своего рода экстрактов рассматриваемого дела и подходящих к случаю указов, которые подавались наверх для рассмотрения и принятия решений). Многие из этих подмастерьев сами были сыновьями подьячих, и обучение их, по крайней мере, отчасти, происходило в рамках семьи[85].

Сам термин «школа» начинает появляться в русских источниках в середине XVII века. Впрочем, точный смысл, который вкладывался в него русскими людьми той эпохи, не вполне ясен: поначалу термин этот использовался параллельно с различными производными от глагола «учить»[86]. Мы знаем, например, что в 1653 году на средства патриарха была куплена

бумага «для училища детям». «Училище» здесь, как кажется, может означать и место учения (то, что мы се годня назвали бы «школой»), и процесс учения. Осенью 1656 года в документах уже упоминаются восемь «школьных ребят», которые «речь говорили» и получили за это награду от патриарха Никона, а в 1658 году четверым «школьным робятым» были в качестве поощрения выданы шапки, две красные и две голубые. В сентябре 1657 года на патриаршие же средства были закуплены «в школу на печь» триста изразцов: здесь, как кажется, под школой понимают именно помещение, специально выделенное для учения[87].

Документы, относящиеся к попыткам организовать обучение в 1667–1668 годах в Москве в приходе Св. Иоанна Богослова, уже прямо предлагают «училища создати и учители <…> держати» и «училищам и учению <…> быти»[88]. Здесь, судя по всему, автор четко разделяет, во-первых, локус обучения, то есть «училище», во-вторых, процесс учения и, в-третьих, фигуру учителя. Документы эти, однако, были составлены учеными православными иноземцами, так что неясно, насколько они отражают современное московское представление об учении. В 1679 году трое подьячих Аптекарского приказа были направлены к иноземцу «школьной науки мастеру» для изучения латыни и немецкого: это было необходимо, чтобы подготовить их к дальнейшему практическому обучению под руководством мастера-фармацевта уже в самом приказе[89]. Опять-таки неясно, предполагает ли эта фраза существование в представлении современников особой «школьной науки», то есть знаний, которые приобретаются именно в «школе», или же она просто отражает саморепрезентацию данного учителя-иноземца.

Впрочем, к этому времени концепция «школы», несомненно, бытует уже и за пределами Москвы и узкого круга иностранных экспертов. В писцовой книге провинциального Боровска за 1685 год упоминается, что на торговой площади «построена школа для учения детям: строение та школа рождественского попа Ефима». Примечательно, что школа подчеркнуто представлена здесь как личное предприятие данного конкретного священника[90]. О появлении и закрытии этой и подобных ей «школ» нам ничего неизвестно, но когда бы ее деятельность ни прервалась, конец этой школы должен был быть столь же неформальным, как и ее основание – и связанным с биографией самого индивидуального учителя.

Хотя попытки установить точный момент, когда же именно на смену практике «учительства» приходит формальная «школа», вероятно, обречены на провал, мы можем попробовать выделить некоторые основные этапы этой эволюции. Во-первых,

«учительство» постепенно становится самостоятельным видом деятельности. Поначалу в заключаемых с разнообразными мастерами договорах упоминалось, что, помимо выполнения основных функций, они обязаны и обучать своих подручных; но со временем появляются специалисты, получающие плату именно за обучение других. Так, подмастерья с Пушкарского двора направлялись для овладения арифметикой к «цифирного дела мастеру» Ивану Зерцалову и лишь затем приступали к освоению искусства литья пушек на самом дворе. Сходным образом источники начинают упоминать молодых людей, получающих государево жалованье именно за то, что они учатся. К концу 1690-х в документах упоминаются как особая категория «приказные, которые для ученья сидят», а также опытные подьячие, специально назначенные им в наставники. Поскольку получение государева жалованья предполагало зачисление на государеву службу, различные градации получаемого учениками жалованья начинают восприниматься как своего рода чины[91].

Переломной точкой в этой постепенной институционализации обучения может, вероятно, считаться появление в Москве в 1681 году так называемой Типографской школы. Уже само наименование этого училища отражает его «ремесленное» происхождение: оно возникло как группа подмастерьев, которых готовили для работы в кремлевской типографии. Вместе с тем для ее основателя, монаха Тимофея, именно учительство было основным видом деятельности, а само учение происходило в специально выделенной «палате школьного учения». Поначалу у Тимофея было порядка 30 учеников, но вскоре их число выросло до более чем двух сотен, после чего был нанят еще один учитель. Финансовые документы, однако, по-прежнему подписывал только сам Тимофей: второй учитель расписывался лишь за получение собственного жалованья. Это, видимо, самый ранний известный нам в России случай, когда два учителя, один в подчинении у другого, сосуществовали в рамках одной мастерской: начинается формирование школьной иерархии. В 1684–1687 годах в училище также фиксируются трое «старост»: источник упоминает о выдаче жалованья «учеником же первым и над прочими надсматривальщикам, названым старостам». Более подробно роль и обязанности этих «надсматривальщиков» источник, впрочем, не проговаривает: в финансовых документах они выделяются среди прочих лишь более высокой ставкой причитающихся им «кормовых денег». Остальные ученики при этом разделяются на три (позднее, две) «статьи», также различающиеся размером получаемого жалованья. И именно к возглавляемому Тимофеем училищу в

источниках впервые последовательно применяется термин «школа»[92].

МОСКОВСКИЕ ВЛАСТИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Бурное развитие формального, школьного образования и усложнение его организационных форм, рост числа колледжей в Западной Европе в период после заключения Вестфальского мира были во многом результатом межконфессионального соперничества: конкурирующие между собой деноминации стремились использовать школу как инструмент индоктринации для воспроизводства и расширения собственной паствы и захвата чужой[93]. Похожую динамику мы наблюдаем и в православных областях Восточной Европы, и на Балканах. Так, греческие иерархи начиная еще со второй половины XVI века вновь и вновь обращаются в Москву с просьбами выделить средства на создание типографии и связанной с ней переводческой мастерской, необходимых для отпора католическим и кальвинистским влияниям в регионе. Сходным образом, православные общины Речи Посполитой открывают собственные школы в ответ на католическую, униатскую и протестантскую угрозы. Действуя, в том числе, и при поддержке крупнейших православных магнатов, таких как князь Константин Острожский, они заимствуют организационные формы обучения у своих соперников, в первую очередь у иезуитов, и создают православные коллегиумы, включая и самый известный из них, академию Петра Могилы в Киеве[94]. В Московском государстве, однако, подобная динамика отсутствовала. Школьное учение традиционно воспринималось как потенциальная угроза благочестию, а источником подлинной мудрости полагались «простота» и смирение, а не книжное знание. Многие подозревали, что и гуманитарные штудии, и институциализированная школа, постольку поскольку они ассоциировались с «латинством», могли не только помешать спасению души, но и оказаться прямо еретическими. Конкурировать же православной церкви вплоть до распространения раскола во второй половине столетия было особенно не с кем.

Неудивительно поэтому, что московские светские и церковные власти занимали в XVII веке довольно пассивную позицию по вопросу о школьном учении. За попытками введения образовательных новшеств обычно стояло поэтому не абстрактное «государство»-просветитель, а конкретные индивидуальные

игроки – сами учителя, прелаты, вельможи, – для которых эти проекты были инструментом продвижения собственной повестки и реализации собственных амбиций. Как отмечает О. Е. Кошелева, власти почти никогда не инициировали создание школ: в большинстве случаев сами учителя обращались к царю или патриарху с просьбой разрешить им преподавание, а в идеале и поддержать их предприятие финансово[95]. Иногда подобные предприниматели просто искали заработка и пытались продать свои услуги московским властям. Нередко, однако, они надеялись получить от царя не только жалованье, но и ресурсы для реализации более широкой политической или конфессиональной программы. Разумеется, их карьерные устремления и их конфессиональная повестка зачастую переплетались, поскольку для успешной реализации собственной идеологической программы им необходимо было создать себе репутацию как экспертов, выстроить отношения с государем и его вельможами, получить в свое распоряжение ресурсы. Это, в свою очередь, означало, что образовательные инициативы были неотделимы от перипетий придворной политики: и потому что инициативы эти были призваны, в том числе, способствовать успеху их авторов при дворе, и потому что будущее этих инициатив зависело от политического будущего их покровителей.

Одна из самых ранних таких инициатив связана с именем киевского митрополита Петра Могилы, предложившего в 1639 году царю Михаилу Федоровичу создать в Москве по примеру аналогичной обители, основанной Могилой ранее в Молдавии, «училищный» монастырь, где бы иноки из Киевского Братского монастыря «о твоем царском величестве и о благоверной царице твоей и о Богом дарованных царских чадах величества твоего безпрестанно Бога молили и детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили»[96]. Однако проект Могилы, как и многочисленные аналогичные предложения, поступавшие в 1640–1650-х годах от греческих иерархов и заезжих клириков, так и остался на бумаге. На успех подобные предприятия могли рассчитывать только в том случае, если они как-то сочетались с планами и интересами влиятельных местных игроков.

Наиболее заметным из таких игроков в середине XVII столетия был, пожалуй, Федор Михайлович Ртищев (1626–1673). Сын провинциального городового дворянина, он получил в 1645 году свой первый чин в составе «государева двора» и начал быстрое восхождение по карьерной лестнице, превратившись вскоре в конфидента молодого царя Алексея Михайловича. В 1648 году Ртищев инициировал постройку нового Андреевского

монастыря у подножия Воробьевых гор[97]. Позднее московские книжники будут описывать этот монастырь как центр книжности и знаний, созданный «во просвещении свободных мудростей учения» – и для этого, видимо, действительно были основания. Патронируемая Ртищевым обитель стала центром притяжения прибывающих в Москву малороссийских монахов, и подобная концентрация «мужей мудрых», знакомых с греческой и латинской книжностью и вовлеченных в переводческую деятельность, была уже сама по себе новшеством. Примечательно, что десятилетия спустя медведевская «Привилегия» вспоминает монастырь именно как проект данного конкретного придворного: «создася от <…> околничего Федора Михайловича Ртищева»[98]. Впрочем, прямых свидетельств преподавания в Андреевском монастыре у нас очень мало: по сути, мы можем опереться лишь на показания попа Варлаама из Вильны, заявившего в 1664 году, что десятилетием ранее, в 1655–1658 годах, он по приглашению Ртищева «в Андреевском монастыре три года учил малых детей польской и латынской грамотам». Но даже если какое-то преподавание в монастыре действительно происходило, следует полагать, что оно имело форму традиционного «учительства»: никаких следов организованного «школьного» учения в источниках мы не находим[99].

Усилия Ртищева, вылившиеся в постройку Андреевского монастыря, отражают, в том числе, и его собственные культурные корни: его мать была родом из полонизированного смоленского дворянства, а его дядя, архимандрит Спиридон (Симеон) Потемкин, получил образование в Польше и активно боролся и с униатами в Украине, и с никоновскими реформами в России. В 1640-х годах сам Ртищев учился у Епифания Славинецкого, одного из малороссийских монахов, вызванных царем из Чернигова для правки церковных книг[100]. В более широком смысле, на протяжении всей своей жизни Ртищев интеллектуально ориентировался именно на православные элиты Польши и Украины. Вместе с тем, сама идея постройки такого монастыря, не говоря уже о возможности получить от царя средства для этого проекта, была тесно переплетена с придворной политикой. Важным фактором была поддержка со стороны Б. И. Морозова, могущественного первого министр и бывшего воспитателя царя – и именно благодаря Морозову Ртищев изначально и получил доступ во дворец. Ртищевы были связаны с Милославскими, и сестра Федора Анна была близка к Марии Милославской, первой жене царя Алексея Михайловича. Хотя выдающиеся личные способности Ртищева отрицать не приходится, его взлет был неотделим от общего подъема

относительно худородных Милославских и их сторонников после царской свадьбы. В этом смысле возможности построить монастырь он был обязан удачной придворной конъюнктуре.

При этом сколь бы искренним ни был Ртищев в своем благочестии, поддержка им Андреевского монастыря неизбежно оказывается также и важным элементом его самопрезентации, его усилий представить себя в качестве «мудрого» и «милостивого» вельможи. Усилия эти вылились в итоге в составление весьма своеобычного документа, известного как «Житие милостивого мужа Федора, званием Ртищева», где протагонист представлен как настоящий праведник; учреждение Андреевского монастыря стоит здесь в одном ряду с другими его многочисленными благодеяниями, от призрения нищих до помощи увечным воинам и выкупа попавших в плен православных. Но, разумеется, Ртищев был и весьма прагматичным деятелем, как это видно из его успешной придворной карьеры и прибыльных коммерческих предприятий, например, обширных поташных промыслов. Покровительство, которое Ртищев оказывал украинским книжникам, помогало ему выстраивать доверительные отношения с монархом, поскольку оно хорошо сочеталось с культурными интересами самого государя и с ключевыми внешнеполитическими задачами той эпохи, такими как поглощение Левобережной Украины и продвижение русского кандидата на польский трон. Конечно, царь Алексей посещал основанный Ртищевым монастырь, оказывал ему серьезную финансовую и иную поддержку. И тем не менее факт состоит в том, что монарх и «государство» лишь реагировали на проект, предложенный и реализуемый данным конкретным вельможей.

Весьма пассивно отзывалось московское правительство и на обращения представителей православных церквей, на протяжении всего XVII столетия неоднократно предлагавших организовать в Москве обучение: обычно оно мыслилось как часть более общего плана, предполагавшего издание церковной литературы для распространения на Балканах и в Греции. Показательно в этом отношении обращение Феофана, митрополита палеопатрасского, посетившего Москву в 1645 году и предложившего направить в царские владения греческих учителей. Митрополит надеялся организовать на русские деньги выпуск антикатолической литературы, в которой так нуждалась его паства: как отмечает Б. Л. Фонкич, «идея составления такой программы исходила вовсе не из анализа *русской* ситуации: побудительной причиной <…> являлось бедственное положение *греческой* церкви, *греческого* народа, лишенного под турецким владычеством возможности иметь собственные школы, собственные типографии»[101]. Никаких

практических последствий это обращение не имело.

Во второй половине столетия с аналогичными предложениями выступал патриарх иерусалимский Досифей II, также стремившийся создать в Москве издательскую базу для выпуска антикатолических и антикальвинистских сочинений. Досифей был особенно настойчив, призывая царя устроить «училища» и заботиться о «просвещении церкви»[102]. К этому времени и корона, и православная церковь, как кажется, все больше интересуются регулированием поведения российской паствы и уделяют все больше внимания проповеди как инструменту воздействия на моральный облик царских подданных. Тенденцию эту даже пытаются иногда представить как аналогичную процессу «конфессионализации» в Западной Европе[103]. Впрочем, на Соборе 1666–1667 годов именно иноземные клирики – митрополит Газы Паисий Лигарид, патриарх александрийский Паисий, патриарх антиохийский Макарий III и Симеон Полоцкий – доказывали, что раскол был вызван как раз нехваткой учения и ученых священников, и соответственно призвали к учреждению школ в целях преодоления раскола[104]. Разумеется, реализация таких планов открыла бы для них самих и для их клиентов новые возможности в России, а также позволила бы напомнить о роли восточных православных церквей как источника мудрости и знаний, тем самым подкрепляя и их претензии на финансовую помощь со стороны царя. К концу XVII столетия и русские иерархи также демонстрируют все большую озабоченность «невежеством» паствы и пастырей и артикулируют необходимость «просвещать» подданных царя[105].

Хотя дискурсивная легитимация «просвещения» и создавала благоприятные условия для образовательного прожектерства, из самой необходимости «просвещения» автоматически не следовала необходимость именно школы в ее современном понимании – как учреждения. Показательна в этом отношении судьба знаменитой Славяно-греко-латинской академии, основанной в Москве в 1685 году Иоанникием (1633–1717) и Софронием (1652–1730) Лихудами[106]. В молодости братья изучали философию и теологию в Венеции под руководством Герасима Влаха, ведущего греческого интеллектуала своего времени, а также в так называемом Котуннианском коллегиуме, прямо основанном на модели коллегиума Св. Афанасия в Риме. После этого они провели девять лет в Падуанском университете, где Софроний получил в 1670 году докторскую степень, и, возможно, какое-то время преподавали затем у себя на родине в Греции. В Москве братьев именовали учителями «высоких наук», и, в самом деле, с

точки зрения программы основанная ими школа на несколько порядков превосходила все предшествующие ей образовательные инициативы; под руководством Лихудов и их преемников академия открыла новую эру в истории образования в России и в истории российской культуры. Хотя здесь преподавали также и базовые навыки, то есть славянскую грамоту, братья воспроизвели в своей школе программу современных ей западноевропейских коллегиумов, включая греческий и латынь, риторику, философию, логику и даже физику. По сути, мы имеем дело с православной репликой нормального иезуитского колледжа; более того, академия стала также первым учебным заведением в России, получившим специально для нее построенное здание. Многие ведущие интеллектуалы и администраторы петровского поколения учились именно здесь или были так или иначе связаны с этой школой.

Конечно, школа Лихудов финансировалась московскими властями, а конкретнее, средства поступали из Патриаршего приказа; патриарх же оказывал братьям и политическую поддержку. Однако, как и в случае более ранних образовательных предприятий, московские власти занимали здесь пассивную позицию. Само прибытие братьев в Москву следует рассматривать в более широком контексте русско-греческих связей, включая постоянный приток в Россию греческих церковников, переводчиков и сборщиков милостыни. Часто можно встретить утверждения, что именно царь попросил патриарха иерусалимского Досифея II прислать к нему учителей: таким образом, инициатива устройства академии исходила якобы из Москвы. Но никаких прямых свидетельств такого запроса нет: о нем мы знаем лишь со слов самих Лихудов и Досифея, которым, разумеется, такая версия была выгодна[107]. Более же критическое прочтение источников заставляет в ней усомниться: гораздо вероятнее, что сам Досифей отправил Лихудов в Москву в надежде, что они станут его агентами при царском дворе. Во всяком случае, отсутствие документальных следов официального приглашения братьев со стороны московских властей уже само по себе показательно, хотя, конечно, этого и недостаточно, чтобы полностью исключить возможность такого приглашения.

Не находим мы в источниках и никаких указаний на попытки царя или патриарха влиять на содержание или методы преподавания в академии. После того как Сильвестр Медведев потерпел в 1689 году поражение в придворной борьбе, ни московские государственные мужи, ни сами учителя никакого интереса к его «Привилегии» не проявляли. Документ этот создавался как орудие политической интриги и с крахом этой

интриги потерял всякую актуальность: у нас нет никаких оснований считать, что он выражал какую-то образовательную программу, разделявшуюся московской правящей элитой. В частности, «Привилегия» вообще никак не повлияла на последующее устройство школы Лихудов, которая не имела ни формализованной структуры управления, ни независимой ресурсной базы, ни, разумеется, предусмотренной Медведевым автономии. Более того, даже сам образ основанного Лихудами заведения как Славяно-греко-латинской академии является историографическим конструктом: термин этот начинает применяться к ней лишь в позднейших источниках, ретроспективно. В современных же ей документах она именуется просто «школами» (во множественном числе), и, как и в случае более ранних училищ, официальные источники упоминают ее только в связи с финансовыми операциями. Все имеющиеся у нас свидетельства указывают на то, что организация школы, содержание и методы преподавания в ней отражали исключительно личные предпочтения и предшествующий опыт самих Лихудов. Что же касается московских властей, то с их собственной точки зрения они, видимо, вовсе не основывали какую-то «академию», а просто нанимали учителей-«мастеров», как это делалось и ранее.

Наконец, даже если допустить, что патриарх Иоаким и был, как полагают некоторые исследователи, сторонником программы «просвещения» в целом, поддержка, которую он оказывал Лихудам, неизбежно становилась элементом его политической борьбы с Сильвестром Медведевым: продвигая альтернативный медведевскому образовательный проект, он тем самым демонстрировал свое влияние и свою способность дать окорот оппоненту. Даже месторасположение каменного здания академии было частью политической игры: Иоаким лично выбрал для нее площадку в Заиконоспасском монастыре, настоятелем которого был Медведев, символически обозначая тем самым свое верховенство по отношению к амбициозному монаху и его образовательным затеям[108]. Но, несмотря на это, возведение специального каменного здания, как выясняется, не было результатом какой-то особой щедрости со стороны главы церкви. Наоборот, оно стало возможным благодаря творческому присвоению средств, завещанных Мелетием Греком, монахом, торговцем и учителем, на совсем иные цели. Разбогатев на коммерческих операциях, Мелентий назначил Лихудов своими душеприказчиками: монах хотел, чтобы его средства были потрачены на выкуп христиан из турецкого плена и на призрение сирот. Братья, однако, сговорились с патриархом и получили

разрешение, вопреки воле покойного, перенаправить 2008 рублей на постройку здания для возглавляемого ими училища[109]. Иными словами, первое специально предназначенное для обучения здание в Москве было сооружено на частные средства.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕТРА I ОБ УЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ

Царствование Петра I открыло, разумеется, новую эпоху в истории образования в России. Это было время резкого, громадного расширения участия правительства в финансировании обучения: к началу 1720-х годов казна оплачивала учебу уже многих сотен учеников; на эти же годы приходится и активное экспериментирование с новыми организационными формами в образовании. Сам Петр, однако, сформировался, конечно же, в рамках московской традиции обучения через наставничество. В самом деле, как ребенок он и не мог столкнуться с каким-то иным способом обучения: подобно его отцу, Алексею Михайловичу, и его старшим братьям, он учился – разумеется! – не в школе, а у учителя-«мастера»[110]. Более того, в его случае наставник этот, Никита Моисеевич Зотов (1645?–1717), был не книжником, не «школьным» учителем, а бывалым приказным дьяком[111]. Речь, разумеется, не о том, что образование Петра было каким-то устаревшим, поскольку его учил частный наставник: нет, именно так учили принцев и магнатов в Европе на протяжении всего XVIII и даже XIX века; в этом отношении история обучения Петра была совершенно нормальной для его времени и его статуса[112]. Дело в другом: поскольку у него самого не было (и не могло быть) возможностей лично столкнуться со школьными формами обучения, это не могло не отразиться и на его восприятии – вернее, неготовности к восприятию – «правильной», институциализированной школы.

Идея учения у «мастера»-наставника подчеркивается и в известной надписи на перстне, который Петр носил во время Азовских походов (где он и представлял себя как раз подмастерьем в военном искусстве) и Великого посольства в Европу в 1697–1698 годах: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую»[113]. И действительно, во время своего пребывания в Европе Петр учился именно «ремесленным» образом, на практике, лично работая на верфях[114]. Принимавшие царя западноевропейские государи и министры, вероятно, считали диким и ни с чем несообразным, что персона его ранга лично машет топором под началом ремесленника, но никакого альтернативного способа изучения судостроения предложить они

ему, конечно, не могли: именно так и усваивались в ту эпоху технические навыки. Кроме того, неформальное учение через практику соответствовало, как кажется, общим антропологическим, если можно так сказать, представлениям Петра, его пониманию личных и социальных изменений не как институциализированного процесса дисциплинирования, а как неформализуемого, харизматического «преображения»[115]. Это понимание отражалось и в восприятии царем своих отношений с собственными подданными как отношений между наставником и его учениками. Ученики должны были копировать действия своего «мастера» до тех пор, пока не научатся сами воспроизводить их: отсюда и столь характерное для Петра стремление лично представлять подданным модели поведения, которые им следовало усвоить[116].

В ходе своего Великого посольства Петр посетил несколько образовательных учреждений в Европе, включая Латинскую и Коронную школы в Риге, Оксфорд, Лейденский университет, иезуитский колледж в Вене и, возможно, Кенигсбергский университет. Особого интереса, однако, они у юного монарха не вызвали: у нас нет свидетельств того, что он как-то отзывался и задумывался об их устройстве. Венский колледж упоминается в его «походном журнале» как «язувицкий кляштор, именуемый дом профессорский». Такое описание отражает, вероятно, вполне традиционное московское понимание Петром школы как «училищного монастыря» и его фокус на фигуре учителя, а не на организационных рамках обучения[117]. Не видно, чтобы Петр особенно интересовался школами и во время своего второго большого европейского турне в 1716–1717 годах. В Париже он посещал Сорбонну, но, как представляется, воспринимал ее в первую очередь как собрание ученых и хранилище знаний, воплощенных в библиотеке и коллекциях разных куриозностей, а не как образовательное учреждение. С другой стороны, царь отменил свой визит в Брест, упустив возможность лично осмотреть ту морскую школу, в которую он сам же незадолго до того отправил учиться группу русских аристократов[118].

Разумеется, с течением времени царь знакомился с западноевропейскими образовательными моделями и концепциями. Ближе к концу царствования он напишет, например, своему послу в Париже, что «все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша война [со Швецией] троекратное время была»[119]. Здесь явно имеется в виду стандартная семичастная программа обучения в западноевропейских колледжах, тривиум и квадривиум. У Петра, похоже, появляется также представление о «теории» как о чем-то

отличном от практики и приобретаемом в «школе». Уже во время пребывания в Нидерландах в 1697 году Петра раздражало, что его голландские наставники не могли показать ему «на сие мастерство совершенства геометрическим способом», то есть сформулировать абстрактные теоретические принципы судостроения[120]. Из этого, вероятно, следует, что для царя теория уже достаточно рано ассоциировалась с математикой, что хорошо сочетается и с его желанием нанять за рубежом математиков для преподавания в России (см. следующую главу). Во время визита в Великобританию он и сам неоднократно общается с математиками, однако, чтобы изучить «теорию» судостроения, Петру пришлось отправиться на верфи, где ему показывали корабельные чертежи и учили делать модели судов своими руками[121]. В 1715 году царь уже прямо объяснял, что посылает своих юных двоюродных братьев Александра (1694?–1746) и Ивана (1700–1734) Львовичей Нарышкиных во Францию, «в лутшую школу королевских марингард», поскольку, де, они «в морской практике уже довольно были», но «фундамента как доброму морскому офицеру быть, чаю, еще порядочно не видали»[122]. Для сравнения, объявляя в 1671 году о решении Людовика XIV учредить «штурманские школы», Кольбер также пояснял, что, по мнению монарха, «недостаточно, чтобы [штурманы] имели практический опыт, им также необходима и теория»[123].

Но хотя Петр, как хорошо известно, оставил огромный массив собственноручно написанных им документов и лично разработал целый ряд ключевых законодательных актов, в нашем распоряжении нет ни одного хоть сколько-нибудь развернутого текста, который отражал бы личные представления царя об образовании. Один из самых ранних документов, в котором, как считается, сформулированы взгляды Петра по данному вопросу, это неподписанная и недатированная запись его разговора с патриархом Адрианом. Согласно этому документу, посетив умирающего первосвященника, царь выразил озабоченность низкой грамотностью многих служителей церкви и их невежеством в вопросах церковного ритуала. Для обучения их, полагал Петр, «надобно человека и не единого, кому сие творити; и определити место, где быти тому». Царь также беспокоился, что православные священники недостаточно подготовлены для ведения миссионерской работы среди племен «иже не знают творца Господа», и предложил отправить несколько человек для обучения в Киевскую академию. Царь отметил, правда, что в Москве уже имелась «школа» – имеется в виду созданное Лихудами заведение, – но в ней мало учеников, и «никто той

школы, как подобает, не надзирает». Выражаясь довольно туманно, Петр предполагает, что для исправления ситуации нужен «человек знатный в чине и во имени в доволстве потреб ко утешению приятства учителей и учащыхся». По мнению Петра, если имеющиеся в московской школе проблемы будут устранены, ее выпускники могут пригодиться не только в церкви, но и на военной службе, и как гражданские администраторы, архитекторы и даже врачи. Наконец, царь отмечает, что московская знать приглашает для обучения своих детей иноземных учителей и это может пагубно сказаться на их твердости в православии. Соответственно, после проведения в ней необходимых улучшений московская школа будет полезна еще и как безопасная и привлекательная альтернатива учению у иностранных наставников[124].

Эта позиция, учитывая особенно заметный здесь фокус на Киевской академии и на улучшении московской «школы», вообще говоря, соответствует политике, действительно проводившейся в последние годы XVII века московскими властями. В 1699 году патриарх принял обратно в лоно православной церкви Палладия Роговского, вернувшегося в Россию после продолжительного обучения в европейских католических школах, и поставил его во главе созданной Лихудами академии. После смерти Адриана местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский устроил приглашение в Москву группы киевских учителей и в сентябре 1701 года получил от царя подтверждение прав и привилегий Киевской академии[125]. И тем не менее сам по себе этот документ крайне необычен: нам неизвестны другие аналогичные записи царских бесед того времени. Остается неизвестным и происхождение самого документа, его авторство и время составления; и, конечно, стиль его имеет мало общего с языком самого Петра, как он нам известен по собственноручно написанным монархом документам. Не будет поэтому слишком большой вольностью предположить, что текст этот может являться не записью действительно имевших место высказываний царя, но апокрифом или, говоря мягче, полемическим сочинением, призванным оправдать приглашение учителей из Киева. Это тем более вероятно, что он представлен как «объявление» патриарха некоторым неназванным слушателям или читателям – тоже крайне необычный жанр[126].

Еще один ранний документ, который, возможно, отражает попытки Петра лично регулировать обучение своих подданных, это инструкция из семи пунктов, датируемая январем 1697 года и адресованная посылаемым в чужие края русским аристократам-«волонтерам». По итогам обучения «волонтерам»

следовало «знать чертежи или карты морския, компас, а также и прочая признаки морския». Им также следовало научиться управлять кораблем в «простом шествии» и в бою, знать все детали оснастки и парусного вооружения и так далее. Кроме этого, им предписывалось хотя бы попытаться приобрести опыт участия в настоящем морском сражении и представить об этом свидетельство от своего капитана. Особое царское благоволение было обещано тем, кто обучится судостроению. Наконец, каждому «волонтеру» следовало нанять и привезти с собой в Россию двух иноземных ремесленников, а также обеспечить обучение одного солдата, которого царь посылал с каждым из них в дорогу[127]. Этот документ известен нам лишь в копии, поэтому о степени личного участия Петра в его написании мы можем только догадываться. В любом случае, в нем вообще ничего не говорится о том, где и как должны были учиться «волонтеры», что конкретно понималось под «знанием карт», компаса, оснастки и так далее. Любопытно сравнить его с составленными примерно в то же самое время «Правилами для строения частных судов» и инструкцией «адмиралтейцу партикилирному» А. П. Протасьеву: в отличие от инструкции «волонтерам», оба эти документа не просто ставят задачи, но четко прописывают алгоритмы взаимодействия затрагиваемых ими должностных лиц[128].

Поскольку развернутых документов об образовании, написанных собственноручно Петром, в нашем распоряжении нет, ключевой источник, отражающий представления царя по данному вопросу, это записные книжки, в которые он заносил свои идеи и мысли[129]. Петр вел эти записи себе для памяти, но они также были и инструментом управления: доверенный секретарь монарха Алексей Макаров читал их, делал копии и отслеживал, до некоторой степени, реализацию задуманного. Некоторые записи Петр зачеркивал или помечал на полях крестом или крестом в круге. Рядом с другими записями мы находим пометы вроде «зделано», «послано» или «не послано», «о сем приказано» и так далее. К примеру, одна из записей гласит: «о навигаторах которые за морем»; запись зачеркнута и тут же пометка: «к письму ко Львовичам» (то есть А. Л. и И. Л. Нарышкиным)[130].

Многие идеи, сформулированные в этих записях, затем воспроизводятся дословно или в более развернутой форме в регламентах, над которыми работает Петр, в его письмах своим приближенным или в устных указаниях, которые он дает во время визитов в Сенат, Адмиралтейство или другие ведомства. В последнем случае эти указания могут воспроизводиться – зачастую опять-таки дословно – в издаваемых этими органами

указах[131]. Например, целый ряд записей относится к преподаванию математики в провинциях. «О учении арифметики и геометрии, а потом и арс цивилис по губерниям», – написал Петр в одной из них; тут же находим секретарскую приписку: «сенаторем объявлено»[132]. К некоторым идеям Петр возвращается в записях вновь и вновь. Одна из записей гласит: «о учении ребят грамоте и цифири – плотничьих и протчих мастеровых детей»[133]. Эта мысль повторяется еще в нескольких записях, и в итоге статья «о учении детей плотничьих» – с пометой «новая государевой руки», то есть собственноручно написанная Петром – появляется в черновике, а потом и в итоговой версии Адмиралтейского регламента[134].

Одна из тем, которая особенно часто мелькает в петровских записях, это посылка молодых русских дворян учиться заграницу. Царь заносит в свои записные книжки такие, например, фразы: «о посылке молодых в Англию и Венецию на флоты», «посылать гардемаринов карабельных в Гишпанию на флот и капоры, также, буде мочно, и матрозов», «[послать] к кесарю кои учились инженерству и артиллерии» или «по нескольку молодых ребят из шляхетства посылать для обучения воинских дел за море»[135]. Внимание, которое Петр уделяет этому вопросу, хорошо сочетается с его ориентацией на практическое, «ремесленное» обучение, с его тесной вовлеченностью в обучение гардемаринов (в отличие от Морской академии; см. главу 4) и с введенной им в конце царствования нормой, согласно которой в офицерские чины следовало производить только молодых людей, отслуживших предварительно рядовыми в гвардии[136]. Примерно в то же время Петр установил и правила практической подготовки молодых дворян к гражданской службе, которые по сути повторяли систему обучения в московских приказах: Генеральным регламентом 1720 года предписывалось, чтобы желающие «заранее допущены и обучены были [в коллегии], чтоб прилежным списыванием дел в письме в арифметике обучались <…> под управлением Секретаря <…> дабы со временем могли производить в высшие чины по градусам»[137].

Как правило, петровские записки о школах и преподавании очень лаконичны, прагматичны и в то же время неконкретны – во всяком случае, для стороннего читателя. В них может упоминаться лицо, к которому они обращены, указываться набор предметов, которые следует преподавать, или социальная группа, из числа которой должны рекрутироваться ученики. Часто встречаются выражения «учить» и «о школах», но при этом сами понятия «учение» и «школа» никогда не проблематизируются и не раскрываются. Типичные записи звучат так: «о сухопутной школе

Брюсу и указ о разделении молодых», «Матвееву о школах», «о школах воинских и торговых и протчих», «солдат и рекрут обучать на море и для того брать молодых от 15 до 17 лет»[138].

Лишь в крайне редких случаях Петр проговаривает, что же именно следует преподавать, как, например, в распоряжении «молодых матрозов обучать зимою вязанием узлов, оснатскою, роснасткою, привязанием парусов, подъемом оных привязыванием развязыванием, и протчему что матрозу надлежит»[139]. В данном конкретном случае речь идет о предмете, с которым сам царь был хорошо знаком, поэтому он может перечислить конкретные навыки, которым следовало обучать «молодых матрозов». Другой раз Петр описывает (в указе от 21 февраля 1720 года) «нужнейшие части инженерства», овладеть которыми необходимо всем офицерам «нашего полка»: он перечисляет «пять частей арифметики, а по самой нужде, хотя одна нумерация», «план геометрию со всеми цыркольными приемами», «маштап, по которому б мог чертить на бумаге и после оное перевесть на землю к делу», «шанцы полевые с грунт-рисом фасов, вланков, куртин, их дефензиею и профилем» и «цырком-валацион и контрвалацион линии с их дефензиею и профилем фель-батареи». По этому случаю Петр описывает, насколько может, и организацию учения: когда полк будет на стоянке, необходимо выделить специальный двор, где бы «из наших офицеров, которые инженерство знают, по одному или по два непрестанно в оном применяясь жили и офицеров обучали, в чем майору смотреть накрепко»[140].

Как правило, однако, Петр ограничивался лишь обозначением, в самом общем виде, «наук», которые надлежало преподавать, таких как «артиллерия», или «арифметика», или «навигация», не раскрывая при этом их содержания. Так, еще где-то около 1698 года один из приближенных царя, Василий Корчмин, доносил ему из Берлина: «…выучили марта по 20 дня фейверк и всю артиллерию, *а что артиллерии какие есть науки, и то известно милости твоей*»[141]. Позднее сам Петр в одной из записей приказывает «учить протчих робят артиллерии *столько сколько простому морскому кананиру* надлежит, числом 500 или 300 человек, обучать оных зимою, а летом быть во флоте»[142]. В другом случае он распоряжается, «когда арифметику окончат, учить геометрии *столько сколько до инженерства надлежит*»[143]. Здесь, как и во многих других случаях, Петр предполагает, что адресату его указания и самому известно, какие именно навыки нужны «простому морскому кананиру», инженеру и так далее: подразумевается существование некоего общепринятого стандарта «мастерства» в той или иной области.

Хотя Петр неоднократно лично инициировал преподавание тех или иных предметов, нигде не видно, чтобы ему представлялось необходимым как-то формализовать или кодифицировать этот процесс. Царь и его ключевые соратники, судя по всему, представляли себе школу весьма традиционно – как набор достаточно неформальных классов-мастерских, групп учеников, занимающихся с тем или иным конкретным «мастером»; какая-то координация действий между этими учителями возникала постольку, поскольку одни из них могли быть «подмастерьями» по отношению к другим. Так, петровский указ от 16 января 1712 года предписывает «школу инженерную умножить, а именно сыскать мастера из русских, который бы учил цифири, или на [Сухареву] башню для сего учения посылать». Организация преподавания здесь прямо понимается как назначение конкретного «мастера»[144]. Характерно, что как это было и в случае с академией Лихудов, источники того времени последовательно именуют и Навигацкую школу на Сухаревой башне, и основанную в Москве артиллерийскую школу «школами» во множественном числе, потому что в каждой из них было больше одного «мастера»[145]. Подразумевалось, что «мастера» эти и сами знакомы с конвенциональными стандартами учения в соответствующей области, поэтому прописывать их подробно нет необходимости. Выбор тех или иных методов преподавания и оценивания также оставался в петровское время прерогативой «мастера», сохранявшего в этом отношении полную автономию от того сановника или ведомства, которому могло было быть поручено «надзирать» за данной школой.

Эта автономия и наличие подразумеваемого общепринятого стандарта «мастерства» в той или иной профессии заложены во многих царских указаниях, где конкретные действия, которые необходимо предпринять, прямо оставляются на усмотрение самих адресатов этих указов. Здесь могут встречаться, например, указания учить «сколько возможно», «по возможности», и т. д. Петровский регламент Главного магистрата, созданного в 1720 году для управления городами по всей империи, включает специальную главу о школах (глава XXI), в которой подчеркивается важность школ, описываемых как «дело <…> зело нужное для обучения народного», «нужное и благоугодное дело», а также упоминаются более ранние усилия царя в этой области. Однако конкретные шаги, которые следует предпринять в отношении школ, не уточняются: Магистрату лишь предписано «учреждения того не пренебрегать, но по должности всякое к тому вспоможение чинить». В параграфе о содержании «малых школ», в которых преподаются только грамота и арифметика,

регламент становится еще лаконичнее, предписывая лишь «о том во всех городех магистратом самим иметь старание»[146]. Должность якорного и парусного мастеров в Адмиралтействе предписывала «учеников данных ему <…> со всяким прилежанием учить, не скрывая ничего», даже не пытаясь описать содержание учения[147]. В этом смысле подобные петровские распоряжения напоминают нормы московских еще договоров с иноземными мастерами, также предусматривавших обязательство «учить прилежно», «стараться» и «не скрывать» от своих русских учеников никаких секретов ремесла – без уточнения при этом, как оценить степень этого «старания» и о каких именно навыках идет речь.

Действительно, у Петра, видимо, просто не было необходимого концептуального аппарата для того, чтобы сформулировать видение «регулярной», регламентированной школы и конвертировать свой энтузиазм по поводу учения в детальные практические указания[148]. Можно, конечно, подумать, что мы пытаемся ретроспективно оценивать высказывания царя по нашим современным стандартам бюрократической четкости, но это не так: недостаточную конкретность его указаний в отношении школ отмечали и современники. Возьмем, к примеру, Андрея Александровича Беляева, опытного приказного дельца, сотрудника известного «прибыльщика» А. А. Курбатова, приятеля Леонтия Магницкого, а в конце 1700-х – первой половине 1710-х куратора Навигацкой школы (см. об этом в следующей главе). Получив в феврале 1714 года знаменитый петровский указ о создании цифирных школ в провинциях, Беляев жалуется своему начальнику, адмиралу Апраксину: «…видится оный указ мрачен и без многих обстоятельств, которым всячески быть потребно». «Ежели повелишь [выполнять его], то должен прислать разделы, без коих тому делу не толику умножену, но и основану быть не можно, – заявляет Беляев и перечисляет вполне конкретные пункты, без которых он не сможет воплотить в жизнь царское указание. – …откуда нам требовать ведение по скольку человек учеников в учителя в губернию и к кому отсылать»[149]. Это не единственный пример. Сходным образом, на полях хранящегося среди бумаг Апраксина петровского указания об обучении ста штурманских учеников, датированного 1720 годом, неизвестный адмиралтейский чиновник бесстрастно отметил: «…чему их обучать и как в том учении содержать, о том точного определения не учинено»[150].

МИССИОНЕРЫ И ПРОЖЕКТЕРЫ

Учитывая представления Петра о преподавании и учении, неудивительно, что школы, возникавшие в России в его царствование, как правило, и представляли собой как раз традиционные, неформальные мастерские во главе с автономным «мастером»-учителем[151]. Подобная модель сохранялась и в тех случаях, когда речь шла о новых, непривычных предметах: именно так, например, была устроена первая «школа» навигации в России. В январе 1698 года, пока Петр путешествовал по Западной Европе с Великим посольством, в Москву прибыли два выходца из югославянских областей, Матвей Меланкович и Иван Кучица, представившиеся опытными венецианскими мореходами и предложившие свои услуги в качестве учителей навигации. Их инициатива пришлась ко двору: было велено «выбрать из московских чинов десять человек добрых и человечных и грамоте умеющих», которых приезжие «мастера» и принялись обучать на новопостроенной верфи под Азовом. Никаких попыток как-то регламентировать это учение, за исключением утверждения перечня преподаваемых предметов, мы в документах не видим. На традиционное, «ремесленное» понимание преподавания указывает и то обстоятельство, что поначалу московские власти предложили платить учителям фиксированную сумму за каждого ученика, который успешно окончит обучение (хотя содержание и продолжительность обучения при этом, повторимся, никак не оговаривались). Насколько мы можем судить, преподавание продолжалось лишь в течение одного лета[152].

Этот эпизод задает сценарий возникновения и многих более поздних петровских «школ», включая и артиллерийские, и инженерные: как правило, их «создание» заключалось лишь в поручении конкретному специалисту обучать группу учеников. Потому-то историкам и не удается точно определить, сколько именно таких «школ» существовало, когда они «открывались» и когда прекращали свое существование[153]. Знаменитые «цифирные» школы, создаваемые начиная с 1714 года, также соответствовали этой модели, и успех или неудача каждой из них зависели прежде всего от предпринимательских талантов конкретного учителя, от его способности привлечь учеников и выстроить отношения с местными властями и элитами. Показательно, что в своем знаменитом указе от 20 января 1714 года Петр не приказывает прямо основать школы, но лишь велит послать учителей «учить дворянских детей» (правда, в конце указа все же упоминаются некие «те, которым школы приказаны»). В следующей версии указа, от 28 февраля, основание школ также не предусмотрено: речь идет опять-таки о посылке учителей, которым местные архиереи должны «отвесть

<…> школы» в архиерейских домах или монастырях; таким образом, термин «школа» употребляется здесь в значении помещения, а не организации[154].

И тем не менее школьное учение, вне всякого сомнения, становится в петровскую эпоху все более формализованным, «регулярным», бюрократическим. Во многом процесс этот был постепенным и непреднамеренным. Как это происходило и в других сферах государственного управления, Петр нередко делегировал «надзирание» за той или иной школой своим доверенным соратникам, таким как Курбатов в случае Навигацкой школы (см. следующую главу) или Андрей Виниус, а затем Яков Брюс в случае артиллерийских школ. Соратники эти сами не были учителями, имели массу других должностей и поручений и проводили много времени в разъездах. Пытаясь «надзирать» за школами дистанционно, они по необходимости вступали в пространную переписку с учителями и все чаще требовали от них все более подробных отчетов о состоянии дел. В качестве следующего шага они часто передоверяли «надзирание» подчиненным им офицерам, как это было в случае капитана Андрея Брунца, определенного в 1717 году «ведать [учеников артиллерийской школы] <…> и в науке их *сверх мастеров* надзирать, дабы они учились с прилежанием и напрасно б дней не теряли». Это, в свою очередь, способствовало формированию иерархий и дальнейшей бюрократизации[155]. Кроме того, будучи профессиональными военными, эти «надзиратели» привносили с собой административные инструменты и приемы, принятые в регулярной армии.

Помимо этого, институционализация учения была также и побочным продуктом усилий царя по расширению масштабов преподавания в сочетании с его все более жесткой сословной политикой (особенно в конце царствования) и с его склонностью применять для обеспечения школ учениками принуждение. В допетровский период, когда школы оставались по большей части небольшими «мастерскими», привлечение учеников происходило на индивидуальной основе: свою роль могли играть семейные традиции и связи, или, например, желание получать стипендию – «кормовые деньги». Уже весной 1697 года, однако, правительство в принудительном порядке определяет более полусотни учеников в «школу» итальянского языка, созданную братьями Лихудами после их увольнения из Академии. Многие представители элиты, чьи дети попали в число этих учеников, подавали прошения с просьбами освободить их от такой повинности, но правительство оставалось непреклонно – не приходится удивляться, что как минимум половина определенных в школу молодых людей

игнорировали распоряжения властей. Правительство не сдавалось и к ноябрю довело списочную численность школы до 115 человек, но к февралю 1698 года занятия посещали лишь чуть более трех десятков учеников[156]. Вполне предсказуемо эти и другие попытки насильно загнать подданных в школы без учета интересов данных конкретных семей и их стратегий социального самовоспроизводства провоцировали многих на уклонение от учения, тем самым способствуя и появлению мифа о «нежелании русских учиться». Это также означало, что учителя теперь все чаще рисковали быть обвиненными в напрасной трате государевых денег, что подталкивало их к изобретению все более изощренных – модерных – практик надзирания и учета в школах.

Бросается в глаза и та роль, которую играли в институционализации учения усилия прожектеров, как русских, так и иностранцев. Конечно, стимулировал прожектерство и сам петровский стиль управления, а широко известный энтузиазм царя по поводу «учения» означал, что предприниматели самых разных мастей воспринимали изобретение школ как один из способов заслужить государево благоволение. Когда Андрей Виниус, опытнейший правительственный деятель, навлек на себя в 1707 году царское неудовольствие, он представил Петру подробное описание своих административных достижений, подчеркивая в особенности свои усилия по созданию школ в Сибири и по организации обучения в подведомственных ему учреждениях в Москве. Виниус явно надеялся, что все это поможет ему получить государево прощение[157]. Сходным образом, когда царский агент в Англии Федор Салтыков (ум. 1715) почувствовал, что теряет монаршую милость, он попытался исправить положение, сочинив и представив государю «Пропозиции» (1713) и «Изъявления прибыточные государству» (1714). Как это часто бывало в документах такого рода, в сочинения Салтыкова содержались многочисленные предложения по самым разным вопросам, включая и создание целой сети школ для дворянства по всей империи[158]. Наконец, по мере того, как царь приобретал в Европе репутацию правителя, который стремится вывести своих подданных из их «варварского» состояния, его все чаще осаждали и западные интеллектуальные предприниматели, самым известным из которых был Готфрид Вильгельм фон Лейбниц. Возможность переустроить целую страну в соответствии со своим рациональным видением и напрямую общаться с харизматичным правителем далекой империи не могла не волновать воображение: Лейбниц направляет Петру целый ряд меморандумов, включая, как известно, и предложение о создании Академии наук и ее

образовательных подразделений, «академической гимназии» и «академического университета»[159].

Именно «рациональные» и «современные» предложения, вроде тех, что подавал царю Лейбниц, обычно и привлекают к себе внимание исследователей. Но на практике гораздо более значимым было, пожалуй, непрестанное прожектерство миссионерского или, говоря шире, конфессионального характера. Крайне важным здесь оказывается жесткое подавление Петром, а до него и его отцом Алексеем Михайловичем, политической самостоятельности церкви. Хотя церковь продолжала, конечно, играть важнейшую роль в сфере образования на протяжении всего XVIII столетия, она потеряла монополию на определение границ допустимого и право контролировать содержание и форму учения за пределами собственно теологического образования. На самом базовом уровне это означало легитимацию «иноземного» знания, учения в иностранных и иноконфессиональных школах и у иноземных учителей, что позволило всевозможным учителям, наставникам, гувернерам и прочим, как русским, так и иностранцам, предлагать свои услуги – и создало спрос на них. Говоря шире, это сделало возможной реализацию или хотя бы попытку реализации целого ряда образовательных проектов, связанных с иноконфессиональными практиками, доктринами и повестками. Это также привело к возникновению нового поля секулярного образования, находящегося вне контроля со стороны церкви.

В самом деле, в конце XVII – начале XVIII века Московское государство становится ареной миссионерской активности и весьма оживленного соперничества между представителями целого ряда церквей и конфессий. На протяжении двух предшествующих царствований первую скрипку тут играли православные греки и украинцы; теперь их теснили католики и протестанты[160]. Первые школы, основанные представителями западноевропейских деноминаций, появляются в Москве в конце XVII века в Немецкой слободе и обслуживают именно ее обитателей. По мере того, как учение у иноземцев становится все более модным среди русской элиты, «мастера» этих школ стремятся расширить свою аудиторию за пределы иноземческого сообщества и привлечь отпрысков богатых и знатных москвичей. Учителей прельщали и возможность получать дополнительные доходы, и надежда обрести в лице родителей своих учеников влиятельных патронов, а значит и шансы на выгодное трудоустройство в качестве домашнего учителя или даже на государевой службе. Не упускали они – особенно иезуиты – из виду и собственно миссионерские задачи, возможное приобщения

московитской молодежи к собственной вере. Наконец, создание собственной школы позволяло соответствующей деноминации заявить о себе перед лицом царя и московских властей. Конкурирующие школьные предприниматели стремились опереться на поддержку своих высокопоставленных единоверцев на русской службе; адаптировали свою программу к запросам высокородных русских учеников, которые все больше видели себя частью общеевропейского благородного сословия (в частности, в программу обучения включались танцы и фехтование); пытались привлечь квалифицированных учителей из Западной Европы. Естественно, эти предприниматели реализовывали те модели и методы обучения, с которыми они сами были знакомы и которые соответствовали их конфессиональным установкам. В то же время, некоторые из этих педагогических методов могли оказаться полезными и как инструмент самопрезентации: стремясь произвести впечатление на царя и русских сановников, эти учителя и их ученики сочиняли и представляли орации и панегирики, устраивали театральные представления[161].

К 1700 году активность греков, столь заметных в предшествующие десятилетия, сходит на нет; малороссиянам, однако, удается отстоять свои позиции. После того, как в 1701 году Стефан Яворский стал местоблюстителем патриаршего престола, «киевляне» смогли взять под контроль основанную Лихудами академию и дать отпор иезуитам. Разумеется, огромную роль тут сыграла и политика Петра, последовательно комплектовавшего церковную иерархию выходцами из Малороссии, многие из которых были выпускниками киевской академии. Но те образовательные проекты, которые некоторые из них реализовывали в своих новых епархиях, никак не вытекали из указаний Петра и не обязательно даже получали его поддержку, что особенно ярко видно в случае выдающейся школы, основанной митрополитом Дмитрием Ростовским (1651–1709), но безжалостно закрытой правительством под предлогом экономии средств. Проекты эти, скорее, следует рассматривать как попытку воспроизведения того образовательного идеала, который был привычным для самих этих иерархов[162].

Особенно заметными игроками в первые годы столетия становятся пиетисты. Течение это было широко представлено среди служивших в России иноземцев еще с конца XVII века; к нему нередко принадлежали лютеранские пасторы, учителя, медики. Лидер этого движения Август Герман Франке (1663–1727) лично интересовался происходящим в России и специально работал над расширением присутствия пиетистов во владениях царя именно с миссионерскими целями. Хотя перспективы

духовного пробуждения России (в пиетистском смысле) он, вообще-то, воспринимал довольно скептически, Франке тем не менее стремился организовать обучение в Галле греческих студентов с целью последующей инфильтрации русской православной церкви. Уже в 1698 году он сумел устроить посещение Галле членами Великого посольства; позднее он лично наблюдал за обучением в Галле сыновей некоторых видных царских приближенных. Со временем целый ряд пиетистов и симпатизирующих пиетизму, включая учеников самого Франке из Галле, устроились на русскую службу и достигли на ней значимых позиций[163].

Франке и его пиетистская сеть оказывали поддержку различным образовательным проектам в России, например, школе, открытой в 1710-х годах в Тобольске шведскими военнопленными. С одной стороны, это была прямо религиозная инициатива, отражавшая потребность основавшего ее офицера в благочестивом действии. С другой, она помогала ему и его товарищам по плену зарабатывать себе на жизнь, то есть выживать. Школа эта была в высшей степени передовой по стандартам того времени, например, в ней были собственные писаные регламенты; тем не менее она не получила ровно никакой поддержки от русских властей[164].

Роль пиетистских предпринимателей в сфере образования и характер их взаимоотношений с русскими властями хорошо виден на примере известной школы пастора Эрнста Глюка[165]. В молодости Глюк изучал теологию и восточные языки в Виттенберге, Лейпциге и, позднее, в Гамбурге, где одним из его соучеников был сам Франке. До русского завоевания Прибалтики Глюк вел миссионерскую деятельность среди коренного населения провинций и среди осевших там русских старообрядцев; как известно, именно в его доме воспитывалась Марта Скавронская, будущая Екатерина I. Вскоре после оккупации региона русскими войсками Глюк оказался в Москве, а затем возглавил небольшую неформальную школу, основанную в 1700 году Николасом Швиммером для обучения подьячих Посольского приказа иностранным языкам. Глюк намеревался преобразовать эту скромную мастерскую в настоящую школу под звучным названием *Gymnasium Petrinum*, где преподавались бы не только древние и новые языки, но и такие изысканные предметы, как география, философия, «политика», этика и риторика. Планировал он учить молодых дворян и «телесному благолепию чином немецким и французским», то есть фехтованию и танцам, верховой езде и умению держать себя в обществе[166]. Методы преподавания, которым предполагалось следовать в гимназии,

вполне соответствовали педагогической доктрине Франке, включая, например, фокус на непрестанном надзирании за учениками и введение подробного расписания дня с четким разграничением учебного времени и часов досуга[167]. Благодаря своим связям Глюк добился одобрения царем своих планов и получил здание для школы, а также привлек высокородных учеников. Однако после смерти пастора в 1705 году его преемники затеяли между собой совершенно непристойную свару, и в этой ситуации российские власти позволили гимназии деградировать до уровня простейшей «немецкой школы», нацеленной только на обучение соответствующему языку. В 1715 году ее и вовсе закрыли[168]. Сходным образом, не удостоилась царской поддержки и другая школа, созданная в конце 1710-х по пиетистской же модели прибалтийским помещиком бароном Магнусом Вильгельмом фон Ниротом[169].

Самым детальным и концептуально заостренным официальным текстом петровской поры, посвященным образованию, является, несомненно, «Духовный регламент» 1721 года, задавший новые принципы управления Русской православной церковью после упразднения патриаршества[170]. В документе этом предписывалось создание в каждой епархии «семинарии» и описывались методы дисциплинирования, которые следовало там применять, включая специальную конфигурацию пространства, ограничение контактов учеников с внешним миром, организацию непрестанного надзирания над ними. В семинарии устанавливался детальный распорядок дня, «ко всякому делу и покою»: ученики должны были идти на молитву, к трапезе, в классы и так далее по сигналам «колокольца», отзываясь на них, «как солдаты на барабанный бой». «Таковое младых человек житие кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное, – признавал автор регламента. – Но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет».

Приходится встречать утверждения, что Петр рассматривал православную церковь как своего рода «министерство просвещения»[171], и описание в «Духовном регламенте» столь передовых для того времени педагогических методов вроде бы подтверждает эту точку зрения. Говоря в целом, Петр действительно считал обучение частью весьма утилитарно им понимаемой социальной миссии церкви, возможно даже, ее обязанностью по отношению к государству. Один из пассажей в его записных книжках гласит: «О ребятах, чтоб учить их в школах по монастырям». Крест на полях напротив этой записи означает, что необходимые действия и в самом деле были предприняты[172]. В другом месте Петр раскрывает эту мысль подробнее, и из

записи видно, что речь идет не о любых «ребятах» вообще, а именно о сиротах обоего пола: «И учить их грамоте с некоторою прибавкою, а имянно граматику, арифметики 5 частей и геометрию – в мужских [монастырях]. Или лучше сим ученикам быть в особливом месте под ведением и надсмотром наставника, а не по монастырям <…> А женских вместо геометрии – мастерства женские»[173]. В апреле 1722 года Петр собственноручно набросал черновик указа, предполагавшего создание в монастырях «гошпиталей»-богаделен[174]. Таким образом, Петр несомненно рассматривал в качестве одной из функций монастырей, наряду с заботой об увечных воинах, именно презрение сирот и обучение их навыкам, которые помогут им прокормить себя в будущем. Вместе с тем, представления царя об устройстве этого учения при монастырях не выходили, насколько мы можем судить, за рамки традиционной модели назначения «мастеров»-учителей, которые будут дальше преподавать в меру своего разумения и сложившихся по умолчанию норм.

Что же касается «Духовного регламента», то хотя он и был составлен по указанию Петра, у нас нет свидетельств личного участия монарха в работе над текстом, в отличие, например, от морских регламентов, где таких свидетельств предостаточно (см. главу 4). Скорее документ этот отражает своеобразные педагогические представления его непосредственного автора, архиепископа Феофана Прокоповича (1681–1736), еще одного украинского предпринимателя в области образования и выходца из киевской академии, который во второй половине 1710-х стал ключевым советником царя в вопросах церковной политики[175]. Прокопович не только имел личный опыт обучения в Западной Европе (в Коллегиуме Св. Афанасия в Риме) и хорошо знал соответствующую теоретическую литературу того времени, но и поддерживал личные контакты с самим Франке, идеи которого оказали сильнейшее влияние на педагогические взгляды этого прелата[176].

Неудивительно поэтому, что хотя Петр и одобрил «Духовный регламент», он вовсе не обязательно разделял заложенное в нем весьма передовое образовательное видение и уж тем более не прилагал серьезных усилий для его реализации. Даже семинария, задуманная архиепископом в Санкт-Петербурге – Прокопович предполагал назвать ее «Сад Петров» в честь самого императора, – так и не была построена, несмотря на всю близость Феофана к монарху. Единственным, видимо, примером школы, которая следовала изложенной в «Духовном регламенте» педагогической модели, было училище, основанное самим

прелатом на его собственные средства на реке Карповке. После смерти Феофана в 1736 году школа закрылась, а ее ученики – «оставшиеся после бывшего Феофана архиепископа <…> семинаристы», как они именовались в официальных документах – распределены по разным видам службы, в Александро-Невскую лавру, или распущены по домам[177].

Не видим мы и хоть сколько-нибудь системных попыток реализовать образовательную программу «Духовного регламента» по городам и весям империи. Во всех случаях, когда в петровские и послепетровские годы там все-таки возникают церковные школы, где обучение выходит за рамки самых азов, своим появлением такие училища неизбежно обязаны местным прелатам, которые при ближайшем рассмотрении оказываются выпускниками киевской академии и используют заложенные в «Духовном регламенте» нормы для реализации собственных проектов. Самым заметным из таких училищ был Харьковский коллегиум, возникший благодаря одному из таких предпринимателей, епископу Епифанию Тихорскому и его способности заручиться финансовой поддержкой со стороны местной элиты в своей епархии, а вовсе не щедрости просвещенной империи[178].

* * *

Именно весьма традиционное понимание Петром преподавания и обучения как неформальных и неформализуемых практик и объясняет, по всей вероятности, то чрезвычайное разнообразие педагогических доктрин и организационных форм в образовании, которые импортировались из Западной Европы в Россию в годы его царствования. Не имея, как кажется, собственного четко артикулированного видения «регулярной» школы, Петр готов был в той или иной мере принимать самые разные образовательные модели. В результате, наиболее заметные образовательные проекты в России той поры отражали не столько видение самого царя, сколько жизненный опыт, навыки и идейную программу предлагавших и реализовывавших эти проекты предпринимателей.

Однако принимая подобные проекты, Петр вовсе не обязательно воспринимал их как свои собственные. Подобное отношение со стороны монарха открывало простор для экспериментирования, но одновременно «одобрение» Петра не означало на самом деле, что соответствующая инициатива действительно могла рассчитывать на внимание и

последовательную поддержку с его стороны[179]. При этом именно более современные, то есть формализованные, «регулярные» школьные проекты – особенно те из них, которые предполагали дисциплинирование учеников посредством надзирания, ограничение контактов с окружающим миром, детальное регулирование распорядка дня – могли казаться государю «прихотливыми» фантазиями, тем более избыточными и подозрительными, что они требовали значительного финансирования. В этих условиях устойчивость подобных школ зависела от предпринимательских талантов и политической интуиции их основателей. Чтобы такая школа выжила и стала успешной, ее основатель или покровитель должны были уметь привлекать ресурсы, что нередко означало способность творчески перенаправить их из других источников и мобилизовать поддержку со стороны элиты; рассчитывать здесь только на Петра означало рисковать крахом.

Глава 2
НАВИГАЦКАЯ ШКОЛА И «ПРИБЫЛЬЩИК» КУРБАТОВ

«В 5 день [апреля] ездили верхами к математику», – сообщает дневник пребывания Петра I в Лондоне в 1698 году во время Великого посольства. На следующий день царь и его спутники повторили визит: «В 6 день ездили в шлюпке к математику»[180]. Именно с этими поездками иногда связывают первую встречу Петра с Андреем Даниловичем (Генри) Фархварсоном (1675?–1739), которого, как гласит легенда, царь лично пригласил обучать будущих морских офицеров в Московской школе математических и навигацких наук. Создание этого училища занимает видное место среди знаковых культурных инициатив Петра. Рассадник новых знаний и умений и рассадник «новых людей», Навигацкая школа воспринимается как детище самого царя, лично подбиравшего иностранцев-учителей и лично задавшего «современную», секулярную и ориентированную на нужды флота программу преподавания, идущую вразрез с нормами и представлениями русского общества того времени. Готовность монарха самому совершить две поездки, чтобы нанять учителя математики для будущего училища, хорошо вписывается в рамки и легенды о Навигацкой школе как персональном проекте Петра, и петровской легенды в целом.

И действительно, в начале апреля того года Петр лично нанял Фархварсона – однако он едва ли был тем «математиком», о котором идет речь в дневнике царского путешествия. На момент встречи с Петром Фархварсону не было еще и 30 лет от роду и, лишь недавно окончив колледж Маришаля в Абердине, он занимал там же скромный пост наставника (тьютора) математики[181]. Гораздо более вероятно, что походный журнал повествует о визитах царя к одному из астрономов Гринвичской обсерватории, а встреча с будущим преподавателем Навигацкой школы не удостоилась упоминания в «походном журнале»[182]. Сама неопределенность эта, впрочем, довольно характерна, поскольку на самом деле свидетельств личной вовлеченности монарха в создание Навигацкой школы и управление ею крайне мало[183]. Хотя сохранился целый ряд документов, исходящих из школы и обращенных к Петру, мы практически ничего не знаем о его ответах на эти обращения. Более того, нам ничего неизвестно о каких бы то ни было относящихся к школе документах,

написанных самим царем, и у нас нет даже несомненных подтверждений того, что он когда-либо посещал школу[184]. Мы можем предполагать, что у царя были какие-то идеи о том, как должна быть устроена школа и что он как-то – возможно, устно – доносил их до своих приближенных, но это всего лишь предположения, не подкрепленные источниками.

Что источники демонстрируют предельно ярко, так это ключевую роль, которую сыграл в становлении школы Алексей Александрович Курбатов (1663–1721)[185]. Известный «прибыльщик», то есть изобретатель новых источников дохода для казны, Курбатов занимал достаточно высокую должность в Оружейной палате и имел прямой доступ к царю, что позволяло ему мобилизовать различные ресурсы для создания и развития школы. При этом саму школу, в свою очередь, он использовал как инструмент для демонстрации собственного рвения и одновременно для поддержания и расширения собственной клиентской сети, укорененной в среде московских «латинствующих» книжников. Неудивительно поэтому, что хотя Навигацкая школа и специализировалась на обучении математике, по своей организационной структуре и педагогическим подходам она мало отличалась от училищ допетровского периода. Не будет слишком большим преувеличением сказать, что своим обликом и самим фактом своего успеха школа обязана не столько модернизационным усилиям государства, сколько способности небольшого кружка позднемосковских книжников использовать новые возможности, открывавшиеся в петровскую эру, для продвижения собственной интеллектуальной повестки и реализации собственных карьерных планов.

АВГУСТЕЙШЕЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Хрестоматийный эпизод найма Петром в Лондоне британских преподавателей остается самым очевидным и несомненным примером личного вклада монарха в создание Навигацкой школы. Известно, что он действительно встречался с шотландцем где-то в начале апреля 1698 года. Об этом сообщает не только сам Фархварсон, но и Яков Брюс: в своем письме Петру месяц спустя Брюс пишет о «математике, которого [Петр] изволил перед [отъ]ездом [из Лондона] принять» на службу[186]. Примерно тогда же должны были быть наняты царем и два будущих помощника Фархварсона – выпускники Королевской математической школы Стивен Гвин и Ричард Грейс, которым было на тот момент,

соответственно, 15 и 17 лет от роду[187].

Известно, что Петр еще до приезда в Англию интересовался возможностью подыскать там учителей навигации. 8 апреля 1697 года, почти за год до прибытия Петра в Лондон, Нарцисс Латтрелл, хроникер английской политической жизни той поры, записал в своем дневнике, что «царь Московии посылал сюда за некоторым количеством математиков, чтобы обучать его народ искусству навигации, фортификации, etc., и мистеру Бруку из Королевского общества указано назначить 20 [человек] отправиться туда по этому случаю»[188]. Однако едва ли у Петра было четкое представление о том, кого именно, как и где следует нанимать. Скорее всего, он полагался в этом отношении на своих контрагентов в Англии, таких как адмирал Перегрин Осборн, маркиз Кармартен, который подготовил предложения по организации русского флота и, среди прочего, посоветовал Петру нанять нескольких молодых человек из числа выпускников Королевской математической школы[189]. Порекомендовать Петру именно Фархварсона мог и вице-адмирал Дэвид Митчелл, один из британских моряков, приставленных к царю на время его пребывания в Англии; подобно Фархварсону, он был уроженцем Абердина[190]. Наконец, Фархварсон мог получить рекомендации через многочисленных эмигрантов-якобитов на русской службе: его учитель, абердинский профессор математики Джордж Лиделл, был известен как сторонник изгнанных Стюартов и даже попал на какое-то время за свои политические взгляды в тюрьму[191]. Не случайно, по сообщению Фархварсона, Петр заключил с ним устный контракт в присутствии именно якобита Якова Брюса и Андрея Стельса, английского купца, хорошо знакомого с царем и имевшего обширный бизнес в России[192].

У нас, впрочем, нет никаких оснований думать, что Петр в это время как-то специально выделял Фархварсона среди многочисленных экспертов – офицеров, моряков, ремесленников, – нанятых им в 1697–1698 годах в Англии, Голландии и других странах. Говоря проще, царь, похоже, забыл о приглашенном им учителе. Уезжая из Лондона, он не оставил приближенным никаких инструкций, как поступать с шотландцем. «Прошу государь милость, пожалуй изволь отписать, как быть с математиком которого изволил перед поездом принять?», – пишет Брюс из Лондона 10 мая[193]. Если у царя и были на этот момент какие-то четкие планы в отношении будущей школы, он явно не потрудился сообщить о них своим приближенным.

Когда именно британцы прибыли в Россию и каким маршрутом, доподлинно неизвестно, но, вероятнее всего, все три

учителя вместе с другими иностранцами были уже летом 1698 года отправлены в Архангельск. Судя по всему, к осени того же года они оказались в Москве[194]. Если это так, то выходит, что британцы больше года ждали, пока их примут на службу: повеление «ведать» трех учителей и выплачивать им жалованье Оружейная палата получила только 15 ноября 1699 года[195]. Ожидая назначения, учителям пришлось разместиться в тесной «палатчонке» у своего земляка, переводчика Посольского приказа «Андрея Юрьевича» Кревета, который обеспечивал их «всякими нуждами, питьем и людьми и лошадьми и прочим, только кроме харча и платья»[196]. Царский же указ, повелевший «быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению» и определявший трех англичан учителями, был издан лишь еще год спустя, 14 января 1701 года (по некоторым сведениям, правда, Фархварсон еще до этого начал работать с несколькими учениками частным образом)[197].

Даже после появления царского указа школьное дело продвигалось не споро. Хотя уже 29 февраля 1701 года иезуит Франциск Эмилиан сообщал в своем донесении из Москвы, что царь «выстроил гимназию для обучения морскому делу, в которой англичане обучают сто тридцать русских»[198], жалованье ученикам Оружейная палата начала выплачивать только с 30 июня 1701 года, причем в 1701 году его получали лишь семь человек[199]. Кроме того, указ помещал школу в Замоскворечье, в Кадашах, в бывших мастерских палатах – и учителя несколько раз обращались с челобитными, указывая, что здание это не подходит для преподавания. Помимо разных бытовых неудобств (двор был слишком темен, не имел достаточно хозяйственных помещений и погребов, наконец, из Замоскворечья учителям далеко было ходить в церковь), здание не годилось и тем, что в силу низинного расположения с его крыши невозможно было увидеть горизонт, а значит, и показывать ученикам, как делать необходимые для навигатора астрономические наблюдения. Кроме того, британцы ссылались и на удаленность предложенного им помещения от обычных царских маршрутов, что делало маловероятным посещение школы Петром или царевичем – а Фархварсон и его товарищи прямо надеялись на подобное проявление монаршего внимания к их предприятию[200]. Доводы учителей были услышаны только в июле, когда школе передали Сухареву башню «со всяким палатным строением и с принадлежащей к ней землею», где она и размещалась вплоть до своей ликвидации в 1752 году[201]. Кажется, это единственный случай, когда нам точно известно о личной реакции Петра на поступающие из Навигацкой школы запросы. Характерно, что

государь не стал решать этот вопрос сам, а оставил его на усмотрение Ф. А. Головина – причем даже не отписал Головину прямо, а передал ответ через Ф. М. Апраксина: «О математиках, кои на Москве, изволишь учинить по сваему расмотрению»[202].

Итак, хотя Петр лично инициировал привлечение учителей, нанятые им математики всерьез занялись делом лишь спустя почти три года после своего приезда в Россию. Найти в этот период какие-то проявления интереса со стороны царя к Фархварсону и его товарищам не удается: в известных нам документах не встречаются ни обсуждения будущей школы, ни даже просто упоминания британских учителей. Не было в этот период поручено «ведать» школу и кому-то из вельмож[203].

Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Время было непростое: на вторую половину 1698 года выпал стрелецкий розыск, на 1699–1700 годы – переговоры о мире с Турцией, первая волна административных реформ, объявление войны шведам и нарвская катастрофа. Большую часть этого времени государь провел вне Москвы, и подобное невнимание к приглашенному эксперту и порученному ему делу следует признать вполне обычным для Петра, особенно в тот период. Показателен пример британского же инженера Джона Перри, нанятого одновременно с Фархварсоном для достройки канала между Волгой и Доном и брошенного в итоге на милость царских сановников, воспринимавших иноземца как докучливого конкурента в борьбе за ресурсы и монаршую благосклонность[204]. Кроме того, это были и годы быстрых и не слишком системных изменений в структуре государственного управления, когда новые правительственные органы и новые каналы администрирования возникали рядом со старыми – и рядом с многочисленными разовыми проектами; сферы ответственности и отношения соподчиненности были размытыми; множество инициатив было замкнуто лично на Петра, а механизмов межведомственного взаимодействия и последовательного контроля за выполнением поручений не существовало. Единственной гарантией успешного продвижения дела была личная заинтересованность в нем того или иного высокопоставленного администратора.

Вопрос, таким образом, состоит не в том, почему школа открылась лишь через два с лишним года после приезда британцев в Россию и почему Петр уделял ей так мало внимания, а наоборот – как ее вообще удалось открыть в таких условиях? Для понимания судьбы школы важно, что Фархварсон и его коллеги с самого начала привлекли внимание предприимчивых игроков с придворными связями. Одним из них был переводчик Кревет, который не только приютил британцев у себя в

«палатчонке», но и, как следует из более позднего письма Петру от Курбатова, отвечал за организацию преподавания[205]. Надо сказать, что Андрей Юрьевич Кревет, или Кревт (Henry Krevet, ум. 1719), был не просто рядовым приказным толмачом, но давним личным приятелем самого Петра. Поступив на государеву службу еще в 1649 году, Кревет начиная с 1688 года выполняет различные поручения молодого царя, заказывает для него в Немецкой слободе и за границей предметы одежды, всякие диковинки и инструменты[206]. Переводчик попадает в ближний круг государя в его кукуйский период: князь Борис Иванович Куракин уверял даже, что якобы от Кревета и переняли Петр и его окружение моду на камзолы, кортики с портупеями и «шапочки аглинския»[207].

В 1691–1692 годах Кревет значится переводчиком в свите царя, и в последующие годы между ними продолжается переписка; англичанин по-прежнему поставляет царю разные заграничные предметы[208]. Петр называет его «раком» – очевидно, какое-то приятельское прозвище, отзвук их прошлых попоек (возможно, основанное на игре слов Кревет –> креветка –> рак?); Кревет в ответ напоминает царю о «нашей компании»[209]. В 1692 году переводчик решил обратить личные отношения с царем в деловое предприятие: взялся «своим коштом» завести пильную мельницу по европейскому образцу так, чтобы она была в два раза производительнее русских аналогов, и даже получил жалованную грамоту – но в итоге был назначен управлять уже существующими мельницами в Архангельске и в селе Преображенском, а затем Хамовным дворов, выпускавшим парусину и канаты[210]. Именно в качестве заведующего лесопилкой и поставщика канатов и парусины Кревет играл в 1696 году довольно заметную роль в строительстве воронежского флота, поддерживал регулярную переписку с генералом Патриком Гордоном (и даже устраивал похороны его сына) и ссужал деньгами находившегося на пике своего влияния Франца Лефорта[211].

В письме Петру в марте 1700 года Кревет все еще обсуждает производство парусины. Он заверяет царя, что не ищет никакой прибыли для себя лично, но стремится только «к славе и к прибыли русскому царству». Переводчик уверен, что сам не будет нуждаться ни в чем («на бога и на вашу милость надеюсь, что буду я сыт, а великого богатства не желаю»), но сожалеет все же, что у него недостаточно денег, чтобы взять парусное дело на откуп. Кревет опасается, чтобы «сие дело» не «закоснело» по какой-то неведомой нам причине («а зачем, то вашей милости можно ведать»), и жалуется на чиновников-«приказных»: «сие

дело по приказному поведению таково идет, что не зделавши бредника или невода, хотят рыбу ловить»[212]. Действительно, к этому времени дела у него шли не слишком успешно – в 1700 году он заложил свой каменный дом на Чистых прудах и так и не смог его выкупить, а в 1701-м казна и вовсе решила отдать Хамовный двор на откуп другому иностранцу, Ивану Тиммерману[213].

На этом фоне вполне понятно, почему именно в те годы школьный проект и получение какой-либо должности в школе могли казаться Кревету все более привлекательными. Его интересы совпадали здесь с интересами самих учителей, которые, должно быть, надеялись воспользоваться его контактами с царем, чтобы укрепить собственные позиции; примечательно, что у Кревета были деловые отношения и с Андреем Стельсом, который, вполне возможно, и свел с ним британских учителей[214]. Неудивительно, что в своем челобитье царю Фархварсон с товарищами просят назначить особое должностное лицо в школе «для надсматривания и управления <…> у тех наших наук <… > чтобы тех учеников, которые будут, в подобострастии держать», и в качестве кандидата на эту должность указывают именно Андрея Кревета: «а нам, холопам твоим, без него <…> не управиться»[215].

Однако надеждам Кревета на получение новой должности не суждено было сбыться. Надо сказать, что доброе личное отношение царя к переводчику сохранялось и в последующие годы, он продолжал получать жалованье даже после ухода со службы и оставался членом «компании»: после переезда двора в Санкт-Петербург туда перевезли на жительство и Кревета. Как член «компании» он упоминается в 1715 году среди «старцев», участвовавших в свадьбе князь-папы; несколько лет спустя царь почтит своим присутствием его похороны[216]. Но личная переписка Петра с очень немолодым уже переводчиком после 1698 года затухает: после Великого посольства у царя появляются, конечно, и новые интересы, и новые контакты заграницей, и новые сотрудники в самой России. К сожалению для Кревета, как раз тогда, когда он попытался встроиться в управление Навигацкой школой, проектом заинтересовался один из этих новых царских подручных, Андрей Курбатов, находившийся в тот момент едва ли не на пике своего придворного влияния.

ЗА ДЕЛО БЕРЕТСЯ «ПРИБЫЛЬЩИК»

Андрей Курбатов, которому и суждено было внести решающий вклад в становление Навигацкой школы, начинал свою карьеру холопом боярина Бориса Петровича Шереметева (1652–1719), человеком, который «за делы ходит» – т. е. был кем-то вроде крепостного домашнего адвоката[217]. Курбатов участвовал в управлении колоссальным хозяйством боярина и сопровождал его в поездке в Европу в 1697–1698 годах. Видимо, именно из этой поездки он и вывез прославившую его идею введения «гербовой бумаги»: особых листов с проставленным на них гербовым штемпелем, на которых отныне только и можно было писать челобитные и другие официальные документы – и которые надо было покупать у государства; по сути, речь шла о введении новой пошлины. Свой прожект Курбатов представил Петру в январе 1699 года; идея была немедленно одобрена, изготовление и продажу гербовой бумаги поручили Оружейной палате – а боярский холоп Курбатов был назначен в палату дьяком[218]. На протяжении нескольких лет после этого Курбатов остается достаточно близким сотрудником Петра, в том числе имеет возможность поддерживать с ним прямую переписку. В своих посланиях Курбатов клянется в верности царю, рассуждает о таких материях, как корыстолюбие судей или «лукавство» «подобножидовских» стрельцов «по древним обыклым их злобам»; пересказывает свои разговоры с другими сановниками, такими, например, как украинский гетман Мазепа. Курбатов просит государя оказать ему милость и перед отправлением в поход посетить его «домишко»; он также жалуется на недоброжелателей, завидующих царской к нему милости. Не получая ответов от государя, Курбатов умоляет послать ему хотя бы одну строчку: «Порадуй и мене, всем сердцем и душею, и мыслию тебе служащаго, аще и недостоин есмь, хотя единым начертанием десницы твоея». Услышав о предполагаемом намерении Петра назначить в Оружейную палату другого дьяка, он просит «милости» – подождать с назначением до тех пор, «покамест я увижю твои государевы очи», чтобы лично доложить Петру обо всех делах[219].

Формально Оружейную палату возглавлял боярин и постельничий Федор Алексеевич Головин (1650–1706), связанный тесными дружескими и родственными отношениями с Шереметевым, прежним хозяином Курбатова[220]. Один из ближайших сотрудников Петра и фактически первый министр государства, Головин, разумеется, выполнял одновременно массу других поручений и постоянно находился в разъездах[221]. Это создавало идеальные условия для интриг, и действительно, Курбатов прилагает все усилия для того, чтобы подорвать

позиции конкурентов и расширить свои собственные полномочия. Уже в 1700 году он пишет донос царю на думного дьяка Любима Алферьевича Домнина, заместителя («товарища») Головина в Оружейной палате. Домнин якобы вмешивается в «клеймение бумаги», то есть в производство гербовой бумаги: иными словами, он пытается взять под контроль выделенную Курбатову административную нишу – и Курбатов защищает свою автономию, обвиняя Домнина в том, что тот действует «для своей прибыли»[222]. Домнин остается «товарищем» Головина, но фактическое управление Оружейной палатой все больше перетягивает на себя новый дьяк.

Интриги на этом не заканчиваются: так, в письме Головину в 1702 году Курбатов подчеркивает, что «во времена отъездов твоих во всем управляю один, не имея себе покоя», а от Домнина «в деле государевом помощи <…> кроме во многих ево слабостях помешательства, не единыя не имею». Курбатову важно замкнуть на себя каналы информации: он сетует, что некоторые распоряжения в палату Головин передавал через дьяков Посольского приказа, от которых они попадали напрямую к Домнину, от чего якобы можно ожидать «бедства» для дела. «И от уст, государь, твоих многажды о слабостях ево слышал, – продолжает Курбатов копать под Домнина, – а для чего в милости твоей содержитца, не вем»[223]. Одновременно Курбатов привлекает себе в помощники новых людей, таких же, как он сам, выходцев из боярских холопов. По прямой просьбе Курбатова Головин испрашивает у Петра разрешение взять в палату «во вспоможение» Ивана Хрипунова, «человека» Алексея Салтыкова, и Федора Обухова («Обыгова»), «человека» князя Гагина[224].

Укрепив свои позиции в Оружейной палате, Курбатов разворачивает бурную деятельность. Он затевает громкие следственные дела против некоторых крупнейших купцов (их ведет как раз привлеченный им в палату Хрипунов) и одновременно продолжает слать царю мемориалы по вопросам, далеко выходящим за пределы его прямых обязанностей. Так, после смерти патриарха Андриана Курбатов предлагает отложить избрание нового главы церкви, а тем временем создать особый светский орган по управлению церковным имуществом – что, как мы знаем, в итоге и было сделано[225]. В 1705 году Курбатов специально просит разрешения подавать царю предложения, относящиеся к другим ведомствам: «повели мне, видя, где мочно учинить какия в котором приказе прибыли <…> наедине доносити безбоязненно»[226].

Когда отношения Курбатова с Головиным портятся, а доминирование Меншикова при дворе становится очевидным,

дьяк переориентируется на царского любимца – и посылает теперь прожекты не только царю, но и могущественному фавориту[227]. Таков, например, проект об умножении пехотного и конного войска, поданный Меншикову в 1704 году. Курбатов предлагает произвести под руководством Меншикова разбор московских служилых людей, причем в проекте он предусматривает и технологию, которая позволит фавориту установить контроль над этим предприятием: следует «взять списки [всех служилых] под управление своего имени, и в товарищи к себе выбрать кого из знатных особ, и к нему дьяков»[228].

Решение Курбатова взять под свой патронаж Навигацкую школу хорошо вписывается в общий контекст его бурной деятельности в этот период: это еще один проект, позволяющий недавнему боярскому человеку продемонстрировать государю свое рвение и одновременно, как мы увидим, поддержать собственных клиентов и единомышленников. Курбатов всерьез берется за школу уже в 1700 году и последовательно устраняет конкурентов. Для начала он доносит царю, что дело стоит на месте и что виноват в этом именно Кревет: «признаваю же в том много помешательству быти от Кревета, желающего чрез их заслуженое имети себе прибыток». На этом основании Курбатов просит передать школьный проект ему: «молю тя, государь, повели мне усердственно во усмотрении сего дела тебе, государю, послужити, да размножится в твоем самодержавии преславное во свете сие дело»[229].

Параллельно Курбатов предлагает царю собственного эксперта в области математики, знаменитого впоследствии Леонтия Филипповича Магницкого (1669–1739)[230]. Сначала он организует представление Магницкого Петру, отправив учителя для этого специально с поручением в Новгород, где тогда находился царь, а затем, уже ссылаясь на мнение этого эксперта, дискредитирует другого иностранца, которому Петром было ранее поручено подготовить учебник по арифметике:

> которую ево книгу брал я к себе и казал искусным во арефметике и геометрии Леонтью Магнитскому с товарыщи <…> [которые] сказали, что та ево иноземцова книга преведена на славянский диалект зело неисправно и разуметь невозможно, и дивных вещей в ней нет.

В этот момент выясняется, что Курбатов по своей инициативе уже поручил Магницкому написать альтернативный учебник и работа над ним уже вовсю идет под присмотром дьяка в его

собственном доме:

> И по моему, государь, убогому старанию он, Леонтей, сочиняет у меня в доме с латинских и немецких книг многих от своего учения Арифметику, в которой сказал, что будет изъявление по части о геометрии и навигации. И набело, государь, той книги уже написано в десть мелким письмом добрым 13 тетрадей. Видитця, государь, зело искусно и много тое книгу иноземцову во всем превосходит.

Предлагая Петру поддержать издание этой книги, Курбатов апеллирует и к традиционному для прибыльщиков мотиву приращения государственных финансов, обещая, что «прибыток будет твоей государевой казне, а не иноземцу тому»[231].

Появление указа о создании Навигацкой школы приходится на тот недолгий промежуток времени зимой 1701 года, когда Петр был в Москве; после поражения под Нарвой он вернулся в столицу 8 декабря 1700 года и опять уехал 31 января 1701 года[232]. Можно предположить, что и к составлению указа тоже приложил руку Курбатов. Еще М. М. Богословский отмечал, что высокопарная преамбула указа в его опубликованной версии с такими, например, оборотами, как «ревнуя древле бывшим греко-православным пресветло-самодержавным монархом» и проч., нетипична и для петровского стиля, и для приказного языка того времени, выбиваясь из стандартной формулы подобных документов[233]. Зато она хорошо соотносится со стилем именно той культурной среды, к которой принадлежали и Курбатов, и Магницкий. Сама мотивационная часть, объясняющая создание школы ссылками на опыт других монархов, созвучна мотивировке, которую Курбатов будет предлагать позднее в своем проекте Кабинет-коллегиума. Встречаются в этих двух документах и очень близкие обороты: если в указе 1701 года упоминается «храбро-премудрейшее царствование», то в проекте 1721 года – «мудро-храбрые труды» и т. д.[234] Учитывая интерес Курбатова к школе, едва ли текст указа 1701 года не был подготовлен им самим.

Передача школы в ведение Оружейной палаты позволила Курбатову использовать для поддержки нового проекта ресурсы своего ведомства. Сразу после переезда школы в Сухареву башню в этом здании начались строительные работы, включавшие перестройку всего верхнего этажа и сооружение нескольких дополнительных палат. Стоимость этих работ, около двух тысяч рублей, сопоставима с теми средствами, которые пятнадцатью годами ранее были выделены на строительство здания для

академии Лихудов. В одном лишь 1702 году Навигацкая школа получила из казны 3002 рубля; а всего за первые несколько лет существования, с ноября 1699 по 1703 год, ей было выделено 12 772 рубля. Для сравнения, расходы на сопоставимую по размеру Артиллерийскую школу за период с 1701 по 1706 год составили всего-навсего 2265 рублей[235]. Все средства поступили в Навигацкую школу из Оружейной палаты. Существенно, что у этого ведомства были собственные доходные статьи – иначе было бы трудно, если не невозможно, добиться финансирования училища в таких объемах. Курбатов сам готовил доклады, обосновывавшие выделение Навигацкой школе этих средств, и крепил соответствующие резолюции[236].

Для непосредственного заведования школой в Оружейной палате выделяются двое подьячих, причем Курбатов поручает ее своим ближайшим сотрудникам: в 1701 году «у математических и навигацких наук» значатся именно приведенные в палату самим дьяком Федор Обухов и Иван Хрипунов[237]. Но основную ставку в управлении школой Курбатов делает на Магницкого. Подобно тому, как ранее он доносил царю на своих конкурентов Домнина и Кревета, Курбатов теперь настойчиво дискредитирует британцев. Уже 16 июля 1702 года он направляет Головину письмо, обвиняя учителей в лености («англичане учат их той науке чиновно, а когда временем и загуляют или по своему обыкновению почасту и подолгу проспят») и в кознях против Магницкого («обязали себя к нему, Леонтию, ненавидением»). Последний, наоборот, представлен как образец усердия и добродетели: «непрестанно при той школе бывает и всегда имеет тщание не только к единому ученикам в науке радению, но и к иным к добру поведениям»[238].

Месяц спустя донос повторятся: по словам дьяка, «[британские] учители учат нерадетельно <…> А меньшой, государь, учитель Рыцер Грейс ни к чему не годной и в непостоянстве всяком и в плутовстве, блядни, и учеников потворствует». В учении, уверяет Курбатов, уже давно произошла бы остановка, «ежели бы [британцы] не опасались Магницкого», причем дьяк прямо пишет, что поощряет Магницкого не слушаться Фархварсона: «я ему, Магницкому, молчать им [в ответ] не велел»[239]. В 1702 году в одном из писем Курбатов рассказывает Головину, что использует Магницкого как своего агента. Дьяк получает от него напрямую доклады о положении дел в школе – «приказал ему о всяких поведениях [британцев] сказывать до приезда Вашей милости мне», – а затем на основании этих докладов дает указания и наставления британцам: «приусматривая что он [Магницкий] приносит о

порядке совершенном, призвав их в палату и сам к ним ездя, почасту говорю»[240]. Именно с именем Магницкого и его «тщанием безленостным» связывает Курбатов в донесении царю и первое достижение школы – подготовку шестерых навигаторов к отправке на корабли в следующую весеннюю кампанию[241].

AMANTISSIME FRATER ET SOCIUS

Как мы видим, в управлении Навигацкой школой Курбатов опирался на кружок своей клиентеллы; однако при ближайшем рассмотрении кружок этот оказывается лишь частью более обширной социальной сети. Бросается в глаза проступающая в источниках общность культурных аффилиаций ключевых лиц, причастных к деятельности школы в тот период, включая самих Курбатова и Магницкого, – их принадлежность к кругу позднемосковских книжников с характерной для него ориентацией скорее на католический, греко-латинский (а не на северный, протестантский) вариант барочного Запада. Как мы увидим, речь идет не просто о культурных симпатиях, но об устойчивых отношениях, которые зачастую проходили поверх социальных барьеров и связывали представителей духовенства с членами приказной корпорации и с торговыми кругами.

Принадлежность Леонтия Магницкого к этому кругу хорошо известна. Хотя предположения о том, что Магницкий некогда тоже обучался в Славяно-греко-латинской академии, пока не подтверждены документально, он, несомненно, обладал разветвленными связями в среде книжников, группировавшихся вокруг академии и Московского печатного двора. Связи эти ярко проявились в известном деле Дмитрия Тверитинова, обвиненного в 1713 году в ереси[242]. Именно в доме Магницкого, на заранее устроенном для этого званом обеде и произошел многочасовой диспут, положивший начало всему делу, причем в специально подготовленном к диспуту выступлении Магницкого, как и в его записке по итогам диспута, видна серьезная книжная и, конкретнее, теологическая подготовка математика[243]. Магницкого связывали близкие отношения и с ректором академии Феофилактом Лопатинским, и с настоятелем Александро-Невской лавры Феодосием Яновским (называвшим себя «старинным другом» учителя), а сама записка Магницкого по делу Тверитинова, как предположил А. В. Лаврентьев, могла быть адресована новгородскому митрополиту Иову[244]. Еще один виднейший книжник, глава Московского печатного двора и питомец академии Ф. П. Поликарпов играл ключевую роль в

подготовке публикации знаменитой «Арифметики» Магницкого, которая на протяжении десятилетий будет оставаться стандартным учебником по этому предмету в России[245]. Наконец, среди приверженцев и близких товарищей Магницкого фигурируют и «торговый человек» И. И. Короткий, профинансировавший, среди прочего, перевод на русский сочинения Софрония Лихуда «О силе риторической», и переводчик этого текста, грек Козьма Святогорец, живший с 1698 года в Чудовом монастыре[246]. О плотности этой сети книжников говорит хотя бы такой курьезный факт, что и Магницкий, и его будущий оппонент Тверитинов, и участвовавший в создании «Арифметики» будущий основатель первой частной типографии Василий Киприанов оказываются земляками – выходцами из Осташкова[247].

Принадлежность Курбатова к этому же кругу московских книжников также не составляет секрета[248]. Мы ничего не знаем о юности и образовании дьяка, но его хозяин, боярин Шереметев, был видным западником именно позднемосковского, латинского образца: он вырос в Киеве, а по некоторым сведениям, даже обучался какое-то время в Киево-Могилянской академии. Культурные симпатии боярина, конечно, не могли не влиять на общую атмосферу в его доме и не определять характер образованности его приближенных, к которым относился и Курбатов. Характерно, что едва ли не все фигуранты дела Тверитинова так или иначе вращались и вокруг дома Курбатова: здесь бывали, жили и вели богословские диспуты и сам Тверитинов, и выступивший на стороне Магницкого московский вице-губернатор В. С. Ершов (еще один выходец из боярских людей и «прибыльщик»), а также, судя по всему, и Козьма Святогорец[249]. До открытия Навигацкой школы в доме Курбатова жил и работал над «Арифметикой» и сам Магницкий, причем не один, а с неизвестными нам «товарыщи» – возможно, в их число входил и Василий Киприанов[250]. Характерно, что с самого начала к Навигацкой школе причисляется переводчик не с какого-нибудь языка, а именно с греческого и латинского – бывший ученик Типографской школы, академии Лихудов и итальянской школы Федот Агеев[251]. Близкий к Магницкому торговый человек И. И. Короткий был также хорошо известен Курбатову, который рекомендовал его Петру на роль торгового агента в Амстердаме[252].

Существенно, что и Магницкий, и Курбатов принадлежали не просто к одному и тому же социальному и культурному кругу, но к одной из сторон будущего, по выражению В. М. Живова, «церковно-политического противостояния» 1710–1720-х годов, а

именно – к «латинствующей» партии Стефана Яворского[253]. Свидетели, встречавшиеся с боярином Шереметевым во время его европейского турне, сообщают о его симпатиях к католицизму и латинской образованности – или, во всяком случае, о его крайне свободных взглядах на различия между католической и православной церквями; впоследствии Шереметев отметился контактами с полоцкими иезуитами[254]. На этом фоне примечательно, что московские иезуиты как о несомненном факте сообщают об обращении Курбатова в католичество во время его поездки с Шереметевым в Рим – и уточняют при этом, что Курбатов был обращен «в латинство или в унию» одним из представителей ордена и даже произнес исповедание новой веры в доме секретаря ордена в Риме[255].

Более того, иезуит Эмилиан доносил в июле 1699 года, что по возвращении из Европы Курбатов искал контактов с представителями ордена в Москве. Далее Эмилиан таинственно сообщает, что «Курбатов, человек довольно простоватый, взял на себя такое дело, которое, правда, само по себе и не очень большой важности, но может наделать много зла у этого подозрительного народа» (то есть у русских)[256]. О каком деле идет речь, из сообщения Эмилиана непонятно, но сохранилась адресованная к папе римскому «супплика» Курбатова, датированная апрелем 1698 года. В обращении этом открыто заявляются миссионерские намерения автора: он просит понтифика снабдить его книгами и образованными сотрудниками из числа чехов и поляков, опираясь на которых он мог бы склонять детей московской знати к *«verae catholicae ecclesiae»*. Преподавание математики и архитектуры описывается здесь как способ привлечь в школу московскую аристократическую молодежь. Своего господина Шереметева Курбатов прямо представляет эмиссаром, специально направленным патриархом Адрианом искать помощи Рима в борьбе с проникающей в Россию «лютеранской и кальвинистской ересью» *(haeresibus lutheri et calvini)*[257].

Сам по себе факт возможного обращения Курбатова в католичество, если он действительно имел место, не особенно примечателен – и уж во всяком случае, не исключителен для того времени. Не только Стефан Яворский, но и ставший как раз в эти годы ректором Московской академии Палладий Роговский, да и сам Феофан Прокопович также принимали католичество или унию, чтобы получить возможность обучаться в западноевропейских католических училищах[258]. Более любопытно, что инициатива Курбатова хорошо согласуется с общим всплеском интереса к латинской учености со стороны

Петра в этот период. Появление указа о создании Навигацкой школы близко совпадает по времени с возложением на Стефана Яворского обязанностей местоблюстителя патриаршего престола (16 декабря 1700 года), а в сентябре 1701 года последовало формальное утверждение Петром привилегии Киевской академии. Тогда же быстро «латинизируется» за счет привлечения киевских учителей и Московская академия. На 1700–1701 годы приходится и расцвет собственно иезуитской школы в Москве, организованной чехами Яном Миланом и Яном Берулой и рекрутировавшей десятки представителей московской знати при видимо одобрительном отношении Петра[259]. Разговоры о недопустимо терпимом отношении Петра к католицизму велись в эти годы не только среди москвичей, но и среди иноземных офицеров-протестантов[260]. В этом смысле, хотя заигрывание Курбатова с иезуитами в последние годы XVII века и соответствовало культурной ориентации его социального круга, одновременно оно могло, в глазах «прибыльщика», отвечать и намерениям самого Петра.

Можно ли связать деятельность Курбатова в Навигацкой школе и его последующее настойчивое внимание к развитию школ с его католическими контактами? Вот примечательная деталь: подьячий Иван Авксентьевич Хрипунов, привлеченный, как мы помним, в Оружейную палату по прямому ходатайству Курбатова, некоторые свои служебные документы, обращенные к Магницкому, подписывает по-латыни, *Scriba Joannes Chripunov*, причем встречаются и записки Хрипунова, целиком написанные на латыни[261]. Любопытно, что в одном из таких писем *«scriba Joannes»* Хрипунов называет Магницкого «Леонтий Филиппович, *amantissime Frater et socius, et comes*, а паче *benefactor et dominus*», а в другом адресуется к нему «*Domine Benevolentissime* Леонтий Филиппович»[262]. Почему подьячий Хрипунов, ближайший сотрудник Курбатова, называет учителя Магницкого, служащего подведомственной ему школы, «братом», «сотоварищем», «благодетелем» и «господином»? Следует ли обращение *«Frater»* понимать буквально – как признак общей принадлежности к некоему «братству»-ордену или это лишь формула вежливости? В одном из писем к учителю подьячий подписывается *«amicus et discipulus»*: похоже, Магницкий в какой-то момент являлся наставником Хрипунова – но наставником какого рода?[263] Наставлял ли он его в математике, в латыни или в чем-то ином? И где вообще этот бывший боярский холоп мог выучить латынь? Ответить на эти вопросы мы пока не можем. Но, во всяком случае, изложенные обстоятельства указывают на то, что ключевые деятели Навигацкой школы, которым она и обязана своим

становлением в первой половине 1700-х годов, не просто принадлежали к одному социальному кругу, но были объединены и общей культурной ориентацией.

Было бы анахронизмом считать, что подобная культурная ориентация автоматически транслировалась в принадлежность к некоей «партии». Показателен пример И. А. Мусина-Пушкина. Этот влиятельный вельможа был сам учеником академии Лихудов, и в 1701 году никто иной, как Курбатов, рекомендовал его царю как подходящего кандидата на должность управителя церковными имуществами – тем не менее в итоге Мусин-Пушкин оказался в лагере противников Яворского[264]. Да и сам Феофан Прокопович, конечно, принадлежал к той же самой среде: размежевание между «латинствующими» и «протестантской» партией Петра и Прокоповича, столь ярко проявившееся в деле Тверитинова, оформилось и обострилось постепенно, на протяжении первого десятилетия XVIII века; оно отражало не только нарастающее неприятие «латинствующими» петровской церковной политики, но и столкновения и соперничество между Стефаном Яворским и Феофаном Прокоповичем, и шире, между противоборствующими придворными группировками. Тем не менее, хотя переписка между Хрипуновым и Магницким вовсе не обязательно является эхом какого-то крипто-католического заговора, очевидная в ней общность культурных симпатий, несомненно, способствовала установлению прочных неформальных связей, выходивших за рамки официальных иерархий. Наличие этих связей делает ориентацию Курбатова именно на Магницкого вполне объяснимой.

Труднее сказать, насколько эти культурные симпатии повлияли собственно на организацию преподавания в Навигацкой школе, какие интеллектуальные, этические и эстетические взгляды могли быть заложены в учебные материалы и преподавательские практики в ней. Поскольку архив школы, к сожалению, утрачен, основным доступным нам текстом, отражающим установки ее создателей, остается знаменитая «Арифметика» Магницкого – и судя по ней, это были установки не на узкоутилитарное, техническое, справочное знание, но на формирование мировоззрения, даже на воспитание эстетического чувства читателя. Яркий образчик барочного гуманизма, «Арифметика» включает и общефилософские рассуждения, и цитаты из Священного Писания и отцов церкви; ее главы предварены стихотворениями, аллегорическими изображениями, позаимствованными из более раннего букваря самого Поликарпова, «Алфавитара» Евфимия Чудовского и даже трудов Яна Коменского. В самих стихотворениях развиваются

традиционные для барочной поэзии мотивы «вертограда», уподобление сада – наукам и мудрости, а добродетельных детей – цветам. Вторя букварям Симеона Полоцкого и того же Поликарпова, вирши в «Арифметике» призывают учеников к прилежному учению, представленному, в том числе, и как «полезное» и богоугодное дело[265].

Публикация «Арифметки» имела также и вполне прагматический смысл. Книга эта не была для школы побочным продуктом, какой-то личной затеей Магницкого: наоборот, ее создание было абсолютно центральным для самопрезентации всего предприятия, на нее делалась ставка в карьерно-придворных стратегиях Курбатова и его клиентеллы. Как мы знаем, поручение подготовить «на словенском диалекте, избрав от арифметики и геометрии и навигации, поелику возможно, годную к тиснению книгу» содержалось уже в распоряжении от 22 февраля 1701 года о причислении к школе Магницкого (по всей видимости, инспирированном Курбатовым)[266]. Когда книга была подготовлена и представлена Магницким (21 ноября того же года), Курбатов не забыл подчеркнуть успешную реализацию взятой им на себя задачи и успешную работу рекомендованного им эксперта: Оружейная палата готовит специальные подносные экземпляры книги для Петра и Головина[267]. Курбатов как один из руководителей Оружейной палаты играл ключевую роль и в издании «Арифметики», вышедшей огромным для того времени тиражом в 2400 экземпляров: книга печаталась как «неокладное издание», то есть не за счет Печатного двора, а на «наемных станах» за счет внешнего заказчика – все той же Оружейной палаты[268]. Иными словами, выход «Арифметики» символизировал собой успех школы и ее создателя на том этапе, когда до каких-то осязаемых образовательных достижений было еще очень далеко.

Издание книги дает Курбатову и повод лоббировать материальные интересы. Уже ставя перед Петром вопрос об издании «Арифметики», дьяк сразу оговаривает будущее вознаграждение Магницкому: «Леонтию с товарыщи, изволишь от того собрания [выручки от продажи книги] пожаловать некоторую малую часть». В дальнейшем, ссылки на успешную подготовку издания используются Курбатовым и для обоснования его настойчивых требований повысить Магницкому жалованье. Помимо денежных выплат, в марте 1703 года Магницкому пожалован двор на Лубянке, а в 1704 году Оружейная палата оплачивает счета «за построенное Магницким на новопостроенном его дворе в полатах и на дворе всякое строение» и даже расходы на пошив учителю саксонского кафтана и другого платья «за его непрестанные прилежные в навигацких школах в

учении труды»[269]. Хотя решения о награждении учителя и принимаются по указу государя и по челобитной самого Магницкого, едва ли бы они могли состояться без поддержки влиятельного дьяка, курирующего школу. И действительно, указ о выделении Магницкому дворового места на Лубянке несет «припись» самого Курбатова[270]. Позднее аналогичным образом Курбатов поддерживал и привлеченного Магницким к работе над «Арифметикой» Василия Киприанова: в 1704 году дьяк успешно ходатайствовал о передаче ему в награду за работу над «Арифметикой» каменной лавки и двух «скамейных мест», а в 1705 году добился выдачи Киприанову не просто разрешения на открытие первой частной типографии, но и государственной ссуды на ее устройство и предоставление ему монополии на издание гражданских гравюр. Создаваемой типографии при этом велено было быть в ведении Ратуши, куда к тому времени перешел «прибыльщик», и лично Курбатова. В результате, Курбатов мог и дальше оказывать Киприанову поддержку, расширяя одновременно границы своей административной ниши[271].

НАВИГАЦКАЯ ШКОЛА ПОСЛЕ КУРБАТОВА

Итак, усилия Курбатова, как мы увидели, сыграли ключевую роль в становлении Навигацкой школы на начальном этапе ее истории. Однако вскоре в его карьере наступает крутой поворот: уже в феврале 1705 года Курбатов становится инспектором Ратуши – органа с широчайшими полномочиями по управлению всем городским населением страны; тогда же под его ведением оказывается и Канцелярия каменных дел[272]. Это назначение, несомненно, было повышением, и дьяк активно принялся осваивать свою новую позицию. Но одновременно его переход на новую должность означал, что Курбатов не мог больше лично опекать училище на Сухаревой башне; более того, Курбатов забрал с собой в Ратушу и Хрипунова с Обуховым, близких к нему подьячих, непосредственно ведавших школой. В августе 1706 года умирает и глава Оружейной палаты Головин – и Навигацкую школу передают в ведение Федора Матвеевича Апраксина и возглавляемого им Приказа воинского морского флота. Самого же Курбатова Петр в 1711 году, вопреки его собственному желанию, направляет руководить Архангельской губернией в звании вице-губернатора. Хрипунов, *«discipulus»* учителя Магницкого, был произведен в дьяки и последовал за своим патроном в Архангельск[273]. Именно в Архангельске Курбатов попытается, по

собственной инициативе, открыть школу для солдатских детей, используя свои полномочия вице-губернатора для сбора с местного населения «добровольных» пожертвований на нее – эти сборы потом будут фигурировать, наряду с другими его проступками, в предъявленных Курбатову обвинениях. Чуть позднее, уже под следствием, он сочинит свои «пункты о Кабинет-коллегиуме» 1721 года, где в наиболее развернутом виде изложит свои мысли по поводу образования. Среди прочего, опальный вице-губернатор будет пространно доказывать необходимость открытия «академий свободных разных наук» и «учительных школ», в том числе и со ссылками на европейский опыт[274].

Несмотря, однако, на отъезд и последующую опалу Курбатова, Навигацкая школа сохранила устойчивость – и, как кажется, в значительной степени это связано с тем, что учитель Магницкий мог опираться на поддержку не только персонально Курбатова, но и более широкого круга книжников, который они оба представляли. Действительно, позиции Магницкого в школе не только не ослабли, но даже усилились и, как мы увидим, были официально закреплены. Из материалов дела Тверитинова видно, что и после назначения Курбатова на Двину его московский дом остается одной из точек притяжения для столичных книжников, как и дом самого Магницкого, который посещает, например, и влиятельный вице-губернатор Ершов[275]. Примечательно, что, прибыв в 1714 году в Санкт-Петербург для дачи в Сенате показаний по делу Тверетинова, Магницкий первым делом отправился за советом именно к Ф. М. Апраксину, новому куратору школы. Хотя адмирал сильно опасался возможных политических последствий, в деле Тверитинова он вполне сознательно и последовательно поддерживал партию Яворского. Отметим, что Апраксин, как и Головин, был связан дружескими отношениями с Шереметевым, первым патроном Курбатова[276]. Связи Магницкого с адмиралом также могли иметь давнюю историю, поскольку братья Апраксины отметились контактами с тем же кругом книжников: среди прочего, Петр Матвеевич, брат адмирала, учился в 1686 году латыни у Яна Белобоцкого[277]. Следует полагать, что возможностью зайти к такому влиятельному вельможе и попросить у него помощи и совета по политическому вопросу Магницкий был обязан не столько своему скромному статусу учителя, сколько своей репутации книжника и принадлежности к соответствующим кругам.

По документам видно, что после перехода Курбатова в Ратушу Головин уже в июле 1705 года поручает школу стольнику Дмитрию Петровичу Протасьеву, своему дяде – одному из двух мирян (вторым был И. А. Мусин-Пушкин), которых Курбатов в

октябрьском письме 1700 года рекомендовал Петру для «временного в духовных [делах] управления»[278]. Хотя поначалу ведение Сухаревой башни, как кажется, не было закреплено персонально за кем-то из дьяков Оружейной палаты, уже в августе мы встречаем первые документы, направляемые в школу за подписью Андрея Александровича Беляева (ум. ок. 1718), дьяка, а затем адмиралтейского комиссара, который и будет играть абсолютно ключевую роль в управлении Навигацкой школой на протяжении последующих десяти лет[279].

О ранней биографии Беляева, как и большинства других приказных того времени, мы знаем крайне мало[280]. Из документов ясно, однако, что в период своей службы в Приказе воинского морского флота, а затем в Адмиралтействе он был не просто чиновником, но ближайшим доверенным лицом Апраксина. Как это было характерно для сановников той эпохи, канцелярия Апраксина занималась и обеспечением его деятельности как главы морского ведомства, и его личными и хозяйственными делами. В известном смысле, до своего переезда в новую столицу Беляев был своего рода полномочным представителем Апраксина в Москве. Он заведовал, в том числе, достройкой дома адмирала, поместными тяжбами его брата, заказывал для адмирала алмазные пуговицы и так далее[281].

Вел Беляев и полупредпринимательскую деятельность, где нужды флота и интересы Апраксина как крупного подрядчика были неразделимы: именно в интересах адмирала Беляев управлял в 1710-х годах полотняными дворами в Москве, обещая Апраксину, что «прибыль от того можно, за помощью Всевышнего, получить немалую»[282]. Управление это, впрочем, было не слишком успешным – Беляева в итоге обвинили в том, что он чуть не разорил фабрику и поставлял на флот гнилую парусину[283]. Показательно письмо, направленное Апраксиным Беляеву в 1715 году. Адмирал узнал от князя Якова Федоровича Долгорукова, что «суконное дело на Москве произошло в изрядное действо» и что много сукна закупается теперь на армию. В связи с этим Апраксин поручает Беляеву разведать, «как оный завод произошел в действо, и каким образом сукна подряжают», чтобы завести такое же производство в апраксинских владениях в Азовской губернии[284].

Стараясь услужить Апраксину, Беляев, конечно, не забывал и себя, как это видно из списка накопленной им недвижимости. Его дом в Санкт-Петербурге, как выясняется, был достаточно представительным, чтобы царь мог после смерти дьяка пожаловать его адмиралу Джорджу Паддону; дополнительно подчеркивает тесные отношения Беляева с Апраксиным тот факт,

что дом этот находился рядом с собственным домом адмирала. В Москве за Беляевым числился загородный дом «на реке Яузе против Андрониева монастыря со всеми строениями», пожалованный в итоге П. А. Толстому; и трехэтажный каменный дом в Огородной слободе, окруженный каменным же забором с железными решетками, оказавшийся настолько привлекательным, что его долго и настойчиво домогался сам А. И. Остерман[285].

В качестве доверенного лица высокопоставленного сановника Беляев и сам оказывается прожектером. Например, в марте 1714 года он предлагает Апраксину обратиться к Петру с идеей ведения нового налога – сбора с морских и речных судов. Как и положено в прожекте, идея обосновывается «самой государственной денежной нуждой и войной», стремлением «учинить помощь государственную». Столь же традиционны и заверения, что новый налог не повлечет для населения «тяжелости, ибо как наниматель, так и наемщик [судов] в розговоре своем оное [налоговое бремя] розверстывать, ведая указ, будут обще». Новая идея предлагается не случайно – Беляев указывает, что администрированию подобного сбора, если он будет одобрен, «прилично» быть под ведением его патрона как главы Адмиралтейства, заведующего всеми судами в государстве вообще (а значит, конечно, под ведением и самого Беляева). В отличие от обычных писем Беляева, данный проект красиво выписан и представлен в двух экземплярах – очевидно, для представления самому Петру[286].

Хорошо был Беляев знаком и с делами Навигацкой школы, и с ее учителями. Свидетельств его принадлежности к кругу московских книжников у нас нет, но службу свою в Оружейной палате он начинал под руководством все того же Курбатова. В 1701 году в Оружейной палате числился подьячий Андрей Беляев, а в 1705 году Беляев уже указан как один из двух дьяков в палате, то есть он был назначен на освобожденную Курбатовым вакансию[287]. Более того, Беляев в эти годы был, похоже, близким сотрудником Курбатова. Среди бумаг Петра находится недатированное письмо, которое направили царю «всеубожайшии сироты и не годнии твои, великого государя, раби», подписавшиеся, в соответствии с нормами московского эпистолярного этикета, как «Алешка» Курбатов и «Андрюшка» Беляев. Двое приказных запрашивают тайную аудиенцию у государя: цель встречи, по их словам, состоит в том, чтобы информировать Петра о «некотором в похищении твоея, великого государя, казны деле знатной особой». Ни имя преступника, ни обстоятельства преступления в письме, конечно, не раскрываются, но зато авторы многословно заверяют государя в

собственных верности и рвении и столь же красочно описывают ту ненависть и опасности, которым они подвергаются за свою верность со стороны неназванных злодеев[288].

Учитывая тесные связи Беляева с Курбатовым, неудивительно, что у него, похоже, установились и прекрасные отношения с Магницким – и что он оказался глубоко вовлечен в дела Навигацкой школы. Переход Беляева на службу в Приказ воинского морского флота примерно совпадает по времени с передачей школы в ведение Апраксина. Адмирал, разумеется, постоянно находился в разъездах, а с основанием Санкт-Петербурга проводил большую часть времени в новой столице, так что управление школой и переписку по школьным делам он вел именно через Беляева[289]. Беляеву, например, доверяется подбор учеников для определения на те или иные должности на основании рекомендаций учителей: «по осмотру и под отметою над именами адмиралтейского комиссара Андрея Александровича Беляева отосланы были в артиллерию с указом школьные ученики»[290].

Более того, Беляев все больше и больше втягивается в роль патрона школы, представляя и отстаивая перед лицом Апраксина ее нужды и интересы. Беляев требует от адмирала распоряжений о деятельности школы, напоминает о необходимости распределить на службу окончивших курс учеников и добивается соответствующих указаний государя, ходатайствует о повышении жалованья учителям и защищает учеников (а вместе с тем, и собственные прерогативы) от поползновений со стороны других ведомств[291]. Самое главное, именно Беляеву школа обязана сохранением финансирования. Поскольку утвержденного штата школы не существовало, расходы были непредсказуемы и имели тенденцию расти; в частности, по мере того, как ученики переходили от освоения азов к изучению «высших» наук, повышалась и ставка положенных им «кормовых денег». В результате, к началу 1712 года на содержание школы требовалось уже до 10 000 рублей в год. Средства эти поступали из двух источников: во-первых, это были доходы Серебряного и Медного монетных дворов, и во-вторых, специальные сборы, которыми были обложены восемнадцать аристократических семей – так называемые «царедворцы», – временно освобожденные за это от обязанности лично нести военную службу. Монетные дворы были подведомственны возглавляемому Апраксиным Приказу воинского морского флота, причем ведал ими все тот же Андрей Беляев, поэтому передача средств от монетных дворов Навигацкой школе происходила относительно гладко. В 1711 году, однако, монетные дворы отошли в ведение Сената, а

«царедворцев» отправили на службу в Белгород, так что платежи от них прекратились. В результате Навигацкая школа осталась без средств к существованию, и ни сам государь, ни Сенат не спешили определить иные доходные статьи, из которых ее можно было бы содержать. Лишь благодаря настойчивым требованиям Беляева удалось сначала получить 2000 рублей на самые неотложные нужды, а затем и восстановить финансирование школы из прежних источников. По этому случаю впервые была зафиксирована и смета на ее содержание.

Из этого эпизода видно, как важно было для успеха дела наличие мотивированного – причем, неформально мотивированного – административного предпринимателя. Поскольку начиная с 1711 года Апраксин больше не контролировал монетные дворы напрямую, для получения каждого платежа требовалось теперь лоббирование и давление со стороны Беляева. В мае 1712 года Беляев докладывает, что нехватка денег приводит к участившимся побегам учеников, а к февралю 1714 года выплата жалованья учителям и «кормовых денег» студентам задерживалась уже почти на полгода. В апреле 1714 года Беляев предъявляет Апраксину чуть ли не ультиматум: «ежели оной [школе] быть, то потребно на содержание ее деньги, а буде даваться не будут, то истинно лучше распустить, понеже от нищенства и глада являются от школяров многие плутни». Тем не менее распускать школу он, конечно, не хочет: наоборот, Беляев предлагает даже расширить прием в школу и вызывается, если нужно, рекрутировать дополнительно тысячу учеников[292]. В итоге, именно благодаря Беляеву школа продолжала принимать новых учеников и получала, несмотря на все задержки, необходимое финансирование. И, разумеется, радея о благе школы, Беляев не забывает и своих друзей, специально ходатайствуя перед Апраксиным о повышении жалованья «бедному Магницкому»[293].

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В НАВИГАЦКОЙ ШКОЛЕ

Несмотря на легенды, получившие хождения еще в XVIII веке, у нас нет документальных подтверждений личного участия Петра ни в обсуждении устройства Навигацкой школы в целом, ни в разработке ее программы[294]. Вся известная нам переписка с Петром по поводу Навигацкой школы носит односторонний характер – это обращения к царю, о реакции которого на эти обращения нам ничего неизвестно. В отсутствие четко сформулированного самим Петром видения и педагогические

методы, и организационная структура Навигацкой школы неизбежно должны были отражать личный опыт и интересы предприимчивого патрона этого училища и его сотрудников. При этом ни методы, ни структура эти – ни даже сама программа обучения на Сухаревой башне – так никогда и не удостоились обсуждения в каких-либо правительственных органах. Не были они и зафиксированы на бумаге: у Навигацкой школы не было ни устава, ни регламента, ни утвержденного штата. Поэтому, как и в случае с училищами предшествующего периода, само устройство школы нам приходится реконструировать на основании финансовых документов, отражающих выплаты учителям и ученикам, или на основании обрывочных фраз в рутинной переписке.

На основании этих сведений можно сделать вывод, что, подобно другим училищам того времени, Навигацкая школа существовала как полуавтономное подразделение конкретного правительственного органа, в данном случае сначала Оружейной палаты, а затем флотского ведомства. Этот орган служил источником финансирования, занимался администрированием училища и выполнял квазисудебные функции в случае возникновения разногласий и инцидентов. Численность обучающихся в школе не была установлена заранее, но определялась от случая к случаю, путем получения разовых инструкций из вышестоящих инстанций по мере зачисления новых учеников[295]. Не существовало и фиксированной сметы: уровень фактических расходов на школу устанавливался в процессе сложного взаимодействия между учителями и ведающими школу администраторами. Наконец, как и в случае более ранних школ, не была четко определена социальная группа, из которой следовало рекрутировать учеников (в Типографской школе: «иных, которые похотят учиться, всяких чинов ученики»; в «Привилегии на Академию»: «всякого чина, и сана и возраста люд[и]»; в Навигацкой школе: «ко учению, усмотряя, избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением»); в результате в школу зачислялись выходцы из самых разных слоев населения, привлеченные выплатой «кормовых денег»[296].

Насколько мы можем судить, учителя пользовались значительной автономией в том, что касалось преподавания и дисциплины в школе, особенно на раннем этапе. Правда, в конце 1700-х – начале 1710-х годов, когда Сухарева башня попадает в ведение адмирала Апраксина и флотских чиновников, вмешательство извне в школьные дела становится более заметным. Появляются, например, требования вести учет прогулов и ежемесячно представлять соответствующие доклады,

чтобы государева казна не расходовалась напрасно на выплату «кормовых денег» за пропущенные учениками дни[297]. В 1709 году Магницкому напоминают о необходимости вести классы дважды в день, утром и вечером, и в целом обеспечивать «всеприлежное радение» со стороны учащихся. Для этого ему предписывалось выбрать из числа старших школьников двух человек, которые помогали бы ему следить за прочими, подобно тому, как это должны были делать старосты-«надсматривальщики» в Типографской школе[298]. Последующими указами ученикам запрещалось покидать школьный двор в течение дня под любым предлогом: контроль за соблюдением этого запрета возлагался на солдат, которых теперь регулярно назначали на дежурство при школе[299].

Но, несмотря на эту нарастающую бюрократизацию, Навигацкая школа, подобно позднемосковским училищам, воспринималась и ее сотрудниками, и их внешними контрагентами как группа учеников и «подмастерьев», объединенных фигурой учителя-«мастера». И действительно, Фархварсон и другие учителя значились в расходных ведомостях Оружейной палаты бок о бок с прочими ремесленниками, такими как часовщики или граверы, многие из которых тоже имели своих учеников, осваивавших под руководством «мастеров» соответствующее ремесло. Непонятно даже, существовало ли на практике какое-то четкое распределение обязанностей между Магницким и британцами. Хотя за Фархварсоном и закрепился титул «профессора», каковы точно были его полномочия и обязанности, мы не знаем – видно лишь, что он получал более высокое жалованье и обладал неким старшинством среди преподавателей. Что до Магницкого, то хотя его и назначили как будто в помощь британцам («в тех же науках у вышеозначенных учителей <…> быть»[300]), в ходе кампании по массовому зачислению учеников в 1702 году подьячие Оружейной палаты предпочитали переписываться именно с ним, причем обращение к учителю, по понятным причинам, зачастую носило более личный характер: «бил челом в ученики Печатного приказа подьячий Федор Васильев, и челобитную подал, и по челобитной велено его отослать в школу, и ты, Леонтий Филиппович, изволь его принять». Расписки, подтверждающие прибытие учеников, однако, оформлялись от имени Фархварсона, например: «по указу великого государя посланы в школу в обучение Федор Васильев сын Соболев да Федор Барышников, которых принял учитель Андрей Фархварсон с товарыщи»[301]. Именно Магницкий расходовал деньги на покупку для школы припасов; к Магницкому обращена и сохранившаяся переписка со школой

по дисциплинарным вопросам (побеги и опоздания учеников, наказания за разные «продерзости», штрафы)[302]. К 1705 году, несмотря на его более низкие по сравнению с британцами жалованье и ранг, именно Магницкий, пожалуй, играет в Навигацкой школе ведущую роль: он не только обгоняет Фархварсона по числу учеников, но и вторгается в преподавание «вышних» дисциплин, которые вроде бы должны были быть закреплены за профессором. В этом году в списках показано лишь 30 учеников, которые «совершили науку навигации у иноземца Андрея Фархварсона с товарищем», и уже 34 человека, которые «совершили науку навигации» у Магницкого[303].

Поскольку о существовании в школе утвержденной кем бы то ни было программы обучения нам ничего неизвестно, реконструировать содержание обучения на Сухаревой башне нам по-прежнему приходится на основании расходных ведомостей, отражающих размер выплачиваемых ученикам «кормовых денег», который, в свою очередь, зависел от их успехов в учебе – от того, насколько далеко они продвинулись в «науках». Судя по этим расходным ведомостям, школьники последовательно осваивали определенный набор предметов, каждый из которых составлял отдельный этап обучения; соответственно, освоение того или иного предмета определяло и нечто вроде ранга данного ученика. На самой низшей ступени стояли ученики, находившиеся «в арифметике»; за ними шли ученики «в геометрии», «в тригонометрии», «в навигации плоской», «в навигации меркаторской», «в сферика», «в диурналах» (имеется в виду искусство ведения судового журнала), «в астрономии» и «в географии». В каждый конкретный момент ученик, насколько можно судить, изучал только один из этих предметов, причем ни численность учеников в каждом предметном классе, ни продолжительность обучения не были зафиксированы. Не предполагалось, что каждый ученик обязательно должен пройти эту последовательность до конца: его могли в любой момент отчислить из школы за «непонятность», перевести на действительную службу или отправить с каким-либо поручением[304]. Бросается в глаза, что на Сухаревой башне не преподавали ни строевую подготовку, ни фехтование, ни танцы – несмотря на то, что все эти предметы, казалось бы, отвечали запросам молодых дворян, которые к этому времени все чаще воспринимали себя как представителей «шляхетства», европейского благородного сословия[305].

Исходя из этого, не будет, как кажется, слишком смелым утверждение, что Навигацкая школа – равно как и существовавшая с 1701 года в ведении сначала Андрея Виниуса, а

затем Якова Брюса Артиллерийская школа и другие новые училища той поры – воспроизводила в организационном отношении не слишком далеко ушла от позднемосковских училищ. В частности, это касается автономии учителей-«мастеров», каждый из которых работал со своим классом-«школой», и принципов структурирования программы, где цепочка последовательно выстроенных математических предметов напоминала последовательное освоение программы учениками коллегиумов предыдущего столетия. Модель эта, как оказалось, была вполне совместима с новой, ориентированной на математику программой петровской эры, и мы не находим в дошедших до нас документах о деятельности Сухаревой башни явных попыток как-то отклониться от нее.

В этом смысле трудно утверждать, что специализация Навигацкой школы на новых математических предметах автоматически предполагала и какие-то инновации организационного или педагогического характера. И дело здесь, разумеется, не в особом консерватизме московских учителей. Показательно, что ни в одном из известных нам документов мы не видим и намека на стремление британских учителей как-то переустроить преподавание – внедрить новые принципы и методы, которые бы отражали, например, собственный опыт Фархварсона в Абердине или практики Королевской математической школы в Лондоне, не понаслышке знакомые Гвину и Грейсу[306]. Создается впечатление, что иноземные учителя не ощущали какой-то несовместимости между позднемосковской моделью организации обучения, которая могла быть привычна Магницкому, Курбатову и людям их круга, и новейшими техническими потребностями. В конце концов, вовлечение книжников в морскую проблематику началось еще с братьев Лихудов, которые, среди прочего, переводили с итальянского и тексты по навигации – и именно ученики Лихудов, освоившие итальянский язык, были поначалу определены к изучению мореходной науки, карт и компаса[307].

Более осторожно можно задаться вопросом, не объясняется ли отсутствие в рассматриваемый период попыток формализовать организационное устройство Навигацкой школы тем, что такая формализация не была нужна самому Курбатову. Его влияние в школе было основано на личном доступе «прибыльщика» к государю, на его отношениях с влиятельными сановниками, такими как Головин и Меншиков, и на имевшихся у него возможностях распоряжаться ресурсами Оружейной палаты и расставлять на ключевые позиции своих клиентов. Наличие таких неформальных механизмов контроля способствовало консервации

существующих моделей распределения ресурсов и полномочий, сложившихся иерархий и отношений как внутри школы, так и между школой и ведомствами, которым она была подчинена. Когда же мы все-таки находим в эти годы какие-то попытки формализовать организационную структуру школы, зачастую оказывается, что они обусловлены личными интересами тех или иных игроков, а не какими-то потребностями «модернизации». Так, попытки британских учителей добиться назначения особого должностного лица в школе «для надсматривания и управления <…> у тех наших наук <…> чтобы тех учеников, которые будут, в подобострастии держать», были связаны со стремлением придумать должность для Андрея Кревета. Когда же Курбатов отстранил Кревета от школьных дел, подобная должность оказалась не нужна, и более о ней никто не вспоминал.

Вскоре после передачи школы под управление Приказа воинского морского флота (не позднее 1707 года) разграничение обязанностей между учителями было, однако, официально закреплено изданным от царского имени указом. Магницкому предписали ведать учеников, «которые пребывают учением в арифметике даже до навигации, а как они из того учения выдут, таковых отсылать без всякого у себя задержания в вышнее учение к учителям иноземцам Андрею Фархварсону с товарищи», но при этом Магницкий и Фархварсон должны были самостоятельно вести учет посещаемости и успеваемости учеников и переписку с флотским начальством[308]. Иными словами, указ фиксировал полную самостоятельность Магницкого, а организационно – наличие двух обособленных и никак друг другу не соподчиненных «школ». В данном случае формализация и бюрократизация управления выливались в укрепление автономии Магницкого и, тем самым, в кодификацию традиционной модели учебного заведения как совокупности отдельных «школ», то есть автономных учителей-«мастеров».

Глава 3
МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ И «МНИМЫЙ БАРОН БЕЗ ВСЯКОЙ ДИПЛОМЫ»

Барон Жозеф де Сент-Илер, появившийся в Санкт-Петербурге словно из ниоткуда в 1715 году и сразу же возглавивший Морскую академию, долго оставался фигурой загадочной: историки могли лишь предполагать, кем он был и чем занимался до прибытия в Россию. С одной стороны, созданная им школа быстро превратилась в ведущее учебное заведение петровского государства. Как писал ганноверский дипломат Фридрих Христиан Вебер, «не было ни одной знатной семьи в пределах обширной Российской империи, которая бы не обязалась выслать в эту академию сыновей или других родственников в возрасте от десяти и даже до восемнадцати лет <…> так что в этой академии собран сейчас весь цвет русского дворянства»[309]. Поскольку прозорливый государь доверил французу столь важный проект, историки по умолчанию предполагали, что Сент-Илер должен был быть опытным морским офицером, возможно, даже адмиралом. С другой стороны, учитывая конфликтный характер Сент-Илера и его скорое увольнение с русской службы, возможный вклад француза в развитие академии оценивается обычно довольно скептически.

И действительно, сомнения касательно личности барона оказались вполне обоснованными: детальная реконструкция его биографии на основе вновь обнаруженных архивных материалов не оставляет сомнений, что основатель Морской академии был, называя вещи своими именами, настоящим самозванцем и авантюристом, каких немало видел XVIII век. Но, несмотря на это, именно он внес ключевой вклад в создание данного петровского училища и во многом определил его облик. Пример Сент-Илера напоминает нам, насколько эфемерной была в ту эпоху грань между «самоизобретением» (*self-fashioning*) и самозванством, между интриганством и серьезной работой по построению новых институций и как легко могли предприимчивые дельцы изобретать и перекраивать свою идентичность, перешагивая при этом через социальные и географические границы[310].

Образовательное предпринимательство Сент-Илера и предлагавшиеся в его многочисленных проектах организационные новшества были неотделимы от и прямо вытекали из его попыток переизобрести себя заново в России.

Морская академия, как она предстает в проектах ее первого директора, должна была стать радикально модерным для своего времени учебным заведением. Устройство школы и действия ее руководителей должны были регулироваться правилами и инструкциями, подробно регламентировать предполагалось и повседневное поведение учеников; фиксировалась – пусть и в самом общем виде – программа обучения; функции директора регламентировались и отделялись от функций учителя; и так далее. В этом отношении проекты Сент-Илера следует считать прямыми предшественниками школьных регламентов и проектов, которые будут появляться в России позднее, в 1730-х годах. Однако эти попытки внедрить в академии новые организационные формы были мало связаны с реформаторскими усилиями Петра или с нуждами его государства. При ближайшем рассмотрении движущей силой здесь оказывается именно барон де Сент-Илер, который стремился закрепить свои полномочия – и свой административный и социальный статус – путем сочинения регламентов, устанавливавших его ранг и его служебное положение по отношению к его подчиненным и к другим сановникам; введение «лучшего порядка» и «регулярства», основанного на новейших французских моделях, было инструментом, с помощью которого он надеялся достичь своих карьерных целей. Сначала сочинение проектов было способом прилечь внимание царя; позднее он пытался использовать проекты, чтобы выгородить себе некоторую административную нишу, присвоить ресурсы и, наконец, отразить нападки соперников. Именно потому, что француз был совершенным чужаком при русском дворе, ему приходилось особенно сильно полагаться на прожектерство как способ установления своего социального статуса. Но хотя его положение чужака и стимулировало предпринимательские усилия барона, оно же и делало успех его проектов менее вероятным. Как оказалось, сами по себе заимствованные напрямую из Западной Европы «регулярные» практики не были особенно нужны Петру и его модернизирующему государству, так что большая часть предлагавшихся Сент-Илером организационных новшеств оставались на бумаге и были благополучно забыты после его увольнения.

СОТВОРЕНИЕ ПРОЖЕКТЕРА

Похождения нашего героя, успевшего за какой-то десяток лет оставить свои следы едва ли не по всему европейскому

континенту, вполне могли бы составить сюжет увлекательного приключенческого романа[311]. По данным французского военно-морского ведомства, достаточно внимательно следившего за его перемещениями, будущий барон родился в Тулоне, в мещанской семье и носил фамилию Аллер (*Allaire*); какое-то время он подвизался в качестве негоцианта в Байонне, а затем попался на мошенничестве со страховкой. Аллер был арестован и приговорен к галерам, но ему удалось сбежать и перебраться в Испанию, где в это время в рамках Войны за испанское наследство противостояли друг другу франко-испанская и англо-португальская армии[312]. Оказавшись за Пиренеями, Аллер к концу 1710 года каким-то образом вошел в доверие к французскому военачальнику маркизу де Бэ (*Alexandre Maître, marquis de Bay,* 1650–1715). Как раз в это время, в ноябре 1710 года, англичане и португальцы начали отступление из ненадолго оккупированного ими Мадрида, а 8–9 декабря потерпели серьезное поражение у местечка Бриуэга, что фактически поставило крест на их надеждах вернуть испанский престол Габсбургам. Одновременно летом 1710 года в Англии пал кабинет Годолфина, и пришедшие к власти тори начали прощупывать почву для сепаратных переговоров о мире с Францией. По итогам этого зондирования в апреле 1711 года Версаль направил в Лондон письменные предложения об условиях возможного мирного соглашения[313].

На этом-то фоне и развернулись испанские похождения Аллера. Где-то в конце 1710 года он согласился стать агентом де Бэ в переговорах о сепаратном мире с Португалией и на протяжении нескольких месяцев курсировал с тайными посланиями между штаб-квартирой маркиза и Лиссабоном. С самого ли начала он замышлял предательство или лишь воспользовался ситуацией, сказать трудно, но во всяком случае в марте 1711 года он передал доверенные ему французами депеши командующему английским контингентом в Португалии; англичане заявили португальскому двору протест, и сепаратные переговоры – если они действительно имели место – были сорваны. «Джозеф Халлер» (*Haller*), как он представлялся в общении с англичанами, провел весну и большую часть лета 1711 года, скрываясь от разъяренных португальцев в доме английского посла в Лиссабоне Джорджа Делаваля, который вместо благодарности считал француза «бельмом на глазу». К августу «Халлера», успевшего запастись к тому времени рекомендательными письмами к разным важным персонам в Лондоне, эвакуировали в Англию. Там он пытался делать вид, будто состоит на королевской службе, но в итоге получил от

английского правительства лишь 200 фунтов в награду за свои услуги[314]. Этого французу показалось мало, он начал интриговать, был выслан на континент, попробовал вернуться, но был арестован; к весне 1712 года авантюрист сидел в английской тюрьме, умоляя освободить его и разрешить покинуть остров[315]. В итоге государственный секретарь лорд Дартмут распорядился выпроводить его из Англии, и 20 мая 1712 года Джон Дэвидсон, командир пакетбота «*Eagle*», высадил Халлера на побережье Голландии в местечке Хеллевутслейс (*Hellevoetsluis*), в полусотне километров к югу от Гааги[316].

Чем занимался авантюрист на протяжении последующих трех месяцев, неизвестно, но, по данным французской разведки, к осени 1712 года он получил от императора в награду за срыв переговоров между Португалией и Бурбонами титул барона Священной Римской империи и должность военно-морского администратора в Неаполе[317]. Много позже, описывая этот период своей жизни в письме к Петру I, француз будет уверять, что английское правительство обещало ему «знатной чин», если он только согласится принять «веру кальвинскую» – от чего авантюрист, якобы, отказался. В том же письме он сообщит, что после отъезда на континент сблизился в Гааге с герцогом Мальборо, который как раз в это время попал в опалу и тоже уехал из Англии. Герцог был возмущен столь недостойным обращением со столь заслуженным агентом и обещал, как только его собственные позиции при Сент-Джеймском дворе восстановятся, добиться справедливости и для Сент-Илера. Тем временем, он рекомендовал француза своему давнему боевому товарищу принцу Евгению Савойскому – и с этой рекомендации и начался имперский этап приключений авантюриста[318]. Однако в реестре входящей корреспонденции принца Евгения в венском *Haus, Hof- und Staatsarchiv* рекомендаций от герцога Мальборо или других упоминаний нашего героя обнаружить не удалось[319]. Это и неудивительно, поскольку на самом деле Мальборо провел все лето и осень 1712 года в Англии и прибыл в Нидерланды лишь в декабре этого года: таким образом, общаться с ним в Гааге после своей высылки на континент авантюрист никак не мог[320].

Тем не менее в начале сентября британский поверенный в делах Саймон Клемент действительно доносил из Вены, что «несколько недель тому назад здесь появился некто господин Сент-Илер, англо-французский изгнанник», который прибыл «с изрядным убранством (*handsome Equipage*)» и «часто бывает при дворе и у министров», представляясь при этом подполковником английской службы[321]. Как мы видим, где-то на полпути между Гаагой и Веной авантюрист присваивает себе новое имя и новый

социальный статус – из мещанина Аллера он становится господином де Сент-Илером. Если от *Allaire* недалеко до *Hallere*, то дальше рукой подать и до *St. Hillaire* (иногда писалось и с одной «l», *Hilaire*): примечательно, что наш герой решил выбрать для себя новое имя, которое было бы созвучно с его настоящей фамилией и с тем именем, которым он пользовался в Англии. Новое имя было удобно еще и тем, что оно помогало затеряться среди довольно многочисленных французских дворян, действительно носивших такую фамилию. Некоторые из них даже получали от императора баронское достоинство: в предыдущем столетии соответствующие патенты выдавались Адриану Мелюму де Сент-Илеру (*Adrian Meleum de Saint Hilaire*), Жильберу Сентильеру (*Gilbert Santhilliere*); братьям Сентилер (*Sainthillier*)[322]. Документов о пожаловании баронского титула нашему герою в венских архивах обнаружить не удалось, но 18 ноября 1712 года император Карл VI действительно подписал патент на звание *Capitan de Mar y Guerra* в Неаполе «барону дону Жозефу де Сент-Илеру, фламандцу (*Baron Don Joseph de Saint Hillaire de nacion flamenco*)» за его верную и ревностную службу империи[323].

Действуя в своем новом качестве, свежеиспеченный барон уже в марте 1713 года составил некоторый «проект» с целью сжечь французский королевский флот и адмиралтейские склады в Тулоне. Заговор этот закончился ничем, и не вполне понятно даже, имел ли он место на самом деле; французские власти, однако, отнеслись к нему достаточно серьезно, чтобы попытаться выкрасть авантюриста и вывезти его на родину. Сент-Илер сумел скрыться от французских агентов, но затем угодил в тюрьму в Милане за увоз от мужа некой генуэзской дамы. Благодаря своим связям в Вене (и взятке), он вскоре освободился из заключения, но к этому времени его тулонские похождения вызвали подозрения у графа Дауна, имперского наместника в Неаполе; авантюрист снова оказался под замком, но снова сумел сбежать. В своем совершенно хвастовском, вызывающем даже письме к Дауну от 18 апреля 1714 года Сент-Илер хвалится легкостью, с которой он выбрался – вернее, попросту вышел – из собственного замка наместника, и, словно надсмехаясь над графом, просит прислать к нему в Рим те личные вещи, которые были у него изъяты при аресте[324].

Путь во владения Габсбургов был теперь для авантюриста закрыт. В августе 1714 года мы находим Сент-Илера в Берлине, где он впервые сталкивается с Анри Лави *(Henry Lavie)*, который тоже направляется в Санкт-Петербург, чтобы занять там пост французского морского комиссара, а по сути, главного дипломатического представителя, поскольку посла в России у

Франции в то время не было[325]. Во время этой встречи Сент-Илер, похоже, дал волю своему языку: позднее, уже в марте 1717 года Лави писал в Париж, будто бы барон «три года тому назад [то есть как раз в 1714 году. – *И. Ф.*] <…> сознался в том, что будучи обвинен в злоупотреблениях и в преступных сношениях, пробыл шесть месяцев в тюрьме…»[326] Пока же, в августе 1714 года, Лави информировал свое правительство, что авантюрист направлялся в «Москву», поскольку господин Матвеев, посланник русского царя (то есть граф Андрей Артамонович Матвеев, 1666–1728), пообещал ему изрядную должность («*employ considerable*») на русской службе[327]. О том же писал позднее и сам Сент-Илер, признавая, впрочем, что документального подтверждения такого приглашения у него нет, и что в Россию он приехал «по простому обещанию, которое господин Матвеев, посол ваш, мне учинил»[328].

Как и где именно могли пересечься пути Матвеева и Сент-Илера, мы не знаем, но не секрет, что в этот период Петр и в самом деле настойчиво требовал от своих представителей за рубежом рекрутировать на российскую службу иностранных специалистов[329]. Сам Матвеев, впрочем, в их позднейшей переписке нигде об этом своем приглашении не вспоминал, а, наоборот, намекал, что ему известно о темном прошлом барона – причем узнал он о нем именно во время пребывания за границей. «Я во Франции и в Вене был и гораздо знаю ваши славныя такие дела, которые можно разве в сумерках, а не пред солнцем объявлять», – напишет он французу в разгар конфликта между ними осенью 1716 года[330]. Неясно и какую именно должность мог пообещать Сент-Илеру Матвеев. 3 февраля 1715 года голландский резидент барон де Би доносил своему правительству, что «один француз, служивший прежде в Неаполе и Венеции, по имени барон де Сент-Илер, принят здесь на службу для надсмотра за постройкой галер на галерной верфи с жалованьем 4000 рублей в год»[331]. Возможно, именно на эту должность и рассчитывал авантюрист, но никаких следов такого назначения или переговоров о нем мы в русских источниках не находим.

Сент-Илер, должно быть, появился в Санкт-Петербурге в самом начале января 1715 года (то есть как раз одновременно с Лави). «Уже два месяца есть, как здесь обретаюсь с великим повседневным иждивением», – жалуется он в письме Петру от 2 марта[332]. Лави, воспринимавший барона как прямого конкурента, уверял Париж, что последний якобы не пользуется доверием русских вельмож и не получит никакой должности в силу своего дурного характера[333]. Однако вопреки предсказаниям Лави, Сент-Илер буквально за пару месяцев становится своим человеком в

придворном обществе Санкт-Петербурга. Уже в конце марта Лави сообщает о помолвке барона с придворной дамой принцессы Шарлотты, супруги цесаревича[334]. Избранница Сент-Илера была не только любимой фрейлиной кронпринцессы, но и племянницей барона Ганса-Христофора фон Шлейница, обер-гофмейстера Шарлотты, вскоре ставшего русским посланником в Ганновере, а затем, в 1717–1720 годах, во Франции: благодаря своей невесте, француз, несомненно, получил новые каналы доступа ко двору. В середине мая Лави пишет о *nouptiales* барона, праздновавшихся во дворце Шарлотты в присутствии Петра, Екатерины, царевен, вдовствующих цариц, герцогини Курляндской и «всего двора». Царь, по сообщению Лави, одобрял этот брак и обещал предоставить барону на 5 лет особняк *(«la belle maison»)* недавно сосланного Александра Кикина, своего бывшего любимца, дюжину солдат для несения караула и жалованье в 2000 рублей в год. Именно по этому случаю царь объявил и о решении создать корпус морской гвардии численностью в 200 человек под командой барона[335].

ОСНОВАНИЕ МОРСКОЙ АКАДЕМИИ

Впервые идея создать такой корпус была сформулирована в предложении, которые Сент-Илер представил царю 12 февраля 1715 года. Кроме проекта обучения гардемаринов, поданный им пакет содержит также предложения о создании особой комиссии для составления морского регламента, и одновременно – об организации строительства кораблей на Адриатике, где, по его словам, было в изобилии дешевого строевого леса и безработных моряков и кораблестроителей. После того как корабли будут построены, им предстояло отправиться в плавание вокруг Европы в Санкт-Петербург, делая остановки по всему средиземноморскому побережью и принимая на борт морских специалистов, ремесленников и купцов, желающих переселиться в Россию. Помимо ремесленников, корабли эти предполагалось загрузить в Марселе дешевым французским алкоголем, последующая продажа которого в Санкт-Петербурге позволила бы окупить всю операцию (и, видимо, принести барону прибыль): от Петра требовалось лишь предоставить гарантии по кредиту, необходимому для начала операции[336].

Предложения эти, похоже, были сформулированы по итогам встречи Сент-Илера с самим царем, в ходе которой предприимчивому французу удалось нащупать интересовавшие Петра темы. Составив свои прожекты, авантюрист принялся

осаждать с ними царских приближенных. «Августейший и мочнейший кесарь, – писал Сент-Илер Петру 2 марта 1715 года. – Всепочтенно представляю вашему освященному величеству, что по вашим указам толкования двум пунктам вручил я господину Остерману тому [как] две недели есть. Тому 8 до 10 дней есть как имел я честь подать о том же копию господину Великому Адмиралу [Апраксину]»[337]. Бросается в глаза неопределенность планов барона на этом этапе: он изучает придворный контекст и нащупывает возможные направления прожектирования. Помимо уже поданных им предложений, он ведет речь также о возможности разработать «какой-нибудь трактат о торговле при гишпанском дворе» и о своем намерении выучить русский язык, чтобы говорить с «кесарем» напрямую, без переводчика. Ссылаясь на свои предыдущие похождения, француз теперь просит Петра принять его в русскую службу «в том же чине и жалованье, которое я имел в службе римского кесаря»[338]. Впрочем, уверенности в успехе прожектов нет: в марте Лави сообщал, что Сент-Илер планировал отправиться в Лондон, и что его невеста раздобыла для него у кронпринцессы Шарлотты рекомендации к английскому двору[339]. Очевидно, барон пытается подстраховаться: если российские предприятия окончатся ничем, он постарается использовать матримониальный успех в Петербурге как трамплин для нового раунда прожектерства в Англии.

Хотя прожекты Сент-Илера могут показаться абсурдными, при ближайшем рассмотрении они представляются словно склеенными из вполне реальных фрагментов, подсмотренных наблюдательным бароном в Петербурге. Возьмем «адриатический» прожект: идея строительства кораблей для русского флота на Адриатике звучит совершено завирально. Но, как известно, именно в эти годы князь Борис Иванович Куракин и Федор Салтыков по приказу Петра строят новые и покупают готовые корабли для российского флота в Голландии и в Англии[340]. И примерно тогда же, когда в Санкт-Петербурге появляется Сент-Илер, Лави сообщает о миссии Жана Лефорта, отправленного Петром рекрутировать в Европе ремесленников на строительство Петербурга[341]. Эти планы воспринимаются французским правительством вполне серьезно и вызывают даже легкую панику в Совете морского флота, подогреваемую все тем же Лави и французским консулом в Данциге[342]. Примечательно, что один из нескольких французских торговых кораблей, добравшихся-таки в 1715 году до Санкт-Петербурга, был гружен именно вином и водкой: узнав о его прибытии, Петр лично прибыл на борт и дегустировал напитки[343]. Наконец,

развернуться «адриатический» проект должен был в тех же самых краях, где барон ранее отметился своими похождениями. В июле Лави доносил, что Сент-Илер переписывался с французским консулом в Мессине, которую он посещал перед тем, как отправиться в Россию, и которая теперь должна была стать ключевым пунктом в предполагаемом предприятии[344]. Кажется, даже идея найти себе невесту со связями при дворе могла быть «подсмотрена» наблюдательным бароном: 28 января, буквально через несколько недель после его прибытия в Санкт-Петербург, там состоялась свадьба другого француза, Никиты Петровича (Франца) Вильбуа, с придворной дамой, внешняя непривлекательность которой, по словам Лави, компенсировалась ее обширными поместьями в Ливонии и Эстляндии[345].

Решение Сент-Илера сделать предметом одного из своих прожектов именно корпус морской гвардии возникло, разумеется, тоже не на пустом месте: нет нужды говорить, что вопросы, связанные и с обучением дворянства, и с организацией французского флота и адмиралтейского ведомства, представляли для Петра огромный интерес. Как раз в 1714 году были изданы знаменитые указы о создании цифирных школ в провинциях и о запрете жениться дворянам, не освоившим арифметику; всем недорослям в возрасте от 13 лет и старше было приказано явиться в новую столицу на смотр для определения на службу или в учебу[346]. Только лишь в период с марта по май 1715 года Петр лично провел не менее дюжины таких смотров молодых дворян, через которые прошло несколько сот человек[347]. К этому времени ему уже могло быть известно об организации обучения французских гардемаринов и о французских морских регламентах – например, от все того же А. А. Матвеева, который упоминает о них в своем отчете о посольстве во Францию в 1705–1706 годах[348]. В самом начале 1714 года кн. Б. И. Куракину было поручено раздобыть копии всех уставов и регуляций французского флота, и в марте 1714 года «ордонанция французская адмиралтейству» была направлена Петру[349]. Судя по всему, речь идет как раз о том самом уставе «Ordonnance de Louis XIV pour les armées navales et arsenaux de marine» от 15 апреля 1689 года, который ранее использовал и Матвеев в своем посольском отчете[350]. В сентябре того же года Петр поручил Конону Никитичу Зотову (1690–1742), морскому офицеру и сыну своего собственного бывшего учителя, перевести этот документ на русский; перевод был готов к концу ноября[351]. Наконец, 24 января 1715 года, т. е. через несколько дней после встречи с Сент-Илером в Санкт-Петербурге, Петр велел Конону Зотову самому ехать во Францию, вступить там в морскую службу,

«присматривать» все касающееся адмиралтейства и флота, «все, что ко флоту надлежит на морю и в портах, сыскать книги» и их перевести[352]. Иными словами, Петр был, безусловно, заинтересован в организации преподавания навигации и в обучении своего дворянства. Тем не менее до его встречи с Сент-Илером намерение открыть именно морскую академию нигде в известных нам источниках не упоминается.

В этом контексте и появляется «Проект для составления Морской академии» Сент-Илера, первое детально проработанное предложение об основании школы в России со времени медведевской «Привилегии на Академию». Документом предусматривалось создание «корпуса» в составе 200–300 молодых дворян в возрасте от пятнадцати до двадцати четырех лет; учеников следовало разделить на «бригады» и «одеть одноцветно». Предполагалось сооружение специального здания «в [морском] арсанале, ежели возможно, или неподалеку от него»; устанавливалось время начала занятий, очередность изучения отдельных предметов в течение дня, процедуры ежемесячной экзаменовки учеников и прохождения ими практики на кораблях. Программа включала такие дисциплины, как письмо, рисование, математика, фортификация, «гидрография», танцы, фехтование и «копейное учение», «мушкетное учение», «как корабли строить и пропорции всех штук, которые те карабли составляют». Во время практики на кораблях следовало также изучать «пилотаж (или навигацию)», «пушечную экзерцицию» и «карабельные морские дела, или экзерциции», то есть управление кораблем, и даже астрономию. Именно здесь, насколько мы знаем, впервые в России прямо формулируется и предложение учитывать собственные желания и способности учеников, их «склонность и понятность» при распределении их по классам: «гидрографической мастер да разделит свои школы на ровные классы (чины) для роздавания своих лекций, смотря по склонности, и понятности оных кадет»[353]. При ближайшем рассмотрении проект Сент-Илера оказывается практически дословным переводом двух разделов (раздел 1 главы 7 и раздел 1 главы 19) того самого французского устава «Ordonnance de Louis XIV», русская версия которого была ранее подготовлена по приказу Петра. Сравнение двух текстов показывает, что Сент-Илер не воспользовался переводом Конона Зотова: проведя в Санкт-Петербурге всего несколько недель, он тем не менее каким-то образом сумел найти или получил в свое распоряжение искусного переводчика, который перевел требуемые разделы ордонанса заново[354].

О реакции царя на этот проект, о замечаниях или правках с

его стороны нам ничего неизвестно, но, так или иначе, следует полагать, что текст в целом устроил Петра. Во всяком случае, он, кажется, обратил на него внимание: именно 1 марта, то есть вскоре после того, как Сент-Илер подал ему свои предложения, государь приказал своим юным кузенам А. Л. и И. Л. Нарышкиным отправиться во Францию «в лутшую школу королевских марингард» для изучения «фундамента как доброму морскому офицеру быть»[355]. В середине апреля Сент-Илер составляет и направляет царю свой контракт-«капитуляцию», из чего можно сделать вывод, что проект уже был в целом одобрен, и что барон был назначен им руководить. Документ предполагал создание «корпуса младых дворян», который будет называться «гвардиею морскою», и присвоение Сент-Илеру титула «генерала директора от академии Гидрографической, Геометрической, Фортификацеи, и иных» и неслыханного двойного ранга «контр адмирала и генерала маеора во армеях Его Величества». В нем также устанавливался размер положенного французу жалованья, оговаривалось его право покинуть Россию после трех лет службы, если он того пожелает, и указывалось, что архитектор Доминико Трезини построит для размещения корпуса и проживания барона с семьей специальное здание по «чертежу, которой я ему о том дам»[356].

Вполне предсказуемо «капитуляция» отражала интересы самого барона, представляя при этом соответствующие нормы как жизненно важные для успеха всего дела. Сент-Илер выговаривал для себя определенные полномочия внутри академии, такие как «совершенная мочь политично их [учеников] наказывать», а также определенное место в служебной иерархии. Барон также стремился закрепить за собой единоличное и безусловное право распоряжаться в академии («команда над тем корпусом гвардеи морской будет мне одному дана»), оговаривал свою независимость от прочих должностных лиц и ведомств и право докладывать напрямую царю и Апраксину: «О житии и учении их, також и о моем правлении, не должен я буду ответ давать иному, разве Его цесарскому величеству и милостивому моему государю адмиралу, и не будет мною повелевать никто ж иной ни прямо ни посторонне». Из письма Сент-Илера к царю от 12 мая следует, что «капитуляция» к этому времени уже получила одобрение и была подписана государем[357]. В последующей переписке Сент-Илер неоднократно ссылался на свой генеральский чин, и ни Петр, ни русские сановники этих претензий не оспаривали. В начале лета 1715 года назначение Сент-Илера директором академии становится общеизвестным фактом, и из документов видно, что с этого времени барон действительно начинает получать жалованье

по своей новой должности. Характерно, что в этот период он не оставляет еще попыток завести коммерческое предприятие и снарядить за государев счет торговое судно во Францию[358]. К концу лета предпринимаются и первые практические шаги по созданию Морской академии: 31 июля царь распорядился к 1 октября перевести всех учеников и учителей Навигацкой школы из Москвы в Санкт-Петербург[359].

Однако если у Петра и имелось какое-то собственное видение академии, оно было весьма неустойчивым и и могло меняться под влиянием случайных, казалось бы, преходящих факторов. Проектом Сент-Илера предполагалось иметь только 300 гардемаринов, однако царский указ предусматривал перевод в Москву всех 600 учеников Навигацкой школы, которая таким образом внезапно ликвидировалась. Как и во многих других случаях, никакого официального решения на этот счет в нашем распоряжении нет, не было предложено царем и никакого объяснения такого шага. Возможно, речь шла о сугубо ситуационном решении. Как выясняется, именно весной 1715 года некто Прохор Полосухин, подьячий Санкт-Петербургской провинциальной канцелярии, обвинил Андрея Беляева, покровителя Навигацкой школы, в серьезном преступлении: тот якобы до смерти избил мать Полосухина, чтобы завладеть имуществом, которое эта пожилая женщина оставила ему на хранение. Челобитная эта дошла до самого Петра, он отнесся к ней вполне серьезно и распорядился доставить Беляева в Санкт-Петербург для розыска[360]. Кроме того, все больше раскручивалось следствие по делу о поставках флоту гнилой парусины, где Беляев был ключевым фигурантом. Может ли быть, что именно падение некогда влиятельного дьяка подтолкнуло царя к решению полностью ликвидировать московскую школу, которой тот покровительствовал?

Так или иначе, и это решение тоже оказалось преходящим. Когда адмиралтейские подьячие заявили, что транспортировка в Санкт-Петербург 600 с лишним человек, тем более по осенней распутице, является, якобы, слишком сложной логистической задачей, царь легко согласился с ними и распорядился перевести в новую столицу только 300 учеников, а прочих оставить в Москве[361]. Фархварсон и Гвин были назначены ехать в Санкт-Петербург, а Магницкому велено быть в Москве с остающимися там учениками. Поскольку в новой академии предполагалось преподавать «вышние» науки, вполне логично, что старшего профессора определили именно туда. И тем не менее не кажется невозможным предположение, что подобное разделение обязанностей было до некоторой степени и результатом усилий

самого Магницкого и его приятелей во флотском ведомстве. Так или иначе, в результате Магницкий освободился, наконец, от опеки со стороны Фархварсона и стал главой своего собственного училища, полновластным хозяином на Сухаревой башне[362].

Все эти события дали Сент-Илеру повод направить царю письмо-«представление», а по сути, новый проект. В преамбуле француз ссылается на свой предыдущий план («учреждение, которое он имел честь вашему кесарскому в[еличеству] представить»), но почему-то уверяет, что план этот не может быть реализован «без великого смущения». Вообще-то «Проектом для сочинения Морской академии» в ней и предполагалось иметь как раз 200–300 шляхтичей, но теперь вдруг оказывается, что при такой численности учащихся академию невозможно разместить в Кикином доме. Соответственно, Сент-Илер выдвигает требования, совершенно фантастические по меркам того времени: построить для нее специальное здание и увеличить штат преподавателей до 60 человек, а смету до 57 000 рублей в год. (Для сравнения, Навигацкая школа получила на 1712 год лишь 9 944 рубля[363].) Проект этот попал в руки Петру только 30 сентября и вызвал острые комментарии со стороны царя, заподозрившего барона в стремлении поживиться за счет казны («сие более клонится к лакомству и карману, нежели к службе») и обвинившего его в нежелании исполнять порученное дело. Раздраженный государь потребовал прямо спросить у француза, «хочет ли он свое дело делать без прихотных вышеписанных запросов», и если нет, то взыскать с барона уже выплаченное ему жалованье и отправить из России восвояси[364].

Тем временем, Сент-Илер продолжал работу над регламентацией деятельности академии: результатом стала «Инструкция Морской академии», которую Петр и одобрил 1 октября 1715 года, несмотря на свое недавнее раздражение французом[365]. Поскольку царь уже столь очевидным образом разочаровался в прожектере, сама возможность участия Сент-Илера в создании данного документа казалась некоторым историкам сомнительной. Однако сохранившиеся черновики ясно показывают, что текст «Инструкции» составил именно барон[366]. Петр же лишь одобрил документ и сделал к нему приписки – причем сделал их в ответ на запрос Сент-Илера, попросившего «под каждым артикулом назначить штраф как Ваше величество за благо разсудит»[367]. Если «Проект» задавал программу обучения и структуру учебного процесса, то «Инструкция» регламентирует вопросы внутреннего распорядка, такие как размещение часовых, организация патрулирования, контроль над посещаемостью. Особое внимание в документе уделяется поведению

гардемаринов, которые должны сидеть в классах «со всяким почтением и со всевозможною учтивостью», «друг друга называть господином», избегать «пьянства, божбы, ниже богохуления», иметь попечение о платье своем, и быть всегда чисту», а также начинать каждый день с молитвы. Документом также устанавливались наказания за различные виды нарушений. Если «капитуляция» оговаривала право директора «наказывать политично», то «Инструкция» конкретизировала формы наказания и роль директора в дисциплинарном процессе. Учителям следовало преподавать «со всяким прилежанием и лучшим разумительным образом», а директору академии – следить за преподавателями и дисциплинировать их. Для этого ему предписывалось «по все дни быть в залах или школах Морской гвардии и смотреть, что учителя, профессоры, каждой ли по должности своей исправляет и обучает Морскую гвардию [тому], что они знают по всей науке». Указание директору «ничего не брать прямым, ниже посторонним образом от Морской гвардии, ниже вступать в никакие откупы, которые учиниться могут», отражало, возможно, то раздражение, которое ранее вызвало у Петра предполагаемое стремление Сент-Илера «лакомиться» за счет казны.

В октябре, судя по всему, началась практическая деятельность академии[368]. Насколько барон действительно принимал участие в академических делах, сказать трудно, но, во всяком случае, он подписывал исходящие бумаги по самым разным вопросам: докладывал в Адмиралтейство, что многие недоросли неграмотны, инициировал отправку таких неграмотных в Новгород в школу при тамошнем епископском доме, выявлял совершенно неспособных, по его мнению, недорослей («во учении быть невозможно»), требовал из других ведомств необходимые припасы и так далее[369]. «Учрежденная здесь Морская академия находится уже в отлаженном состоянии и насчитывает 300 молодых дворян, которых в настоящее время обучают 6 профессоров, учителей, частью англичан, частью немцев и русских», – сообщал в январе 1716 года ганноверский резидент Вебер[370]. 8 октября в академии, похоже, побывал Петр (в тот день «Его Величество был в Адмиралтействе, и в школах»), визит повторился 3 ноября («Его Величество был во академии, срисовали человека»)[371]. Это единственные известные нам случаи, когда источники фиксируют возможное посещения Петром Морской академии в те годы: смягчилось ли по итогам этих визитов государево раздражение Сент-Илером или, наоборот, обострилось, неизвестно. В промежутке между этими двумя визитами произошло событие, которое не могло не оказать

серьезного влияния на придворные позиции Сент-Илера: скончалась кронпринцесса Шарлотта. Одновременно барон разругался с переехавшим в Санкт-Петербург из Москвы Фархварсоном, который наотрез отказался подчиняться Сент-Илеру и в итоге был вместе с геометрическим классом выведен Апраксиным из подчинения французу[372]. Тем не менее 20 декабря 1715 года царь распорядился выслать «всех знатных особ детей» в возрасте от 10 лет и старше «в школу Санкт-Петербургскую, а в чужие края не посылать»[373]. Наконец, в январе 1716 года, перед самым своим отъездом в большое европейское турне, Петр поручил надзирать за академией в звании президента графу А. А. Матвееву – тому самому, который якобы пригласил Сент-Илера в Россию и знал о его сомнительном прошлом.

ССОРА С ГРАФОМ МАТВЕЕВЫМ

Назначение Матвеева было, конечно, грубейшим нарушением заключенной с Сент-Илером «капитуляции», прямо устанавливавшей, что директор единолично распоряжается в Морской академии и подчиняется непосредственно царю и генерал-адмиралу. В принципе, для Петра было довольно обычным подобное безразличие к им же самим ранее установленным правилам и взятым на себя обязательствам: документы того времени полны жалоб иностранцев, тщетно пытающихся добиться соблюдения царем заключенных с ними контрактов. Ситуация усугублялась еще и тем, что решение это было объявлено Петром в своем фирменном неформальном стиле: не сохранилось никакого письменного указа на этот счет. 31 января 1716 года Апраксин сообщил барону, что «Царское величество указал навигацкие школы ведать сиятельному графу Андрею Артамоновичу Матвееву, того ради извольте вы и другие с вами учителя быть ему послушны и исполнять во всем его диспозиции»[374]. Впоследствии Матвеев начинает упоминаться в документах как «президент» академии, но откуда именно взялся этот титул, неясно.

Подобная неопределенность позволила Сент-Илеру даже обвинять Матвеева в самовольном присвоении президентского титула: «он сие имя президента оной морской академии приписал, ибо таковой чин при ни единой академии со свете не обретается»[375]. И в самом деле, когда барон явился к графу и «нагло» потребовал предъявить указ, подтверждающий его назначение президентом, оказалось, что ответить Матвееву было нечего. По сути, он смог лишь сослаться на тот факт, что его

титуловали таким образом в официальной корреспонденции: «то <…> имя я не похитил, ибо мне из канцелярии Его царского величества то достоинство пишут, и ис того можете разсмотреть, что я то имя действительно содержу». Графу пришлось даже объяснять, что «президент ничто иное есть, токмо первое имеющей место при своем деле, о чем может быть что вы не знаете»[376]. Скорее всего, никакого писаного указа на сей счет никогда и не существовало, и Петр действительно ограничился лишь устным указанием, переданным через Апраксина[377]. В результате, как именно должны были распределяться обязанности и полномочия между двумя руководителями, было неясно. «Вы <…> не по своему чину притязуете, чтобы я послушником был вам, на что вы никакова отнюдь права не имеете и делаете то от особой своей безразсудной одной продерзливости», – писал Матвеев Сент-Илеру; вместо этого, настаивал он, «вы обязаны послушными мне быть»[378]. Барон, разумеется, полагал иначе.

Силы, однако, были неравны: по своему реальному социальному статусу Матвеев, конечно, намного превосходил Сент-Илера. Его отец, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, был тесно связан с кланом Нарышкиных и погиб, как известно, от рук мятежных стрельцов перед глазами самого напуганного царевича Петра. В возрасте восьми лет будущий граф (Матвеев получит этот титул от императора Священной Римской империи в феврале 1715 года) был определен комнатным стольником к юному государю. Характерно, что летом 1716 года именно чета Матвеевых, наряду с супругами Меншиковыми, находится у постели умирающей любимой сестры Петра царевны Натальи Алексеевны: красноречивый знак близости Матвеева к царской семье. Сохранившиеся письма указывают и на тесные неофициальные отношения, связывавшие Матвеева с Меншиковым, Апраксиным и с влиятельнейшим царским секретарем Макаровым, контролировавшим всю переписку с государем во время его европейского турне в 1716–1717 годах[379]. В этот период Матвеев часто бывает во дворце Меншикова, который в отсутствие Петра оставался полновластным хозяином в Санкт-Петербурге. Матвеев регулярно упоминается среди приближенных, ожидающих утреннего выхода светлейшего, или присоединяется к нему за ужином. Он присутствует при обсуждении Меншиковым важных государственных вопросов и разборе корреспонденции, сопровождает фаворита в его поездках на различные строительные объекты и визитах в правительственные органы. Присутствие же в меншиковском дворце Сент-Илера, с другой стороны, фиксируется только дважды. Один раз он упоминается среди посетителей «ассамблеи»

во дворце светлейшего. В другой раз, 1 сентября 1716 года, визит имеет исключительно деловой характер: француза пригласили в компании еще одного иностранного специалиста, чтобы обсудить какие-то технические вопросы. Согласно поденной записке занятий Меншикова, «в 4-м часу прибыли архитектор Леблон и барон академии [Сент-Илер] <…> смотря некоторых рису[нков], оные розъехались, а его светлость забавлялся в покоях». Задержаться и принять участие в этих забавах барона, как мы видим, не приглашают[380].

Помимо различий в социальном статусе, Сент-Илер, как кажется, мог вызвать раздражение у Матвеева и в силу иных причин. В своих письмах того периода граф вновь и вновь жалуется, что по итогам многолетней дипломатической службы в Европе он оказался по уши в долгах. Еще больше подкосило финансовое положение Матвеева в 1716 году назначение его супруги гофмейстериной ко двору вдовствующей герцогини Курляндской, будущей императрицы Анны Иоанновны – графиню предстояло соответствующим образом экипировать и содержать в далекой Митаве. Жалованья по должности президента Морской академии Матвеев не получал, и ему приходилось неоднократно просить царского секретаря Макарова об исходатайствовании финансовой помощи у государя[381]. В итоге Сенат выделил на поездку графини Матвеевой в Курляндию лишь 1000 рублей, тогда как ежегодное жалованье Сент-Илера составляло 2400 рублей. В этом контексте заявления Матвеева, что выплаченные французу «в великом числе» деньги «как бы в окно выкинуты бывают», приобретают весьма личное звучание[382]. Конфликт, как представляется, был неизбежен.

Именно столкновения с Матвеевым, которые переросли к концу 1716 года в открытый скандал, и дали толчок дальнейшему прожектерству со стороны Сент-Илера. Постепенно Матвеев начал требовать от француза полного подчинения и регулярных докладов о повседневной деятельности академии. «Что же принадлежит до управности академии, со всей моей возможности управлять стараюся, однако горестно и трудно застарелыя замерзелости из неохоты и с непослушания людей исправить», – жалуется он Апраксину в марте[383]. К лету 1716 года Матвеев уже вел дело к установлению единоличного контроля в академии: «В розности иных дел не без тяжкой трудности мне ис той разделенной каманды во многия руки», – писал он Макарову в июне, намекая на необходимость устранения Сент-Илера[384]. Неудивительно, что зимой – весной 1716 года барон, по его собственным словам, также направлял Петру «многия мемориалы» и «стократно предлагал и просил» его касательно

устройства дел в академии[385]. Сент-Илер пытался использовать отсутствие у Матвеева какого бы то ни было письменного указа от государя как повод для того, чтобы максимально ограничить его функции в академии. В своих письмах он убеждает Петра отстранить Матвеева от вмешательств во внутреннее управление школой, «которое ни его ремесло, ни повиность чина есть»: по словам француза, «он, граф Матвеев, сам не знает, что делает и хочет делать». «Да изволит Ваше величество указать тем, которые имеют попечение о академие, чтоб им с внутренным действием академии дело никакое не было, – уговаривал Сент-Илер государя, – генеральному директору надлежит именем Вашего царского величества или господина великого адмирала владение в той академии иметь, чтоб все чинне случилось». Самому Матвееву Сент-Илер прямо объявил, что «вся его зачинания в супротивность указу от <…> царского величества чинится»[386].

Составленные Сент-Илером в этот период «многия мемориалы» включают, в частности, «Правила, которые должны соблюдаться всеми, кто состоит в Морской академии». В отличие от более ранних документов, правила эти, возможно, так и не были переведены на русский для прочтения Петром, поскольку в архивах удалось разыскать лишь французский оригинал. Если ранее аналогичные тексты составлялись их автором-прожектером, чтобы привлечь внимание царя и получить какие-то чины и привилегии, то данный меморандум носит, так сказать, оборонительный характер – барон пытается сохранить контроль над управлением школой и ограничить вмешательство в ее дела со стороны Матвеева. Примечательно, что последний в тексте ни разу не именуется «президентом» академии. «Правилами» предусматривалось, что «благочиние и дисциплина, которую следует наблюдать в академии, должны исполняться генерал-директором, который должен иметь полную власть наказывать кадетов», информируя Матвеева лишь касательно «некоторых чрезвычайных случаев». Кадеты не должны были обращаться «ни к кому, кроме генерал-директора, за разрешением покинуть академию для какой бы то ни было надобности». Сходным образом, «Правила» предписывали, что «не будет ничего изменено ни в академии, ни в залах, которые служат для обучения морских кадет, без прямого приказания от генерал-директора», и что «все жалобы в академии должны приноситься генерал-директору, который сам должен восстанавливать порядок». Наконец, автор прямо настаивал, что «граф Матвеев должен заниматься лишь распределением денег, которые Его царское величество определил на нужды академии, и обращать внимание на представления, которые ему делает генерал-директор для нужд

школьников, не вмешиваясь прямо или косвенно во внутренние дела академии и не давая никаких приказаний». В случае если Матвеев получит какие-то касающиеся академии указания от царя или Апраксина, он должен был не действовать единолично, но информировать Сент-Илера, «дабы в согласии с последним их исполнить» [387].

Увы, попытки барона опереться на составленные им правила и инструкции, чтобы отстоять свой статус и прерогативы, потерпели неудачу. Уже к маю 1716 года Сент-Илер жаловался Петру, что Матвеев игнорирует академические регламенты и фактически лишил его возможности распоряжаться в академии[388]. Попытки барона добиться исполнения своих правил и инструкций также порождали раздоры между ним и его новыми подчиненными, воспринимавшими их как угрозу своему собственному статусу – и с удовольствием игравшими на противоречиях между Матвеевым и Сент-Илером, чтобы расширить пространство своей автономии. Фархварсон по своем прибытии в Санкт-Петербург напрочь отказался подчиняться французу: по словам профессора, он был назначен на свою должность отдельным царским указом, а значит, составленные Сент-Илером регламенты на него не распространялись и никаких оснований вмешиваться в его преподавание у барона не было. Матвеев в переписке с Апраксиным с удовольствием поддержал Фархварсона в этом вопросе, объявив требования Сент-Илера «прихотью» (любопытно, что впоследствии этот термин будет применять к претензиям француза и сам Петр I). В ответ Апраксин распорядился вывести профессора из подчинения генерал-директору академии: «Чтоб от такой его безделицы в учении помешательства не было, прикажи учителю Фарварсону рапортовать себе». Шаг этот не только противоречил утвержденным самим государем регламентам, но и воспроизводил традиционное понимание училища как совокупности отдельных «школ»-мастерских во главе с индивидуальными учителями[389]. Гвардии поручик Бестужев, назначенный преподавать строевую подготовку в академии, тоже отказался подчиняться барону и соблюдать академические регламенты: как жаловался Сент-Илер царю, он «никогда от меня установленных и от Вашего величества зарученным регляментом [не] повиновался и никакого от меня ордера не получил, и мне никакого извещения не чинит, но всегда хотел быть повиновен графу Матвееву». Даже столь незначительное лицо, как учитель-«навигатор» Угримов, позволял себе жаловаться на распоряжения барона, подчинившего его другому навигатору, Боборыкину, поскольку, де, он, «Семен Бабарыкин, такой же

навигатор что и я»[390]. Осенью 1716 года, в самый разгар конфликта между ними, Матвеев и вовсе запретил учителям и офицерам академии выполнять распоряжения Сент-Илера.

Все более явное стремление Сент-Илера ограничить участие Матвеева в делах академии привело, разумеется, и к обострению личного конфликта между графом и бароном. Трения переросли в публичный скандал после незначительного, казалось бы, происшествия, случившегося в августе 1716 года: войдя как-то в класс, навигатор Боборыкин обнаружил, что кто-то из учеников «про мастера своего в школе на стене написали непристойные скаредные слова тайным удом» – иными словами, обозвали учителя известным русским трехбуквенным термином. Боборыкин хотел было пожаловаться на шалунов Матвееву, но, поскольку тот был болен, доложил о происшествии лишь Сент-Илеру, который без долгих разбирательств наказал пятерых учеников «солдатским штрафом», то есть шпицрутенами. Наказанные ученики, среди которых были и представители виднейших аристократических фамилий, обратились к Матвееву, который раздул из этого происшествия целую историю: он обвинил Сент-Илера в самоуправстве, умалении должности президента академии и истязаниях благородного российского юношества, посадил Боборыкина под арест и нарядил формальное следствие. Впредь, приказал он французу, «важных дел и к нашей расправе весьма зависящих <…> без рапорту нам и без согласия общаго собою самовластно чинить не извольте». Матвеев вновь и вновь подчеркивал чрезмерное, якобы, употребление бароном телесных наказаний против благородных юношей, которые, де, «из рук ваших дубинами в гроб забиты»[391]. В контексте петровской эпохи, когда высочайшие указы сулили нарушителям «жестокое наказание» по малейшему поводу и когда утвержденная самим государем 1 октября 1715 года «Инструкция» предписывала поставить в каждом классе по отставному солдату с хлыстом в руках, подобные упреки звучат, мягко говоря, лукаво.

Так или иначе, столкновение это породило оживленную переписку между соперниками, полную весьма красочных обвинений и упреков в адрес друг друга. Именно в контексте этой переписки Матвеев и вспомнил, наконец, о темном прошлом француза – о том, что он невежественный самозванец и плагиатор и что баронский титул его, вполне возможно, тоже ненастоящий. Матвеев вовлек в этот конфликт Меншикова, который пообещал побить Сент-Илера палками[392]; Сент-Илер жаловался Апраксину, что Матвеев заморозил даже выплату ему жалованья[393]. Сент-Илер не остался в долгу и обвинил Матвеева в том, что тот якобы блокирует реализацию его регламентов, потому что «обычаем,

которые есть в московских школах, хощет подражать»[394]. Не стоит и говорить, что ничего подобного мы в источниках не находим (да и что мог знать француз об обычаях «московских школ»?). Очевидно, авантюрист здесь просто пытается дискредитировать оппонента, изображая Матвеева сторонником некоей мифической старины.

В итоге к концу 1716 года оба соперника просили или освободить их от руководства академией, или предоставить им полную власть в учебном заведении. В январе 1717 года Апраксин сообщил царю, что конфликт между Матвеевым и Сент-Илером достиг такого накала, что наносит урон академии: адмирал предложил или «развести» соперников (видимо, четко зафиксировав их полномочия и сферы ответственности), или прекратить двоевластие, уволив одного из них – и ставку в этом случае, конечно, предлагалось сделать на Матвеева. 12 февраля Петр прислал из Амстердама распоряжение: «Барона Сент-Илера для его прихоти отпустите, ибо мы надеемся на его место другого здесь сыскать»[395].

Сент-Илер попытался отыграть назад: в начале 1717 года он пишет Матвееву, предлагая помириться и забыть все приключившиеся между ними разногласия. За него вступается и его свойственник Шлейниц, имевший некоторое влияние на вице-канцлера П. П. Шафирова. Как объяснял Шафиров Апраксину, дело было не только в «особливой имеющейся [между ним и Шлейницем] дружбе», но и в том, что Шлейниц присматривает в Европе за обучением сыновей и самого вице-канцлера, и П. А. Толстого: «дети наши, обретающиеся в науках, под его призрением и живут при доме его». В результате, Шафиров пишет Апраксину с просьбой или сохранить Сент-Илера в его должности до возвращения Петра, или, по крайней мере, выплатить французу причитающееся ему жалованье и выдать некоторое пособие на отъезд из России[396]. Увы, решение уже было принято, и все попытки барона задержаться на русской службе ни к чему не привели.

Последующие похождения Сент-Илера лишь добавляют дополнительные штрихи к портрету этого авантюриста и прожектера. Барон провел еще какое-то время в Санкт-Петербурге, где распространял слухи о своем возможном возвращении на службу Священной Римской империи в должности морского интенданта в Неаполе. Летом 1717 года он отбыл, наконец, в Париж к Шлейницу, но уже следующей осенью вернулся ненадолго в Россию с новыми прожектами, теперь уже международного характера. «Я слышал, что упомянутый г. Сент-Илер получил некоторые привилегии, дающие ему право устроить

здесь [в России] мануфактуру, и что обстоятельство это находится в связи с испанской торговлей, вследствие чего он получит звание генерального консула России во Франции и под его начальством будут состоять еще четыре консула для отдельных провинций: Нормандии, Бретани и Прованса», – сообщает Лави[397]. Сент-Илер также вовлечен в международную дипломатическую интригу, предполагавшую, ни много ни мало, заключение направленного против Англии союза между Россией, Испанией и Швецией[398]. Стояло ли за этими проектами нечто большее, чем фантазии самого барона, сказать трудно. Осенью 1718 года он действительно общается в Санкт-Петербурге с царским любимцем Ягужинским, с датским консулом, с самим Лави, наконец: иными словами, окружающие вовсе не воспринимают его как парию, как опозоренного и изгнанного из России шарлатана. Однако единственной реальной ниточкой, связывающей Сент-Илера с русским двором, остается, как кажется, дядя его жены Шлейниц.

Неудивительно, что к этому времени барон уже искал себе новых хозяев. Еще в начале 1716 года он предлагал себя в качестве информанта французскому правительству: в послании к графу Тулузскому, главе Совета морского флота, Сент-Илер описывает планы и передвижения царя в надежде, видимо, заменить Лави в роли главного источника сведений из России. Несколько позднее он прямо предлагает свои услуги в качестве шпиона, обещая передавать французам информацию, получаемую им от Шлейница[399]. В меморандуме, составленном около 1719 года или самим бароном, или под его диктовку, Сент-Илер представлен как человек, который «рисковал своей жизнью и жертвовал своими лучшими днями ради служения королю», то есть не предатель, но секретный агент на службе Франции. В этом документе испанский эпизод описывается как хитрый план, придуманный самим маркизом де Бэ (весьма кстати для барона, генерал к этому времени уже скончался), поручившим Сент-Илеру посеять раздор между союзниками. Не добившись от португальцев удовлетворительной реакции на свои предложения о сепаратном мире, маркиз якобы приказал Сент-Илеру показать англичанам доверенную ему переписку между Лиссабоном и французской штаб-квартирой. Таким образом, барон лишь прикидывался предателем; более того, в его версии событий переписка эта убедила англичанин в ненадежности португальских союзников и подтолкнула их к заключению мира с Францией. Аналогичным образом Сент-Илер уверяет, что он специально проник в ряды тулонских заговорщиков, выведал их планы и предупредил маркиза де Торси, предотвратив тем самым

диверсию против французского флота. Соответственно, провал тулонского заговора навлек на него подозрения со стороны имперцев и привел к заточению Сент-Илера в Кастель-Нуово в Неаполе[400]. Однако французское правительство, как кажется, отвергло предложения барона, и к началу 1720 года он оказывается уже в Швеции. В своих письмах к новому шведскому королю Фредерику и к адмиралу Класу Спарре в мае – июне 1720 года француз величает русских «варварами» и советует неприятелям Петра, как им ловчее осаждать занятый русскими Ревель[401]. Эта и последующие авантюры также кончились ничем, и вскоре следы Сент-Илера теряются.

«ФИГУРОЮ БЕСПОЛЕЗНОЮ У ТОГО ДЕЛА НАХОДИТСЯ»?

Принятое Петром решение уволить барона выглядит вполне естественным и даже неизбежным: самозванец разоблачен и изгнан с русской службы. В действительности, однако, ситуация была несколько менее однозначной. Из источников не видно, чтобы Сент-Илера признавали некомпетентным администратором, который не справляется со своими обязанностями. Летом 1716 года Фридрих Христиан Вебер, например, описывал Морскую академию как вполне благоустроенное училище, где «весьма сведущие профессоры и учители обучают <…> юношей всем знаниям относящимся до мореплавания, равно языкам, фехтованию и другим телесным упражнениям, и содержат их в строгом повиновении»[402]. Другое дело, что при ближайшем рассмотрении выясняется, что Сент-Илер поддерживал в этот период тесные отношения с Вебером и оказывал ему некоторые услуги: вполне вероятно, что этот лестный отзыв об академии был написан со слов самого барона[403].

В этом, собственно, и состоит проблема: поскольку архив академии, судя по всему, погиб в пожаре в Морском кадетском корпусе в 1771 году, судить о практической деятельности авантюриста нам приходится, в основном, по отзывам современников. И если с Вебером Сент-Илера связывали приятельские отношения, то и Матвеев, и Лави воспринимали его как прямого конкурента. Причины трений, которые возникли у француза с Матвеевым, мы подробно рассматривали выше, но характерно, что даже и Матвеев – когда это отвечало его интересам – вполне готов был признать, что академия успешно функционирует под руководством француза. Добиваясь весной 1716 года отпуска, Матвеев заверял царского секретаря Макарова,

что остающихся в академии учеников (большая группа была отправлена с эскадрой в море) «свободно и без меня директор барон управит»[404]. В июне того же года он докладывал Макарову, что в академии «управляетца… все гораздо порядочно, и кадеты не только наукам определенным им обучаютца, но и воинским экзерцыцыям»[405].

С Лави дело обстоит еще проще: французский морской комиссар и сам был очень похож на Сент-Илера. Негоциант из Бордо, он был выдворен в 1701 года из Англии за попытку контрабанды свинца. Когда его семейный бизнес разорился, Лави каким-то образом попал на службу к российскому дипломатическому представителю в Венеции, вел там непонятные дела, к началу 1710-х годов оказался в Вене, где их пути с Сент-Илером вполне могли пересекаться. Разумеется, Лави тоже был прожектером. Назначения в Россию он добился для того, чтобы реализовать свой план по созданию *Compagnie de commerce de la Grande Russie*, а в 1714 году ему даже удалось снарядить в рамках этой схемы четыре торговых судна. Несколько лет спустя после описываемых событий французский посланник Жак де Кампредон будет обвинять Лави в том, что тот работал на англичан и голландцев и вел торговые переговоры с Россией не в интересах французской короны, а в своих собственных – не говоря уже о его «дурной привычке к мошенничеству и разврату (*mauvaises habitudes de crapule et de libertinage*)»[406]. По сути, Лави был таким же искателем фортуны, как и самозваный барон, и коммерческие схемы Сент-Илера прямо конкурировали с его собственными предприятиями.

То обстоятельство, что предложения Сент-Илера оказались просто переводом французского ордонанса, также следует рассматривать в контексте привычных для того времени практик. Использование для составления российских регуляций и законодательных актов иностранных источников, включая и дословные заимствования из них, было делом совершенно обычным. Матвееву, хорошо знакомому с французским государственным устройством, было легко, конечно, обвинять барона в плагиате: как он подчеркивал, сочиненные Сент-Илером регламенты академии «искони во Франции учинены и напечатаны, и кто любопытным быть хочет, я чаю, что не з большим за гривну купя там и сюды перевезши, переписать своею рукою может и всякому подовать их свободно»[407]. Однако в феврале 1716 года и сам Матвеев предлагал Апраксину «для правильного порядку той же академии, если изволит Его величество последовать французской или датской академии, весьма надобно весь устав из них из которой-нибудь взять

например». В ответ на это предложение Апраксин велел Матвееву «трудиться о том, чтобы в пример академии их устав весь сыскать, и перевесть на российский язык»[408]. Иными словами, те методы работы с иностранными источниками, которыми пользовался Сент-Илер, были совершенно нормальными и привычными и для сотрудников Петра – в том числе, и для самого Матвеева.

К концу 1716 года Матвеев неустанно жалуется на «неискуство и непорядок директора Сентилера, мнимаго барона без всякой дипломы», на «прямое неведение его и неспособность»[409]. Однако когда дело доходит до увольнения барона, эти претензии не всплывают в официальной переписке. Рекомендуя Петру избавиться от француза, Апраксин ссылается на тот ущерб, который наносит академии конфликт между Матвеевым и Сент-Илером, а не на какие-то промахи последнего. Не воспроизводит Апраксин и обвинения в невежестве, выдвигавшиеся Матвеевым в адрес барона, а сам Сент-Илер, как мы видели, вовсе не был объявлен мошенником и с позором изгнан из страны. Дело, как кажется, в том, что граница между интриганством и профессионализмом, прожектерством и «серьезной» государственной деятельностью была в ту эпоху весьма нечеткой – а вернее, границу эту мы зачастую конструируем ретроспективно, наклеивая тем или иным деятелям ярлыки в зависимости от наших собственных симпатий. Вполне возможно, что если бы не его ссора с Матвеевым, Сент-Илер вошел бы в историю как один из ценных экспертов, так удачно приглашенных Петром I на русскую службу, а биография француза красовалась бы в книгах по истории русского флота рядом с биографиями Крюйса, Фархварсона или его соотечественника Никиты Петровича Вильбуа. В конце концов, именно в его предложениях впервые в России было сформулировано современное, «дисциплинарное» видение школы, предполагавшее формализованные процедуры оценивания, регулирование распорядка дня, поведения учеников и даже обязанностей учителей. Предложенная Сент-Илером модель училища оказывается ярким образчиком того самого «регулярства», которое Петр вроде бы стремился построить в России. И действительно, составленные бароном «Правила» 11 мая 1716 года декларировали намерение установить в академии «*la police et discipline*» – фраза, которая прямо отсылает нас к идеалу «*etait bien policeé*», «благоустроенного полицейского государства».

И тем не менее петровское правительство не спешило ухватиться за предлагаемые Сент-Илером организационные формы и насаждать предусмотренное ими «регулярство». В

значительной мере это объясняется достаточно безразличным отношением самого Петра к разработанным французом документам. С одной стороны, Петр не внес никакого вклада в составление этих регламентов, никак не комментировал и не редактировал их; даже официальное утверждение «Инструкции» 1 октября 1715 года последовало лишь в результате прямого запроса со стороны Сент-Илера. Это не значит, конечно, что регламенты эти каким-то образом противоречили представлениям самого государя: напротив, мы знаем, что составленные французом документы отражали актуальные на тот момент интересы Петра. Из наличия таких интересов, однако, не следует, что у царя было какое-то собственное видение академии, или что он вообще ощущал потребность в предлагаемой французом детальной регламентации школьной жизни.

С другой стороны, утвердив эти документы, Петр не считал себя как-то связанным ни самими регламентами, ни контрактом-«капитуляцией», которую он заключил с бароном – особенно ярко это видно из принятого им решения назначить графа Матвеева «президентом» академии[410]. В начале сентября 1715 года Петр набросал один из немногих собственноручно написанных им документов по вопросам образования: список предметов, которым следовало «детей учить» (видимо, как раз в академии). Список включал арифметику, геометрию, «фект, или прием ружья», артиллерию, навигацию, фортификацию, географию, «знание членов корабельного гола [то есть, корпуса, ср. англ. *hull*. – *И. Ф.*] и такелажа», рисование и, «на произволение, танцам для постуры»[411]. Нетрудно заметить, что к этому времени уже полгода как существовал «Проект для сочинения Морской академии», скопированный из французского источника, одобренный самим государем и включавший практически идентичный список предметов. В чем же тогда смысл появления нового перечня? Означает ли его составление, что к этому времени Петр «забыл» о ранее одобренном им регламенте? Или же, одобряя баронов регламент, он не придавал ему особого значения, а теперь решил обдумать программу обучения молодых дворян всерьез? Тремя годами позднее преемник Матвеева, Г. Г. Скорняков-Писарев, сообщал Апраксину, что государь утвердил его предложение «в С. Петербургской академии учить недорослей наукам, а именно: арифметике, геометрии, навигации, артиллерии, фортификации, географии, рисовать живописного и воинским обучениям мушкетами и на рапирах, а некоторых и астрономии»[412]. Опять-таки, как это решение соотносилось в глазах Петра с теми документами, которые он уже одобрил четырьмя годами ранее? Вероятнее всего, во всех этих случаях

монарх рассматривал эти перечни не как некие постоянно действующие регламенты, а как принимаемые от случая к случаю ситуационные решения.

Подобное отношение к регламентам со стороны самого царя объясняет, конечно, почему и граф Матвеев тоже считал для себя возможным просто не замечать их. Как мы видели, 1 октября 1715 года Петр утвердил «Инструкцию» Морской академии, лично внеся в нее необходимые дополнения. Надеясь дополнительно повысить авторитет этого документа, Сент-Илер предлагал даже приложить к ней «государственную печать» и «указать копии с онаго прибить в каждой сале академии, служащей к экзерциции морской гвардии, дабы содержание онаго им ведомо было»[413]. В любом случае, у современников не было сомнений, что государь лично утвердил «Инструкцию»: в 1719 году Адмиралтейств-коллегия прямо отмечала, что «пункты» эти «состоялись за собственною Его царского величества рукою»[414]. Тем не менее всего лишь несколько месяцев спустя после утверждения «Инструкции» Матвеев, в целях установления «лучшего порядка», предлагает позаимствовать устав французского или датского училища – как будто не было ни «Проекта», ни «Инструкции»! Апраксин, как мы помним, в ответ распорядился такой устав «сыскать и перевесть на российский язык» – опять-таки, как будто разработанные Сент-Илером документы попросту не существовали![415] Для Матвеева, конечно, возможность игнорировать бароновы регламенты была весьма кстати, поскольку они кодифицировали административный статус и полномочия его конкурента, вовсе не упоминая при этом должность президента академии; соответственно, эти документы мешали ему взять училище под свой контроль. Но из этих примеров видно также, что рационально-бюрократическое «регулярство» не было какой-то естественной и неотъемлемой чертой петровской государственности в целом или мышления самого Петра. Наоборот, в каждом конкретном случае судьба «регулярства» оказывается вопросом политическим, обусловленным непосредственными личными интересами тех или иных игроков. Распространение «регулярства» становится возможным, если оно одновременно помогает этим игрокам реализовывать свою собственную программу. В противном же случае этот процесс рискует застопориться.

Показательно, что хотя предложенные Сент-Илером академические правила и дисциплинарные механизмы были забыты вскоре после его увольнения, изобретенная им для себя административная роль директора в академии прижилась. В Навигацкой школе и в существовавших до нее училищах никаких

директоров не было: в центре школьной жизни была фигура учителя-«мастера», которого, в свою очередь, «ведало» одно из правительственных ведомств, таких как Патриарший приказ или Оружейная палата. Внутри этих ведомств несколько подьячих вели относящуюся к школе переписку, возможно, под надзором одного из дьяков. Разумеется, предшествующий опыт Сент-Илера не позволял ему претендовать на роль «мастера»-учителя, вроде Фархварсона, Магницкого или братьев Лихудов; да и ему самому подобная роль не была бы интересна. Вместо этого он представляет себя как опытного управленца и высокопоставленного чиновника. В переписке с Петром барон упирает не на свои предполагаемые познания в математике и навигации, но на свое знакомство с устройством зарубежных академий, на свою предполагаемую способность организовать «бесхлопотное» для правительства содержание гардемаринов и на наличие у него «в Голландии и иных немецких краях» разветвленной сети «приятелей моих», которая позволит нанять для академии «самых искуснейших профессоров»[416]. Тем самым он конструирует новую административную роль – роль директора, который сам не преподает и не является ученым-книжником, но специализируется на подборе учителей, организует учебный процесс, обеспечивает школу необходимыми ресурсами, следит за поведением учителей и за качеством преподавания. Уже в «Проекте для сочинения Морской академии» Сент-Илер предлагает учредить должность «коммандanта (правителя)». Примечательно, что во французском морском уставе 1689 года, на который он опирался, упоминается *Commandant des Compagnies des Gardes*, но его роль никак специально не подчеркивается и даже и не описывается: французский регламент предполагал, что гардемарины будут подчиняться командиру над соответствующим портом[417]. В версии Сент-Илера, однако, «коммандanту» вверяется «генеральное правление» в академии. В «капитуляции» барон идет дальше, вводя должность «генерал-директора», обязанности которого предусматривали контроль за соблюдением положений составленного им же самим проекта: «чтоб мне велеть им исправлять их должность во всех экзерциях против того проекту, которой я имел честь поднесть о том Его величеству». Генерал-директор этот должен был носить неслыханный двойной чин «контр адмирала и генерала маеора во армеях Его величества», претендуя тем самым на исключительно высокий служебный статус, также не имеющий параллелей в исходном французском ордонансе.

Изобретение самой Морской академии как институции также

отражало стремление Сент-Илера утвердить собственный статус. Во французском морском уставе 1689 года никакой «академии» не упоминается. Гардемарины предстают здесь скорее как воинское подразделение, служащие в котором молодые люди должны посещать индивидуальные «школы» – во множественном числе – геометрии, тригонометрии и так далее. Иными словами, «школа» понимается в этом документе, как и в современной ей русской практике, как отдельный класс, управляемый индивидуальным учителем; ни старшего учителя или директора, ни какой-то организационной надстройки над этими «школами» устав не предусматривает[418]. В «Проекте», составленном Сент-Илером в феврале 1715 года, слово «академия» появляется лишь в заглавии, тогда как сам текст следует французскому источнику – гардемарины там последовательно описываются как «корпус». По сути, понятие «академия» вводится прожектером в его «капитуляции» в апреле 1715 года, и происходит это именно в связи с описанием должности директора. Таким образом, академия оказывается своего рода зонтичной надстройкой, существование которой помогает оправдать введение поста «генерал-директора» и присвоение ему «генерального правления» над всеми офицерами и учителями.

Как оказалось, однако, установить собственный социальный статус и зафиксировать сферу своих полномочий на основании одних только регламентов было невозможно. «Никто в здешней земли не знает честной чин, которым Ваше величество милостиво изволили меня пожаловать, для того что мало меня почитают», – жаловался Сент-Илер Петру в сентябре 1715 года[419]. «По сему мочно знать, что немного ума, понеже всех глупей себя ставит», – резко отреагировал на это царь[420]. Но барон был в чем-то прав. Привыкшие иметь дело с учителями-«мастерами» во главе отдельных классов-«школ», его русские контакты и в самом деле были не готовы воспринимать француза как «директора», высокопоставленного специалиста, функции которого состоят именно в администрировании. Социальный же статус его было недостаточно высоким, чтобы преодолеть подобное восприятие. В итоге в глазах окружающих Сент-Илер, похоже, оставался именно учителем, вроде Фархварсона. «Вы и другие с вами учителя», – обращается к нему адмирал Апраксин[421]. Адмиралтейские подьячие тоже рутинно называют его учителем: в переписке встречаются фразы вроде «велено по ведению из академии учителя барона Гислера» или «за рукою учителя барона Гислера написано»[422]. Фархварсон, со своей стороны, подчеркивал неспособность барона преподавать как повод для сохранения собственной автономии: по словам Матвеева, который был только

рад поддержать эти претензии, «он, англичанин, под послушанием ево, бороновым, быть не хочет для того что бутто он, барон, той науки сам несведом, а он, англичанин, введен по указу особно»[423].

Сам Матвеев тоже ставил Сент-Илеру в упрек его неспособность преподавать. «Он, Сентилер, <…> в свою бытность годищнаго времени ни [единой] души ис кадетов в дальную науку не произвел, и свидетельствовать ни самой меньшей науке отнюдь непоятен, и ничего по своей должности не только профессоров [не] превосходит, ни навигаторского учения не знает», – докладывал Матвеев Апраксину. Те же упреки Матвеев повторил и самому Сент-Илеру: «Как вы сами о себе ведаете, что вы по тому чину своему никакой еще пробы ис силы превозхождения вашего в тех науках доныне от себя не показали, что все до того вашего чину необходимо зависело». По сути, граф обвинял барона в том, что тот занимался ровно тем, чем и должен был заниматься по условиям своего контракта – администрированием и поддержанием дисциплины: «большее его дело и труд состоит только что в однех в осмотрах поденных»[424]. В общем, «гораздо бы было лутче, естли бы та академия во всех науках приказана была вышепомянутым профессорам», которые «те науки <…> знают», тогда как сам барон «фигурою бесполезною у того дела находится»[425]. Но, упрекая Сент-Илера за неспособность преподавать, сам Матвеев никогда и не пытался представить себя в качестве учителя или знатока навигацких наук, ограничиваясь ролью администратора. При этом, разумеется, он вовсе не считал себя «фигурою бесполезною» в академии, несмотря на свое невежество в математике и мореходстве, в котором он сам охотно признавался. В итоге, избавившись от Сент-Илера, Матвеев сам занял ту административную нишу, которую изобрел для себя французский авантюрист – и тем самым обеспечил устойчивость этого организационного нововведения.

Глава 4
МОРСКИЕ ШКОЛЫ И ПЕТРОВСКИЕ РЕГЛАМЕНТЫ, 1710–1730-Е ГОДЫ

На протяжении первой половины своего царствования Петр был в первую очередь поглощен ведением войны, так что реформы проводились им в этот период скорее хаотично, методом проб и ошибок. В последнее же десятилетие его жизни, особенно после возвращения императора из второго европейского турне (1716–1717), преобразования приобретают гораздо более системный характер: именно в эти годы закладываются основы институционального устройства послепетровской России[426]. На этот период приходится и создание коллегий, и введение подушной подати, и разработка наиболее комплексных и масштабных законодательных актов эпохи, пресловутых регламентов, в том числе посвященных управлению флотскими делами: монарх лично работал над этими документами и представлял их как образец, на который должны ориентироваться другие коллегии. В этой главе мы рассмотрим, как именно эти шедевры петровского законотворчества затрагивали – или не затрагивали – вопросы образования. Детальная реконструкция личного вклада Петра в написание соответствующих пассажей в этих документах помогает выявить его представления об организации обучения и его приоритеты в этой сфере. Говоря коротко, работая над составлением морских регламентов, император интересовался прежде всего вопросами практической подготовки морских офицеров и организацией их службы. И наоборот, мы не видим у него никакого интереса к регулированию собственно школ: он не пытается вводить новые должности в учебных заведениях, определять обязанности учителей, кодифицировать распределение полномочий внутри школ или отношения школ с правительственными органами.

Таким образом, центральная тема этой главы – эволюция институтов и возникновение «регулярства» в отсутствие прямых импульсов со стороны монарха. Важнейшим «мотором» этого процесса были соперничество и конфликты между индивидуальными акторами, предрасположенность – или наоборот, непредрасположенность – которых к регулированию соответствующей сферы зависела во многом от их текущей позиции в административной системе координат. Логика эта хорошо видна в письме, которое направил Петру 16 февраля 1716

года Корнелий Крюйс (1655–1727) – вероятно, лучший из иностранных адмиралов, которого царю удалось нанять для российского флота. Крюйс писал:

> Я, нижеподписанный, прошу зело и неотступно о получении письменной инструкции или актов, понеже Его Сиятельство генерал-адмирал [Апраксин] благоволил сказать, что мне [ни]какой инструкции не надобно, вице-адмирал знает и без инструкции, что потребно к тому и что надлежит делать. К таковому важному управлению надлежит мне иметь обыкновенную инструкцию, наипаче чужестранному. <…> А ежели что случится и мне без инструкции и оправдатися нечем[427].

Крюйс, чужак, стремился зафиксировать правила на бумаге и тем самым четко определить свое положение в русском флоте – в том числе и для того, чтобы иметь возможность защитить себя в случае разногласий. Апраксин, же, входивший в ближний круг царя, сопротивлялся таким попыткам, поскольку любая фиксация правил предполагала ограничение его возможности произвольно принимать решения. То же самое, хотя и на неизмеримо более низком уровне, происходило и в школах: администраторы и учителя зачастую также стремились урегулировать отношения друг с другом и с вышестоящими инстанциями и запрашивали для этого инструкции, где были бы прописаны их обязанности и полномочия. Таким образом, постепенно устанавливая и уточняя все более формализованные правила игры в рамках соответствующих школ, они способствовали возникновению все более «регулярных» учебных заведений даже в отсутствие каких-то «модернизационных» посылов сверху.

В основе этой ползучей институционализации лежали, таким образом, не приоритеты «модерного» государства и абстрактного прогресса, но интересы конкретных административных акторов, которым соответствующие изменения могли быть полезны для достижения каких-то их собственных целей. В этом отношении повседневное институциональное строительство, движимое прагматическими интересами индивидуальных учителей и администраторов, разительно отличается от концептуально нагруженного прожектерства, примером которого могут служить подготовленные в 1730-х годах графом Остерманом или его сотрудниками предложения о реформе Морской академии. С одной стороны, выдвигая этот и подобные ему проекты, и сам Остерман тоже неизбежно преследовал какие-то свои карьерные цели. С другой, в проекте этом были заложены ультрасовременные для того времени педагогические технологии:

он предполагал артикуляцию и формализацию методов преподавания, бюрократизацию и разграничение обязанностей и полномочий внутри школы. Эти технологии, однако, имели мало отношения к прагматической стороне морской службы; самое же главное, они мало чем могли пригодиться морякам-практикам и другим политическим игрокам как инструмент для продвижения их интересов. Неудивительно, что предложения Остермана выглядели для них малопонятными и избыточными и в результате были забыты сразу же после падения самого сановника.

ГАРДЕМАРИНЫ И ШКОЛЬНИКИ

Свидетельств прямого участия Петра в жизни Морской академии после увольнения Сент-Илера у нас, мягко говоря, немного. «Походные журналы» царя, в которых на протяжении всего петровского царствования записывались его занятия и перемещения (вопреки названию, не только во время походов, но и во время пребывания в столицах), не содержат упоминаний о его визитах в Морскую академию после 1715 года. Вообще в журналах этих часто фиксируются самые мелкие, незначительные события: из них мы узнаем, какие церкви, похороны или свадьбы посещал монарх, где он ел и где ночевал. 7 февраля 1721 года, например, Петр побывал на галерной верфи и в канатных сараях, 4 марта он сажал яблони, 9 и 10 марта осматривал больных гвардейцев в госпитале и так далее[428]. Морская академия, однако, не упоминается среди подобных визитов. Конечно, «походные журналы», при всей своей детальности, далеко не полны: из других источников нам известно, что Петр побывал в академии как минимум один раз, 10 июля 1724 года. Хотя этот визит не отмечен в «походном журнале», он отразился в других документах, поскольку правительственные органы обсуждали реализацию данных Петром по этому случаю указаний[429]. Исходя из этого, можно допустить, что были и другие, неизвестные нам посещения Морской академии: но даже если и так, уже сам тот факт, что они не удостоились быть записанными в «походных журналах», крайне примечателен.

И в самом деле, царь, как кажется, гораздо больше интересовался не школьной, а практической подготовкой будущих морских офицеров. Уже в самые первые годы XVIII столетия, и особенно после 1706 года, молодых дворян, прошедших обучение в Навигацкой школе, направляют на практику в составе действующих эскадр; многие из них получают

возможность приобрести необходимый опыт в иностранных флотах[430]. И если свидетельств посещения Петром Морской академии практически нет, то, наоборот, его глубокая вовлеченность в отбор гардемаринов и направляемых за границу «волонтеров», а также в экзаменование возвращающихся хорошо задокументированы. Будущий адмирал Семен Иванович Мордвинов (1701–1777) вспоминает в своих записках о смотре молодых дворян, проводившемся в 1715 году самим монархом. Мордвинова определили в учение, но уже в 1716 году он был вызван на еще один смотр, который опять проводился лично Петром в доме Апраксина: молодого человека, вместе с четырьмя десятками других, отобрали для посылки на флот, стоявший в Ревеле. По прибытии недорослей определили в «гардемарины», и, как замечает не без гордости Мордвинов, «с того времени начало восприяли гардемарины»[431]. В 1717–1719 годах Петр лично отслеживал перемещения молодых русских дворян, проходящих морскую практику в европейских странах, распоряжался о выплате им положенного жалованья, давал инструкции своим представителям о подборе учителей, приказывал перевести «волонтеров» из Венеции (поскольку военные действия против турок там завершились) в Испанию (где они смогут приобрести больше опыта на галерах) и так далее[432].

Представление о том, что было важно для Петра в подготовке гардемаринов, дают краткие заметки, которые царь делал в своих записных книжках. Некоторые записи посвящены тому, кого следует набирать в гардемарины («о гвардии морской – из царедворцев»), в других Петр пишет о необходимости принудить представителей элиты к тому или иному виду службы («и нигде дворянским детям сначала не служить, только в гардемаринах и в гвардии»). Целый ряд записей посвящен определению гардемаринов на практику в иностранные флоты. В одной из записей майору Ушакову велено выбрать двух гвардейских офицеров, «которым бы ведать против регламенту гардемаринов», в другой Александру Нарышкину поручается подобрать из числа обучавшихся во Франции гардемаринов «в академию в надсмотрение несколько человек». Во всех этих случаях речь идет в первую очередь о службе, а не об обучении, хотя в одной записи Петр и предписывает «ребят маленьких обучать не токмо на море, но и в домах по маделям»[433].

Надо сказать, что петровская практика посылки молодых дворян в качестве «волонтеров» за рубеж или, позднее, на российский флот не была некоей временной мерой, паллиативом, к которому царь был вынужден прибегать в условиях дефицита времени и кадров[434]. Наоборот, в контексте той эпохи это был

вполне нормальный способ подготовки будущих офицеров. Отсюда понятно, почему профессиональные моряки того времени – не только сам Петр, но и его адмиралы и капитаны, включая и опытных иностранцев – мало интересовались созданием более формализованных морских школ. Действительно, уже в меморандуме, подготовленном в марте 1716 года (скорее всего, его автором был Матвеев), доказывалось, что «по всегдашнему обыкновению во французской морской академии недоросшая шляхта, которая к оному делу употреблена, больши науки практикою самою действительно проходят в свое совершенство». Если этот документ и в самом деле был составлен Матвеевым, которого только недавно назначили президентом Морской академии, то подобная позиция вполне логична: новый начальник не только подлаживался под предпочтения царя в данном вопросе, но и демонстрировал свои рвение и знакомство с зарубежными практиками, одновременно критикуя действия своего соперника Сент-Илера. Автор сомневался, нужно ли вообще иметь в академии столько учеников, особенно учитывая стоимость их содержания: он предлагал отправлять не менее ста человек в плаванье с эскадрой, поскольку «практика та в 6 месяцов может у искусных капитанов [скорее] произвести их в прибыльное дело, нежели 10 месяцов здесь будучи запертыми по школам». Кроме того, полагал он, подобная практика даст молодым дворянам и возможность заслужить повышение[435].

Примерно в это же самое время Сент-Илеру было поручено составить «ордонацию», регулирующую как раз обучение гардемаринов во время их пребывания на борту корабля. Повторяя соответствующие пассажи из «Ordonnance de Louis XIV pour les armées Navales et Arsenaux de Marine», подготовленный французом документ предполагал выделение на учебу четырех часов в день, а именно, по часу на навигацию, строевую подготовку и обращение с мушкетом, обращение с пушками и управление кораблем[436]. Уже к 20 марта 1716 года «ордонация» была переведена на русский и легла в основу чуть более развернутого документа, утвержденного Петром 19 апреля того же года. Документ этот, известный как «Объявление во флот Его Царского Величества вышним и нижним господам морским офицерам о содержании гардемарин и о их должности», включал девять пунктов, большинство из них не длиннее одного предложения. «Объявление» устанавливало, что на борту корабля гардемарины будут находиться под командой специально назначенного «морского поручика», «который должен их к обучению принуждать и о их поступках доносить капитану». Он же должен «надзирать» и над специально направляемым на

каждый корабль «школьником», которому поручалось обучать гардемаринов арифметике и геометрии[437]. Хотя в целом «Объявление» довольно близко воспроизводит содержание разработанного Сент-Илером документа, а значит, и французского ордонанса 1689 года, в нем есть и некоторые новшества, добавленные, видимо, Петром или его сотрудниками и отражающие их приоритеты. К ним относится и идея посылки с эскадрой «школьников» в качестве учителей, и оговорка, что надзирающий за гардемаринами «морской поручик» должен быть «из русских». «Объявление» также предусматривало дополнительное содержание («полтора рациона в пище») гардемаринам во время их пребывания в море и регулировало порядок назначения наказаний за непослушание.

Кроме прочего, «Объявление» также фиксирует и обособление гардемаринов от Морской академии. Первоначально в предложениях Сент-Илера понятия «корпус морской гвардии» и «морская академии» являются, как кажется, взаимозаменяемыми. В «Объявлении», однако, гардемарины представлены уже как некоторая отдельная группа: «гардемарин» это не то же самое, что «школьник». Но как именно соотносятся между собой статус «гардемарина» и статус «школьника», не вполне ясно. В данном тексте, во всяком случае, «школьник» представлен как некто гораздо более сведущий в математических науках, чем «гардемарин», поскольку «школьник» может выступать для «гардемарина» в качестве учителя. В 1718 году, однако, Петр установил численность гардемаринов во флоте в 200 человек, указав при этом, что «школьники», которые еще не освоили «навигацию» в академии, не должны производиться в гардемарины. Здесь соотношение между школьниками и гардемаринами как будто бы меняется: школьники оказываются предварительной ступенью перед зачислением в гардемарины[438]. В 1723 году Петр увеличил число гардемаринов до 300 и велел содержать их на том же основании, что и полки гвардии: теперь государь явно рассматривал их как воинскую часть[439].

«НЕ ПОВЕЛЕНИЕМ ТОКМО, НО САМЫМ ТРУДОМ ЕГО УЧИНЕН»

Самым важным мероприятием по регулированию флотской службы в петровскую эпоху была разработка и принятие в конце 1710-х – начале 1720-х годов морских и адмиралтейских регламентов. Речь, в первую очередь, идет о Морском уставе, утвержденном 13 января 1720 года; «Регламенте о управлении

Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской», утвержденном 5 апреля 1722 года; и второй части Морского устава, относящейся к управлению флотом «в бытность флота в порту, также о содержании портов и рейдов» (в просторечии «портовая книга»), также утвержденной 5 апреля 1722 года. Сам Петр описывал эти документы не только как законодательный шедевр, но как результат своих личных, собственноручных усилий: «учинено все чрез прилежный труд Царского Величества, в котором не повелением токмо, но самым трудом его учинен, где не токмо утрами, но вечерами по дважды на день, оное делано в разные времена»[440].

В качестве первого шага Петр еще в 1710-х распорядился собрать возможно более полную коллекцию западноевропейских (французских, датских, английских, голландских, шведских) морских уставов и перевести их на русский[441]. Окружение царя, разумеется, видело здесь удобную нишу для прожектерства. Сент-Илер открывает в феврале 1715 года свой самый первый, «адриатический», проект описанием алгоритма действий на случай, «ежели его величеству надобно зделать Генеральной реглемент для арсеналов своего флота, дабы все делалось порятком и без конфузии». Для составления такого документа царю следовало устроить «собрание искуснейших навигаторов», а потом передать разработанный ими текст на рассмотрение «искуснейшим морским офицерам»[442]. А в ноябре 1717 года готовый проект регламента Адмиралтейской коллегии направил царю вице-адмирал Крюйс: он сочинил его по собственной инициативе (хотя, похоже, с ведома и одобрения Апраксина) на основании шведских морских уставов. Царский секретарь Макаров записал принятое решение: «рассмотреть тогда когда будут править Воинский Морской устав». Для наших целей примечательно, что о морских школах или гардемаринах этому профессиональному моряку в его предложениях сказать было совершенно нечего[443].

В 1718 году Петр лично набросал структуру будущих морских регламентов и поручил Конону Зотову, недавно вернувшемуся после длительного пребывания во Франции, координировать работу над текстом. В соответствии с царскими указаниями, Зотов подготовил выдержки из подходящих западноевропейских морских уставов и представил их в форме пространной таблицы. В первом (левом) столбце содержались положения двух французских уставов («Ordonnance de Louis XIV pour les armées Navales et Arsenaux de Marine» 1689 года и «Ordonnance de Louis XIV. Touchant la Marine» 1681 года), далее шли соответствующие по тематике пассажи из английских, датских и других

документов. Эти выдержки зачитывались на заседаниях специальной комиссии, составленной из адмиралов и других сановников (ровно так, заметим, как это и предлагал Сент-Илер). После составления черновика царь лично работал с ним, внося необходимые исправления и дополнения, а иногда и своеручно вписывая целые новые параграфы. Адмиралтейский регламент прошел четыре таких итерации, одна из них включала и сбор письменных замечаний и предложений от членов комиссии. Как следует из личного расписания занятий Петра, зимой 1721 года работа над этими регламентами стала для него главной задачей: каждую неделю царь посвящал ей свое рабочее время с понедельника по четверг. «Походный журнал» Петра также часто фиксирует его работу над этими текстами: например, Петр «слушал Регуламент» 20–24 и 27–28 февраля 1721 года, иногда и до, и после обеда. Всего Петр собственноручно написал 15 из 122 статей, остальные принадлежат перу Зотова, царского секретаря Макарова или чьему-то еще. Почти половина статей (где-то около 50–55) прямо основана на двух французских источниках[444]. После завершения работы над Морским уставом Петр написал Меншикову: «вместо [пасхального] яйца посылаю при сем книгу труда своего»[445]. Когда был готов и Адмиралтейский регламент, Петр распорядился, чтобы все остальные коллегии также разработали для себя регламенты, взяв этот документ за образец. Значение самого Адмиралтейского регламента также выходило далеко за пределы собственно морского управления: отдельные его положения применялись для разрешения коллизий в самых различных сферах[446].

Обширные архивные материалы, отражающие ход работы над этими законодательными памятниками, позволяют детально реконструировать процесс последовательного редактирования регламентов, участие в нем самого царя и его взгляды на обучение. Первый из этих документов, Морской устав, затрагивал вопросы подготовки будущих морских офицеров дважды, оба раза в связи с гардемаринами. Глава I книги III, в которой определялись обязанности капитана, включает статью 56 «О обучении гардемаринов по их должности». Согласно ей, капитан, у которого на борту находятся гардемарины, обязан «прилежание иметь дабы гардемарины обучались наукам (которыя они уже в школе имели)» и представить по завершении кампании ведомость, отражающую «поведения всякого, поступок в их обучении и прилежность в науке» каждого гардемарина, заверенную командующим эскадрой[447]. Эта статья воспроизводит, таким образом, статью 9 царского «Объявления» 1716 года и, соответственно, представляет собой дословный перевод статьи

XXVIII главы 1 книги 7 «Ordonnance de Louis XIV» 1689 года, входившей и в состав предложений Сент-Илера[448].

Помимо этого краткого раздела, Морской устав содержит также специальную главу «О гардемаринах» (глава XX книги III). Черновые бумаги, относящиеся к разработке Морского устава («черные тетради морского устава») содержат несколько заметок, относящихся к этой главе. Одна из них гласит, что «гардемарины должны быть <…> когда учат стрелять из пушек <…> пушкарей, матрозов и солдат, и вместе с ними им той стрельбе учитца». Приписка, сделанная узнаваемым петровским почерком, уточняет: «гардемаринам на кораблях <…> вместе с пушкарями». Ниже другим почерком приписано: «А во время хода корабельного на фордеке как матрозы»[449]. Самая ранняя черновая версия данной главы гласит: «Во время бою [гардемарин] должен служить как салдат, а во время ходу на фор деке как матроз обращается. В науке обращатца в определенные 4 часа в день, в которой час чередуютца. Держать журнал и казать командиру»[450]. Итоговая версия статьи разделена на три абзаца. В первом объясняется, что во время боя гардемарины должны находиться при пушках, а во время плавания работать на фордеке как матросы. Второй абзац, самый пространный, посвящен программе обучения: гардемарины должны тратить по часу в день на «штюрманское обучение», «солдатское обучение с мушкетом», «обучение пушечное» и «обучение корабельному правлению», соответственно. Третий абзац кратко предписывает гардемаринам вести во время плавания журнал собственных «обсерваций», который будет проверяться капитаном[451].

Именно первый из этих абзацев в наибольшей степени отражает вклад самого Петра, тогда как два других восходят к дословному переводу с французского. В частности, второй абзац итоговой версии представляет собой перевод статей XX–XXIV главы 1 книги 7 «Ordonnance de Louis XIV» 1689 года и, соответственно, повторяет и «Объявление» 1716 года (статья 6), и «ордонацию» Сент-Илера. Данный абзац отклоняется от документа 1716 года и от французского оригинала лишь в одном отношении: здесь на навигацию отводится полтора часа в день и только полчаса на «солдатское обучение с мушкетом», тогда как в более ранних версиях времени на все предметы отводилось поровну, по часу. Третий абзац представляет собой сжатую версию статьи XVIII главы 1 книги 3 французского ордонанса 1689 года[452].

Гардемарины также появляются в «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи», где имеется глава XIV «О содержании гардемаринов в порте»[453]. Это самый пространный фрагмент

морских регламентов, относящийся к обучению: здесь мы находим целых 13 статей, большинство из которых представляют собой дословный перевод различных статей главы 1 книги 7 французского ордонанса 1689 года. Однако именно здесь встречаются и наиболее явные следы вовлеченности Петра в обсуждение вопросов, связанных с обучением моряков. Первоначально помощники Петра подготовили перечень адмиралтейских служителей всех рангов, обязанности которых должны были регулироваться этим документом, включая и гардемаринов. Петр обозначил свое одобрение, пометив соответствующие пункты крестом на полях[454]. После этого работа над текстом шла в двух направлениях. С одной стороны, Зотов подготовил дословный перевод статей V, VI–IX (объединенных здесь в одну статью), X–XV и XVII–XVIII из главы 7 книги 1 французского ордонанса 1689 года, которые появились в русском варианте в том же порядке под номерами, соответственно, 1, 3, 5–8 и 10–13. Первая из них касается обязанности офицеров, командующих гардемаринами, обучать их в соответствии с установленными в документе принципами, «крепко над ними смотреть и наказывать» за нарушения и подавать обо всем этом ежемесячные доклады. Последующие статьи устанавливают программу обучения по дням недели; правила отбора сержантов из числа гардемаринов и их обязанности в части «смотрения» за вверенными им «дивизиями»; необходимость выставлять часовых у дверей каждой «школы». Предписывалось также водить гардемаринов смотреть, как производятся такелажные работы; «отличать» гардемаринов, имеющих особую «понятность» в той или иной науке, особенно в артиллерии и инженерстве; осматривать оружие гардемаринов; наводить справки у квартирных хозяев об их поведении. Наконец, определялись правила предоставления отпусков; наказание за несвоевременное возращение из отпуска; правила распределения гардемаринов по кораблям. Источники каждой статьи были обозначены на полях[455].

Тем временем, сам Петр на отдельном листе бумаги набросал несколько дополнительных пассажей. В одном из них устанавливался статус гардемаринов наравне с лейб-гвардией. В другом запрещалось производить гардемаринов в чины до тех пор, пока они не освоят артиллерию, навигацию и фортификацию в части ретраншементов и шанцев (то есть оборонительных сооружений) «совершенно», а апроши (то есть осадные работы) и элементы корабельного корпуса – «сколько возможно». Эти фрагменты стали статьями 2 и 9 данной главы. Еще два пассажа призваны были дополнить нормы, содержащиеся в переводе с

французского. Один из них, относящийся к статье 3, пояснял, что «сие обучение гардемаринам тем, которые вышеписанных наук в школе уже обучились, а которые не учились или не совершено обучились, тех во время бытия их на земле отсылать в школы и обучать». В другом объяснялось, что гардемарины должны были не только наблюдать такелажные работы, но и участвовать в них, работая своими руками, но только в те дни, которые не были отведены для учебы; этим пассажем была дополнена статья 7[456].

Написанные Петром абзацы были дословно скопированы на отдельные полоски бумаги, которые были затем подклеены в соответствующих местах к тексту сделанного Зотовым перевода и помечены «государевой руки». В статью 1 была внесена мелкая стилистическая правка, а в статье 3 были уточнены дни недели, отводящиеся на изучение того или иного предмета, в том числе два дня в месяц на обучение стрельбе в «те [же] дни как учат матросов, пушкарей и солдат». В статье 13 появилось уточнение о распределении гардемаринов по кораблям «по пропорции людей» в командах, а в статье 11 – о том, что предоставлять им отпуск с Котлина в Санкт-Петербург имеет право командир над портом, а за пределы Санкт-Петербурга – только сама Адмиралтейств-коллегия[457]. Таким образом, поскольку эта статья в целом была основана на французском ордонансе 1689 года, она также в значительной мере повторяла и проект, поданный Сент-Илером в феврале 1715 года. Но если французский оригинал предписывал ежедневно соблюдать одну и ту же последовательность классов, то здесь каждый из дней недели отводился на те или иные чередующиеся предметы (один утром и один после обеда). Статья также предусматривала коллективное посещение молебна каждое утро: это правило было опущено у Сент-Илера, хотя и содержалось во французском оригинале. Наконец, было опущено обучение танцам, предусмотренное французским оригиналом.

Что же до Морской академии, то она упоминается, весьма кратко, в «Регламенте о управлении Адмиралтейства и верфи», одобренном 5 апреля 1722 года. Здесь в главе I («О должности Адмиралтейской коллегии»), в статье 4 указывается на необходимость «надсматривать» раз в две недели госпитали и школы как составную часть «особливой должности» президента Адмиралтейства. При разработке регламента было последовательно подготовлено четыре черновых редакции, и данная статья появляется во второй из них с пометой «новая государевой руки»[458]. Более существенно, что в «Регламенте» появляется, наконец, раздел (статья 59 главы I), специально посвященный академии: «О Академии и каким наукам во оной учить»[459]. Эта статья близко к тексту повторяет доклад,

представленный директором академии Г. Г. Скорняковым-Писаревым и одобренный Петром 11 января 1719 года (см. ниже). В отличие от доклада Скорнякова, однако, в этой статье список предметов включает лишь наиболее сложные: в нем не упомянуты арифметика и геометрия, а рисованию (черчению) и фехтованию на рапирах велено учить лишь «сколько возможно». Здесь также повторяются указания нанять в академию комиссара и переводчика, упоминаемые в докладе 1719 года, а также предписывается содержать при академии для наглядного обучения разобранный корабельный корпус. Данная статья появляется только в третьей черновой редакции «Регламента», и в ходе доработки текста Петр к ней не возвращается и не пытается как-то ее дополнять или корректировать[460].

Итак, мы видим, что Петр внес заметный личный вклад в разработку относящихся к обучению разделов морских регламентов, но его интересовали в первую очередь вопросы практической подготовки и организации службы гардемаринов. В остальном же большинство относящихся к обучению норм представляют собой прямой перевод из французского ордонанса 1689 года, того самого, на котором были основаны и предложения Сент-Илера. В этом смысле подход царя к разработке морских регламентов мало чем отличался от методов, которыми пользовался самозваный барон. Это обстоятельство также напоминает нам, что пренебрежительное отношение Петра к текстам Сент-Илера не обязательно связано с их содержанием как таковым. В конце концов, лишь несколькими годами спустя царь сам позаимствует то же самое содержание из того же источника. Более того, предложения Сент-Илера были даже детальней и амбициозней в смысле введения «регулярства» в обучении, чем те нормы, которые были в итоге зафиксированы в морских регламентах Петром. Неудача барона была обусловлена в первую очередь коллизиями придворной политики, его неспособностью найти поддержку среди представителей элиты и его столкновениями с Матвеевым.

Поскольку во время работы над морскими регламентами Петр и его сотрудники широко заимствовали идеи и целые фрагменты из французских источников, стоит обратить внимание не только на те пассажи, которые они задействовали, но и на те, которые решено было опустить. Как мы уже видели, они активно пользовались первой главой книги 7 ордонанса 1689 года, но почти полностью проигнорировали первую главу книги 19. В частности, не привлекли их внимания французские нормы, касающиеся собственно организации преподавания и дисциплины (параграфы II и XII); содержания и методов преподавания,

включая и перечисление конкретных математических и навигационных знаний и навыков, которые должны усвоить ученики, а также последовательность, в которой они должны преподаваться (параграфы III–XI); инструментов и приборов, которые должны брать с собой на борт корабля офицеры, отправляемые для обучения гардемаринов (параграф XVII); процедур контроля над ходом обучения с участием опытных капитанов (параграф XIII) и специальных экзаменационных комиссий (параграфы XIV–XVI). Иными словами, в своих самых масштабных текстах, относящихся в подготовке морских офицеров, Петр не стал, если так можно выразиться, «заглядывать внутрь школы», т. е. вмешиваться в сам процесс преподавания и нарушать автономию «мастеров»-учителей. Не находим мы здесь и представления о школе как о бюрократической структуре, где нужны четкая иерархия, распределение обязанностей, установленный бюджет и так далее. По целому ряду вопросов Петр вообще не счел необходимым как-то высказаться в регламентах: численность учеников, размер жалованья учителям и «кормовых денег» ученикам, структура управления, соотношение Морской академии с корпусом гардемаринов и ее отношения с другими ведомствами – все это не удостаивается никакого упоминания. Не вспоминает Петр в своих регламентах и о московской Навигацкой школе. Мы можем только предположить, что он считал возможным и достаточным урегулировать все эти вопросы посредством частных распоряжений и указаний – или же оставить их на усмотрение самих учителей и администраторов[461].

ДИРЕКТОРА, ПРЕЗИДЕНТЫ И КОМИССАРЫ

И действительно, именно учителя и рядовые администраторы стали одной из движущих сил ползучей институционализации и бюрократизации морской школы в петровскую эпоху. Такую динамику мы наблюдаем, конечно, не только в сфере образования: она характерна для строительства «регулярных» институтов в начале XVIII века в целом. Когда соратникам Петра требовалось уточнить свои полномочия или разрешить конфликты с административными конкурентами, они обращались к нему с письменными предложениями, которые царь зачастую одобрял, полностью воспроизводя в указе язык оригинала. Некоторые из таких предложений могли принимать облик официальных документов, адресованных вышестоящим сановникам; другие могли быть сформулированы в письмах к

самому царю. Часто предложения эти излагались устно, в личном общении с монархом. В таких случаях они могли привести к появлению указов, которые сами же авторы этих предложений были уполномочены донести до сведения Сената или других правительственных органов. В итоге, перед сановниками нередко представали младшие чиновники и офицеры и на словах сообщали этим государственным мужам монаршую волю. В таких случаях мы можем только гадать о действительном вкладе Петра в выработку соответствующего решения. Инициировал ли он данную меру? Или же он просто кивал в ответ на слова подвернувшегося ему под руку приближенного? Во всяком случае, нам следует соблюдать осторожность, когда мы интерпретируем тексты подобных указов как отражение стратегических замыслов Петра, его прямого и личного волеизъявления. Зачастую сама царская воля артикулировалась именно в процессе формулирования и одобрения таких указов. И, как мы видели в случае Сент-Илера, иногда даже сам факт монаршего одобрения предлагаемых мер оказывался не вполне очевидным и однозначным, а одобрение – ни к чему не обязывающим ни для Петра, ни для его окружения.

К составлению таких предложений должностные лица часто обращались вскоре после своего назначения, когда им нужно было выяснить, что же именно ожидает от них государь, обеспечить себе необходимые ресурсы и полномочия, обозначить свои амбиции и «рвение». Как и документы, составлявшиеся ранее Сент-Илером, эти предложения могли содержать отсылки к иностранным практикам и более или менее развернутую систему аргументации, как, например, в текстах, представленных в 1717–1718 годах недавно принятым на русскую службу адмиралом Джорджем Паддоном[462]. Предложения эти часто подавались вне обычных каналов служебной коммуникации, то есть напрямую монарху.

Еще один характерный жанр той эпохи – так называемые «вопросные пункты», обращенные к вышестоящему сановнику или к самому монарху[463]. Эти «пункты» могли иметь форму простого письма или перечня пронумерованных вопросов, расположенных обычно вертикально на одной половине листа – так, чтобы на второй могли поместиться ответы и комментарии со стороны адресата. Некоторые вопросы могли содержать в себе и желаемые автором «пунктов» решения, другие были открытыми; высокопоставленный адресат мог ответить на все или лишь на некоторые из вопросов. Подача таких «вопросных пунктов», как кажется, предполагала некоторую степень близости к получателю: не каждый мог обращаться с вопросами к генерал-

адмиралу или к самому царю. Появлявшимся в результате такого вопрошания распоряжениям и установлениям обычно не хватало устойчивости, поскольку Петр и его министры не обязательно рассматривали их как постоянные. Не всегда было ясно, продолжают ли они действовать и после смены инициировавшего их чиновника: его преемникам приходилось обращаться к начальству с соответствующими запросами.

Во многом именно в результате подобных запросов и обращений и нарастала в последнее десятилетие петровского царствования «регулярность» петровских морских школ. «Указом Царского Величества за подписанием г. генерал-адмирала» от 12 января 1716 года – крайне характерная формулировка, отражающая происхождение этого указа, – велено было иметь в Морской академии 300 учеников, плюс еще 30 «в геодезии»; для обучения содержать при них восемь человек «навигаторов»; жалованье платить от 1 до 3 рублей в месяц, в зависимости от успехов в учебе, делая из него вычеты на мундир. 16 января, отвечая на запрос со стороны своих подчиненных, Апраксин установил, что московская школа должна иметь 500 учеников, которых после освоения ими арифметики и геометрии будут переводить в академию в Санкт-Петербург. Для Матвеева, назначенного в этот момент президентом Морской академии, этого было недостаточно: 16 февраля он подал генерал-адмиралу девять «вопросных пунктов», а затем, 24 февраля, еще шесть. Среди прочего он просил разрешения нанять дополнительных учителей, поднимал вопрос о расквартировании учеников вблизи академии, просил разъяснений касательно вычетов из жалованья на мундиры и порядка предоставления отпусков. Особенно красноречив самый первый пункт: Матвеев просит, «чтобы для лучшего расположения <…> делу, назначенному [то есть ему самому. – *И. Ф.*] полная мочь была дана, как обыкновенно при иных дворах президентам академий»[464].

В основе этого стремления к уточнению и формализации правил лежали, таким образом, не некоторые абстрактные представления о полезности и правильности рационально-бюрократического управления, но соперничество Матвеева с Сент-Илером и стремление графа расширить и закрепить свои полномочия. Во втором из своих «пунктов» Матвеев предлагает «для правильного порядка той же академии» ввести «устав», по примеру французской или датской академии[465]. Однако как только графу удалось выжить Сент-Илера из вверенного ему училища и утвердиться в качестве единоличного начальника, он потерял всякий интерес к институциональному строительству: ни о каком «лучшем порядке» и уставе речи больше не заходило. В

период с марта 1717 года, когда барон был уволен, до января 1719 года, когда пост президента покинул сам граф, проблемы академии всплывали в переписке Матвеева с Макаровым и с царем все реже и реже. Когда Матвеев все-таки обращался к Петру I по делам академии, речь обычно шла о деньгах. Граф снова и снова живописал «нестерпимую нищету» и «последнюю скудость» преподавателей и учеников; последние якобы были вынуждены побираться, поскольку их жалованье не выплачивалось; сама же академия не могла даже купить дров для обогрева, не говоря уже о необходимом ремонте окон и печей[466]. В августе 1717 года Матвеев получил отпуск, чтобы навестить свою жену в Курляндии[467]. В конце этого года он был назначен одновременно главой вновь созданной Юстиц-коллегии, и его новые обязанности захватили его с головой.

В преемники Матвееву во главе Морской академии царь выбрал Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева (1675 – после 1752). Гвардеец, инженер и артиллерист, Скорняков был воплощением «нового человека» петровского царствования. Выходец из мелкого дворянства, он учился в 1697–1698 годах в Берлине, по возвращении в Россию преподавал артиллерийское дело (в том числе, в 1715–1718 годах в самой Морской академии) и даже издал свой собственный учебник по «механике»[468]. Скорняков не был сановником первого ранга, но имел давние личные отношения с царем и его ключевыми сподвижниками. Перед назначением в академию он был награжден полковничьим чином за успешное ведение следствия по делу царевича Алексея и царицы Евдокии, что указывало, конечно, и на высокую степень доверия со стороны монарха. Помимо руководства академией, Скорнякову был поручен также крупнейший инженерный проект своего времени – строительство стокилометрового Ладожского канала: его успешная реализация должна была снизить заоблачную стоимость снабжения Санкт-Петербурга продовольствием. Подобно Матвееву, он регулярно посещал Меншикова и часто оставался ужинать у него в компании с другими приближенными светлейшего[469]. Пол Бушкович числит Скорнякова среди клиентов Меншикова; не чужим человеком был он и для Апраксина, чей племянник служил под началом Скорнякова[470].

Вполне предсказуемо, оказавшись во главе академии, Скорняков-Писарев попытался уточнить, чего же именно ожидает от него монарх на новом посту. 11 января 1719 года, лишь несколько дней спустя после его назначения на смену Матвееву (3 января), Петр одобрил предложения Скорнякова касательно академии (впоследствии они были включены в текст

Адмиралтейского Регламента)[471]. В этом коротком документе перечислялись предметы, которые следовало преподавать в Морской академии, предписывалось подыскать недостающих учителей и разрешалось нанять переводчика «для переводу книг, принадлежащих к вышеозначенным наукам» и заместителя («товарища») директора для «смотрения над учителями и над школьниками». Бросается в глаза важное обстоятельство: новый директор мог обращаться напрямую к государю и информировал Апраксина о полученных им от царя указаниях лишь постфактум. Но даже возможность общаться с самим Петром не помогла Скорнякову разрешить все стоящие перед ним вопросы. Докладывая Апраксину, он просил разъяснений:

> А о денежной казне, коликое число на тое академию определено, также и о числе школьников сколько их иметь в комплекте и о даче по наукам жалованья, почему давать на месяц и московскую школу мне ль иметь под ведением, я не сведом, дабы о том указом мне объявлено было чтоб я мог по числу денежному с учителями вышеозначенных наук капитуляцию учинить, и определенную денежную казну откуда получать и в школу из недорослей в комплект и школьников мне ль принимать? [472]

В ответ Апраксин послал Скорнякову не инструкцию, а подборку писем и приказов, которые направлялись по разным случаям в Навигацкую школу и Морскую академию начиная с 1701 года. Он также написал князю Одоевскому в Москву, чтобы тот «в положенную сумму на школу не вступался». Впрочем, в том, что касается фактического получения причитающихся училищу денег, Скорнякову следовало рассчитать на себя. «Извольте требовать, из тех мест, откуда оную получить, сам», – писал глава морского ведомства[473].

Одним из документов в подборке, полученной Скорняковым-Писаревым из Адмиралтейства 11 февраля, была и «Инструкция» Сент-Илера от 1 октября 1715 года. Как следует из его реакции, Скорняков-Писарев прекрасно понимал, что документ этот «состоялся за собственною Его Царского Величества рукою»[474]. Тем не менее он счел возможным выделить 22 из 29 «пунктов», по которым ученикам и учителям следовало «чинить неотменно», тогда как остальные семь предлагалось скорректировать. Некоторые из них (статьи 19, 21 и 22) нуждались в поправках, поскольку они предписывали расквартировывать учеников в самой академии, что не соответствовало реально сложившейся ситуации; в других статьях следовало уточнить наказания,

предполагавшиеся за их нарушение. Но одновременно Скорняков-Писарев беспокоился и о собственном статусе. Петр указал академии быть в его «ведении»: значило ли это, что он будет носить титул «президента», как Матвеев, или «директора», как Сент-Илер? Сам Скорняков полагал, что с увольнением француза должность и титул директора академии пресеклись, а сам он был преемником Матвеева в качестве «президента» – этот титул он явно считал более высоким и почетным. Поскольку в «Инструкции» упоминался «директор», в нее следовало внести изменения. «В сем [10-м] пункте переменено, [было] директора, а [теперь] написано президенту, понеже ныне в академии директора не обретаетца», – настаивал Скорняков-Писарев[475]. Однако титул президента не прижился, и в официальной переписке его преемник последовательно именуется директором[476]. В итоге, Скорняков-Писарев произвел свои собственные десять «пунктов», частью позаимствованные у Сент-Илера, а частью написанные заново, в которых упор делался на поддержании дисциплины в военном смысле: где следует расставлять часовых, кто запирает ворота на ночь, необходимость гасить на ночи все огни, чтобы избежать пожаров, и так далее[477].

Особенно важным пунктом в указе, которого Скорняков добился от Петра в январе 1719 года, было разрешение назначать в школах так называемых «комиссаров», то есть администраторов[478]. В Навигацкой школе уже начиная с 1702 года был свой собственный писарь, а к 1715 году там на постоянной основе трудились один «средний» и два «молодых» подьячих: они вели финансовые счета, документацию о зачислении учеников и их успехах в науках – «степенях учения», а также переписку с другими ведомствами касательно многочисленных дисциплинарных проступков будущих навигаторов[479]. Назначить в академию комиссара требовал еще Сент-Илер, но как он жаловался Петру в ноябре 1716 года, его неоднократные обращения на этот счет остались неуслышанными. Вместо этого Матвеев якобы вел все академические дела через некоего «писаря», трудившегося дома у самого графа: «в своем доме учинил приказ под судом одного из писарей». Подобную организацию делопроизводства француз пытался увязать со старомосковскими обыкновениями: писарь, де, установил «в том приказе такой же порядок, как в московских школах содержится»[480]. Избавившись от Сент-Илера, сам Матвеев в 1717 году тоже завел речь о необходимости иметь в школе специального «комиссара», наряду с лекарем и другим вспомогательным персоналом. Но получить от царя необходимое решение удалось лишь Скорнякову-Писареву.

Комиссары были не просто письмоводителями, но полноценными специалистами-администраторами. Хотя изначально эта должность вводилась только «для раздачи денежной казны», довольно скоро комиссары взяли под свой контроль все финансовые и административные вопросы, которыми раньше занимались или сами учителя, или адмиралтейские чиновники. В апреле 1723 года, например, персоналу Навигацкой школы было объявлено, «чтоб всякий чинил по должности своей и морскому регламенту», «а ежели кто не будет чинить по должности своей, того ради надлежит господину комиссару Арцыбашеву <…> смотреть» [481]. До того времени именно учителя были уполномочены поддерживать от имени школы контакты с внешними инстанциями – особенно такие учителя, как Магницкий и Фархварсон, которые пользовались к тому времени большим личным авторитетом в глазах чиновников. Другие учителя описывались в основном как их «подмастерья», назначенные «во вспоможение» этим учителям, которые обычно сами выбирали себе «подмастерьев» из числа наиболее способных учеников. Когда в школах появились комиссары, их, судя по всему, не считали достаточно компетентными, чтобы позволить вмешиваться именно в учебные вопросы, и учителя полагали себя как минимум ровней этим администраторам. И действительно, Магницкий получал в год 260 рублей, в два с лишним раза больше, чем комиссар Арцыбашев (100 рублей)[482]. Тем не менее введение должности комиссара неизбежно привело к появлению в школах еще одного голоса и еще одного центра власти. Это, в свою очередь, не могло не породить трений и соперничества, а также запросов об уточнении и регламентации обязанностей и полномочий заинтересованных сторон.

Уже через три месяца после своего назначения Скорняков-Писарев счел необходимым произвести специальные «пункты», отдельно для комиссара Таптыкова в московской школе и отдельно для Магницкого (последние упоминаются в переписке, но обнаружить их не удалось). «Пункты» Таптыкову, в частности, наглядно отражают весьма прагматичный подход Скорнякова-Писарева к управлению школой. В документе обобщаются имеющиеся на тот момент распоряжения Петра и адмиралтейского начальства, согласно которым школа должна была насчитывать 500 учеников, обучающихся арифметике и геометрии; успешно освоивших эти науки следовало переводить в Санкт-Петербург для дальнейшего обучения. В «пунктах» также оговаривается размер жалованья для разных категорий учителей, другого персонала и самих учеников, а также размер взносов,

собираемых на содержание школ с так называемых «царедворцев». Именно комиссару, а не учителям вменялось в обязанность следить, чтобы ученики «учились неленостно». За недостаточное прилежание и «другие всякия продерзости» предполагалось телесное наказание (батоги), хотя никаких формальных процедур оценки этой самой «лености» предусмотрено не было; за каждый день прогулов устанавливался штраф в размере тройного дневного жалованья. В случае совершения учеником серьезного проступка комиссар должен был передавать его гражданским властям[483].

В январе 1722 года Скорняков-Писарев был назначен обер-прокурором Сената, и во главе академии его заменил уже знакомый нам царский кузен – капитан Александр Львович Нарышкин, в товарищи которому был назначен его собственный младший брат Иван Львович[484]. Нарышкины приходились двоюродными братьями царю, и в 1708 году Петр направил их учиться в Европу, где молодые люди провели в итоге полтора десятка лет. Оказавшись поначалу в Англии, братья затем набирались практического опыта в голландском флоте и долго путешествовали по Испании, Франции и Италии. С мая 1718-го по январь 1720 года Нарышкины по приказу Петра находились в Бресте, где им было велено не только овладевать «основаниями» практической навигации, но и присматривать за поведением обучавшихся там русских гардемаринов. Насколько братья действительно чему-то научились за это время – вопрос, конечно, открытый. В своем дневнике Иван Нарышкин зафиксировал лишь два эпизода (14 и 24 мая 1718 года, вскоре после их прибытия в Брест), когда Нарышкины наблюдали обучение гардемаринов. И хотя в дневнике часто фигурируют встречи с местными чиновниками и морскими офицерами, Иван ничего не сообщает об их с братом собственном обучении и никак не упоминает ни учителей, ни книги, ни последующие визиты в школы. Вместо этого мы находим многочисленные описания развлекательных экскурсий на лодках или верхом, которые братья совершали по окрестным деревням и монастырям в сопровождении вверенных их попечению русских гардемаринов – очевидно, отвлекая их тем самым от занятий[485].

Оказавшись во главе академии, Александр Нарышкин немедленно получил из Москвы запрос об «инструкции». «По должности моей как содержать московскую академию того ради надлежит мне за рукою вашего высокоблагородия дать инструкцию», – писал ему комиссар Навигацкой школы. «Инструкция будет дана, – отвечал Нарышкин, – однако ж в чем есть вам нужда извольте предложить пунктами, на что мы будем

ответствовать»[486]. Тем не менее год спустя он все еще отделывался обещаниями издать инструкцию в неопределенном будущем. Кто должен исполнять обязанности комиссара в его отсутствие? Узнаете в свое время из инструкции. Кого следует принимать в школу, в каком возрасте и можно ли давать ученикам отпуска? Дождитесь инструкции. Ссылки на некоторую будущую инструкцию раз за разом используются Нарышкиным как повод отложить решение конкретных организационных вопросов, тем самым сохраняя за директором свободу действий. Но, конечно, подобные отсылки одновременно и легитимизовали саму идею школьных регуляций: необходимость «инструкции» для правильного функционирования школы представляется теперь естественной и самоочевидной. При этом и непрестанные запросы из Москвы, и ответы на них Нарышкина подчеркивают непостоянный, преходящий характер таких регуляций, вызванных к жизни запросами «снизу». Так, после увольнения комиссара Таптыкова в Москве его преемник счел необходимым уточнить, остаются ли еще в силе «пункты», направленные Таптыкову в свое время Скорняковым-Писаревым, вместо того чтобы безусловно считать их действующими и для нового комиссара. И действительно, Нарышкин не стал автоматически переутверждать прежние «пункты», но потребовал направить их к нему на рассмотрение[487].

К концу петровского царствования сфера полномочий директора Морской академии существенно расширилась: теперь он стоял во главе всех училищ, подведомственных Адмиралтейству. Процесс этой централизации управления школами был, однако, постепенным и в значительной мере неформальным, основанным не на каком-то плане, но на разовых, сугубо ситуационных решениях, принимаемых по разным случаям различными инстанциями. Насколько нам известно, Сент-Илер никогда не считал, что имеет какое-то отношение к московской школе: сама идея оставить часть учеников и учителей в старой столице была, как мы видели, случайностью. Точно также не вполне очевидно, что Матвееву изначально поручали управлять помимо академии еще и Навигацкой школой. Обращаясь в этой связи к Сент-Илеру, Апраксин писал, что государь указал Матвееву «навигацкие школы ведать», во множественном числе – но имел ли он в виду все учебные заведения морского ведомства или же лишь недавно основанную Морскую академию?[488] Последнее вполне вероятно, поскольку Апраксин рассматривал академию не как единую институцию, но как набор отдельных «школ»-классов под руководством индивидуальных учителей. Соответственно, в другом письме адмирал именует тридцать

учеников академии, изучающих геодезию с Фархварсоном, «геодезической школой» и настаивает, что Сент-Илеру эта «школа» больше не подчиняется. Не менее примечательно, что «навигацкими школами» Апраксин величает здесь Морскую академию, очевидно, не делая терминологического различия между этими училищами.

Неясно и как понимал свой мандат сам Матвеев: Петру он писал, что принимает на себя лишь «попечение о академии»[489]. В январе 1716 года, однако, Магницкий получил указания о зачислении учеников в Навигацкую школу «за подписью руки графа Матвеева»: из этого следует уже расширительное толкование графом своих полномочий[490]. Когда Скорняков-Писарев сменил Матвеева, ему также было поручено возглавить «академию», без уточнения, что именно включал в себя этот мандат[491]. Соответственно, среди многочисленных вопросов, которые он направил Апраксину, была и просьба прояснить, следовало ли ему брать на себя также и управление московской школой: «И московскую школу мне ли иметь под ведением?» Апраксин отвечал утвердительно: «Московскую школу <…> изволите иметь в полном ведении», не указывая, впрочем, кто принял такое решение – он сам, или царь[492]. В 1719 году полномочия Скорнякова-Писарева расширились еще больше: под его «ведением и смотрением» теперь находились также цифирные школы во всей огромной Санкт-Петербургской губернии, а также «навигаторы», отправленные учительствовать в Москве и Вологде[493]. В итоге, когда Скорнякова-Писарева сменил Нарышкин, он принял под свою команду уже «с. петербургскую и московскую и другие школы обретающиеся в губерниях»[494].

ОТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ К ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ И ОБРАТНО

Говоря шире, чего мы не находим у Петра и его сподвижников, так это попыток сформулировать, что же именно они понимают под хорошим преподаванием, помимо самых общих призывов «учить неленостно». Определение методов и темпов обучения, способов оценки знаний и способностей учеников и так далее оставлялось на усмотрение самих учителей. В одном из тех редких случаев, когда в официальных документах все-таки заходит речь о методах преподавания, дискуссия эта при ближайшем рассмотрении оказывается побочным продуктом предпринимавшихся учителями попыток снять с себя ответственность, определить и отстоять свои полномочия,

зафиксировать свой административный статус. Обмен мнениями, о котором идет речь, произошел сразу после смерти Петра и в итоге не только привел к пересмотру принятого ранее самим монархом решения, но и стал заметным шагом к регулированию деятельности учителей: Адмиралтейство впервые подробно рассмотрело принципы обучения и зафиксировало их в официальных документах.

В центре этого спора находился выбор между последовательным и параллельным принципами организации учебной программы. В Навигацкой школе предметы изучались последовательно: ученик в каждый конкретный момент времени проходил только один предмет, переходя на следующую «ступень» лишь после освоения предыдущей. Собственно, именно так было структурировано и обучение грамматике и «гуманистическим» дисциплинам в классических европейских колледжах. Использование последовательного принципа построения программы в Навигацкой школе было вполне естественным, поскольку почти все предметы здесь представляли собой разные градации математики и ее прикладных применений; сходным же образом поначалу было устроено и обучение в Морской академии, унаследовавшей большую часть преподавателей от Навигацкой школы. Наглядное представление о содержании и структуре программы дает учебная тетрадь – точнее сказать, конспект, или даже рукописный учебник, – оставшаяся от одного из учеников, Ивана Панчукова, и датированная мартом 1716 года. Тетрадь начинается с геометрии, затем следуют алгебра, планиметрия, навигация, геодезия и фортификация[495]. Соответственно, в школьных списках ученики были расположены по категориям, в зависимости от изучаемых ими предметов. В списке 1719 года, например, Авраам Овцын и Александр Соймонов указаны «в географии»; ниже князья Григорий и Сергей Юсуповы «в астрономии»; и так далее, вплоть до самой нижней ступени, «в арифметике»[496]. Такая организация обучения, судя по всему, вполне устраивала и британских преподавателей в Санкт-Петербурге, и Магницкого в Москве, и, скорее всего, казалась им самоочевидной.

Во французских морских школах, однако, программа была более разнообразной: помимо математики, там учили обращению с пушкой и мушкетом и некоторым другим практическим навыкам. Навыки эти вполне можно было преподавать параллельно друг с другом (и с математикой), так что в школах этих мы находим формализованное расписание занятий на неделю, в рамках которого ученики каждые несколько часов перемещались из одного класса в другой – и изучали каждый

день несколько разных предметов[497]. Эта модель нашла отражение во французском адмиралтейском ордонансе 1689 года, а оттуда переместилась в документы Сент-Илера и в «портовую книгу» 1722 года (глава XIV, статья 3), где аналогичный принцип обучения был предписан для гардемаринов. Предполагалось, что каждый день недели гардемарин будет изучать несколько разных предметов: по два часа рисования и математики в понедельник, по два часа «инженерской» и «навигацкой» наук во вторник и так далее[498]. В «портовой книге» указывается, что эта норма относится только к гардемаринам, но, посетив в 1724 году академию, царь распорядился ввести здесь тот же принцип обучения. После смерти Петра сами учителя предложили отменить эту новацию – и Адмиралтейство, в итоге, с ними согласилось. Обе стороны при этом приводили доводы административного характера: якобы традиционный последовательный принцип организации программы был более удобным с точки зрения контроля за ходом обучения.

Начало этой дискуссии положил Леонтий Магницкий в своем доношении А. Л. Нарышкину от 20 января 1725 года. В этом документе учитель выражает обеспокоенность резким падением численности учеников в Навигацкой школе. Мы можем только гадать, было ли как-то связано время написания этого письма с недавней кончиной Петра I: возможно, Магницкий опасался, что теперь его позиции будут ослаблены, или же, наоборот, считал, что со смертью монарха открылось окно возможностей для пересмотра каких-то положений, обсуждать которые при его жизни было бессмысленно. Так или иначе, непосредственным поводом для беспокойства стал для Магницкого пробел в законодательстве, который возник в результате сенатского приговора от 21 декабря 1724 года: в нем сенаторы указали Герольдии «по списку недорослей которые в Герольдмейстерскую контору явились, отослать в Военную коллегию, а в той коллегии оных определить по указу». Эта норма, таким образом, носила абсолютный характер: в ней не было оговорки, которая позволила бы зачислять некоторых из молодых дворян в морские школы или во флот вообще. Когда по поводу этой коллизии возникла переписка, сама Герольдия умыла руки («об отсылке в Адмиралтейство недорослей Герольдмейстерская контора особливого о том указу не имеет») и предложила флотским договариваться напрямую с Военной коллегией. Тем временем приток новых учеников в морские школы полностью прекратился[499]. Узнав от Апраксина об этой проблеме, Петр послал соответствующее распоряжение в Сенат, но никаких последствий оно не имело[500].

Обращаясь в этом контексте к начальству, Магницкий писал о своих побудительных мотивах весьма откровенно. Во-первых, указывал он, вместо положенных 500 учеников его школа сейчас насчитывает только 181. Во-вторых, лучшие из имеющихся учеников часто привлекаются Адмиралтейством в качестве счетчиков денег (в то время любая сдача-приемка денежных сумм была весьма трудоемкой операцией, требующей физического пересчета наличности – то есть буквально целых бочонков с монетой). Разумеется, это отвлекает их от учебы, иногда на месяцы, и по окончании такой командировки ученикам требуется много времени, чтобы вспомнить ранее пройденное – или же они вообще не возвращаются в школу. Остаются, таким образом, по большей части те ученики, кого не сочли достойными продолжать учебу в Санкт-Петербурге. Некоторые из них никуда не годятся как «великие ленивцы и моты», так что «плода довольного от них быть не может». Другие не могут как следует учиться из-за того, что их жалованье выплачивается с хроническими задержками, якобы из-за неспособности комиссара Арцыбашева обеспечить своевременное получение причитающихся школе сумм.

Мораль истории в изложении Магницкого была довольно проста: учитель был «опасен, чтоб к нему не причлось» за прискорбные последствия, которые не могли не последовать из всего этого неустройства. Он пытался снять с себя ответственность, указывая на независящие от него обстоятельства, и документально зафиксировать тот факт, что заранее предупреждал начальство о грядущих проблемах. Никакого решения, впрочем, Магницкий не предлагал. Гораздо больше его интересовало сведение счетов со своим соперником в школе, комиссаром Арцыбашевым, который якобы не только «во всяких касающихся школьных нуждах чинил во всем остановку», но и не исполнял присылаемые от Нарышкина указания и даже «свою должность оставил и отъехал в деревню <…> да и по всему от управления отбывает и тщания не имеет». Более того, Арцыбашев, якобы, «с ним Магницким о исполнении по оным [полученным от Нарышкина распоряжениям] не советует[ся]»[501].

Обращение Магницкого породило оживленную переписку, которая, в свою очередь, заставила заинтересованные стороны изложить на бумаге свои взгляды на преподавание и в Морской академии, и в Навигацкой школе. Получив письмо Магницкого, Нарышкин и Академическая канцелярия не смогли выработать никакого мнения по данному вопросу и просто переправили доношение в Адмиралтейство, которое в свою очередь переправило его в Сенат. В ответ сенаторы дежурно потребовали, чтобы все вовлеченные стороны неотменно соблюдали

установленный порядок и во всех случаях «чинили по силе сенатской резолюции». В то же время Сенат запросил у Академической канцелярии «мнения»: «вновь определенным дворянским детям на окончание их наук какое время надлежит определить», дабы тех из них, кто не укладывается в установленный срок, немедленно отчислять матросами во флот и не тратить на них напрасно время и государево жалованье[502]. Иными словами, в ответ на обращение Магницкого Сенат неожиданно предложил стандартизировать продолжительность обучения в морских школах. Подобный шаг был чреват далеко идущими последствиями для учителей. Если продолжительность обучения будет кодифицирована, правительство, естественно, будет ожидать от всех учеников освоения установленной программы – и освоения ее в установленный срок; и наоборот, неспособность уложиться в этот срок будет автоматически рассматриваться как нарушение, за которое ученикам – и, скорее всего, учителям – придется отвечать.

Магницкий, как кажется, вполне осознал последствия сенатского запроса для него самого и для его коллег и потому отвечал крайне уклончиво и со множеством оговорок. По сути, настаивал он, установить стандартную, единую для всех продолжительность обучения нельзя: «точного мнения ко определенному приятию науки времени за многоразличными неудобствами и помешательствами показать невозможно». В итоге, он, конечно, вынужден был указать минимально необходимое для освоения каждого предмета время, но оговорился, что эта оценка верна только при соблюдении ряда условий: если ученики «от природы добрый смысл имеют», если они «доброго состояния» (что бы это ни значило) и если они «свою охоту к науке иметь будут» (поспешив заметить, что последнее маловероятно – «как из нынешнего народа мало обретаетца»). Магницкий также старался переложить часть ответственности на вышестоящие инстанции: учитель требовал, чтобы учеников не отвлекали различными случайными поручениями, вроде пересчета денег в конторах, а Академическая канцелярия усвоила бы некий «в правлении способ правильный». Далее, он требовал, чтобы «непонятных, мотов и шумных» отчисляли бы из школы по его представлению. В случае, если все эти условия будут соблюдены, минимально необходимый для освоения арифметики, геометрии и тригонометрии срок будет составлять, по оценке Магницкого, три года, «а меньше трех лет научить не можно, понеже многия, которыя вновь к нам присылаютца, ничем разнствуют с посохою [то есть с крестьянами. – *И. Ф.*], что и читать мало умеют»[503]. При

ближайшем рассмотрении в этом ответе мы неожиданно находим концептуальную новацию, не менее радикальную, чем предложенная Сенатом мера: по сути, Магницкий настаивает здесь, что вероятность успешного обучения зависит от врожденных способностей ученика и даже от его «охоты» учить данный предмет. Таким образом, если ученик не справляется, вина за это лежит не на учителе, но на самом ученике или, скорее даже, на тех чиновниках, которые направили его в школу, не разобравшись как следует, есть ли у него «от природы добрый смысл» и «охота». Подобное представление шло вразрез с базовым принципом петровской системы, согласно которому подданный был обязан выполнять царский приказ, в чем бы он ни состоял – учить иностранные языки или математику, становиться моряком, солдатом или архитектором. Единственным допустимым оправданием была смерть подданного или тяжкое физическое увечье – никакие ссылки на эфемерную «охоту» или отсутствие таковой для Петра не были приемлемы. И, наоборот, представление о том, что «склонность и понятность» учащихся должны учитываться при распределении по направлениям обучения (и, соответственно, по разным видам службы) содержалась еще в предложениях Сент-Илера, который позаимствовал эту норму из французского адмиралтейского ордонанса 1689 года[504]. Тогда, в 1715 году, эта концепция не прижилась. Теперь же Магницкий предлагал ровно такой же подход, чтобы защитить себя от потенциальных обвинений в неэффективном преподавании.

Фархварсон отреагировал на сенатский запрос менее уклончиво. Поначалу он предоставил прямые и однозначные оценки времени, необходимого на освоение ключевых предметов: геометрию «прилежный» ученик может выучить за шесть месяцев, «посредственный» – за восемь и так далее. Неделю спустя, однако, он одумался и направил начальству более пространное «мнение», в котором прямо пытался снять с себя потенциальную ответственность за несоблюдение им же самим установленных сроков, предложив ряд организационных новшеств. Одна из идей, которую он упоминает, это необходимость составить специальную инструкцию «для лутчаго содержания академии подмастерьев и учеников». Другая касалась изменений в структуре программы. Как объяснял профессор, в результате введения Петром параллельного принципа организации программы такой предмет, как навигация, мог преподаваться всего лишь раз в месяц: это означало, что ученики тратили неоправданно много времени на его освоение. Вместо этого, предлагал Фархварсон, предметы следует преподавать последовательно: ученики сосредоточатся на

одном предмете, освоят его, сдадут экзамен и затем перейдут к следующему, более сложному. Таким образом, полагал педагог, у учеников будет меньше возможностей бездельничать, «чтоб под видом учения время не провождали»[505]. Прошли две недели, и Фархварсон предложил еще одно «мнение», на этот раз подписанное им совместно с коллегами, учителями «науки живописной», артиллерии и фортификации и содержавшее дополнительные оговорки, призванные защитить педагогов от возможных претензий. Профессор объяснял, что данная им ранее оценка минимально необходимого для освоения разных предметов времени подразумевала, что школа своевременно получает все необходимые инструменты и учебные материалы; кроме того, указанный срок не должен включать, конечно, дни, которые ученики проводят, стоя на карауле и выполняя разные поручения Адмиралтейства[506].

Получив эти «мнения», Академическая канцелярия не стала пытаться как-то интегрировать их или сделать выбор между ними: вместо этого она просто переправила их далее, в Адмиралтейство. Несколько рекомендаций, впрочем, она от себя все же добавила. Одной из них было предложение выделить шесть дней в месяц на обучение «членам корабельным» и «солдатской экзерциции». Другая рекомендация клонилась в пользу предложенного Фархварсоном последовательного метода преподавания: единственный эпизод, когда Канцелярия отреагировала собственно на содержание учительских «мнений». Но если Фархварсон полагал, что данный метод позволит лучше контролировать учеников, то братья Нарышкины планировали обратить его против самих учителей. Они считали, что переход на последовательный метод преподавания позволит «способнее за ними учителями смотреть <…> и в том обучении как учителям, так и ученикам отговорки иметь будет неможно»[507].

Ни Адмиралтейству, ни Сенату, куда были далее переправлены эти «мнения», нечего было к ним добавить; не горели они и желанием самостоятельно принимать решения, вместо этого передавая вопрос все выше и выше по команде. Сам генерал-адмирал Апраксин в этих обсуждениях участия не принимал, так что, возможно, члены Адмиралтейств-коллегии не ощущали себя вправе решать такие вопросы в его отсутствие. В феврале 1726 года вопрос наконец оказался на повестке недавно созданного Верховного тайного совета, высшего правительственного органа Российской империи. «Верховников», однако, это решительно не устраивало. С видимым раздражением они заявили, что их мнения следует запрашивать лишь по «самым важным делам», а по прочим вопросам следует «сноситься по-

прежнему с Сенатом». В результате, вопрос вернулся назад в Сенат, а оттуда в Адмиралтейство. Указанные учителями сроки освоения разных предметов были утверждены дословно, но из упоминавшихся в «мнениях» организационных новаций одобрения удостоился лишь предложенный Фархварсоном последовательный метод преподавания: Адмиралтейство оценило доводы Академической канцелярии о его преимуществах с точки зрения организации контроля за учителями. Напротив, попытка Магницкого добиться легитимации таких понятий, как «природный смысл» и «охота» к учебе, успеха не имела; не было сделано ничего и для пресечения практики привлечения учащихся к различным работам[508].

МОРСКАЯ АКАДЕМИЯ ПОСЛЕ ПЕТРА

Александр Нарышкин, последний из назначенных Петром директоров Морской академии, занимал этот пост и в царствование Екатерины I. Он получил адмиральский чин и начиная с 1725 года совмещал директорство с другими должностями, прежде всего, президента Коммерц-коллегии. После смерти Екатерины Нарышкин оказался вовлечен в интриги против Меншикова и в мае 1727 года лишился чинов и должностей и отправился в ссылку в свои отдаленные поместья. Руководство академией – «для наилучшего над обретающимися в науках школьниками надзирания» – было временно поручено бывалому моряку, датчанину вице-адмиралу Даниэлю Якобу Вильстеру (1669–1732)[509]. Несмотря на свой опыт и изрядную предприимчивость – именно Вильстер предложил организовать русскую колониальную экспедицию на Мадагаскар, – во главе академии адмирал не добился особенных успехов, в первую очередь из-за своего затяжного конфликта с влиятельным вице-президентом Коллегии, адмиралом Петером (Петром Ивановичем) Сиверсом (1674–1740)[510]. Поначалу было решено, что на какое-то время в качестве заместителя Вильстера в академии останется Иван Львович Нарышкин, но тот предпочел взять длительный отпуск, сославшись на слабое здоровье. В результате в январе 1728 года Коллегия по просьбе Вильстера временно назначила вместо Нарышкина ему в помощь капитана Петра Пушкина (ум. 1744)[511].

В апреле 1728 года члены Адмиралтейств-коллегии предложили официально обратиться в Верховный тайный совет с просьбой назначить в Морскую академию постоянного директора. Генерал-адмирал Апраксин, однако, наложил вето на эту идею.

Он явно считал себя ровней «верховникам» и не собирался уступать им право принимать кадровые решения в подведомственной ему сфере: с его точки зрения, Адмиралтейство имело все необходимые полномочия, чтобы определить на этот пост одного из капитанов или капитан-лейтенантов[512]. Вполне предсказуемо, Коллегия выбрала самый простой выход и превратила временное назначение Пушкина в постоянное. Два года спустя его сменил капитан Василий Мятлев (ум. 1766), а еще через два года ему на смену пришел капитан-лейтенант Василий Арсеньев[513]. Все они были опытными профессиональными моряками, а Пушкин и Арсеньев, среди прочего, также практиковались в качестве волонтеров в западноевропейских флотах. Бросается, однако, в глаза, что по сравнению со своими предшественниками они обладали гораздо более низким рангом и социальным статусом: можно предположить, что подобный сдвиг отражает и общее падение значимости академии в глазах правительственной элиты. И, конечно, офицеры эти, назначенные на свой пост Адмиралтейств-коллегией, имели гораздо меньше возможностей отстаивать ее интересы: они не могли и мечтать о том, чтобы обращаться напрямую к государю или ключевым сановникам, как это делали Матвеев или Скорняков-Писарев.

Предполагается, что Морская академия существовала, как бы мы сейчас сказали, для удовлетворения потребности флота в квалифицированных кадрах. Однако сами адмиралы на протяжении этих десятилетий так ни разу и не удосужились высказать какие-либо предпочтения касательно методов преподавания в академии или ее организационной структуры. Если их что-то и беспокоило, так это практическая, а не теоретическая подготовка будущих моряков. Более того, в августе 1731 года именно опытный моряк, адмирал Сиверс, инициировал резкое сокращение морских школ. Его беспокоило, что с окончанием Северной войны потребность в морских офицерах уменьшилась, так что выпускникам этих школ стало трудно получать офицерские чины и повышения, а это, в свою очередь, приводило к отсутствию у них служебного рвения. В результате штат Навигацкой школы в Москве был сокращен с 500 до 100 учеников, а Морской академии – с 330 до 150[514].

В ходе заседаний Воинской морской комиссии, созванной в начале 1730-х годов, один лишь адмирал Вильстер, бывший глава Морской академии, специально затронул в своем «мнении» вопрос о подготовке офицеров для флота. В основном, однако, он тоже вел речь о морской практике, а не о школьной учебе: Вильстер предлагал организовать регулярное крейсирование

специально выделенных судов, что позволило бы гардемаринам проводить достаточно времени в море. Что же касается школ, то адмирал смог лишь указать, что академия должна быть устроена «весьма инако», сославшись при этом на недавно созданный Сухопутный шляхетный кадетский корпус как на возможный образец, но о каких именно изменениях шла речь, он не уточнял[515].

Хотя никто из адмиралов и не предложил каких-то конкретных преобразований в Морской академии, Комиссия, рассматривавшая реформирование Адмиралтейства в целом, решила разобраться и с положением дел в морских школах. В качестве подготовительного шага она запросила подробную информацию обо всех образовательных заведениях, подчиненных морскому ведомству, включая и Навигацкую школу, и Морскую академию, и многочисленные низшие школы. Результатом стал толстенный том, заполненный списками выпускников и учителей, копиями относящихся к школам регламентов и приказов, финансовыми ведомостями и так далее[516]. Вслед за этим Комиссия запросила от всех подразделений Адмиралтейства предложения о необходимых и желательных изменениях в относящихся к ним разделах текущей (то есть петровской) версии Морского устава и Адмиралтейского регламента. Некоторые подразделения, в частности, Казанская, Лесная, Провиантская и, в особенности, Казначейская конторы, представили пространные и подробные «мнения», основанные на их повседневных деловых практиках и направленные на уточнение, расширение или разграничение их полномочий и сфер ответственности. Каких бы то ни было предложений от Академической конторы, однако, обнаружить не удалось[517].

Следующим этапом было обсуждение адмиралами разработанного Воинской морской комиссией проекта обновленного Адмиралтейского регламента. Два раздела в документе имели какое-то отношение к вопросам обучения. Во-первых, в главе 8 проекта регулировались правила чинопроизводства на флоте, а статьи 3 и 4 этой главы устанавливали правила производства гардемаринов и учеников академии в офицерские чины. В обоих случаях Адмиралтейств-коллегия заявила решительный протест: по ее мнению, выпускников школ нельзя было производить в офицеры до тех пор, пока они не сделают несколько кампаний на море и не сдадут экзамен опытным морским офицерам. Таким образом, адмиралы ставили под сомнение ценность школьного знания по сравнению с практическими умениями и отстаивали право практиков контролировать допуск в профессию. Во-вторых, в

главе 12 проекта речь прямо шла об «академии и школах». Здесь одна глава предписывала Адмиралтейству следить, чтобы обучение во всех школах велось «порядочно», с необходимым рвением и во всем в соответствии с установленными регулами, а другая разрешала зачислять сыновей иностранцев в морские школы только в том случае, если они примут российское подданство. Ни одна из этих норм не вызвала какой-либо реакции со стороны Адмиралтейства[518]. По сути, регулированию школьного обучения в новом документе уделялось еще меньше внимания, чем в петровских регламентах. И хотя Комиссия упоминает в своей переписке намерение «учинить определение» о Морской академии или новый штат для нее (в 1732 и 1733 годах, соответственно), никаких следов такой работы в ее документах обнаружить не удалось, а после 1734 года заседания Комиссии и вовсе прекращаются[519].

ПРОЕКТ ОСТЕРМАНА

Именно флот был, конечно, одним из самых высокотехнологичных, как бы мы сейчас сказали, и «европеизированных» родов службы в петровской и послепетровской России. Естественно предположить поэтому, что в основе создания «регулярных» школ, нарастающей регламентации и бюрократизации обучения будущих морских офицеров лежали именно практические потребности службы. Однако прямые подтверждения этому найти довольно сложно. Документы Воинской морской комиссии крайне характерны в этом отношении, поскольку даже те немногочисленные намеки на необходимость дальнейшей формализации и регулирования обучения, которые в них содержатся, отражают, судя по всему, инициативу не опытных морских волков, а председателя комиссии, графа Остермана. Вице-канцлер граф Генрих Иоганн Фридрих (или по-русски Андрей Иванович) Остерман (1686–1747) не был, конечно, профессиональным моряком: сын и внук лютеранских пасторов из Вестфалии, он учился в университете в Йене, но вынужден был бежать после того, как убил другого студента на пьяной дуэли[520]. Поступив на русскую службу секретарем и переводчиком, Остерман сумел обратить на себя внимание Петра своими познаниями в нескольких европейских языках и своим умением излагать мысли на бумаге. К началу 1720-х годов он стал вторым человеком в Коллегии иностранных дел. После смерти Петра Остерман сумел сделаться нужным и новым правителям России и, благодаря своему легендарному

политическому чутью, пережить все перевороты и контрперевороты той эпохи. В 1731 году он стал одним из трех членов вновь созданного Кабинета и на протяжении всего царствования Анны Иоанновны был одним из ключевых архитекторов российской внутренней и внешней политики. Он был также мастером придворной интриги: сначала Остерман поддержал взлет Миниха, а затем объединился с Бироном и другими, чтобы осадить зарвавшегося фельдмаршала. Впоследствии он продолжал успешно балансировать между ключевыми придворными игроками, определяя тем самым исход многих политических баталий 1730-х годов.

С одной стороны, морское ведомство было для Остермана еще одним полем для реализации его карьерных и статусных амбиций. Свою службу в России он начинал именно во флоте, под командой адмирала Крюйса, а в 1730-х годах участие в морских делах стало для него одной из форм символического соперничества с фельдмаршалом фон Минихом, взявшим под свой контроль сухопутные силы. Сын Миниха полагал, что уже в начале 1730-х годов Остерман мечтал о чине генерал-адмирала: это позволило бы ему взобраться на высшую ступень в Табели о рангах, став наравне с самим канцлером. В правление Анны Иоанновны Остерман примеряет на себя роль неформального патрона флота, а во время регентства Анны Леопольдовны не кто иной, как сам Миних, оказавшийся ненадолго «первым министром» и нуждавшийся в поддержке со стороны Остермана, устроил его назначение главой русских военно-морских сил.

С другой стороны, известно, что Остерман вообще весьма интересовался вопросами образования, что видно в том числе и из списка книг, которые хранились в его библиотеке, одной из самых обширных в России того времени. На его полках стояли работы Эразма Роттердамского и Джона Локка, не говоря о множестве других педагогических трактатов[521]. В 1720-х годах Остерману было поручено руководить обучением будущего императора Петра II; программа обучения, составленная под его руководством в 1727 году и официально одобренная Верховным тайным советом, отражала, в том числе, и его знакомство с этой обширной литературой. Программой предполагалась детальная, почасовая регламентация учебной недели, включая установление определенных часов для занятий иностранными языками, древней и новой историей, географией, математикой и танцами. В самом начале документа формулируется и педагогический принцип, положенный в основу расписания: «часы к наукам и забавам всегда переменятца имеют». По словам Дж. Л. Блэка, в этой программе отразился «запрос на правителя нового типа <…

> В ней подразумевается характерное для нового времени представление о том, что успешными правителями не рождаются – успешных правителей создают, обучая их приемам властвования»[522]. Интерес Остермана к педагогическим теориям и проблемам морального воспитания хорошо согласуется и с обширными связями этого сановника с пиетистскими кругами, и с той поддержкой, которую он оказывал в 1730-х годах еще одному образовательному прожектеру, тесно связанному с пиетистами в Галле, архиепископу Феофану Прокоповичу[523]. Учитывая интеллектуальные симпатии Остермана, ему должна была казаться привлекательной и педагогическая модель, реализованная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе (см. следующую главу); вполне возможно, что он способствовал созданию этого учебного заведения в 1731 году и даже приложил руку к разработке его регламентов. Судя по всему, именно Кадетский корпус Остерман рассматривал как модель для преобразования морских училищ. Примечательно, что, когда Адмиралтейство предложило ввести для гардемаринов униформу по образцу гвардейских полков, Остерман отверг эту идею и распорядился вместо этого скопировать кадетский мундир[524].

Неудивительно поэтому, что именно Остерман неоднократно обращается в 1730-х годах к вопросу о реформировании Морской академии. В своем недатированном меморандуме («Записка для памяти») сановник не только призывает «распространить школы в империи» вообще, но и прямо декларирует намерение «учредить штат для Морского кадетского корпуса, дабы оный приносил пользу»[525]. Иными словами, Остерман намекает, что морские училища были до сего времени недостаточно благоустроены, и дает понять, что только в достаточной степени регламентированное учебное заведение способно приносить пользу. В меморандуме 1740 года, обращенном к правительнице Анне Леопольдовне и излагающем программу нового царствования (в котором он надеялся играть ключевую роль), Остерман уже прямо настаивает, что «ничто государству так не нужны, как хорошие школы». Он особенно подчеркивает, как важно, чтобы ученики этих школ «в них ежедневно по часу пристойно и основательно поучаемы были, чем должны они Богу и верховному правительству», что послужило бы со временем «к сильному искоренению злобы». Что касается подготовки именно будущих моряков, то Остерман полагал, что «при морской академии небесполезны бы были некоторые новыя учреждения»: он припоминал, что «начал, было, прежде при [Воинской морской] комиссии об оной сочинять проект, который отыскав, не премину всеподданнейше представить»[526].

И действительно, где-то в 1730-х годах появляется развернутый документ, отражающий идеи Остермана по поводу реформирования Морской академии; скорее всего, этот проект был разработан неизвестными нам экспертами – возможно, кем-то из профессоров Академии наук – но, во всяком случае, он подвергся детальнейшей правке со стороны самого сановника, среди бумаг которого и был обнаружен[527]. Эта обширная рукопись объемом более ста страниц содержит два с лишним десятка глав, каждая из которых дополнительно разделена на параграфы. Отдельные главы описывают не только должностные обязанности офицеров и преподавателей, но также и педагогические принципы, которых надлежало придерживаться в академии, и даже планировку здания, которая способствовала бы непрестанному «смотрению» над учениками. В документе устанавливается также административная иерархия внутри школы и алгоритмы взаимодействия преподавателей и администраторов, включая методы контроля и учета успехов в учебе и поведения студентов. Все учителя и офицеры должны были непрестанно наблюдать за «поведением и прочими поступками» учащихся и записывать их в особых «книгах обсервации», а ректор и директор регулярно эти записи просматривать и составлять на их основе еженедельные сводки-«экстракты», которые бы затем обсуждались на собраниях преподавателей. Наконец, сами ученики должны были вести и еженедельно обновлять реестры своего личного имущества: предполагалось, что это поможет им научиться «жить регулярно».

Пожалуй, самая примечательная черта этого документа – сведенное к минимуму внимание к собственно морской тематике и сосредоточенность на вопросах морального воспитания. По мнению автора, первой обязанностью будущих моряков были именно «страх божий» и «всякие христианские добродетели». Ученики академии должны были воздерживаться от «непристойных разговоров и безумного хохотания»; им предписывалось «тихо идти и не скакать и не бегать и друг друга не теснить, ниже толкать», «никого не пересмехать и не передразнивать, а наименьше ударом и каким бранным словом или оскорбительным званием и присловием обижать»; запрещалось держать у себя спиртные напитки и играть в азартные игры; и даже в дни рождения и именины им предлагалось «ординарным столом удовольствоваться, ибо довольно то что друг друга в таких днях учтиво и дружески поздравлять могут». В праздники и воскресные дни предписывалось чтение «божественных книг». Отдельная глава была посвящена обязанностям священника, который должен был

наставлять учеников, сопровождать их к трапезе и служить им примером достойного поведения, а для того «постоянным, трезвым, воздержанным и целомудренным себя вести». Отдых, или «дозволенное забавление», также строго регламентировалось и включало в себя, вполне в духе пиетистской педагогики, такие полезные занятия, как посещение мастерских и мануфактур под надзором преподавателя, обучение работе на токарном станке и изготовлению линз, обучение игре на музыкальных инструментах, изготовление из картона геометрических фигур, футляров для книг и инструментов и тому подобное. Хотя в проекте и устанавливалось, что «первый профессор» академии будет преподавать «главнейшие и наивысшие до морского плавания касающиеся науки», а также предусматривалась должность «мастера корабельного дела», основное внимание в документе уделялось именно моральному воспитанию с помощью узнаваемо пиетистских педагогических приемов.

Мы не знаем, этот ли текст имел в виду Остерман, обещая Анне Леопольдовне «отыскав <…> всеподданнейше представить» составленный им проект Морской академии, но в любом случае на реализацию его времени у сановника уже не было: в ноябре 1741 года, как известно, брауншвейгское семейство было свергнуто в результате дворцового переворота. Подобно своему сопернику Миниху, Остерман оказался в сибирской ссылке, и его проекты реформирования Морской академии были заброшены.

Глава 5
СУХОПУТНЫЙ ШЛЯХЕТНЫЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ЭПОХУ «ДВОРСКИХ БУРЬ»

Сухопутный шляхетный кадетский корпус, основанный в 1731 году в Санкт-Петербурге, был радикально новаторским учебным заведением для России того времени – и не только для России. В отличие от более ранних школ, в том числе школ петровского времени, у него был полноценный устав, официально утвержденный самой государыней. В этом уставе прямо формулировались цели создания новой школы, ее организационная структура и педагогические принципы. Подробные регламенты определяли методы преподавания и распорядок жизни, задавали формальные процедуры оценки поведения учащихся и их успехов в науках. В архиве учебного заведения отложились сотни увесистых томов, содержащих внутренние инструкции и приказы по корпусу, материалы расследований всевозможных нарушений, сотни и сотни экзаменационных ведомостей, где в аккуратно расчерченных таблицах отражены достижения каждого кадета, его способности и «склонности»[528]. Разумеется, между утопическим дисциплинарным видением, изложенным в этих документах, и реальной повседневностью корпуса существовал огромный разрыв. И все ж сама интенсивность этого стремления регулировать, «надзирать», оценивать и письменно фиксировать действия кадетов производит огромное впечатление – особенно на фоне положения дел в более ранних школах.

Вопрос состоит в том, почему столь изощренная для своего времени дисциплинарная машина появилась в России именно в 1730-х, в царствование Анны Иоанновны, описываемое обычно как эпоха застоя и временщиков, при том что при жизни самого Петра I мы ничего подобного не находим, несмотря на его легендарное стремление к «регулярству». Отчасти дело, конечно, в тех образцах, на которые ориентировались основатели этого училища. Документы о создании новой школы прямо ссылаются на пример Берлинского кадетского корпуса, который, в свою очередь, находился под сильнейшим влиянием педагогических доктрин и практик, разработанных пиетистами в Галле. Более того, создатели Сухопутного шляхетного кадетского корпуса специально стремились привлечь на службу офицеров, имевших

непосредственный личный опыт обучения или службы в этой школе, представлявшей собой ярчайшее воплощение «дисциплинарной революции» в Европе[529].

Существенно, что эти доктрины и практики отвечали симпатиям и интересам фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Миниха, первого «главного директора» корпуса[530], который поддерживал неплохо задокументированные связи с пиетистскими кругами и в России, и в Галле, в том числе и с самим Августом Германом Франке, лидером пиетизма[531]. Эти связи хорошо сочетаются и с интересом Миниха к личности и педагогическим теориям архиепископа Фенелона – интересом, который вырос из личной встречи будущего фельдмаршала со знаменитым священнослужителем. В далеком 1712 году Миних, тогда еще молодой майор гессен-кассельской пехоты, сражавшийся под знаменами Мальборо, был ранен в битве при Денене и попал в плен к французам, которые, по воле случая, отправили его в Камбре, столицу возглавляемой Фенелоном епархии. Там Миних лично познакомился с архиепископом и стал его горячим почитателем: позднее он даже обменивался письмами с легендарным педагогом[532]. Встречи эти произвели на него столь глубокое впечатление, что и десятилетия спустя, как сообщает в своих записках его сын, фельдмаршал любил рассказывать о них своим гостям и домочадцам[533]. При этом воззрения Фенелона оказали глубокое влияние и на педагогические практики, развивавшиеся в Галле: Франке даже организовал перевод сочинений французского архиепископа на немецкий язык. Неудивительно поэтому, что модель Берлинского кадетского корпуса была особенно близка и понятна как самому Миниху, так и другим сановникам той эры, находившимся под влиянием пиетизма, в первую очередь графу Остерману[534].

И все же остается вопрос: почему реализовать эту изощренную педагогическую модель на практике, мобилизовать необходимую для этого политическую поддержку и материальные ресурсы стало возможно именно в начале 1730-х годов? Центральный тезис этой главы состоит в том, что появление Кадетского корпуса не может быть понято как некое естественное и неизбежное проявление нарастающей «регулярности» послепетровского государства. Наоборот, и устав, и внутренние регламенты корпуса были разработаны и утверждены в 1731–1732 годах в разгар ожесточенных политических баталий: в известном смысле они были отзвуком конституционного кризиса 1730 года. Формирование нового училища следует рассматривать в контексте этих «дворских бурь»: именно борьба придворных группировок и столкновение амбиций сделали возможным

рождение этой школы и, до известной степени, подталкивали его.

В этом отношении корпус, конечно, не был уникален: судьбы тех или иных ведомств, комиссий и реформаторских замыслов неизбежно зависели от взлетов и падений сановников, которые продвигали соответствующие проекты в надежде усилить свои политические и административные позиции. Как отмечает Н. Н. Петрухинцев, говоря о политической борьбе вокруг ключевого научного проекта аннинского царствования, Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1733–1743), тот факт, что предприятие это не отменили еще на полпути, объясняется «логикой развития интриги вокруг [экспедиции] – она требовала обязательного доказательства собственной правоты каждой из вовлеченных сторон»[535]. И критика экспедиции, и выступления в ее защиту были частью гораздо более широкой борьбы между правительственными кликами.

Сходным образом, и появление Кадетского корпуса, конечно, непредставимо вне контекста придворной политики. После своего создания школа эта, с ее весьма своеобразным педагогическим и дисциплинарным режимом, превращается в платформу, которую различные административные предприниматели используют для реализации своей идейной программы (отражавшей, как мы уже упоминали, сильное влияние Галле) и, в еще большей степени, для собственного карьерного продвижения, для демонстрации собственных достоинств в качестве экспертов и для упрочнения своих позиций на службе империи.

КАДЕТСКИЙ КОРПУС И ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА

Термин «кадет» используется в петровском законодательстве как минимум начиная с середины 1710-х годов: в указе о единонаследии так именуются те дети в дворянских семьях, которым не суждено унаследовать поместья своих отцов. Речь в документе идет, соответственно, о «кадетах обеих полов»[536]. В 1716–1717 годах «кадетами» называют иногда и учащихся Морской академии; в таких случаях этот термин оказывается взаимозаменяемым с понятием «гардемарин»[537].

Самое раннее известное нам упоминание именно кадетской школы обнаруживается в «Экстракте из проекта ко учреждению фортификации дел»[538]. Этот документ, относящийся, судя по всему, к началу 1720-х годов, сохранился среди бумаг военного инженера барона Иоганна Людвига фон Любераса (ум. 1752)[539]. «Экстракт» обращен к Петру I и содержит предложения по реформированию управления военно-инженерным делом в

России: видимо, предлагаемые изменения отражают попытку инженеров добиться административной автономии от артиллерийского ведомства, возглавлявшегося тогда генерал-фельдцейхмейстером Яковом Брюсом. 5 декабря 1722 года Альбрехту де Вешери де Кулону (Véchery de Coulon, ум. 1735/1740), назначенному генерал-директором над крепостями, «да в его же дирекции быть всем инженерам и инженерной и минерной ротам», велено было составить проект об устройстве инженерного ведомства, то есть описать свою будущую сферу деятельности, ее организационное устройство и собственные права и полномочия[540]. Год спустя, 13 января 1724 года, Петр в своем зимнем доме слушал «челобитню генерал-майора Декулона и прочих о инженерном штате»[541]. В промежутке между двумя этими датами, 2 июля 1723 года, царь распорядился учредить и обучить инженерную и минерную роты под командой де Кулона, укомплектовав их учениками московской и санкт-петербургской инженерных школ[542].

Можно предположить, что интересующий нас «Экстракт» был сочинен Люберасом в ходе подготовки де Кулоном своего доклада царю. Среди прочего, весьма краткая седьмая глава этого документа упоминает создание «регулярной военной академии по особливому регламенту» под общим командованием «генерального инженера». С одной стороны, облик этой школы предвосхищает будущие проекты Кадетского корпуса. Штат ее должен был составлять 200 учащихся, которых следовало именовать кадетами и разделять по их «искусству» на три «статьи»-класса. Выпускникам планировалось сразу присваивать низшие офицерские чины. В отличие от «нынешних учеников», кадетов предлагалось «для лутчаго порядку» организовать «в регулярную роту или баталион». Идея создания «академии», таким образом, появляется в связи с попыткой оформить определенную административную роль (руководителя военных инженеров, независимого от артиллерийского ведомства) и обеспечить ее полномочиями и ресурсами. Сама формулировка этого предложения как будто намекает, что «нынешние ученики» являются недостаточно «регулярными»: такой намек можно прочитать как выпад со стороны автора против могущественного генерал-фельдцехмейстера Брюса, а может быть, и самого де Кулона. С другой стороны, в отличие от более поздних проектов, в этом документе ничего не говорится о том, что мы могли бы назвать общеобразовательной подготовкой учеников: упоминаются, да и то лишь мельком, такие «специальные» предметы, как математика, инженерное дело и строевая подготовка. Так или иначе, несмотря на легендарный личный

интерес Петра I к «инженерству» – или, быть может, из-за сопротивления со стороны Брюса – предложение это не привлекло внимание государя[543].

Гораздо более подробно облик кадетской школы – на этот раз она уже прямо именуется «корпусом» – описан в хорошо известном историкам анонимном проекте из бумаг Верховного тайного совета[544]. Документ этот, скорее всего составленный в конце 1720-х годов каким-то экспертом-иностранцем и переведенный для рассмотрения «верховниками», подробно излагает организационную структуру будущего учебного заведения, включая подсчеты необходимого числа офицеров и учителей, а также расходов на их содержание и другие надобности: при штате в 200 кадет запрашиваемый бюджет составляет почти 19 000 рублей в год. Проект также содержит краткую преамбулу, где излагаются принципы, закладываемые в основу новой школы. В частности, по мнению автора, корпус должен был готовить молодых людей не только к военной, но и к гражданской службе, а потому программа должна была включать такие предметы, как право, история и география; определять молодых людей в учение следовало с учетом их «природной склонности»; наконец, важным навыком, который им предстояло усвоить в корпусе, объявлялась «дисциплина, или порядок». Примечательно, что автор прямо ссылается на Берлинский кадетский корпус как на образец для новой школы и даже приводит для примера штат, смету расходов и распорядок дня прусской кадетской роты. Впрочем, и в этом случае никакой реакции на проект со стороны правительства не последовало: похоже, рассмотреть его «верховники» времени так и нашли.

В следующий раз тема создания кадетской школы всплывает в правительственных дискуссиях в 1730 году во время острого политического кризиса, связанного с восшествием на престол императрицы Анны Иоанновны. Как известно, в ходе этого кризиса различные элитные группировки составили и подали в Верховный тайный совет и самой государыне целый ряд предложений, касавшихся, в том числе, и таких чувствительных вопросов, как роль дворянства в государстве, продолжительность обязательной службы дворян и правила назначения на важнейшие должности. Ни одно из этих предложений, однако, не касалось напрямую вопросов дворянского образования[545]. В то же время программный документ самого Верховного тайного совета, так называемые «пункты присяги», предписывал «шляхетство в салдаты, в матрозы и протчие подлые и нижние чины неволею не определять», а для обучения дворян военному делу «учредить особливые кадетцкие роты»[546]. В документе ничего не говорится о

том, что существовавшие на тот момент формы дворянского образования были неудовлетворительными с точки зрения практических потребностей армии (и не случайно Воинская комиссия, специально созванная летом 1730 года для проработки военных реформ и возглавлявшаяся одним из «верховников», фельдмаршалом М. М. Голицыным, также не сочла нужным высказаться по вопросу о подготовке офицеров[547]). Скорее предложение «верховников» следует понимать как попытку задобрить шляхетство, предложив дворянским сыновьям более почетный и предсказуемый способ достижения офицерского чина: выпускников этих рот следовало «определять по обучении прямо в обор офицеры». При этом «верховники» не ссылаются на Берлинский кадетский корпус как на образец для подражания и не упоминают никакие другие принципы организации кадетского обучения, сформулированные в упоминавшихся выше проектах. Само понятие «кадетские роты» весьма расплывчато – возможно, члены Совета имели в виду французские кадетские роты времен Людовика XIV или же кадетские роты, существовавшие в Пруссии до создания Берлинского корпуса. Во всяком случае, нет никаких оснований предполагать, что роты эти, по мысли «верховников», должны были чем-то принципиально отличаться в смысле своей организации и способов обучения в них от петровских гвардейских полков, также выполнявших функции по подготовке офицеров.

Хотя Верховный тайный совет потерпел в ходе кризиса 1730 года поражение и был ликвидирован, обсуждение вопроса о кадетском учебном заведении подхватили влиятельные игроки, связанные с новым режимом. Одним из них был Василий Никитич Татищев (1686–1750), написавший свой «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ» – программный документ, отражающий его взгляды на образование вообще и дворянское образование в частности – как раз по итогам обсуждения с ключевыми участниками событий 1730 года. Как сообщает сам Татищев, среди них были не только князь С. Г. Долгоруков, ближайший родственник ключевых «верховников», но и князь А. М. Черкасский и Феофан Прокопович, поддержавшие в этом противостоянии императрицу Анну и неограниченное самодержавие[548]. Татищев относит эти обсуждения к 1733 году, но тут, судя всему, память его подвела: князь С. Г. Долгоруков вернулся из дипломатической миссии в Варшаву лишь в конце 1729 года, а уже к началу апреля 1730 года он был вместе с другими членами этого аристократического клана отправлен в ссылку. Соответственно, его беседы с Татищевым могли иметь место лишь в начале зимы 1730 года, в самый разгар кризиса[549].

Сам Татищев, разумеется, также сыграл заметную роль в этих событиях, поддержав отмену «кондиций» и восстановление неограниченного самодержавия. Вместе со всем двором он провел 1730–1731 годы в Москве и активно участвовал в подготовке к коронации, а также занимался воплощением в жизнь реформы монетного дела, основанной на его же собственных предложениях[550]. Иначе говоря, Татищев был в это время в самом центре правительственной политики и придворных интриг, и в его письмах за этот период неоднократно упоминаются обсуждения новой школы для дворян. «Учреждение здесь [в Москве, где находился двор. – *И. Ф.*] школ весьма медлится, и начала оным не видимо», – жаловался Татищев 19 апреля 1731 года И. Д. Шумахеру, библиотекарю и непременному секретарю Академии наук. Как следует из письма, к этому моменту разговоры о некоем образовательном проекте велись уже так долго, что Татищев успел отозвать своего сына из Риги, где он до этого обучался, в Москву для поступления в новую школу. Теперь, огорчался он, молодой человек «много напрасно времени потерял и еще больше потеряет»[551]. Обсуждения тем не менее продолжались, и уже 24 мая Татищев с удовлетворением сообщал, что «вчера по предложению моему прилежно о учинении здесь гимназии при дворе разсуждали»[552].

Используемая Татищевым формулировка несколько туманна: идет ли речь об инициированном им обсуждении некоего стороннего проекта или же о проекте, который был подготовлен самим Татищевым? Поскольку в данном письме Татищев называет рассматриваемую школу именно «гимназией», можно предположить, что имеются в виду предложения, над которыми как раз зимой 1731 года работал академик Готлиб Зигфрид Байер (1694-1738), заведовавший Академической гимназией в Санкт-Петербурге. Как выясняется из недавно обнаруженного письма Байера к президенту Академии наук Л. Л. Блюментросту, в январе 1731 года академику было поручено продумать проект создания «гимназии» в Москве. Кто инициировал это поручение, как именно была сформулирована задача, и даже был ли в итоге разработан проект, мы не знаем. Во всяком случае, как секретарь Академии наук, Шумахер, разумеется, не мог не быть в курсе этого поручения, и вполне логично, что Татищев был вовлечен в продвижение этого проекта при дворе[553].

Не вполне ясно и как именно все эти дискуссии вылились в появление именного указа от 29 июля 1731 года о создании Кадетского корпуса[554]. В своем письме к Блюментросту Байер предлагал устроить новое московское училище в точности по образцу санкт-петербургской Академической гимназии:

возможно, именно это и не устроило в его проекте министров, которые имели в виду более военизированную модель учебного заведения. Во всяком случае, изложенное в указе от 29 июля видение новой школы повторяет в общих чертах более ранние предложения из бумаг Верховного тайного совета. Документ подчеркивает необходимость изучения как «практики», так и «теории», а также важность учета «природных склонностей» при распределении кадетов по родам будущей службы. Как это предполагалось и в более ранних документах, комплект учеников должен был составлять 200 человек. В указе также перечислялись предметы, которые следовало преподавать в новой школе, и устанавливался бюджет в 30 000 рублей в год (на треть больше, чем в предложении из бумаг Верховного тайного совета). Сенату поручалось «учинить учреждение, каким порядком содержать и обучать» кадетов, составить штат и подыскать «к тому способный дом».

Наиболее вероятным автором указа можно считать графа Павла Ивановича Ягужинского (1683–1736)[555]. Татищев сообщает в своем «Лексиконе», что «императрица Анна Иоанновна в 1731 году повелела Кадетский корпус по представлению графа Ягузинского учредить». Более того, граф якобы предполагал создать не один, а целых два корпуса, в Москве и Санкт-Петербурге, по 500 кадет в каждом[556]. Один из ближайших сподвижников Петра, Ягужинский выступил в 1730 году против «затейки верховников», за что и был посажен ими ненадолго под стражу. После восшествия Анны он на некоторое время стал одним из ключевых игроков при дворе и в первой половине 1731 года разродился целым пакетом прожектов. Среди прочего, он инициировал создание Конной гвардии и добился своего назначения почетным командиром нового полка, а также предложил программу развития коневодства в России, реформу рекрутского набора и проведение общеимперского земельного межевания[557]. Создание кадетского корпуса хорошо вписывается в этот ряд: высокопоставленный сановник, находящийся на восходящей траектории, выдвигает разнообразные инициативы, которые помогут ему упрочить свои позиции, показать свое служебное рвение и управленческое мастерство и расширить свою административную поляну. Возможно, имеет значение и тот факт, что Ягужинский владел немецким, а в царствование Петра I по приказу государя специально занимался изучением прусских и датских правительственных учреждений; таким образом, он вполне мог получить сведения и о Берлинском кадетском корпусе[558]. Но все это лишь предположения: установить доподлинно вклад Ягужинского – или кого бы то ни было другого

– в разработку указа от 29 июля нет никакой возможности. Беловая версия документа (где ничего не говорится о двух корпусах, которые Ягужинский якобы планировал создать) появляется в Сенате уже с подписью императрицы, а обнаружить более ранние варианты пока не удалось[559]. Это, впрочем, наводит на мысль, что документ был составлен в ближнем кругу Анны и продвигался вне нормальных бюрократических каналов.

После опубликования указа сенаторы, как им и велела императрица, начали было работу над составлением устава и штата для нового училища. Задача эта оказалась совершено новой для них: они распорядились запросить в Академии наук сведения об имеющихся в наличии преподавателях, а также «взять о кадетских корпусах для рассуждения примеры: французской, саксонской, прусской и протчие европейские». Перечень этот показывает, что сенаторы знали о Берлинском корпусе, но он был для них лишь одной из возможных моделей и притом, похоже, не самой очевидной. Первым на ум сенаторам пришел французский пример, то есть, вероятно, кадетские роты, восстановленные во Франции в 1726 году (но к 1729 году уже опять по большей части расформированные) – иными словами, не образовательные учреждения, а именно воинские подразделения, предназначенные для практического обучения молодых дворян. В ротах этих – если речь шла о них – не было никаких регламентов: порядок обучения, содержания и дисциплинирования молодых дворян был оставлен на усмотрение командиров[560].

Но Ягужинский, судя по всему, смотрел на дело иначе: в качестве генерал-прокурора он объявил сенаторам, что «о содержании и учении кадетов подаст он проект и учителям реестр»[561]. И действительно, в письме Шумахеру от 16 августа Татищев сообщал, что «здесь [в Москве. – *И. Ф.*] о учреждении кадетского училища уже порядок сочиняют, и, чаю, вскоре действительно произведется, то есть как скоро надлежащих к тому правлению и учению персон определят, потом и кадетов будут сбирать волею, кто похочет»[562]. Поскольку симпатии Татищева, как это становится очевидно из его последующих текстов, были всецело на стороне Ягужинского, можно предположить, что речь идет именно о документах, составлявшихся генерал-прокурором. И именно генерал-прокурор Ягужинский ведал Герольдмейстерской конторой, которая вела запись первых кадет в корпус[563].

Однако как раз в этот момент резкая смена придворных «конъюнктур» привела и к изменениям в судьбе создаваемой школы. Осенью 1731 года влияние Ягужинского быстро пошло на убыль: переломным моментом стало учреждение 18 октября

Кабинета – нового органа, который должен был замкнуть на себя практически все контакты императрицы с остальным правительством. Несмотря на все усилия, Ягужинскому так и не удалось попасть в число кабинет-министров: генерал-прокурор был настолько взбешен, что позволил себе публичную выходку при дворе. Его соперникам только это и было нужно: уже к 8 ноября он лишился своего поста и был отправлен послом в Пруссию[564]. Татищев приписывал падение Ягужинского интригам Миниха: «по злобе Миниха и Лев[енв]ольда отлучен и послан в Берлин»[565]. Сам Миних, впрочем, также не скрывал своего отношения к Ягужинскому: даже десятилетия спустя он считал нужным припоминать, что тот «нагло злоупотреблял значением и властью, которые доставило ему доверие государя [Петра I]; он дерзко обращался с сенаторами и никого не допускал к себе». Миних даже хвалился, что будто бы именно он помешал Ягужинскому попасть в состав Кабинета: императрица, как уверял фельдмаршал в своих записках, спрашивала у него совета, и он порекомендовал ей вместо «от природы запальчивого» Ягужинского включить «трудолюбивого» Остермана.[566] Как бы то ни было, в утвержденных 17 ноября уставе и штате Кадетского корпуса в качестве «главного директора» нового учреждения был указан именно сам Миних[567].

«ПРОЖЕКТЫ ВЫДУМЫВАТЬ НЕ ПОРОК»

На протяжении первой половины его карьеры судьба бросала Миниха по всей Европе. Его отец служил некоторое время лейтенантом во Франции в кавалерийском полку маршала Тюренна, и хотя юный Миних был уроженцем Ольденбурга, растила его няня-гугенотка. Учитывая эти французские связи, неудивительно, что Миних начал свою военную службу во Франции, под командованием маршала де Вильруа. С началом Войны за испанское наследство он покинул французскую службу, провел следующие два десятка лет в гессен-дармштадтской, гессен-кассельской и польско-саксонской армиях и наконец в 1721 году перешел на русскую службу в качестве военного инженера. К 1731 году за Минихом не числилось каких-либо достижений на поле брани, но успешная достройка Ладожского канала (1723–1728) создала ему репутацию умелого инженера и эффективного администратора. Что не менее важно, в нем обнаруживаются и таланты ловкого придворного. К концу 1720-х годов Миних становится генерал-аншефом, графом, главой инженерного ведомства и главнокомандующим в Санкт-

Петербурге. В описании лорда Джорджа Форбса, главы британского посольства в 1733–1734 годах, он предстает как «крайне амбициозный, беспокойный интриган, готовый предаться любой иностранной державе или придворной партии, которая даст ему малейшую надежду на удовлетворение его страстей»[568]. Граф Альгаротти, посетивший Санкт-Петербург в середине 1730-х годов, находил, что Миних в своей «предприимчивости далеко выходит за границы его обязанностей», а также обладает «амбициями в избытке»[569]. Герцог де Лириа, испанский посол, признавал Миниха искусным солдатом и инженером, но также подчеркивал его крайнее тщеславие и безграничные амбиции. По мнению этого аристократа-якобита, фельдмаршал был «лжив, двоедушен <…> Внимательный и вежливый с посторонними, он был несносен в обращении с подчиненными»[570].

Поступая на российскую службу, Миних представлял свои будущие обязанности именно как реализацию серии конкретных проектов. В контракте-«капитуляции» 1721 года он интересуется, будет ли позволено, чтобы он «проект сделал, как фортификации города и цитаделя Риги в совершенное оборонительное состояние привесть». Он также предлагает «проект сделать о укреплении Кроншлота, или какого инаго при Балтийском море лежащаго места». Разумеется, Миних подробно оговаривает возмещение всех расходов, понесенных им при реализации этих проектов, а также просит, чтобы к нему «добрый переводчик определен был, который бы мог мои письменные проекты из немецкаго языка на российской переводить». Подробно фиксируется и ожидаемая награда. В «капитуляции» 1727 года Миних запрашивает «дабы мне то в награждение дано было, что подрядчикам на канале прежде моего времени, по высокому Его императорскаго величества определению, из сената действительно и дано и обещано, а именно: прибытки с вина, табаку, кабаков и протчее, и по пяти копеек с кубической сажени земли, которая из канала вывезена быть имеет; наградительныя, особливо прибыточныя деньги, которыя по большой мере чрез мое попечение сбережены, с того времени как я управление имел и до того времени, что я оное впредь иметь буду»[571]. Фельдмаршал описывал свои отношения с российскими монархами в откровенно договорных терминах и как можно дольше оттягивал вступление в российское подданство (уже позднее, в 1730-х годах, ему пришлось, наконец, сдаться и принести присягу). Одновременно он преподносит в максимально выгодном свете все свои свершения на пользу империи – свершения, которые, разумеется, должны были сопровождаться приличествующей случаю наградой.

Размах затеваемых Минихом предприятий мог варьироваться

от скромного и прагматичного до поистине грандиозного. С одной стороны, например, он брался осушить болотистый участок в Санкт-Петербурге с тем, чтобы земля эта была передана в его распоряжение на шесть лет: затем большая ее часть вернется короне, но одна десятая участка останется в его собственности и будет освобождена от налогов и повинностей[572]. С другой стороны, в апреле 1736 года в письме к Бирону он предлагает куда более амбициозную схему – подробный план военной кампании против турок, которая должна была завершиться к 1740 году водружением победоносных штандартов Ее императорского величества на стенах покоренного Стамбула[573]. Однако коньком Миниха как прожектера было составление новых регламентов: рассказывая десятилетия спустя Екатерине II о главнейших своих прошлых достижениях, он перечисляет, наряду с постройкой Ладожского канала и победами над турками, также и сочинение штатов для полевой армии и гвардии, артиллерии и инженеров[574]. Получив назначение начальником над фортификациями, Миних сразу же просит подчинить ему и Минерную роту и предлагает в этой связи некоторые дополнительные пункты к инструкции «обер-директору». «Такая инструкция мне зело надобна, дабы я мог Его Императорскому величеству в том важном чину пользовательные услуги показать и инженерный корпус во всем, что им знать принадлежит, а паче россейских молодых людей, как наилутше обучать», – объяснял он в письме[575]. В итоге за ним закрепилась устойчивая репутация активного прожектера. Много позже, в ноябре 1765 года, проезжая мимо дома Миниха на Литейной, десятилетний великий князь Павел Петрович заметил: «Я об заклад ударюсь, что он и теперь, сидя за столом, какие-нибудь прожекты выдумывает». Его наставник С. А. Порошин, сам выпускник минихова Кадетского корпуса, счел нужным возразить, что «прожекты выдумывать не токмо не порок, но еще и достоинство, и достоинство великое; только чтоб прожекты были полезные». «Фельдмаршал Миних, – продолжал Порошин, – выдумывал в свое время прожекты, кои ему славу делали; теперь также их иногда выдумывает, но не всегда с удачей». Наследник престола поспешил с этим согласиться[576].

Относится ли к числу таких проектов и утвержденный 17 ноября 1730 года устав Кадетского корпуса? Миних, как уже говорилось выше, всерьез интересовался вопросами педагогики и, как кажется, уделял специальное внимание подготовке командных кадров. Еще в 1723 году он жаловался прусскому послу на качество русских офицеров: Миних находил их «неуклюжими» *(ungeschickten)*[577]. Но, как и в случае с июльским

указом о создании корпуса, авторство устава установить не удается. Черновик этого достаточно пространного и тщательно проработанного документа появляется в бумагах Сената практически уже в своей окончательной версии: редактирование на этой стадии носит минимальный характер. Самые заметные изменения: в документ прямо вписываются имена Миниха и фон Любераса как главного директора и директора соответственно, а Меншиковский дворец на Васильевском острове указывается как место расположения училища. В конце документа добавляются две дополнительные статьи: одна из них требовала, чтобы все карманные деньги, которые кадеты получают от родственников, находились под контролем офицеров; другая устанавливала квоту (треть общей численности учащихся) для дворян из прибалтийских провинций[578]. Показательно, что в бумагах Кабинета указано, например, что именно Миних представил документы, относящиеся к созданию кирасирского полка, который должен был находиться под его управлением и носить его имя. В случае с уставом Кадетского корпуса, однако, такого указания нет, хотя государыня одобрила оба документа в один и тот же день[579].

Надо сказать, что и сам Миних в своих записках не настаивал прямо на авторстве идеи: он, по его собственным словам, лишь «по приказанию [императрицы] основал кадетский корпус»[580]. И хотя в архиве фельдмаршала встречаются документы, относящиеся к другим его начинаниям, например, черновые наброски списков обмундирования и снаряжения для кирасирских полков, создание которых он усиленно лоббировал как раз осенью 1731 года, аналогичных документов, относящихся к планированию Кадетского корпуса, там не видно[581]. Не удается обнаружить никаких планов создания Кадетского корпуса и в переписке Миниха с Люберасом, его будущим заместителем по корпусу. Последний, как отмечалось выше, мог быть автором «Экстракта», содержащего первое упоминание о кадетской школе, а кроме того, среди его бумаг находится большая подборка шведских и прусских военных руководств и инструкций 1710–1720-х годов[582]. Но в интригах осени 1731 года и в составлении устава и штата Кадетского корпуса Люберас лично не участвовал, поскольку находился с инспекцией в прибалтийских провинциях. В его письмах к Миниху накануне его назначения командиром корпуса, отправленных из Риги, Нарвы и Динамюнде, создание этого нового училища не обсуждается[583]. Возможно, соответствующие документы действительно были подготовлены Ягужинским. Вполне могли они выйти и из-под пера Остермана, который играл ключевую роль в Кабинете и придерживался (как

показывает подготовленный им проект реформы Морской академии) соответствующих педагогических взглядов.

Таким образом проект создания Кадетского корпуса мог свалиться в руки Миниху почти случайно, как один из трофеев в придворной борьбе, полученный при разделе торжествующими победителями административного наследства их поверженного соперника Ягужинского. При этом назначение «главным директором» корпуса было лишь одним, и не самым главным, звеном в череде почестей и званий, полученных в тот период быстро набиравшим придворный вес Минихом. В самом начале 1731 года он был вызван из Санкт-Петербурга в Москву, где находился двор, и, по словам его сына, «снискал в короткое время благоволение монархини»[584]. Благоволение это было частью более широких перемен в придворных политических конъюнктурах: триумвират близких к императрице Анне немецкоязычных придворных, в составе ее фаворита графа Эрнста Бирона, обер-шталмейстера графа Карла Густава Левенвольде и графа А. И. Остермана, продвигал Миниха в руководство армии в противовес фельдмаршалам князю М. М. Голицыну и князю В. В. Долгорукову, замешанным в попытке ограничить самодержавие в 1730 году. 1 февраля 1731 года граф и графиня Миних представляются императрице в старой столице, а уже 7 февраля граф становится генерал-фельдцейхмейстером, то есть командующим всей артиллерией, и назначается председательствовать в Военной коллегии; его сын Эрнст, служивший при российском посольстве в Париже, пожалован в камер-юнкеры. Три дня спустя Миних отзывается на эти повышения, представляя в Сенат донесение из 14 пунктов, касающихся улучшений по артиллерийской части. В марте ему поручается, вместо скончавшегося фельдмаршала князя М. М. Голицына, руководить Воинской комиссией, разрабатывавшей предложения по реформе армии, а в апреле он становится кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Примерно в то же время он получает разрешение пригласить на российскую службу своего двоюродного брата барона Христиана Вильгельма фон Миниха (1688–1768) в ранге действительного тайного советника[585].

Осенью Миних еще раз возвращается ко двору в Москве, и теперь мы видим его уже одним из лидеров правящей коалиции. Граф прибывает в старую столицу 1 октября и на следующий же день вместе с братом обедает при дворе[586]. По сообщениям иностранных дипломатов, он пользуется неограниченным доверием Бирона, а саксонский посланник Лефорт именует его *«intime d'Ostermann»*[587]. Впоследствии Миних уверял, что именно

он – по просьбе Остермана – предложил императрице создать Кабинет, причем императрица просила и его самого войти в состав нового органа, но он якобы отказался[588]. Так это было или нет, но Миних, кажется, сам распространял слухи о своей причастности к Кабинету. Его сын Эрнст вспоминал впоследствии, что отец был «приобщен» к членам Кабинета, а его подчиненный барон де Люберас, например, 21 ноября в письме из Риги специально поздравлял Миниха с назначением в *«conseill de Cabinet»*[589]. Политический взлет графа сопровождался всплеском прожектерства с его стороны: Миних представил свои предложения по преобразованию армии, которые были одобрены императрицей, и, по мнению посланника Лефорта, «это еще больше подняло кредит графа Миниха»; граф «заседает [в Кабинете] каждый день и участвует в самых секретных делах»[590]. Одновременно его брат, барон Миних, получил назначение в Коллегию иностранных дел: согласно воспоминаниям Миниха-сына, граф провел туда своего родственника прямо для «надзирания» за своим союзником Остерманом[591].

Назначение Миниха «главным директором» Кадетского корпуса было, таким образом, лишь одним звеном в цепи событий, которые в итоге привели к установлению им контроля практически над всеми сухопутными силами империи. В январе 1732 года двор возвращается в Санкт-Петербург, и на Миниха проливается новый поток милостей: 19 января он назначен президентом (а не только председательствующим) Военной коллегии, 21 января императрица со двором ужинает у него дома и, наконец, 27 февраля он жалуется в генерал-фельдмаршалы[592]. В начале марта, глухо намекая на весьма личный характер привязанности императрицы к Миниху, Вестфален доносит, что императрица целиком поглощена обсуждением его предложений по военной части, а затем посвящает целое донесение подробному изложению биографии Миниха. В следующем донесении он сообщает, что Миних, якобы, стал четвертым членом Кабинета, причем является там вторым по старшинству, впереди Остермана и князя Черкасского[593]. Пик придворного влияния Миниха пришелся на май 1732 года: «нельзя было большим доверием пользоваться, какое на него возлагали, и словом сказать, ни единое дело мимо его рук не проходило», – вспоминал впоследствии сын фельдмаршала[594]. В пышной официальной титулатуре Миниха среди других всевозможных званий и должностей красуется к этому времени и фраза «шеф Шляхетного кадетского корпуса».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПРЕЗЕНТАЦИИ И ПАРАДЫ

Исключительное положение Миниха при дворе позволило ему мобилизовать для создания школы значительные административные и финансовые ресурсы, но именно это же исключительное положение обязывало его демонстрировать особое рвение и распорядительность в отношении корпуса, находящегося в его непосредственном и личном подчинении. Чтобы обеспечить скорейший запуск школы, Миних изыскал на ремонт и обустройство Меншиковского дворца 15 000 рублей из средств подведомственной ему артиллерии, в дополнение к официально выделенным на корпус суммам[595]. В конце марта он распорядился, чтобы Люберас незамедлительно представил предложения о размещении на здании корпуса или императорского герба, или императорской монограммы, которые зримо демонстрировали бы особую связь между государыней и школой и покровительство, которое монархиня ей оказывала[596]. Самой главной задачей, однако, было обеспечить необходимое число учеников, поскольку многие в правительственных кругах сомневались, что дворяне вообще заинтересуются новым учебным заведением. Неудивительно, что 16 ноября, вскоре за назначением Миниха главным командиром корпуса, появился именной указ, в котором императрица сетовала на малочисленность «желающих» записаться в это училище и призывала дворян «немедленно» явиться для зачисления[597]. Две недели спустя эта же мысль нашла свое развитие в еще одном указе, разъяснявшем причины создания корпуса и его важность для благополучия государства. В практическом отношении в указе расписывались в самом привлекательном свете условия, ожидавшие молодых дворян в Меншиковском дворце: просторное жилье, «довольная трапеза», прислуга для «всяких работ, шитья и мытья белья» – и вообще подчеркивалось, что на содержание молодых людей «определена из казны Нашей особливая немалая сумма, и кроме оной, никаких им, кадетам, убытков не будет»[598].

Меры эти дали желаемый эффект: число желающих записаться в корпус выросло, и вскоре фельдмаршал мог с гордостью доложить, что даже перевыполнил план приема – в списках значилось уже 308 молодых дворян, 237 из них «русских», остальные – из прибалтийских провинций. Добиться этого, впрочем, удалось ценой качества: до четверти кадет первого приема были старше 20 лет, а значит, по понятиям того времени, уже мало годились для учебы. Руководство корпуса постаралось, насколько это было возможно, прогнать их через некоторое базовое обучение и поскорее выпустить в полки унтер-офицерами[599]. Кое-кто из принятых оказался при ближайшем рассмотрении просто физически негодным к службе[600]. В письме

к Люберасу в июне 1732 года Миних сомневался даже, все ли записавшиеся в корпус действительно дворяне и велел «о том рассмотреть накрепко»[601]. Тем не менее уже к марту 1732 года он настолько воодушевлен успехом, что подумывает о расширении училища: «Изволите учинить проэкт, ежели повелено будет содержать оной корпус в двухстах пятидесяти, также и в трехстах человеках», – пишет он Люберасу 13 марта. Отсюда видно, впрочем, что на тот момент у него нет четкого представления о желаемой будущей численности кадетов[602].

Именно в мае, на пике своего фавора, Миних добивается от Анны утверждения нового штата корпуса, согласно которому численность кадетов выросла с 200 до 360 человек, сведенных в три роты. «Уповается, что и впредь желающих будет довольно», – оптимистически информировал фельдмаршал государыню, заверяя ее, что расширенный корпус принесет пользу государству и «вечную славу» самой императрице[603]. Кроме учащихся, в штате корпуса значились теперь более пятидесяти офицеров разных рангов, тридцать два учителя и профессора и более сотни низших служителей – денщиков и конюхов, истопников и поваров. При этом смета училища выросла до 63 000 рублей, что на 10 000 рублей больше, чем тогдашняя смета Академии наук, и в три с лишним раза больше, чем изначально предполагалось проектом из бумаг Верховного тайного совета[604]. Благодаря своему уникальному влиянию при дворе Миних смог получить для подведомственного ему училища такое финансирование, о каком в петровское время школы и мечтать не могли.

Однако придворные союзники Миниха были обеспокоены чрезмерным возвышением фельдмаршала, и уже весной 1732 года его альянс с Бироном и Остерманом трещал по швам. Саксонский посланник Лефорт еще в апреле сообщал о вызывавшем недовольство окружающих высокомерии Миниха, а Бирон жаловался дипломатам на его «неблагодарность». Вернувшийся из заграничной поездки Левенвольде также был недоволен Минихом, который позволил себе вмешаться в дела гвардейского Измайловского полка, которым Левенвольде командовал. Особенно повредил Миниху скандал, вызванный устроенным им обыском в домах иностранных купцов, заподозренных в утайке от таможни товаров; европейские дипломаты подали императрице жалобу на это самоуправство. На этом фоне технические сбои во время фейерверка, устроенного Минихом в честь свадьбы брата Бирона, воспринимались уже как дурное предзнаменование; в начале лета расстроились планы женить сына фельдмаршала на свояченице Бирона. В результате дипломаты доносили, что «кредит» Миниха заметно упал, ему прочили снятие с некоторых

из его многочисленных постов и даже отсылку из столицы[605].

В этой ситуации Миних пытался противостоять своим конкурентам с помощью тщательно подготовленных демонстраций собственной эффективности. Одним из элементов этой стратегии были фейерверки, которыми он заведовал как командующий артиллерией[606]. Другим были парады. Миних лично занимался устройством парада в честь торжественного въезда императрицы в город в январе 1732 года и командовал им. В следующем месяце он представлял императрице Астраханский, Ингерманландский и Ладожский полки, вымуштрованные по новому строевому уставу, подготовленному под его руководством Воинской комиссией: государыня могла воочию видеть не только его мастерство как командира, но и его искусство как составителя регламентов[607]. В конце августа Миних устроил для императрицы и придворных экскурсию по построенному им Ладожскому каналу, сопровождавшуюся артиллерийскими салютами. Примечательно, что план этой экскурсии был разработан еще в мае 1732 года, когда фельдмаршал был на пике своего влияния[608]. По возвращении двора в столицу, 11 сентября, Миних организовал для императрицы смотр артиллерии: государыня и двор, разместившись на специально выстроенной галерее, наблюдали стрельбу из пушек в цель, скоростную стрельбу, метание гранат, маневры мушкетерских и гренадерских подразделений. Играла музыка, а завершилось представление фейерверком. Наконец, 1 ноября Миних торжественно поднес Анне план Санкт-Петербургской крепости, как она должна была выглядеть после окончания производимых под его руководством работ[609].

Кадетский корпус с самого своего основания также использовался Минихом для демонстрации своего административного искусства. Когда Миних обратился к Анне в мае 1732 года с предложением о расширении корпуса, он устроил для нее небольшую презентацию: в этот день во дворце были представлены три кадета в полной экипировке и с мушкетами; еще четыре кадета и сержант были представлены в форме, но без мушкетов[610]. На протяжении первого года существования корпуса его начальники основное свое внимание, как кажется, обращали на подготовку и муштровку одной образцовой роты, которая была, наконец, предъявлена императрице в парадном строю 14 декабря 1732 года[611]. Церемония состоялась в присутствии всего двора в недавно построенном Бироном манеже для верховой езды, а ее описание было опубликовано в «Санкт-Петербургских ведомостях». «Сие так искусно отправлялось, что Ея императорское величество всемилостивейшее свое удовольствие

о том сими словами объявить изволила, что сей такой корпус есть, из которого Ея величеству впредь свою армею искусными офицерами наполнить можно будет», – сообщала газета о заслуженном кадетами высочайшем одобрении. Параду предшествовала торжественная церемония вручения роте ее знамен, причем императрица лично забила в древко каждого знамени первый гвоздь, которым к нему крепилось полотнище; принцесса Анна, наследница трона – второй; и сам Миних – третий[612]. Фельдмаршал не столько принимал из рук монархини символ воинской доблести и верной службы от имени корпуса, сколько, наоборот, участвовал в его вручении корпусу наряду с двумя царственными особами.

Учитывая успешное проведение смотров и продолжающийся приток молодых дворян, вполне естественно, что Миних и его приближенные задумались о дальнейшем расширении корпуса. Среди бумаг фельдмаршала сохранился неподписанный проект нового штата, составленный не позднее марта 1733 года и предполагавший расширение училища до 480 кадетов (три роты по 160 человек)[613]. Это был не единственный образовательный проект, обсуждавшийся в тот период в правительственных кругах. Среди бумаг Бирона сохранилось неподписанное и недатированное (но составленное не ранее 1731 года – Кадетский корпус в нем упоминается как уже существующий) предложение о создании «Благородного Корпуса, или Роты Больших Мушкетеров», или *Adelichen Corps oder Compagnie von Grand Mousquetaires* – название, отсылающее, конечно, к соответствующему подразделению французской королевской гвардии[614]. Структура этого корпуса изложена в документе в самых общих чертах, поскольку «позднее будет представлен пространный и детальный регламент *(umständliche und detailirter Reglemens)* с довольным объяснением должности каждого офицера и мушкетера». Ссылок на пример Берлинского кадетского корпуса в тексте нет, но, подобно проекту из бумаг Верховного тайного совета, здесь подчеркивается важность учета «склонностей» молодых дворян при определении их в мушкетеры. Текст написан на немецком, а основное внимание в нем уделяется обучению верховой езде (что логично, поскольку французские мушкетеры были именно кавалерийской частью): таким образом, этот проект хорошо сочетался и с настойчивым стремлением Миниха создать в России тяжелую кавалерию (кирасир), и с легендарным увлечением Бирона коневодством и верховой ездой. Неформальный стиль, в котором написан документ, также дает основания полагать, что автором мог быть кто-то имеющий более-менее сопоставимый с Бироном статус, например, сам

фельдмаршал Миних.

Главным, однако, для Миниха в эти годы становится проект совсем иного масштаба: в 1732–1733 годах он пытается устроить союз России с Францией. Успех такого дипломатического переворота не только позволил бы ему перехватить политическую инициативу при российском дворе, но и превратил бы его в игрока подлинно общеевропейского масштаба. Судя по всему, он надеялся обеспечить согласие Франции поддержать претензии Бирона на вакантный престол Курляндского герцогства, заручившись таким образом поддержкой аннинского фаворита. Результатом этой интриги стала бы не только переориентация России с альянса с Веной на альянс с Парижем, но и ослабление позиций Остермана – возможно, даже некоторый шанс на замену его во главе российской дипломатии братом Миниха. Как мы знаем, из плана этого ничего не вышло: логика событий, напротив, стремительно толкала Россию к конфликту с Францией, вылившемуся в итоге в Войну за польское наследство[615]. Крах внешнеполитических интриг Миниха стал сильным ударом по его придворным позициям. Дошло до того, сообщал в мае 1733 года французский поверенный в делах Маньян, что Бирон позволил себе публично унизить фельдмаршала. Восьмилетний сын фаворита обратился к императрице с просьбой о переводе из миниховых кирасир в Конную гвардию: находящийся под командованием и особым патронажем фельдмаршала полк был якобы так плохо устроен, что молодому человеку нечему было в нем научиться[616]. За этим эпизодом последовали другие сигналы, указывающие на шаткость придворных позиций Миниха[617].

Противостоять этим неблагоприятным поворотам политической фортуны фельдмаршал пытался, в том числе, и с помощью тщательно организованных церемоний, демонстрирующих одновременно и его достижения, и благоволение к нему императрицы. В начале мая 1733 года Кадетский корпус готовился к высочайшему смотру. В этот момент «кредит» Миниха при дворе как раз шел на убыль, так что неудивительно, что фельдмаршал лично приехал в училище поочередно «смотреть» роты. Увы, 2 июля стало известно, что государыня «соизволила смотрением кадетский корпус отложить до другова времяни»: еще один публичный удар по престижу Миниха, наглядное проявление его падающего влияния при дворе. Но не все было потеряно: месяц спустя, 4 июля, в корпус пришел приказ Миниха «ежедневно быть в готовности к смотру»[618].

И действительно, как сообщали в середине июля «Санкт-

Петербургские ведомости», корпус в полном составе и «в полном мундире с так нарядным порядком и с толикою исправностию <…> военныя екзерциции с пальбою из ружья чинил, что всяк тому дивиться принужден был». Газета специально подчеркивала, что экзерциции чинились «по прусскому обыкновению»[619]. В следующий раз кадеты предстали перед императрицей 1 июля 1734 года, как раз на следующий день после получения в столице новостей о взятии Минихом Данцига: сообщения об этой победе мы находим в «Ведомостях» в одном номере с известием о кадетском параде[620]. Корпус демонстрировал свою выучку перед дворцом вслед за Астраханским и Ингерманландским полками. Начиная с этого года кадеты регулярно участвуют в ежегодных осенних смотрах: обычно они представляются императрице сразу после гвардии, но перед наиболее престижными полевыми полками. Сообщая об одном из парадов, газета уверяла читателей, что за свою отличную выучку «от многих тысяч жителей кадеты получили похвалу»; отмечалось, что корпус маршировал с «великою исправностию» и «к особливому веселению» государыни. По окончании смотра офицеры были «трактованы» во дворце, а кадеты – на лугу перед дворцом, куда им высылали несколько бутылок виноградных вин. Разумеется, парады использовались подобным образом не только Минихом. В 1736 году, например, жители столицы могли узнать из публикации в «Ведомостях», что Конную гвардию образцово провел в парадном строю перед императрицей герцог Петр, сын Бирона, а в 1734 году усилия Воинской морской комиссии по разработке новых уставов завершились парадом Морского полка, призванного показать эти уставы в деле[621].

Хотя успешные демонстрации и помогали, вероятно, повысить престиж корпуса и его легитимность в глазах элиты, предложение о расширении штата до 480 кадет не получило никакого движения. Более того, как раз в 1733 году, в разгар придворных неприятностей Миниха, появляется альтернативное предложение о реорганизации корпуса, составленное не фельдмаршалом или его сотрудниками, а наоборот его оппонентом – В. Н. Татищевым. При каких именно обстоятельствах был создан этот документ, неясно, но примечательно, что обнаружен он был историками среди бумаг Бирона, причем в двух версиях, русской и немецкой: последняя наверняка была приготовлена специально для германоязычного фаворита[622]. Предложения эти предусматривали реорганизацию всех существующих училищ и создание гораздо более широкой сети школ[623]. Причем, если Миниху удалось добиться увеличения финансирования Кадетского корпуса, то Татищев пытался сделать

проект привлекательным, обещая, наоборот, снизить расходы на одного человека и за счет этого увеличить число учеников – обещание, которое являлось, таким образом, прямым выпадом против фельдмаршала[624].

Согласно подсчетам Татищева, в этот период казна тратила на различные образовательные инициативы, начиная с Кадетского корпуса и заканчивая обучением ремеслам, 160 000 рублей в год при общей численности обучаемых в 1850 человек (эти цифры не учитывали всевозможные школы в провинциях, такие как гарнизонные, цифирные, адмиралтейские). Его же план, якобы, позволил бы обучать 21 000 человек при ежегодных расходах всего в 110 000 рублей. В частности, штат Кадетского корпуса должен был вырасти на треть, до 500 человек, а его бюджет, наоборот, сократиться на треть, до 48 000 рублей: таким образом, расходы на одного обучающегося уменьшились бы вдвое, со 180 до 96 рублей в год. При этом, однако, Татищев предлагал потратить единовременно 10 000 рублей на привлечение из-за границы учителей, а также выделять по 4000 рублей в год на особую академию, создаваемую «для исправления языка, сочинения потребных книг и для переводов». Кроме того, несмотря на заявленный им курс на экономию, он считал необходимым тратить 12 000 в год на «управление и надзирание» за школами. Неясно, предполагалось ли тем самым создание какого-то нового специального ведомства, но трудно себе представить, что Татищев писал эти строки, не видя себя во главе задуманной им реформы. И в самом деле, примерно в это же самое время в своем «Разговоре» он предлагал создать «особливое собрание или коллег[ию] <…> которая б всегда на все училища <…> внятное надзирание на их порядки и поступки, а ко исправлению и лучшему учреждению власть имела», а во главе школьного дела поставить человека, который мог бы продемонстрировать «довольное искусство в науках, а наипаче ревностное радение о пользе отечества»[625].

Татищев и не думал скрывать, конечно, что его образовательные проекты были теснейшим образом переплетены с перипетиями придворной политики. Как он уверял полтора десятилетия спустя, императрица отнеслась к предложениям Татищева благожелательно, но это вызвало зависть со стороны его соперников при дворе: «хотя Ее Величество милостивно с благодарением изволила принять, но злостию немцов не токмо то опровергнуто, но я в Сибирь под видом милости или пользы заводов отлучен»[626]. Под «отлучением» Татищев имел в виду свое назначение в марте 1734 года начальником уральских горных заводов. Не секрет, впрочем, что назначению этому

предшествовал конфликт Татищева с его непосредственным начальником и сыном канцлера М. Г. Головкиным. Кроме того, Татищев попал под следствие по делу о взятках, которые он, судя по всему, действительно получал в ходе проходившей под его руководством масштабной операции по вымениванию старых, порченых денег на монеты нового образца[627]. Все это помогает понять, почему Татищеву именно в тот момент так важно было получить одобрение императрицы – в том числе, и путем подготовки прожектов и предложений – и почему, несмотря на его антинемецкую риторику, ему так же важно было заручиться благоволением Бирона, среди прочего поставляя ему критические замечания о деятельности Миниха. Учитывая серьезность выдвигавшихся против него обвинений, «отлучение» на Урал следует считать крайне благоприятным для Татищева исходом. И неслучайно в своих письмах к Бирону, написанных несколько лет спустя уже из Екатеринбурга, Татищев пространно благодарит фаворита за милости, оказанные ему ранее в Санкт-Петербурге, и посылает в подарок «золотое яблоко» и другие диковинки, извлеченные из древних курганов[628].

НАДЗИРАТЬ, ОГРАЖДАТЬ И ОЦЕНИВАТЬ

Именно из этой правительственной чехарды и подковерных политических баталий родился тот набор правил и регламентов, благодаря которым Кадетский корпус может по праву претендовать на звание первого модерного института империи. Устав корпуса и другие документы не просто определяли штат училища и программу обучения в нем, но настаивали на необходимости постоянного «надзирания» над кадетами и их изоляции от вредных влияний извне, иными словами, были прямо нацелены на дисциплинирование подданных, на управление их поведением в узнаваемо фуколдианском смысле и узнаваемо фуколдианскими методами. Именно в этой связи предметом рассмотрения в этих документах становились условия проживания кадетов, организация экзаменов и регулирование повседневного поведения. Задача состояла в том, чтобы молодые люди «во всех своих поведениях то, еже добродеяние, учтивость, пристойная покорность и честь повелевает, всегда чинили, а лжи, неверности и прочие шляхетству непристойные пороки заранее у них весьма искоренены были». Как объяснялось в одном из внутренних регламентов, сама потребность в его составлении возникла из-за того, что «некоторые невоспитанные кадеты о их злом нраве ежедневно многие признаки являют, и от их безумия к

тому приведены бывают, что они в своем злом нраве не токмо пребывают, но и других благовоспитанных кадетов своими непристойными примерами ко злому склоняют и приводят»[629]. Если для Петра было, в общем, достаточно, чтобы его дворяне носили западноевропейское платье и учили иностранные языки, то создатели и руководители Кадетского корпуса желали, чтобы молодые люди усвоили (мы бы сегодня сказали, интериоризировали) ценности дисциплины, самоконтроля и порядка. Отсюда и главное отличие корпуса от более ранних школ петровской эпохи: здесь впервые была сделана попытка применить целый набор соответствующих дисциплинарных практик, включая структурирование повседневности с помощью распорядка дня и управления жизненным пространством, изоляцию кадетов, постоянное наблюдение над ними и т. д. Уже сама по себе способность формулировать подобные задачи предполагала наличие определенных представлений о природе человека: признание «природных склонностей» индивида как некоторой реальности, которую необходимо принимать как данность, учитывать и использовать в управлении, но также контролировать, направлять и корректировать[630].

Инструментом дисциплинирования должно было служить уже само здание корпуса. Строительство Меншиковского дворца на Васильевском острове, где с самого своего основания располагалось новое училище, началось в 1710 году, и к 1713 году четырехэтажный особняк на Неве был готов. Позднее к нему были пристроены два двухэтажных крыла, стоящие перпендикулярно к реке и образующие, таким образом, закрытый двор; по внутреннему его периметру шли двухэтажные галереи[631]. На момент опалы и ссылки Меншикова в 1727 году его дворец был самым большим и, по мнению современника, самым роскошным зданием в столице, затмевавшим даже императорскую резиденцию; другой современник полагал, что во дворце было «столько же комнат, сколько дней в году». К северу от дворца был разбит «большой сад с красивой оранжереей и многочисленными службами», окруженный стенами: он был настолько обширным, что кадеты могли развлекаться в нем стрельбой по птицам[632]. При дворце были, разумеется, и собственные конюшни, склады и другие хозяйственные помещения. Позднее при корпусе построили большой крытый манеж для верховой езды и переоборудовали две парадные залы в домовую церковь и госпиталь. Все это, конечно, разительно отличается от положения петровских школ, которые обычно ютились в случайных зданиях и часто вынуждены были их делить с воинскими частями или правительственными учреждениями[633].

Другое дело, насколько значимым было решение властей разместить корпус именно в таком помещении? Конечно, такой шаг отражал особое внимание к училищу со стороны государыни; стоит, однако, отметить, что первоначально Сенат думал разместить его в бывшем дворце Лефорта в московской Немецкой слободе[634]. Когда же было установлено, что корпус все-таки будет располагаться в Санкт-Петербурге, размещение его в пустующем Меншиковском дворце (после ссылки князя он использовался, по сути, как складское помещение) было, вероятно, самым простым, с точки зрения правительства, способом обеспечить училище зданием, не расходуя значительных средств на новое строительство. Вообще говоря, перераспределение конфискованной у опальных вельмож недвижимости было обычной для того времени практикой. Многие из таких дворцов доставались новым министрам, но Морская академия, например, переехала в 1732 году в бывший дворец опального князя Алексея Долгорукова (впрочем, ей пришлось делить его с адмиралтейскими службами и аптекой); позднее, в начале 1740-х, академия пыталась получить для себя один из бывших дворцов ссыльных вельмож аннинской эры[635]. Другое дело, что соперничать своими масштабами с Меншиковским ни один из этих дворцов не мог.

Так или иначе, поскольку корпус был размещен в отдельном здании, корпусное начальство стремилось в полной мере использовать открывавшиеся в связи с этим возможности для организации «надзирания» над кадетами. Все зачисленные в училище молодые дворяне должны были жить в Меншиковском дворце, там же по возможности старались разместить и офицеров, и учителей. Английскому путешественнику бросилось в глаза, что все кадеты «живут в этом доме, и в него есть только один большой вход»[636]. На воротах корпуса выставлялись часовые, а доступ кадетов в город регулировался, в зависимости от времени года и времени суток, специальными правилами. Иными словами, мы имеем дело с попыткой создать замкнутое сообщество с ограниченными (по крайней мере, когда речь идет о кадетах) контактами с окружающим миром. И действительно, устав корпуса прямо увязывал проживание в одном здании с дисциплинированием: он требовал, чтобы «все оного корпуса кадеты в одном доме жили, по примеру прусского, датского и прочих королевских кадетских домов, дабы они толь меньше гулянием и непристойными обхождениями и забавами напрасно время не тратили, но во всем как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении над ними непрестанное имелось надзирание»[637].

Но дисциплина не ограничивалась лишь размещением в одном здании. Можно представить себе, каким шоком для молодых дворян, привыкших к вольготной жизни в отцовских поместьях, была необходимость следовать строго регламентированному распорядку дня, что в ту эпоху не являлось еще нормой и в воинских частях (которые, в конце концов, не имели казарм и могли быть разбросаны на постой по удаленным деревням, где едва ли шла речь о какой-то муштровке). Кадетов следовало будить в 4:45 утра, к 5:45 заканчивалась молитва; классы продолжались до полудня и затем с 3 до 6 часов пополудни. Миних лично беспокоился о том, что многие кадеты «находятся не в убранстве, а паче волосы имеют неубраны и ходят не в надлежащем мундире, а особливо у многих камзолы в пятнах и без галстуков, а повязаны платками шелковыми» и тому подобное. Регулировался и прием кадетами пищи: пребывание за обеденным столом должно было стать элементом воспитания. Устав предписывал во время кадетской трапезы «вслух читать [кадетам] несколько из артикулов, из регламентов и из указов, также и из историев или газетов». Из документов следует, что действительно во время обеда молодым дворянам могли читать «попеременно авизии российские и таковые же немецкие»[638].

Именные указы и устав дополнялись также внутренними регламентами, которые конкретизировали общие призывы к «надзиранию», предлагая весьма развитый для того времени набор административных инструментов. Внутри корпуса сами кадеты должны были участвовать в «надзирании» друг за другом. Каждая кадетская «камора», например, имела своего старосту. В июле 1732 года Люберас приказал, чтобы кадет отпускали в город не по одному, а только группами, «человека по два или по три или сколько случится, из которых одному приказывать над ними иметь смотрение, чтобы поступали учтиво и порядочно, и ходили б всегда вместе, а не порознь»[639]. Разработанные в корпусе на удивление детальные документы должны были регулировать самые разные стороны повседневной жизни кадетов: существовали, например, «Пункты, по которым в большом зале, где кадеты обедают, поступать надлежит» и специальный «Регламент», в котором предписывалось, как вести себя в классе, как входить и выходить из него и так далее[640]. Учителя должны были подавать ежемесячные рапорты об успехах каждого кадета, а ротные офицеры – об их поведении. Все эти материалы должны были ложиться в основу «генеральных экзаменов», которые регулярно устраивались в корпусе, – еще одно педагогическое новшество 1730-х годов. Более того, дисциплинированию подлежали не только кадеты, но и сами учителя. Оказывается,

среди них встречались и лентяи, которые настолько забывали свою должность, что тратили учебное время на неуместные разговоры – не говоря уже о прогулах занятий. В 1736 году было установлено, что если учителю необходимо пропустить класс, он обязан заранее предупредить обер-профессора; в противном случае его ожидал штраф. Обер-профессор, в свою очередь, должен был каждые четыре месяца представлять доклады об усердии каждого учителя[641].

Конечно, следует помнить, насколько далека была эта дисциплинарная утопия от реальности, особенно в первые годы существования корпуса. Вновь и вновь повторяющиеся приказы отражают, например, фрустрацию директора, неспособного добиться простейших, как может показаться сегодняшнему читателю, вещей – например, чтобы побудку в корпусе играли точно в назначенное время[642]. Даже офицеры корпуса позволяли себе без спроса отлучаться с дежурства – что уж говорить о кадетах. Документы за 1744 год, например, перечисляют 220 отдельных эпизодов применения дисциплинарных взысканий, которым подвергся в общей сложности 171 кадет, то есть каждый второй. Помимо таких невинных прегрешений, как «леность» или болтовня в классе, здесь встречаются и курение на крыльце, и игра в карты, и попытка напугать часовых, нарядившись в простыни. Более серьезные проступки включают нанесение увечий (два кадета в драке разбили друг другу головы камнями) или то, что мы сегодня назвали бы дедовщиной. Григорий Чириков, например, принудил другого кадета отстоять за него лишний час на карауле, а Петр Мелиссино попросту побил капрала Леймана. Кадеты также оставались на ночь за стенами корпуса и периодически напивались до бесчувствия[643].

Отдельной проблемой были крепостные слуги – «хлопцы», как их называют в документах, – которых молодые дворяне привозили с собой и которые жили в тех же кадетских каморах: они спали на полу, тут же, в стенах корпуса, готовили своим господам и обстирывали их. Поручик Готфрид Иеремиас, «гофмейстер», или заведующий хозяйством корпуса, жаловался, что от них «много кражи чинится, и неосторожно поступают в топлении [печей], и порчи в покоях и в домах нечистота происходят, а наипаче ходят весьма просто одеты, что страшно и смотреть», не говоря уже о том, что хлопцы играли в карты, бегали по крышам, развешивали барское белье сушиться самым неприглядным образом и так далее[644]. Не меньше беспорядка было и от собак, которых молодые дворяне также держали в своих комнатах: в 1737 году Иеремиас докладывал директору, что «от тех собак кала, костей, и проч., великой в каморах смрадной и

тяжелой дух, что удивляюся как живут, а постороннему человеку и войти неприятно». Из документов видно, что кадеты, например, тащили собак на поводках в столовую и кормили их там с собственных тарелок[645].

РЕГЛАМЕНТЫ И КАРЬЕРЫ

Для нас, однако, важно уже само по себе намерение надзирать и контролировать, сами дисциплинарные амбиции основателей корпуса. Бросается в глаза, что, помимо «надзирания» над кадетами, регламенты и уставы корпуса говорят о необходимости выявлять «природные склонности» молодых дворян, отделять способных к учению от «безнадежных», распределять на службу и в учение «по их понятию, способности и талантам» и так далее. В целом, реализуемые в корпусе педагогико-административные новации несут на себе несомненное влияние образовательных доктрин, которые разрабатывались Августом Германом Франке в Галле и применялись, в том числе, в Берлинском кадетском корпусе. Сходство это неслучайно. В 1731–1732 годах основатель российского корпуса фельдмаршал фон Миних обсуждал в переписке с прусским королем не только военные реформы последнего, которые якобы принесли ему «восхищение всей Европы», но и свои собственные новые должности, включая командование Кадетским корпусом, и свои планы касательно этого училища. Миних отправил специального эмиссара в ранге полковника знакомиться с прусским оружием и фортификациями; посылал Фридриху Вильгельму в качестве «подарка» высокорослых солдат для службы в «потсдамских гренадерах» (впрочем, так же поступал ранее и Петр I)[646].

Среди прочего, сразу после основания Кадетского корпуса Миних попросил Фридриха Вильгельма и о присылке персонала с опытом службы в берлинском кадетском заведении. Неудивительно поэтому, что Карл Рейнхольд Берк, шведский путешественник, посетивший Кадетский корпус в Санкт-Петербурге в 1730-х, специально отмечает присутствие среди его офицеров выпускников прусского училища[647]. Якоб Грейс и Иоганн Андреас Ульрих, два унтер-офицера, направленные Фридрихом Вильгельмом в Россию в ответ на запрос Миниха, были назначены в Кадетский корпус офицерами и прослужили там до 1750-х годов[648]. Схожее прошлое было и у многих других офицеров корпуса. Шарль Фредерик Бодан де Патрон, которого в России именовали просто де Бодан (1697–1756), первый майор,

то есть старший после директора офицер корпуса, отвечавший за повседневное управление, ранее прослужил несколько лет в *Cadets du Prince Royale*, то есть в берлинских кадетских подразделениях, которыми командовал сам наследник престола (будущий Фридрих II)[649]. Фридрих Людвиг фон Раден (ум. 1744) перешел в корпус капитаном прямо с прусской службы. В юности он учился в Кенигсбергском университете, который, кстати, все больше подпадал в то время под влияние пиетистов, превращаясь в их второй по значению оплот после собственно Галле. Когда в 1738 году де Бодан перешел в армию, фон Раден занял его место в качестве корпусного майора[650]. Фридрих Нидерштадер, который в 1732 году перевелся в корпус сержантом из Псковского полка (и дослужился до капитана в 1750-х), уверял, что до поступления на военную службу также учился в Кенигсберге[651]. В целом же, все три капитана, все три поручика, два из трех подпоручиков и четыре из шести сержантов, а также все учителя, перечисленные в проекте 1733 года о расширении штата корпуса (а также абсолютное большинство нанимавшихся в 1730-х преподавателей), были, насколько можно судить по их именам, немцами[652]. Большинство офицеров русского происхождения, появившихся в корпусе в 1730-х годах, назначались из числа выпускников самого училища, то есть, как можно предположить, после того как они сами подверглись необходимому «дисциплинированию»[653].

Характерен и подбор персонала, занимавшегося наставлением кадетов в законе Божьем, которому в этом училище уделялось повышенное внимание. Лука Конашевич (ум. 1758), православный священник в корпусе в 1732–1736 годах, также был связан с пиетистскими кругами, ориентировавшимися на Галле. В частности, он являлся клиентом Феофана Прокоповича и преподавал в его школе в Санкт-Петербурге, находившейся под сильным влиянием пиетистской педагогики. Это же относится и к сменившим его в корпусе Варлааму Скамницкому и Платону Петрункевичу. Разумеется, Тобиас Плашинг, первый лютеранский проповедник в корпусе, также был связан с пиетистами из Галле[654]. Сразу же после своего назначения он обращается именно в Галле за советами об организации преподавания: среди его счетов мы находим просьбу о возмещении расходов (60 копеек) «за отправленное письмо в Галлу о сочинении педагогии в трактате». Несколькими годами позднее по рекомендации Плашинга в корпус нанимается учитель богословия Минх, выпускник Кенигсбергского университета[655].

Подобный подбор преподавателей и офицеров Кадетского корпуса отражает стремление его основателей воспроизвести

педагогико-административные приемы и практики, позаимствованные из Берлина. Но одновременно назначения эти имеют и другую логику. При ближайшем рассмотрении мы видим, что многие из этих экспертов одновременно являлись, в том или ином смысле, и клиентами «главного директора», а их назначения и перемещения были, конечно, и элементами их карьерных траекторий. Майор Андреас де Гоннон, занимавший с сентября 1732 по ноябрь 1734 года третью ступень в корпусной иерархии, был знаком с Минихом еще до своего определения в корпус и, похоже, выполнял некоторые его поручения. Миних назначил его на должность, предполагавшую, в том числе, преподавание «инженерства», несмотря на то что у майора не было для этого необходимой квалификации: ему предоставили год для того, чтобы освоить предмет, который ему предстояло преподавать[656]. Де Бодан, преемник де Гоннона на посту корпусного майора, хвалился тем, что заслужил «протекцию» герцогини Анны Курляндской, будущей императрицы, еще в Митаве; она и рекомендовала его на русскую службу. В 1720-х де Бодан служил некоторое время в Низовом корпусе, а летом 1731 года обратился к Миниху с просьбой о назначении или в Кадетский корпус, или в инженеры; возможно, он исполнял секретарские обязанности при фельдмаршале с осени с 1731 до своего определения в корпус в январе 1732 года[657].

Что касается фон Любераса, первого директора корпуса, то к середине 1733 года между ним и Минихом разгорелся конфликт, и Люберас отбыл к действующей армии в Польшу[658]. Когда в начале 1734 года Миниху самому пришла пора отправляться руководить осадой Данцига, он устроил назначение директором корпуса вместо фон Любераса собственного брата барона фон Миниха (к тому времени Остерман уже выжил его из Коллегии иностранных дел)[659]. Надо сказать, что за время своего пребывания в России барон проявил предприимчивость, вполне достойную его брата-фельдмаршала. Он не только успешно выговорил себе высокий ранг и многочисленные бонусы при поступлении на русскую службу в 1731 году, но даже сумел пережить опалу своего брата в 1742 году и, более того, получить в 1742 году должность обер-гофмейстера при дворе Елизаветы. Он оставался на этом посту на протяжении следующих 17 лет, подготовив за это время множество предложений, относящихся к реорганизации и упорядочению придворного штата[660].

На первых порах фельдмаршал Миних сам активнейшим образом участвовал в установлении правил корпусной жизни, вникая в самые, казалось бы, повседневные и приземленные ее аспекты, задавал общую атмосферу в новом училище. Он

регулярно посещал корпус с инспекциями и издавал детальные приказы по итогам таких визитов. «В бытность мою в Кадетском корпусе усмотрел я, что для снятия свечей щипцов не имеетца, и свечи стоят в подсвешниках непрямо и непорядошно», – замечает он в ноябре 1733 года. В августе 1733 года он произвел пространный документ из 96 пунктов, отражающий его вовлеченность во всевозможные мелкие и мельчайшие вопросы корпусной жизни, такие как найм персонала, разрешение споров, закупка необходимых предметов, предотвращение пожаров и проч.[661] Он также был в высшей степени вовлечен и в процесс зачисления в корпус новых кадетов.

Внедрение и распространение в корпусе «регулярных» академических и дисциплинарных практик не было, однако, делом рук одного лишь фельдмаршала Миниха. Для нанятых им учителей и офицеров изобретение и использование таких практик служило одним из важнейших способов зарекомендовать себя в качестве экспертов. Как объяснял барон фон Миних в докладе императрице Анне по итогам своего руководства корпусом, находясь во главе учебного заведения, он «по крайнейшей возможности старался, чтоб академия шляхетных кадетов не токмо в добром состоянии, в котором оная до меня находилась, содержалась, но и по возможности в лучшем распоряжении» была. Предпринятые им меры включали не только привлечение в корпус «многих искусных учителей», способных «чрез <…> забавные науки кадетов поощр[ять] и ободр[ять]» (например, с помощью изучения земного и небесного глобусов и демонстрации физических экспериментов), но также и составление регуляций. Никаких оснований предполагать наличие у барона педагогических познаний или опыта у нас нет, но отсутствие необходимых квалификаций не помешало ему сочинить «генеральной регламент <…> который в 72 пунктах состоит, в чем где майору и обер и унтер офицерам, також и всем кадетам именно показано, что им чинить надлежит». Подчеркивая в этих донесениях свой личный вклад в «наилучшее распоряжение» корпусом, барон фон Миних не упускал случая представить в благоприятном свете и деятельность своего брата фельдмаршала[662].

Именно на время директорства барона фон Миниха приходится и успешное составление «генеральной табели всему корпусу», сочиненной, наконец, «по прожекту капитана де Бодана при вспоможении капитана де Радена». Этот шедевр дисциплинарной мысли состоял «в 36 табелях в которых все сии 360 кадетов по их наукам, достоинству, понятию, остроте и старшинству [были] вписаны». Когда генеральная табель была

готова, директор направил ее в Кабинет как наглядное свидетельство административного искусства братьев Минихов[663]. Для большего визуального эффекта к докладу была приложена аккуратно расчерченная и даже раскрашенная таблица, наглядно представлявшая разработанное в корпусе расписание[664].

Еще одним важным новшеством было введение должности «обер-профессора», предусмотренной уставом 1732 года «для надзирания во всех учениях над всеми»[665]. В декабре 1734 года первым исполняющим обязанности обер-профессора стал Иоганн Беньямин фон Зигхейм – еще один пример рекрутирования через неформальные контакты. Саксонец по происхождению, фон Зигхейм узнал о вакансии в России от своего брата Иоганна, который ранее служил в прусской армии, а с 1732 года был поручиком Кадетского корпуса. В соответствии с его контрактом-«капитуляцией», Зихгейм должен был

> крепкое смотрение иметь, какие методы или способы учители при обучении кадетов употребляют, и особливо надлежит ему того смотреть, чтоб учители не ленились, и чтоб кадеты во всякой науке по одной и сколько возможно по лутчей и самой лехкой методе обучены были.

Он должен был также своевременно докладывать обо всем происходящем директору корпуса и вести необходимые записи[666]. Впоследствии Зихгейм хвалился, что составил «письменные <…> инструкции и табели», благодаря чему «все бывшие тогда беспорядки прекращены»[667].

Составлением инструкций и регламентов занимались, конечно, не только высшие чины корпуса. Когда «комиссару», то есть заведующему хозяйством корпуса Мартину Шванвицу, велено было приискать кандидата на должность «тафельдекера» (заведующего кадетским столом), он не нашел ничего лучшего, как предложить некоего Ивана Иванова, ранее «бывшего при московской парусной фабрике <…> за писаря». Чтобы поддержать эту сомнительную кандидатуру, Шванвиц тут же сочинил «Инструкцию каким образом при трапезе кадетской тафелдекарю поступать надлежит». Среди прочего, этот документ устанавливал, сколько и каких тарелок, стаканов и столовых приборов следовало выдавать кадетам, как часто следовало менять скатерти и салфетки и чистить столы, как надлежало учитывать продукты и недоеденные остатки и так далее[668].

Третий директор корпуса, пришедший на смену барону фон Миниху в декабре 1734 года, также был клиентом и приближенным фельдмаршала. Полковник Абель Фридрих фон

Теттау (1688–1761) родился в Пруссии и, подобно самому Миниху, начал службу в Касселе; судя по всему, он состоял даже в некотором отдаленном свойстве с фельдмаршалом. В 1730 году он поступил на российскую службу в чине капитана гвардии, а в 1740 году стараниями Миниха был произведен в генерал-майоры[669]. Поскольку с началом Русско-турецкой войны Миних подолгу отсутствовал в столице, именно фон Теттау должен был поддерживать отношения корпуса с правительством и влиятельными вельможами. Последнее стало особенно важной задачей, поскольку Кабинет во главе с Остерманом начал все активнее интересоваться деятельностью корпуса и других школ в рамках мобилизации служилого сословия на войну с турками. На протяжении 1736 года Кабинет неоднократно запрашивал срочные доклады о состоянии дел в корпусе; в конце концов, Кабинет распорядился, чтобы отчеты о деятельности корпуса направлялись не только в Военную коллегию (где председательствовал Миних), но и в сам Кабинет[670]. В ответ на это Теттау произвел детальную табель, наглядно демонстрирующую успехи кадетов в науках, а также «регулярность» и эффективность применяемых в корпусе приемов надзирания за кадетами и оценивания их достижений. К последующим докладам прилагались красиво вычерченные и раскрашенные образцы учебных работ с различными геометрическими фигурами и тригонометрическими расчетами, а также выполненные кадетами переводы, демонстрирующие их мастерское владение иностранными языками[671].

Учитывая те усилия, которые Теттау предпринимал, чтобы представить себя искусным администратором, он естественно воспринял как вызов поступивший в июле 1737 года именной указ, согласно которому «сочинить проэкт» о порядке проведения в корпусе генерального экзамена поручалось Академии наук: выходило, что возглавляемое им училище предстояло оценивать кому-то извне[672]. В своем ответе в Кабинет Теттау объяснял, что «сочинение прожекта об экзамене кадетов наибольше состоит в содержании нынешнего о разделении наук распределения». Более того, порядок проведения экзамена уже был разработан самим Теттау: директор направлял в Кабинет текст «по мнению моего учиненного прожекта, каким бы способом генеральный экзамен наилучше предпринят быть мог». Проект этот, в частности, учитывал особые обстоятельства корпуса (например, тот факт, что там обучались вместе на двух разных языках кадеты «двух разных наций», то есть, русские и прибалтийские дворяне), «для чего и весьма особливый способ при оном употреблен». В общем, все было готово для проведения экзамена: чтобы начать его,

достаточно было лишь соответствующего указа из Сената. Теттау явно давал понять, что никакого особенного вклада со стороны Академии наук тут ожидать не приходилось и никакого проекта с ее стороны и не требовалось. «Буде ж Академия наук при сем нашем учреждении о классах какой легчайший и способнейший путь к генеральному экзамену изыщет, – не без едкости завершал он свой доклад, – буду о том ожидать высокого указа из Высокоправительствующего сената»[673].

В отличие от первых лет существования корпуса, когда его основатель стремился произвести впечатление на государыню главным образом парадами, в период директорства фон Теттау кадеты все чаще участвовали в придворной жизни, демонстрируя свои артистические таланты. В частности, корпус представлял императрице сочиненные кадетами поздравительные стихотворения по случаю Нового года (в 1736, 1737 и 1740 годах), годовщин восшествия на престол (1735 и 1738 годы) и ее дня рождения (в 1737 году) – список этот наверняка неполон[674]. Так, в январе 1735 года двое кадетов, Олсуфьев и Розен, принимали участие в официальном праздновании годовщины восшествия Анны на престол и декламировали поздравительные стихотворения по этому случаю на русском и немецком[675]. 1 января 1740 года директор фон Теттау представлял Анне по случаю Нового года стихотворение, сочиненное одним из кадетов, будущим поэтом и драматургом Александром Сумароковым. Молодой дворянин описывает в нем восторг и благодарность, которое благородное сословие вообще и кадеты в частности испытывают по отношению к правящему монарху:

> Вопят те [кадеты. – *И. Ф.*] всегда, воздевая руки:
> «Анна, мы с тобой видим свет науки!
> Анна, нам и впредь матерь буди, буди!
> Мы из ничего становимся люди.
> Ты ж бы здесь когда, матерь, не владала,
> Жизнь бы наших лет даром пропадала.
> Ты нам, Анна, мать, мать всего подданства,
> Милостью же к нам мать всего дворянства!» [676]

Для раздачи сановникам и придворным в этот торжественный день было напечатано двести экземпляров стихотворения, семьдесят из них – на дорогой бумаге разных сортов, соответствующих рангам предполагаемых получателей[677].

Театральные представления, и в особенности балет, также служили важным инструментом придворной репрезентации корпуса. С самого создания школы в ней существовала должность

танцмейстера, поскольку умение танцевать совершено очевидно воспринималось создателями корпуса и как важный элемент дворянского времяпрепровождения, и как способ телесного дисциплинирования молодых дворян. Когда фельдмаршал находился в Санкт-Петербурге, кадеты по очереди назначались дежурить при нем как ординарцы. За четыре дня до того, как заступать на дежурство, молодые люди отправлялись к танцмейстеру, который должен был обучить их «как к командирам придти и выйти и куплимент отдать»[678]. Поскольку императрица лично интересовалась театром, кадеты все чаще привлекались и к участию в придворных празднествах, где получали возможность демонстрировать свое искусство. После того как одно из таких представлений в марте 1736 года удостоилось высочайшего одобрения, танцмейстер Жан-Батист Ланде воспользовался благоприятной конъюнктурой, чтобы представить собственный прожект: результатом этой инициативы стало появление в России первой театральной школы, под руководством, натурально, самого Ланде[679].

После смерти в 1740 году императрицы Анны и восшествия на престол малолетнего императора Иоанна Антоновича, регентом ненадолго стал Бирон. Вскоре, однако, он был свергнут в ходе дворцового переворота, ключевую роль в котором сыграл именно Миних, ставший после этого первым министром империи. Уже в начале 1741 года и сам Миних тоже переоценил свои силы, вступив в конфликт с принцем Антоном Ульрихом, супругом правительницы Анны Леопольдовны и отцом императора, и вынужден был подать в отставку. Генеральная дирекция над корпусом досталась, вместе с титулом генералиссимуса, самому Антону Ульриху, который, таким образом, стал первым членом царствующей фамилии, официально взявшим под свой патронаж учебное заведение. Благодаря многолетним усилиям Миниха престиж корпуса был теперь таков, что встать во главе этого училища не стыдно было и принцу. Уже к концу 1741 года очередная дворцовая революция привела к восшествию на престол Елизаветы, и в декабре командование корпусом перешло к принцу Гессен-Гомбургскому, давнему сопернику Миниха и активному участнику нового переворота. Миних оказался под арестом, а директор фон Теттау по приговору «министров и генералов» был уволен из корпуса, поскольку, де, «он плохое кадетам содержание имеет, и також фельдмаршала Миниха есть свойственник»[680]. Но сложившийся в корпусе кружок экспертов благополучно пережил и эту «дворскую бурю», что в свою очередь обеспечило устойчивость введенных в 1730-х годах педагогических и административных практик. Обер-профессор

Иоганн Беньямин фон Зигхейм занимал свою должность еще и в середине 1750-х годов. Его брат и тезка Иоганн фон Зигхейм перешел, было, в 1737 году из корпуса в Преображенский полк, но после изгнания фон Теттау вернулся на вакансию подполковника и вплоть до 1756 года исполнял обязанности директора училища[681]. В 1743 году он потребовал предать военному суду своего давнего коллегу по корпусу майора фон Радена, ссылаясь на его «нерачение», из-за которого «в скором времяни все введенныя добрыя порятки и исправность службы уничтожитца могут». В своей жалобе фон Теттау ссылается на «регламент, которой обер офицерам за регул служит»: именно этот документ задает шкалу для оценки поведения любого офицера[682].

ЭПИЛОГ: ПРОЖЕКТЕР В СИБИРИ

Весной 1744 года Миних писал из далекого Пелыма письмо в Санкт-Петербург новому канцлеру империи Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину. Лишенный к тому времени всех чинов и званий, Миних оказался в этом крошечном остроге на северном Урале примерно в 2000 километров от Москвы по итогам переворота 1741 года, вознесшего на престол Елизавету. За два года до того, в ноябре 1740 года, Миних лично арестовывал Бестужева-Рюмина в ходе предыдущей «дворцовой революции», направленной на свержение Бирона. Теперь Миних просил о милости, пытаясь убедить Елизавету, что может ей еще пригодиться, а Бестужева-Рюмина – что его арест не был инициативой самого бывшего фельдмаршала, а был совершен по приказу правительницы Анны Леопольдовны. В обоих случаях Миних говорит о «проэктах» и «проэктировании»: и жесткая политическая борьба, и благонамеренное реформирование описываются у него как череда проектов. Он уверяет, что обвинения против Бестужева-Рюмина в 1740 году «проэктировали» некие неназванные «другие» и что именно он препятствовал этим другим «пространнее и тяжелее учинить» обвинения против нынешнего канцлера[683]. Отвечая на вопросы следователей в 1742 году, Миних также напрочь отрицал свое участие в составлении каких бы то ни было неуместных «проэктов». В частности, он настаивал, что «во время правления принцессы Анны ей и супругу ее о наследстве престола Российского он, Миних, ни сам, ни чрез других никаких проэктов не сочинял», хотя и слышал от барона Менгдена, что граф Головкин «некоторые о том проэкты представлял». Ничего он не

знал, якобы, и про «разсуждения, советы или проэкты» касательно возможной «сукцессии» кого-то из дочерей Анны Леопольдовны[684].

С другой стороны, Миних предлагал Бестужеву-Рюмину целую серию собственных «проэктов», которые он мог бы осуществить на благо империи, если бы только государыня дала ему шанс проявить на деле его верноподданническое рвение. В своих письмах из ссылки он пытается привлечь внимание императрицы описаниями неисчислимых благ, которые могут воспоследовать из его проектов, но не раскрывает при этом детали своих предложений. Предложения эти обосновывались ссылками на авторитет Петра I – как утверждал Миних, все они якобы восходили своими корнями к замыслам великого монарха. В письме к Бестужеву-Рюмину в 1744 году Миних перечисляет три «всеподданнейшия важныя представления», уже направленные им ранее в столицу: первое «о безопасности Турецких и Татарских границ», второе «о начавшемся при Петре Великом на Невских порогах, близ Тосны, весьма полезном канале» и третье – «каким образом от болезней при напольных полках и гарнизонах отчасти предостерегаться, а отчасти и больным облегчительные способы изыскивать». Теперь Миних предлагал новые проекты, которые он мог бы осуществить во славу Елизаветы, если бы только она вернула ему свободу: «или канальное строение от Петербурга до Петергофа, или же главный госпиталь под именем: Госпиталь святыя Елисаветы, или оба те строения вместе», строительство укрепленной линии на юге, сочинение «новой системы фортификации» (он и в самом деле работал над таким текстом в 1746 году). Если же ему не будет позволено вернуться на действительную службу, то он был готов предоставить описание надежного способа, которым «с Божеским вспоможением Турки и Татары Российскою славною армиею всегда побиты быть могут». Во всех этих предложениях подразумевалось, что благодаря своим уникальным знаниям и способностям он один только и может их реализовать. Описывались эти предложения в терминах достаточно расплывчатых или даже таинственных: например, Миних упоминает «один из приятнейших Петра Великаго проэктов, о котором я за краткостию времени здесь упомянуть и припамятовать не могу». Разумеется, не упускает он и возможности упомянуть свои предыдущие достижения, от достройки Ладожского канала – Миних напоминает читателю о тех громадных суммах, которые этот канал ежегодно экономил казне благодаря сокращению транспортных издержек, – до починки крепостей по всей империи и, конечно, о победах над турками[685].

Эти же темы развиваются Минихом и в его последующих письмах Елизавете. Его новые предложения предполагали «придание благообразия» Кронштадту и Санкт-Петербургу с окрестностями. Миних уверял, что благодаря его усилиям все пространство от Кронштадта до самой Ладоги покроется «городами, замками, дворцами, увеселительными и загородными домами, садами, парками, фермами». Саму Елизавету он обещал прокатить «в прекрасной яхте в сопровождении сотни шлюпок» по каналу, который будет построен от Летнего дворца в столице до самого Царского Села. Разумеется, все эти предполагаемые улучшения были якобы основаны на замыслах самого Петра I, знать о которых посчастливилось лишь одному Миниху. Дополнительно упоминались еще «два проекта славной памяти Петра Великого, относящиеся до безопасности империи и верных подданных», ни детали, ни даже характер которых, конечно же, в письме не раскрывались. Предсказуемо он уверял, что «никто кроме меня не в состоянии обнаружить и устранить все трудности и неудобства столь обширного и величавого предприятия». Миниху требовалось лишь одно – возможность лично предстать перед императрицей: услышав его, она немедленно признала бы чистоту и благородство его помыслов, увидела его искреннюю преданность и основательность его проектов – и ей оставалось бы только сожалеть о тех напрасно потраченных годах, которые он провел в ссылке[686].

Увы, все обращения Миниха к Елизавете остались без ответа. Миних, однако, прожил достаточно долго, чтобы застать следующее царствование: взойдя на престол, Петр III, поклонник его военных свершений, освободил престарелого сановника из ссылки и вызвал его в столицу. Праздно доживать своей век при дворе Миних не собирался – он добивался или главной дирекции над Ладожским каналом, своим давним проектом, или сибирского губернаторства (руководить Сибирью он планировал, оставаясь в столице и опираясь на свои личные познания об этом регионе, приобретенные за время двадцатилетней ссылки)[687]. И хотя царствование Петра III оказалось до крайности непродолжительным, Миних успел представить молодому императору в мае 1762 года еще один проект – об учреждении в Сибири «Генеральной дирекции». В документе этом описывалась структура создаваемого ведомства, пределы его полномочий и сферы ответственности, иерархические отношения с местными губернаторами. Миних особенно подчеркивал свое стремление, «чтоб сия Генеральная дирекция единственно зависела от высочайших Его императорского величества указов и никоторой канцелярии была не подчинена»: для этого он предлагал, «чтобы

повелено было генерал-директору быть от Его величества неотлучно»[688]. Опытный придворный, Миних понимал, что именно постоянный доступ к монарху необходим для успешной реализации проектов, и пытался зафиксировать свое право на такой доступ в сочиняемом им регламенте.

Глава 6
ЩЕГОЛИ, ФАВОРИТЫ И ДРУГИЕ РЕФОРМАТОРЫ ШКОЛ, 1740–1750-Е ГОДЫ

Основанная в Париже в 1751 году Военная школа *(École Militaire)* примечательна не только тем, что это было первое училище такого рода во Франции, но и тем, что она сыграла некоторую роль в рождении легендарного Паноптикона. Именно во время посещения импозантного здания *École*, строгие геометрические формы которого и сегодня украшают Марсово поле, прямо напротив Эйфелевой башни, Самюэлю Бентаму якобы пришла в голову идея паноптической модели, воплотившей в себе, согласно Мишелю Фуко, саму сущность модерной, «дисциплинарной» власти[689]. Исследуя происхождение этой модели, Фуко, однако, не стал упоминать или, возможно, не знал о том, что основатель *École* Жозеф Пари-Дюверне (1684–1770) называл образцом для своего училища именно Кадетский корпус в Санкт-Петербурге. Пари-Дюверне не утверждал, правда, что заимствовал в России саму идею военной школы: напротив, он настаивал, что лишь претворяет в жизнь задумки, сформулированные его покойным братом еще в 1725 году. Тем не менее обращаясь к Людовику XV, прожектер прямо заявляет, что «среди всех образцов, которые можно взять для создания [*École Militaire*], нет лучшего, чем Кадетская школа в Петербурге, основанная в 1732 году фельдмаршалом фон Минихом». И хотя он не объясняет, чем же именно ему так приглянулась эта модель, Пари-Дюверне представил в своем меморандуме королю пространное и довольно точное описание русского училища[690].

École Militaire была основана вскоре после Войны за австрийское наследство, так что логично было бы объяснить ее появление практическими нуждами армии, ее потребностью в лучше – или как-то иначе – обученных офицерах. Пари-Дюверне, однако, вовсе не был военным-практиком, который пришел к выводу о необходимости новых методов подготовки офицеров на основании своего боевого опыта. Наоборот, он был предпринимателем, причем в самом прямом смысле этого слова, влиятельным и богатым финансистом и армейским поставщиком. Он также был давним покровителем мадам де Помпадур, которой он, возможно, помог изначально получить доступ к королю и которая, в свою очередь, поддержала его школьную инициативу.

Для нее этот проект стал способом удержать внимание монарха: дело в том, что как раз в 1750 году их отношения перешли в платоническую стадию, и роль королевской любовницы она сменила на роль наперсницы, посредницы между королем и придворными и покровительницы искусств. Что не менее существенно, этот проект был для нее и способом поставить себя вровень с мадам де Ментенон, легендарной фавориткой Людовика XIV и основательницей Сен-Сира, пансиона для неимущих дворянских девиц. Для самого же монарха была важна параллель с другим проектом времен Людовика XIV, а именно, с расположенным неподалеку Домом инвалидов: сооружение *École* давало ему шанс сравняться с «королем-солнцем», возможно, даже превзойти его, – а также произвести благоприятное впечатление на парижан, недовольных не слишком выигрышными для Франции условиями Ахенского мира. Что до Пари-Дюверне, то он стал первым интендантом нового учебного заведения[691].

Таким образом, даже если такие училища, как *École Militaire* или Кадетский корпус, кажутся нам в ретроспективе важными и необходимыми с практической, военной точки зрения, сама потребность в них, как и конкретные организационные формы, которые эти учреждения принимали, должна была быть кем-то артикулирована. Это артикулирование, конечно, происходило в контексте придворной политики, под влиянием амбиций и интересов тех игроков, которые и предлагали весьма различные, зачастую прямо противоречащие друг другу определения того, что следует считать практичным, эффективным и современным. В России созданный фон Минихом Сухопутный шляхетный кадетский корпус пользовался, как кажется, значительным успехом: в отличие от большинства других школ той эпохи, он как минимум оказался популярным среди дворянской элиты и даже, как мы видели, был замечен за рубежом[692]. Но хотя корпус воплощал в себе идеал благоустроенной «регулярной» школы, правительство не сочло необходимым срочно реформировать все прочие училища по его образу и подобию: распространение этой модели по всему образовательному полю не было ни естественным, ни автоматическим. Как мы увидим, Морская академия будет преобразована в кадетский корпус лишь два десятилетия спустя, и еще десять лет пройдет, прежде чем по этому образцу будут перестроены артиллерийские и инженерные училища. Когда же переход к модели кадетского корпуса все-таки произойдет, движущей силой реформы окажутся предприимчивые придворные и администраторы, преследующие свои собственные тактические и стратегические цели, от расширения контролируемого ими бюджета до символического

самоутверждения и самопозиционирования.

В данной главе прослеживается влияние модели Кадетского корпуса на образовательное прожектерство в 1740-х и 1750-х годах. Эта модель задавала параметры новых инициатив и одновременно помогала административным предпринимателям в достижении их целей; поскольку предприниматели эти подкрепляли свои претензии на ресурсы и полномочия ссылками на данную организационную форму, они, в свою очередь способствовали ее дальнейшей легитимации. Говоря конкретнее, в данной главе рассматривается преобразование Морской академии в Морской кадетский корпус и объединение существующих технических училищ в рамках единого Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса. В последнем случае создание нового училища было частью более общих предпринимательских усилий графа П. И. Шувалова и его двоюродного брата И. И. Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Усилия эти включали в себя также создание Московского университета, попытки основать ряд других учебных заведений и сформулировать общие законодательные рамки обучения и службы дворян. Для Шуваловых эти проекты были частью их общей придворной стратегии, неизбежно переплетавшейся и с соперничеством между аристократическими кланами, и с борьбой вокруг внешнеполитических приоритетов. Успех или неудача этих проектов, в свою очередь, зависели от взлетов и падений придворной фортуны самих предпринимателей.

ТЕХНИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА В 1730–1740-Х ГОДАХ

Одно и то же институциональное новшество могло читаться современниками по-разному, в зависимости от их собственных интересов и представлений. Пари-Дюверне полагал, что Миних создавал свое училище, чтобы «дисциплинировать» российскую элиту: дворянам было предначертано командовать солдатами – вчерашними крепостными, но для этого следовало прежде «укротить» их собственный «свирепый нрав»[693]. Для Остермана, как мы видели, Сухопутный шляхетный кадетский корпус был примером успешной реализации пиетистских педагогических принципов. Однако для членов Адмиралтейств-коллегии это училище имело совсем другой смысл: они, прежде всего, отмечали, что данное учебное заведение гораздо лучше финансировалось и имело куда более просторные и комфортные помещения, чем подведомственная им Морская академия.

И в самом деле, несмотря на очевидный успех Кадетского корпуса, его пример поначалу никак не повлиял на финансирование или организацию других существовавших в империи училищ. К 1730-м, правда, школы прочно вошли в состав военно-административной инфраструктуры: подобно другим воинским частям, они теперь обязательно имели штаты, устанавливающие численность офицеров, преподавателей и учащихся, а также объем выделяемого им финансирования. В остальном же учебные заведения сохраняли свое петровское устройство. В морских училищах в особенности тон задавали два опытных, уважаемых преподавателя – Магницкий в Москве и Фархварсон в Санкт-Петербурге; их почти одновременная смерть в 1739 году создала административный вакуум, который очень наглядно подчеркивал персоналистский, полуформальный характер этих учреждений.

К моменту восшествия на престол Елизаветы в 1741 году в России, помимо морских училищ, имелись также три специализированных технических учебных заведения, а именно, артиллерийская школа в Москве и артиллерийская и инженерная школы в Санкт-Петербурге[694]. Первую из них впоследствии описывал в своих записках ее выпускник, майор Михаил Данилов: по его мнению, школа по состоянию на 1736 год не имела «ни порядка, ни учреждения, ни смотрения». Соответственно, большинство учеников, определенных в школу Герольдмейстерской конторой, вскоре разбрелись кто куда: «разошлось оное большое собрание, без позволения школьного начальства, по разным местам в настоящую службу, куда кто хотел записались». Данилов особенно упирает на «великий тогда недостаток в оной школе <…> в учителях». Преподавателем был штык-юнкер Алабушев, который «тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом, <…> был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству»; кроме него, в наличии были лишь двое «подмастерьев… из пушкарских детей», преподававшие основы арифметики. Неформальность школьных порядков подчеркивает и наличие у Алабушева собственных, приватных учеников, которые ходили в школу, не будучи в нее записанными; Данилов описывает их как дополнительный источник хаоса, поскольку ученики эти имели обыкновение бродить из класса в класс и устраивать «шалости». «Порядок получше» наступил в школе со сменой учителя: капитан Гринков «человек был как прилежный, так и копотливый, и был великий заика», а его опытность в артиллерийском деле была видна из отсутствия у него левой руки по локоть, потерянной в бою. Новый учитель, среди прочего, «вперял в учеников охоту

учиться, с обещанием чести, и довел до того, что его старанием несколько человек из учеников пожалованы были в артиллерию сержантами и унтер-офицерами»[695].

Что касается инженерной школы, то в конце 1720-х годов Миних подумывал было о ее реформировании[696]. После 1731 года, однако, его внимание переключилось на Сухопутный шляхетный кадетский корпус, а в 1735 году ему пришлось уступить должность генерал-фельдцейхмейстера принцу Гессен-Гомбургскому. Надо сказать, что и принц Людвиг Иоганн Вильгельм Груно Гессен-Гомбургский (генерал-фельдцейхмейстер в 1735–1745) и его преемник на этом посту князь Василий Аникитич Репнин (в должности в 1745–1748) были профессиональными солдатами. Репнин, в частности, служил «волонтером» в армии Габсбургов, и современники с уважением отзывались о его учености вообще и о его инженерных познаниях в частности. Кроме того, и принц Гессен-Гомбургский, и князь В. А. Репнин совмещали пост генерал-фельдцейхмейстера с должностью главного директора Сухопутного шляхетного кадетского корпуса[697]. Ни тот, ни другой, однако, не предприняли никаких шагов по реформированию артиллерийских и инженерных школ: быть может, они рассматривали именно корпус как основной объект приложения своих усилий или же данная организационная форма не казалась им необходимой или полезной для подготовки будущих артиллеристов и инженеров.

Если появление Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и оказало в эти годы какое-то влияние на прочие школы, то скорее отрицательное, поскольку именно корпус притягивал более состоятельных и лучше подготовленных дворян. Это только усугубило сложности, которые испытывали с привлечением учеников остальные школы. Адмиралтейств-коллегия высказывала обеспокоенность этой проблемой уже в конце 1730-х годов, но особенно остро вопрос о привлечении молодых дворян на морскую службу встал в 1740-х годах. Адмиралы доказывали, что если на подготовку будущих моряков не будет выделено финансирование, сопоставимое с тем, что получают их сухопутные коллеги, то это может оказаться пагубным для флота: офицеры будут демотивированы, потеряют «рвение» и «охоту к службе».

Вместе с тем, пример Кадетского корпуса задавал новые рамки и для размышлений о правильных способах устройства школы, и для борьбы за ресурсы. Ссылки на Кадетский корпус мы встречали, пусть и в самой общей форме, уже во «мнении» адмирала Вильстера в начале 1730-х годов. И если в конце аннинского царствования Адмиралтейство ограничивалось

просьбами выделить Морской академии более обширное и лучше приспособленное помещение, то в начале 1740-х годов оно уже предлагает преобразовать академию в морской кадетский корпус. Адмиралы едва ли могли сформулировать, что же именно подразумевало такое преобразование в смысле организационной структуры и педагогических методов; но во всяком случае, с их точки зрения, такая реформа явно предполагала более высокое жалованье для учащихся, не говоря уже о постройке нового просторного здания. И уже самим фактом выдвижения подобных запросов они способствовали дальнейшей легитимации той институциональной модели, которую воплощало собой созданное Минихом училище.

К концу 1740-х годов обращения эти получили дополнительную актуальность, поскольку дискуссии о будущем Морской академии оказались неразрывно переплетены с другим, весьма практическим вопросом, а именно, с политикой чинопроизводства во флоте. Как известно, после своего восхождения на престол в 1741 году Елизавета пообещала восстановить в первозданном виде все учреждения и регламенты своего отца Петра I и отменить пагубные нововведения предшествующего царствования. В реальности это означало, что всех офицеров, получивших повышение в 1730-х годах, надо было теперь как-то вписать в старую, петровскую версию Табели о рангах и иерархию флотских должностей; для многих из них это означало бы понижение, а к такому шагу Елизавета, весьма чувствительная к настроениям в рядах правящей элиты, была не готова. Говоря коротко, в 1743 году всякое чинопроизводство во флоте было приостановлено до получения дальнейших указаний, и ситуация оставалась подвешенной вплоть до 1751 года. В результате, к 1748 году, как докладывала Адмиралтейств-коллегия, из 735 предусмотренных флотскими штатами офицерских вакансий были заполнено лишь 455, причем 56 из имевшихся в наличии офицеров также подлежали увольнению по старости или по болезням[698]. Разумеется, запрет на производство в чины мешал адмиралам продвигать по службе своих клиентов, но, кроме этого, Коллегию все больше беспокоили те сложности, которые неизбежно возникли бы, если бы потребовалось подготовить флот к военным действиям. В этой ситуации неспособность Морской академии привлекать учеников – в силу низкого жалованья, неудовлетворительных условий проживания и отсутствия понятных перспектив получения офицерского чина – была особенно тревожной, поскольку ставила под угрозу обеспечение флота младшими офицерами.

В 1743–1744 годах Адмиралтейств-коллегия направляет в

Сенат многочисленные запросы: адмиралы просят или выделить для Морской академии более вместительное здание, или приказать Герольдии принудительно зачислять в академию более состоятельных дворян, которые могли бы самостоятельно содержать себя и на низком жалованье, или и то, и другое вместе[699]. 5 февраля 1745 года в очередном представлении Адмиралтейство указывает, что «понеже служба морская есть несравненно против сухопутной тягостнее», недостаточное финансирование демотивирует зачисляемых во флот молодых дворян: «к такой службе, будучи в бедности, кураж их распространятся не может». Чтобы подчеркнуть остроту ситуации, адмиралы вспомнили об установленных в 1726 году нормативах продолжительности обучения: даже если принять все необходимые меры прямо сейчас, все равно на подготовку новой когорты младших офицеров понадобится шесть лет и десять месяцев. Чтобы исправить положение дел, предлагалось Морскую академию «учинить и довольствовать по примеру учреждения кадецкаго шляхетнаго корпуса», в котором, по мнению адмиралов, ученики «как пищею, мундиром, обувью и квартирою, так и протчем, что шляхетному честному содержанию подлежит, во всем довольствуются»[700].

Ответ из Сената поступил только через год, 23 июля 1746 года. Сенаторы, судя по всему, согласились с доводами Адмиралтейств-коллегии; были услышаны и ссылки на пример Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Соответственно, Сенат распорядился подготовить проект штата и сметы для обновленного морского училища, которое именуется здесь «морским академическим шляхетным корпусом». На составление такого проекта у адмиралов ушел еще год. 8 июля 1747 года штат «о содержании в морском академическом корпусе из дворянства учеников всего 500 человек, в том числе из гардемарин 200 человек» и об обеспечении их и корпусных офицеров жалованьем и содержанием «во всем по примеру кадецкого шляхетного корпуса» был одобрен Адмиралтейством и направлен в Сенат. Надеясь, видимо, сыграть на прижимистости сенаторов, адмиралы подчеркивали, что если в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе на содержание 360 учеников выделялось 64 340 рублей в год, то в своем предложении они брались содержать 500 учеников всего-навсего на 56 674 рубля; флотские руководители даже составили специальную таблицу, в которой построчно сравнивались сметы Сухопутного шляхетного кадетского корпуса и предлагаемого морского училища[701].

Прошел еще один год; никакого ответа на свои предложения Адмиралтейств-коллегия не получила. 29 марта 1748 года члены

Коллегии – адмиралы Мишуков, князь Голицын, князь Белосельский, Головин и Римский-Корсаков – нанесли визит канцлеру империи А. П. Бестужеву-Рюмину «с таким представлением, что флоты и адмиралтейство в крайнее несостояние приходит паче от великого недостатка в штап и обер офицерах». Данная тема, конечно, не входила в сферу полномочий канцлера, и у него не было никаких оснований для вмешательства в вопросы флотского управления. Однако, как честно признавались адмиралы, они сочли необходимым поднять этот вопрос «не токмо по присяжной должности своей будучи обязаны все то, что им поручено, наблюдать и охранять, но и для того такое представление чинят, что они ответствования впредь в том опасаются». Как следует из составленной по итогам встречи записки, моряки «канцлеру наисильнейше представляли и просили, чтоб он наискоряе всемилостивейшую Ея императорского величества резолюцию исходатайствовать старался на многократныя от Адмиралтейской коллегии поданные доклады»[702]. Однако добиться решения от Елизаветы, известной своей склонностью откладывать, и откладывать, и опять откладывать решения по вопросам, которые ее лично не слишком интересовали, было непросто даже для канцлера, тем более что сам он был государыне лично несимпатичен. Канцлеру пришлось обратиться с этой проблемой к фавориту императрицы графу А. Г. Разумовскому: полгода спустя, в ноябре 1748 года, Бестужев-Рюмин направил ему (уже в третий раз!) пакет документов, подготовленных Адмиралтейством[703].

В письме к фавориту канцлер извиняется за свое вмешательство в вопросы, которые не входят в сферу его прямого ведения, но объясняет, что не мог поступить иначе: он «неблагодарное сердце имел бы и ни верной раб, ниже доброй сын отечества был бы», если бы не донес о сложившейся ситуации. Однако прагматические причины заинтересованности канцлера в этом вопросе тоже вполне понятны. Участие России в Войне за австрийское наследство, прямой результат проводившейся Бестужевым-Рюминым политики, окончилось для России более-менее ничем, и в результате его позиции были ослаблены. Поэтому, как отмечает Франсин-Доминик Лиштенан, он искал возможности реабилитироваться – и одной из таких потенциальных возможностей было вмешательство в конституционный кризис в Швеции. Неслучайно поэтому в письме к Разумовскому канцлер объясняет, что последние события в Стокгольме могут потребовать мобилизации русского флота, и нехватка офицеров будет тут серьезным препятствием. Ах, если бы только ее величество нашла всего лишь один час,

чтобы прочитать все эти бумаги и принять какое-то решение! Увы, немедленного эффекта и это обращение тоже не возымело. В апреле 1749 года Бестужев-Рюмин обращается по этому же вопросу к секретарю императрицы В. И. Демидову, пересылая ему полный пакет документов, которые, как он сам замечал, «мною уже неоднократно его сиятельству графу Алексею Григорьевичу [Разумовскому] поданы были» – дабы Демидов «при случае о том его сиятельству напамятовать, или Ея императорскому величеству всенижайше донести, или ж в случае чтоб Ея императорское величество об оных спросить изволила, вы в состоянии быть могли о существе сего дела ведать и ответствовать»[704].

В мае 1750 года императрица определилась, наконец, по поводу судьбы морских штатов в целом, но все еще колебалась насчет будущего Морской академии. 4 мая 1750 года кабинет-секретарь барон Черкасов проинформировал генерал-прокурора князя Н. Ю. Трубецкого, что государыня «изволила иметь намерение учинить определение о Морской академии». Герольдмейстерской конторе следовало поэтому подготовить доклад, в котором указывалось бы, сколько молодых дворян было определено в службу в предшествующие годы, включая данные об их возрасте и количестве имеющихся у них крепостных. Запрос этот, похоже, представлялся не слишком срочным, потому что ответ на него поступил лишь 17 января следующего года[705]. 31 мая 1751 года Сенат, наконец, подготовил свои предложения по поводу нового училища и 2 июля представил их императрице[706].

Окончательное решение, однако, было принято Елизаветой лишь еще один год спустя, в декабре 1752 года. Документ, которым создавалось новое учебное заведение, имел форму совместного «разсуждения» Адмиралтейств-коллегии и Сената, утвержденного императрицей, и он действительно в основном повторял адмиралтейские предложения 1748 года. Ключевые коррективы, внесенные сенаторами, сводились к замене названия с Морского академического корпуса на Морской кадетский корпус и сокращению штата с 500 до 360 учеников. Соответственно, расходы на него устанавливались на уровне 46 561 рубля в год, на треть меньше, чем выделялось на Сухопутный шляхетный кадетский корпус – и меньше, чем предполагалось в более ранних предложениях Адмиралтейства. И Морская академия, и московская Навигацкая школа ликвидировались, прекращали существование и гардемарины как отдельная воинская часть (впредь гардемаринами будут именовать старший класс создаваемого училища): все они растворялись в составе

создаваемого корпуса[707].

Новое училище, как это вновь и вновь подчеркивается в официальных документах, должно было содержаться «во всем по примеру [Сухопутного Шляхетного] кадетского корпуса». Но хотя проект, одобренный Елизаветой в 1752 году, детальнейшим образом учитывал все требуемые для создания и функционирования школы расходы, а также содержал исчерпывающий перечень офицеров, учителей и низших служителей, в нем ничего не говорилось о педагогических принципах: это различие особенно бросается в глаза при сопоставлении данного текста с уставными документами минихова корпуса или с остермановским проектом реформы Морской академии. Не видим мы и стремления составлявших документ моряков регламентировать повседневную жизнь в Морском кадетском корпусе – в проекте не прописаны механизмы дисциплинирования, нет попыток определить функции и прерогативы различных должностных лиц внутри школы.

Составление подобных детальных регламентов в итоге стало делом рук самих служащих нового учебного заведения. Регламент, разработанный в Морском кадетском корпусе к 1756 году, кодифицировал, среди прочего, полномочия директора и других должностных лиц. В последующих версиях документа эти полномочия постепенно расширялись; росла также роль «канцелярии» как особого органа управления, несмотря на то что в указе о создании Морского кадетского корпуса она даже не упоминалась. Дополнительные документы, составлявшиеся в корпусе в конце 1750-х – начале 1760-х годов, регулировали такие вопросы, как надзор за учащимися, включая и введение специально для этого должности дежурного офицера, а также наказания за леность и иные прегрешения[708]. Сходным образом, когда в 1764 году в Морском кадетском корпусе была введена должность «главного инспектора», занявший ее Г. А. Полетика начал с составления развернутых предложений, призванных устранить «замешательное состояние» в корпусе. Предлагаемые им меры включали обязательное использование учебника (ранее многие учителя преподавали на основе рукописных конспектов собственного сочинения), введение фиксированного периода приема новых учеников (до того времени зачисление новых учащихся во всех школах происходило по мере их явки на протяжении всего года), стандартизацию методов преподавания и расширение права учителей наказывать учащихся[709]. Говоря иначе, нововведения эти помогали обосновать саму потребность в «главном инспекторе» и очертить новую административную функцию, связанную с «надзиранием» и дисциплинированием,

выполнять которую, конечно, должен был сам автор регуляций Г. А. Полетика.

СКАЗ О ДВУХ АДМИРАЛАХ

Обсуждения эти создавали благоприятную почву для прожектерских инициатив со стороны конкурирующих между собою сановников. Во флоте в то время, по оценке прусского посла Карла Вильгельма Финк фон Финкенштейна, было всего два заслуживающих упоминания игрока, князь Белосельский и вице-адмирал Римский-Корсаков. Как подчеркивал дипломат, эти двое не только «в морских делах больше всех разумею[т]», но и «у Императрицы пребывают в большом фаворе, на тайные ужины приглашения имеют и полагаю я, что ремесло царедворцев еще лучше морского ведают»[710]. И именно один из них, князь Белосельский, и стоял, судя по всему, в 1740-х годах за попытками добиться реформы Морской академии. Ничто в биографии этого вице-адмирала не указывало на его возможный интерес к вопросам образования и к каким-то интеллектуальным занятиям вообще. Князь Михаил Андреевич Белосельский (1702–1755) происходил из измельчавших Рюриковичей. К концу XVII века, впрочем, дела Белосельских шли на поправку: они служили стольниками, а за отцом князя Михаила числилось к 1700 году уже 97 крестьянских дворов. Сам князь Михаил начал службу гардемарином и даже привлек к себе внимание Петра, лично выбравшего молодого моряка для выполнения особого поручения – в 1719 году Белосельскому было поручено съездить в Любек и встретить там царский багаж. К 1724 году, однако, князь был все еще ундер-лейтенантом[711]. Должно быть, где-то в середине-конце 1720-х годов он привлек внимание племянницы Петра, царевны Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбург-Шверинской (1691–1733), приходившейся, как известно, старшей сестрой императрице Анне Иоанновне, – и стал ее любовником. Как следует из материалов Тайной канцелярии, Белосельский надеялся перевестись из флота в придворный штат царевны, получил от нее в подарок 1000 рублей и даже пытался раздобыть некстати понадобившееся ему снадобье от «невстанихи»[712].

После кончины своей высочайшей любовницы в 1733 году Белосельский женился на Наталье Григорьевне Чернышевой, дочери видного петровского сподвижника Григория Петровича Чернышева, на тот момент занимавшего важнейший пост московского генерал-губернатора. Это, однако, не спасло Белосельского от неприятностей: один из узников Тайной

канцелярии под пыткой сообщил, что князь позволял себе болтать о своих связях на высшем уровне; в результате Белосельский попал под следствие и в 1736 году был «навечно» сослан в Оренбург. Как именно ему удалось выбраться из ссылки, неясно: вероятно, какую-то роль здесь должен был сыграть его влиятельный тесть. Так или иначе, уже в 1739 году князю было разрешено вернуться в Санкт-Петербург; сначала он был определен майором в престижнейший Ингерманландский полк, но уже на следующий год Белосельского перевели опять во флот на должность советника Экипажмейстерской конторы.

С воцарением Елизаветы Петровны карьера Белосельского резко пошла на взлет. Ряды опытных петровских адмиралов быстро редели, что было князю на руку, но еще более важны были, конечно, его связи с Чернышевыми. При новой императрице придворные позиции его тестя только усилились: по случаю коронации он стал графом и андреевским кавалером. Кроме того, Белосельский явно пользовался личным расположением императрицы, с которой он был знаком как минимум с 1730 года, а вероятно и раньше. В 1743 году умирает его начальник, генерал-экипажмейстер Конон Никитич Зотов, и на освободившееся место назначают Белосельского; это назначение подразумевало также и производство в контр-адмиралы. Хотя Белосельский уступал в старшинстве своим коллегам по Адмиралтейству, после ухода в отставку президента Адмиралтейств-коллегии графа Н. Ф. Головина именно он был назначен специальным докладчиком по морским делам. На протяжении 1740-х годов он сопровождает императрицу во всех поездках, информирует ее по связанным с флотом вопросам и передает Адмиралтейству ее решения: благодаря своему регулярному доступу к монарху князь становится первым среди равных в Адмиралтействе. Императрица крестит его детей, в 1745 году Белосельский обзаводится собственным новым домом в столице; к 1748 году, так ни разу и не побывав в морском сражении, он получает чин вице-адмирала, аннинскую и александровскую ленты и занимает пост генерал-кригскомиссара флота. Прусский посланник Аксель фон Мардефельд в этот период описывает его как единственную достойную упоминания персону в русском флоте, «человека видом приятного и умного *(homme de bonne mine et d'esprit)*». По мнению дипломата, «императрица к нему благосклонна» настолько, что даже канцлер Бестужев-Рюмин считает необходимым «купить» его поддержку[713].

Белосельский явно надеялся, что доступ к императрице поможет ему из докладчика по морским делам превратиться в

полноправного главу морского ведомства; попытки добиться реформы Морской академии вполне могли быть связаны с этими амбициями. В самом деле, именно он был старшим из трех членов Адмиралтейств-коллегии, подписавших определение от 8 июля 1747 года о создании «морского академического корпуса» (вместе с В. Я. Римским-Корсаковым и прокурором Адмиралтейства полковником Михаилом Луниным), и он лично представил этот проект в Сенате 13 июля 1747 года. В 1748 году Белосельскому в качестве докладчика по морским делам было приказано сопровождать императрицу в Москву. В том же году он представил Елизавете рапорт о состоянии флота. В январе 1749 года он опять лично обратился к императрице. На этот раз он пытался убедить ее отказаться от возврата к петровским штатам, поскольку для многих морских офицеров это означало бы фактическое понижение. Пытаясь, как кажется, сыграть на антипатии, которую Елизавета питала к своей предшественнице на троне, князь уверял, что в царствование Анны Морская академия «едва не вся переведена была и весьма в малом числе дворян состояла». В результате, она привлекала теперь лишь самых бедных дворян, которых «в большие чины, чтоб были з добрыми квалитетами офицеры, надежды впредь по их воспитанию положить невозможно». Белосельского особенно беспокоил тот факт, что после стольких лет тяжелой учебы гардемарины могли надеяться только на получение мичманского (то есть не офицерского) чина, из-за чего «и паче кураж к научению и охота к службе простыть и охолоденеть может». Соответственно, требовались серьезные преобразования [714].

В ответ на обращение Белосельского Елизавета приказала ему совместно с ее кабинет-секретарем бароном И. А. Черкасовым подготовить проект соответствующего указа. Составленный ими документ касался целого ряда вопросов, относящихся к флотскому ведомству, включая и реформу Морской академии: пункт 11 предписывал Сенату и Адмиралтейств-коллегии совместно «о академии морской и гардемаринской роте <…> разсмотреть, и с добрым порядком все то, хотя с убавкою положенного числа людей, окончательно учредить». Документ ясно отражал приоритетные направления реформы, как ее понимали моряки: главным вопросом было «порядочное содержание» учеников и их «мастеров». В качестве решения предлагалось «за малостию прежнего их дома, дать из конфискованных другой какой поблизости удобнее будет, а ежели конфискованных нет, то обывательской купить поблизости…» В крайнем случае адмиралы были готовы даже еще больше сократить общую численность учащихся ради того, чтобы поднять

расходы на одного ученика. Об организационной же структуре обновленного училища или предполагаемых к внедрению в нем педагогических принципах им сказать было нечего[715].

Однако несмотря на все усилия Белосельского и на кажущуюся благорасположенность к нему императрицы, надежды князя встать во главе флота пошли прахом. Всего несколько месяцев спустя после представления им своего доклада, в мае 1749 года, Елизавета назначила главой Адмиралтейств-коллегии адмирала кн. М. М. Голицына; раздосадованный Белосельский перестал даже посещать заседания Коллегии[716]. Летом 1750 года он оказался в центре масштабного следствия о «непотребстве» в Санкт-Петербурге, начавшегося по приказу Елизаветы и произведшего большое впечатление на столичное общество. Как оказалось, новый дом Белосельского на набережной Мойки, недалеко от Синего моста, был одним из наиболее значимых злачных мест в городе: десятки проституток занимались своим ремеслом буквально у него на заднем дворе. Наиболее известная среди них, Анна-Кунигунда Фелькер по прозвищу Дрезденша, заведовала самым роскошным заведением в городе, которое посещали представители аристократических семейств, гвардейские офицеры, императорские пажи и иностранные дипломаты. Князь Михаил не мог не знать об этом заведении, поскольку в нем бывали его собственные сыновья, адъютанты и ближайшие родственники, включая одного из Чернышевых, брата его жены. Морской караул, приставленный к Белосельскому как адмиралу, помогал поддерживать порядок на этих «вечеринках», флотский оркестр развлекал гостей, а дворецкий князя улаживал неприятности с полицией. Один из арестованных в ходе расследования сводников показал, что однажды в конце июня 1750 года князь вернулся из императорской резиденции в Петергофе и, «незнаемо с какого случая», приказал выгнать всех жильцов и забить окна досками: несомненно, у Белосельского состоялся нелицеприятный разговор с государыней на эту тему[717]. Могло ли быть, что Елизавета знала о причастности Белосельского к этим «вечеринкам» уже 1749 году и что это повлияло на ее решение поставить во главе флота кн. М. М. Голицына? Так или иначе, уже в конце 1752 года Белосельский опять сопровождал государыню в Москву, а в 1753 году даже обращался к ней с просьбой о повышении[718]. Однако дальнейшего участия в реформировании Морской академии Белосельский больше не принимал, а в начале 1755 года скончался от чахотки.

Тем временем, эти обсуждения и изнурительные попытки добиться от государыни хоть какого-то решения касательно

Морской академии подтолкнули к действию еще одного участника заседаний в Адмиралтействе, Воина Яковлевича Римского-Корсакова (1702–1757). Подобно князю Белосельскому, Римский-Корсаков сделал блестящую карьеру, ни разу не отличившись в морском сражении. В 1715 году он был зачислен Петром в новооткрытую Морскую академию, а уже через год определен в гардемарины и отправлен одновременно с И. И. Неплюевым и другими «волонтерами» учиться в Европу, в военно-морскую школу в Тулоне. Во Франции он был принят во флот сперва гардемарином, затем произведен в младшие лейтенанты, а в 1722 году и в лейтенанты. Отучившись и прослужив во Франции почти 8 лет, в 1724 году Римский-Корсаков вернулся в Россию, успешно прошел обычную для обучавшихся заграницей экзаменовку и получил российский чин унтер-лейтенанта флота. Среди современников он прославился эпизодом, связанным с его щегольскими штанами. И. И. Голиков приводит анекдот, в котором император, известный своей прижимистостью в бытовых вопросах, публично делает выговор недавно вернувшемуся из Парижа молодому офицеру: «Корсаков! штаны-то на тебе такие, каких не носит и Государь твой. Смотри, чтоб я с тобою не побранился; это пахнет мотовством; я ведь знаю, что ты небогат». Согласно другой версии этого анекдота, которую сам же Корсаков с удовольствием рассказывал своему тестю и соученику по Тулону И. И. Неплюеву, Петр однажды заметил его на улице Петербурга разряженным в щегольские белые штаны и шелковые чулки. Подозвав Римского-Корсакова к себе, государь завел с ним разговор, тем самым вынудив франта шагать рядом с императорской коляской до тех пор, пока его наряд не был полностью забрызган грязью[719].

В послепетровский период служба Римского-Корсакова была в основном связана с выполнением обязанностей административного и дипломатического характера, включая картографические работы. Явно обладал он и задатками придворного. В конце 1730-х Римского-Корсакова чуть было не отправили на восток с экспедицией Беринга, но императрица Анна лично отменила эту командировку, приказав подыскать другого кандидата. Столь же удачно Римский-Корсаков пережил и смену царствований: в 1742 году новая государыня определила его советником в Адмиралтейств-коллегию, дальше последовали назначение строить придворные яхты, дипломатические поручения, производство в флагманы и орден Св. Анны. Среди прочего, он заведует в эти годы морской частью придворных церемоний, включая спуск на воду новых кораблей и празднование свадьбы наследника престола. В своих мемуарах

Екатерина II вспоминает, что, когда она прибыла в полупустой тогда Санкт-Петербург (двор был в отъезде в Москве) в качестве невесты великого князя Петра Федоровича, Римский-Корсаков был одним из немногих офицеров, приглашаемых ужинать во дворец[720].

Как член Адмиралтейств-коллегии Римский-Корсаков был, разумеется, в курсе затянувшейся переписки о судьбе Морской академии: как и Белосельский, он был одним из трех участников заседания в июле 1747 года, на котором было решено направить в Сенат предложение о создании «морского академического корпуса». Неудивительно, что и он тоже попытался использовать ситуацию для собственного продвижения, составив «Положение о морских кадетах и нижних школах»[721]. И действительно, ученики в этом недатированном проекте именуются «морскими кадетами», а само училище – «корпусом». При этом, однако, бросается в глаза краткость документа в сравнении с более ранним проектом реформы Морской академии: здесь всего 14 страниц против почти 100 у Остермана. К тому же большая часть текста приходится на проект штата: все имевшиеся у Римского-Корсакова мысли по поводу устройства корпуса уместились в 11 пунктах на 3 страницах. Не находим мы в документе и хоть сколько-нибудь систематического описания нового учебного заведения. В пунктах Римского-Корсакова не обсуждается ни порядок управления училищем, ни должностные обязанности офицеров и преподавателей, ни порядок комплектования корпуса и прохождения в нем службы, ни правила внутреннего распорядка. Судя по набору пунктов, они, вероятно, представляют собой реакцию автора на те или иные известные ему конкретные непорядки в Морской академии, тогда как многие базовые вопросы устройства школы воспринимаются как само собой разумеющиеся и потому не удостаиваются особого рассмотрения. Например, пункт 2 гласит: «О заготовлении годовой и ежедневной провизии, также и о питье, иметь гофмейстеру же прилежное старание, и о том докладывать всегда о всем директору». Пункт 3 предусматривает, что «ежели какая случитца покупка, или заготовление, х корпусу принадлежащая, то при том в канцелярии присутствовать капитанам и порутчикам с директором вместе», и так далее.

Не находим мы в документе и явно сформулированной педагогической доктрины. Правда, в нем констатируется благотворное воздействие на молодых кадетов регулярного общения с «честными людьми», то есть знакомства на собственном опыте с нормами и правилами европеизированного дворянского общежития, образцом которого в данном случае

становится кают-компания («ежели обыкнут смолоду лет обходитца с честными людьми, то более добраго кондуита держатца буду»). Как данность повторяется тезис о существовании «к наукам неспособных» молодых людей, не подлежащих обучению. Наконец, встречаются в проекте и отголоски, пусть и весьма слабые, дисциплинарного, «надзирательного» подхода, составлявшего основу миниховских и остермановских документов. О необходимости обеспечить проживание всех кадетов в корпусе в проекте прямо не говорится, как не предлагается здесь ни распорядка дня, ни механизмов постоянного контроля за поведением молодых дворян. Вместе с тем, Римский-Корсаков отмечает, что дежурный офицер должен всегда присутствовать за кадетским столом «для лутчево порядку». Вопрос о необходимости проживания директора и прочих офицеров непосредственно в корпусе оставляется на решение высшего начальства (видимо, в зависимости от наличия помещений), но как минимум один дежурный офицер должен присутствовать там «неотлучно для лутчего смотрения и порядку», а старшим учителям предписано подавать директору еженедельные «репорты о прилежности учеников». И все же, несмотря на отголоски новой дисциплинарной «регулярности», по тону своему это документ скорее «петровский»: конкретных административных механизмов обеспечения порядка в соответствующей сфере Римский-Корсаков почти не предлагает, основной упор делается на призывы к корпусным чиновникам «смотреть накрепко» и «иметь прилежное старание».

Наконец, ничего не говорится в документе прямо и о предполагаемой в корпусе программе обучения – делать какие-то выводы о ней мы можем лишь на основании штатного расписания. Из него следует, что в корпусе предполагалось иметь одного профессора с неопределенными функциями, остальной же преподавательский состав распадается на три блока. С одной стороны, Римский-Корсаков полагал необходимым иметь 14 мастеров и подмастерьев навигации, артиллерии и инженерного дела, привлекая к ним в помощь из адмиралтейства еще трех специалистов в области корабельной архитектуры и такелажа. С другой стороны, налицо блок «дворянских» наук: упоминается по паре фехтмейстеров и танцмейстеров, а также три учителя рисования. Общеобразовательная же часть программы совершенно рудиментарна. В корпусе планировалось иметь 5 мастеров для обучения иностранным языкам, набор которых отражает узко профессиональную ориентацию программы: двое из них должны были обучать английскому (изначально его предполагалось преподавать и в Сухопутном шляхетном

кадетском корпусе, однако роль его в программе была маргинальной, и он не был востребован учениками), а один – совсем уж экзотическому с точки зрения общедворянской культуры голландскому языку. При этом учителей немецкого иметь не предполагалось вовсе. Для обучения русской грамоте следовало выделить лишь четырех преподавателей неясного статуса. Как мы видим, Римский-Корсаков не только не планировал обеспечить преподавание «вышних наук», вроде истории или географии, предусмотренных программой и Кадетского корпуса, и остермановской академии, но даже и не озаботился вопросом о массовом обучении молодых дворян арифметике и геометрии. Ежегодные расходы на это училище, в котором предлагалось содержать 200 кадетов и 150 штурманских учеников, должны были составлять 52 461 рубль, что лишь немногим меньше, чем в адмиралтейском предложении 1747 года.

Примечательно также, что в документе нет никаких упоминаний и о планах, разрабатывавшихся на всем протяжении 1740-х в Адмиралтействе (в том числе, и с собственным участием Римского-Корсакова): данный проект адмирал пишет от себя лично. Это не бумага, поданная по нормальным служебным каналам, как следовало бы: если предложения Адмиралтейства носили коллективный, обезличенный характер и направлялись по инстанции в Сенат, то преамбула проекта Римского-Корсакова имеет форму личного обращения к монарху от ревнующего об интересах службы подданного. Реализация проекта связывается именно с фигурой его автора: хотя Римский-Корсаков и не просит прямо о назначении начальником нового корпуса, это очевидно подразумевается. Адмирал берется «чрез три года иметь в корпусе в теории достойных офицеров» и просит полной свободы в укомплектовании штата предлагаемого учреждения: «токмо чтобы во избрании к тому корпусу как офицеров, так и протчих чинов людей было мне дано на волю». Разумеется, находим мы здесь и отсылку к памяти Петра I и его усилиям по созданию русского флота, а сама Елизавета представляется как достойная наследница своего отца.

Помог ли этот проект карьере Римского-Корсакова, неясно. Елизавета, похоже, была недовольна его действиями в кампанию 1751 года, и после окончания навигации его перевели из Адмиралтейств-коллегии в Кронштадт[722]. Соблазнительно предположить, что в условиях этой полуопалы само обращение к монарху с подобным образовательным проектом могло рассматриваться Римским-Корсаковым как удобный повод привлечь внимание императрицы к своей персоне и

продемонстрировать свое служебное рвение. И в самом деле, хотя предложение его так и осталось без движения и содержательно никак не повлияло на облик Морского кадетского корпуса, уже на следующий год Римский-Корсаков был возвращен в состав Адмиралтейств-коллегии и пользовался милостью Елизаветы, сопровождая ее в Петергоф и в других поездках.

«ГРАФСКИЙ ДОМ НАПОЛНЕН БЫЛ ТОГДА ВЕСЬ ПИСЦАМИ»

Решение Елизаветы после длительных проволочек одобрить наконец создание Морского кадетского корпуса отражало, конечно, и лоббистские усилия ее сановников, и перипетии фракционной борьбы внутри Адмиралтейства. Примечательно, однако, что русские адмиралы добивались реформирования Морской академии как раз в то же самое время, когда Пари-Дюверне в Париже работал над созданием *École Militaire*. Трудно представить, что его инициатива, учитывая то огромное символическое значение, которое ей придавал сам король Франции, могла остаться незамеченной в Санкт-Петербурге. Правда, с середины 1740-х годов отношения между Россией и Францией переживали не лучшие времена, и Елизавета и Людовик даже отозвали своих послов из столиц друг друга. К концу десятилетия, однако, Елизавета осторожно прощупывала почву для восстановления отношений, и в 1750 году в Париж был отправлен эмиссар, сотрудник российского посольства в Гааге князь Александр Михайлович Голицын. Голицыну велено было выехать во французскую столицу в качестве частного лица, наблюдать за политическими течениями при дворе Людовика XV и, по возможности, войти в неофициальные контакты с французскими министрами. Пари-Дюверне готовил текст королевского эдикта о создании *École Militaire* осенью 1750 года (он был обнародован в следующем январе), и ровно в эти же самые месяцы, с ноября 1750 по май 1751 года, Голицын находился в Париже, периодически направляя оттуда в Санкт-Петербург донесения об увиденном. Этот молодой дипломат был не кем иным, как родным сыном князя М. М. Голицына, нового главы Адмиралтейства.[723]

Надо сказать, что прямых упоминаний создаваемой во Франции военной школы в официальных донесениях молодого Голицына нам найти не удалось[724]. Это, конечно, не исключает возможности того, что он сообщал о ней в своей переписке с отцом и что Голицын-отец или другие адмиралы использовали эти новости как дополнительный аргумент, чтобы убедить

Елизавету в необходимости реформировать Морскую академию. В любом случае, создание *École Militaire* широко освещалось во французской и европейской прессе, которую, конечно, читали в Санкт-Петербурге. Если же взглянуть шире, то окажется, что за французской инициативой последовала целая волна открытий новых военных школ по всей Европе. *École Militaire* была основана в январе 1751 года, а уже в декабре того же года Мария Терезия открыла собственную военную академию в Винер-Нойштадте. В июле 1752 года во французском Бресте открылась Морская академия (*Academie de Marine*; это учреждение, правда, было нацелено на развитие гидрографических наук, а не на преподавание), а в декабре 1752 года Елизаветой наконец было принято решение о создании Морского кадетского корпуса в России[725]. Прямо или косвенно, все эти инициативы задавали контекст для дальнейшего образовательного прожектерства.

На начало 1750-х годов пришлась также перекройка европейской карты дипломатических отношений, вылившаяся, в том числе, и в формирование франко-русско-габсбургского альянса. В российской политике это означало усиление «французской партии», группировки амбициозных придворных, которые, с одной стороны, рвались на первые роли в правительстве, что предполагало смещение традиционно занимавшего враждебную по отношению к Франции позицию канцлера Бестужева-Рюмина, а с другой, зачастую ориентировались на Францию и в культурном отношении[726]. Взять верх им удалось к середине 1750-х, когда Россия вступила в Семилетнюю войну на одной стороне с Францией. Среди ключевых деятелей этой «революции» были братья Шуваловы, в первую очередь граф Петр Иванович Шувалов и его юный кузен Иван Иванович Шувалов (1727–1797), сменивший где-то около 1749 года Разумовского в качестве официального фаворита императрицы[727]. С одной стороны, большинство образовательных проектов 1750-х, включая попытки П. И. Шувалова реформировать артиллерийские и инженерные школы, так или иначе отражали эти перемены в придворных конъюнктурах. С другой, самое первое его предложение по вопросам образования было составлено графом Петром в 1753 году, менее чем через год после создания Морского кадетского корпуса, и содержало прямую ссылку на это училище.

Граф Петр Иванович Шувалов (1710–1762), ведущий придворный и правительственный деятель 1750-х годов, представлял собой едва ли не самый яркий образчик вельможного прожектера XVIII века, «человек замыслов великих и предприимчивый», как его характеризует в своих записках майор

Данилов[728]. Его отец Иван Максимович Шувалов, выходец из небогатого провинциального дворянства, дослужился при Петре I до бригадирского ранга, а позднее и до генерал-майорского, окончив свои дни комендантом крепости Св. Анны на Дону – возможно, это не слишком завидное назначение стало результатом его причастности к политическому кризису 1730 года. В царствование Петра I, однако, Шувалов-старший имел хорошие связи при дворе, так что его сыновья Петр и Александр начали свою службу пажами при императрице Екатерине, а затем при герцоге Гольштейн-Готторпском, супруге цесаревны Анны Петровны. После смерти последней в 1728 году они вернулись в Россию, и Петр даже подавал прошение о разрешении отправиться на учебу за границу. В 1730-х братья состояли камер-юнкерами при дворе цесаревны Елизаветы. Как потенциальный претендент на престол она находилась во время правления Анны Иоанновны под постоянным подозрением, и ее двор был весьма невелик – всего лишь два камергера и семь камер-юнкеров. Служба здесь была своего рода ссылкой, и придворные полуопальной цесаревны составляли сплоченный кружок, объединенный тесными личными отношениями со своей госпожой. Подобно другим ключевым придворным Елизаветы, Шуваловы приняли активнейшее участие в перевороте 1741 года и впоследствии были вознаграждены сторицей.

Поначалу Елизавета соблюдала осторожность и не спешила выводить своих молодых сподвижников на первые роли в правительстве: стремясь задобрить и успокоить элиту, она сохраняла на ключевых постах престарелых соратников своего отца. К концу 1740-х, однако, петровские ветераны в буквальном смысле слова повымирали, расчищая дорогу новой когорте. Петр Шувалов становится графом, сенатором, генерал-поручиком и генерал-адъютантом. Последний титул подразумевал и возможность прямого доступа к монарху и право объявлять монаршие указы правительственным органам. Не менее существенно, что в 1742 году Петр Шувалов женился на Мавре Егоровне Шепелевой, с которой он, видимо, был знаком еще со времен их совместной службы при дворе Анны Петровны. Будучи старше своего супруга, Мавра, согласно описаниям современников, была невысокого роста и «очень дурна собой», но одновременно и «хитрейшая из всех» придворных дам, «к интригам еще более наклонна», чем сам Шувалов. Она была также ближайшей наперсницей императрицы на протяжении всего ее царствования[729]. Наконец, интриги Шуваловых в определенной степени помогли их кузену Ивану стать официальным фаворитом Елизаветы.

Драматическое усиление придворных позиций Петра Шувалова сопровождалось его настойчивым стремлением расширить свою роль в управлении государством, прежде всего в вопросах внутренней и экономической политики. Начиная с середины 1740-х он становится серийным прожектером: в посвященном ему новейшем специальном исследовании учтены 62 разных предложения, поданные Шуваловым на протяжении его карьеры, и список этот, скорее всего, неполон. Первое его предложение, поданное в Сенат в ноябре 1745 года, касалось выравнивания цен на соль по всей территории империи; последнее, датированное декабрем 1761 года, было посвящено проблемам обращения медной монеты. В промежутке между ними Шувалов писал о самых разнообразных вопросах, особенно специализируясь на проблемах налогообложения, положении крестьянства, рекрутской системе и монетном деле. Он также предлагал опубликовать труды Полибия, провести генеральное межевание, составить новое уложение, организовать новую Камчатскую экспедицию и так далее. Учитывая столь широкий круг его интересов, неудивительно, что одно из своих предложений граф озаглавил просто и емко: «О разных государственной пользы способах»[730]. Современники Шувалова – особенно его соперники на административном поприще – отмечали и зачастую высмеивали его неумеренное прожектерство и его готовность настойчиво пропагандировать собственные предприятия.

Майор Данилов, которому, как артиллерийскому офицеру, довелось в 1750-х служить под началом Шувалова, описывает настоящую фабрику проектов, устроенную графом в своей резиденции:

> Графский дом наполнен был тогда весь писцами, которые списывали разные от графа прожекты. Некоторые из них были к приумножению казны государственной, которой на бумаге миллионы поставлено было цифром; а другие прожекты были для собственного его графского верхнего доходу, как-то: сало ворванье, мачтовый лес и прочее, которые были на откупу во всей Архангелогородской губернии, всего умножало его доход до четырехсот тысяч рублей (кроме жалованья) в год[731].

И действительно, хотя многие из его предложений были направлены на регламентацию и законодательное регулирование тех или иных отраслей, Шувалов весьма активно брался и за предприятия прямо коммерческого характера, такие, например,

как приватизация уральской горной промышленности или получение прибыльных монополий на торговлю китовым жиром, табаком и мачтовыми деревьями, которые упоминает Данилов. Он также вел масштабную торговлю зерном и водкой: шуваловские винокурни были одними из самых крупных в стране. Чтобы управлять этой бизнес-империей, граф поддерживал целую сеть подрядчиков и субподрядчиков, распределяя между ними куски своих монополий.

Экономические прожекты Шувалова были тесно увязаны с его усилиями по расширению контролируемой им административной сферы. Так, он не только составил многочисленные предложения по развитию банков в России, но и в итоге сам встал во главе Медного банка, призванного увеличить хождение в империи медной монеты. В этом качестве Шувалов выдал сам себе займов на колоссальную сумму в полмиллиона рублей и вдобавок к этому еще на 300 000 рублей прокредитовал своего доверенного торгового агента. Сходным образом, вполне обоснованное предложение провести действительно нужное для империи генеральное межевание вылилось в создание Межевой канцелярии, пост руководителя которой прибавился к и без того обширной коллекции занимаемых графом должностей[732]. И хотя реализация шуваловского плана по ликвидации внутренних таможен в империи привела, насколько мы можем судить, к существенному оживлению торговли, князь Я. П. Шаховской, генерал-прокурор Сената и ярый неприятель Шувалова, отмечал также, что в результате от пошлин была освобождена и обширная торговля железом, которую вел сам граф[733]. Неудивительно, что для некоторых современников имя Шувалова стало синонимом колоссальной коррупции. Для князя М. М. Щербатова граф был олицетворением неутолимой алчности, похоти, любви к роскоши и фаворитизма в его худших проявлениях, «чудовищем», зримо воплотившем в себе всю глубину «повреждения нравов в России»[734].

Не стоит, впрочем, полагать, что все желания Шувалова как лица, пользующегося доверием государыни, автоматически исполнялись: получение высочайшего одобрения этих предложений требовало от него серьезных политических усилий. Например, в марте 1747 года Шувалов представил прошение о пожаловании ему сальных промыслов в Архангельске, разумеется, «для лутчего тех промыслов произвождения и приращения Вашего [величества] интересу»! Однако более года спустя, в июне 1748 года он все еще трудился над проведением этого проекта через лабиринты придворных конъюнктур, для чего требовалось, в том числе, обеспечивать им поддержку и со стороны других

сановников. «Государь мой Василий Иванович, – писал канцлер Бестужев-Рюмин секретарю императрицы В. И. Демидову, – Ваше высокоблагородие прошу не запамятовать о деле графа Петра Ивановича». Оказывается, «Ея Императорское величество по всевысочайшей своей к нему милости уже склонность на то оказывать изволила, а Его сиятельство граф Алексей Григорьевич [Разумовский] также в пользу его стараться изволит». Тем не менее дело еще не сдвинулось с места, и Бестужев-Рюмин просил Демидова «с докладу Его сиятельства оное Ее Императорскому величеству всенижайшей поднести». Неделю спустя канцлер сообщал Демидову, что опять напоминал Разумовскому об этом деле, и что фаворит «Ея Императорскому величеству уже докладывал и еще доложить хочет», но поскольку у Демидова накопилось уже «много дела для поднесения Ея величеству», Бестужев-Рюмин просил его не забыть среди них и шуваловский проект «и с вашей стороны старание потому приложить». Тем не менее прежде чем желанная монополия была получена Шуваловым, кабинет запросил у него оценку прибылей, ожидаемых от архангельских промыслов. Конечно, чтобы подготовить такие оценки, нужны были опытные специалисты и доступ к соответствующим правительственным данным, а для этого, в свою очередь, необходимо было иметь разветвленную сеть клиентов в правительственных органах[735]. Одной из ключевых фигур в этом отношении был А. И. Глебов, которого Шувалов провел в 1754 году на должность обер-секретаря Сената. Как Глебов объяснял впоследствии, его патрон «поручал [ему] делать по своим мыслям разные сочинения и, убедившись в моей совершенной преданности и повиновении <…> делал мне многие поверенности»[736].

Внутренней политики было недостаточно для удовлетворения амбиций Шувалова, и по мере усиления его придворных позиций он начинает расширять свое присутствие и в военной сфере. В 1751 году он становится генерал-аншефом и получает свою первую команду: целую дивизию, расквартированную в Лифляндии и Эстляндии. На этом поприще Шувалов также стремится проявить свое управленческое искусство – и наглядно продемонстрировать свои достижения, реальные или «бумажные», императрице и остальным членам элиты. Подчеркивая и свою активность, и масштаб унаследованных им «непорядков», он составляет и представляет в Военную коллегию целый реестр из 102 выявленных им и нуждающихся в решении проблем. В частности, Шувалов подчеркивает недостаток единообразия в муштровке вверенных ему полков и предлагает новый способ исправления ситуации:

один солдат из каждой роты пройдет обучение в специальном подразделении под личным наблюдением самого Шувалова, а затем будет отправлен назад в свой полк для обучения остальных. В 1753 году он устраивает для членов Военной коллегии и генералитета показательные экзерциции частей свой дивизии, в 1755 году демонстрируется освоение подчиненными ему войсками новых пехотного и кавалерийского уставов[737]. Шувалов также получает разрешение перевести один из полков своей дивизии в Санкт-Петербург: понятно, что там солдаты и офицеры полка будут на виду, а значит, смогут наглядно демонстрировать эффективность своего командира и его заботу о вверенных ему частях; современники отмечали, что шуваловский полк «был щеголеватее пред всеми убран» на личные средства графа[738]. При каждой возможности Шувалов сопровождал свои действия прямыми докладами государыне.

С началом Семилетней войны подчинявшиеся Шувалову полки отправляются в действующую армию, и его дивизия, по сути, перестает существовать. Потеря команды означала бы для Шувалова удар по его престижу, так что, как пишет Данилов, он «выпросил себе позволение набрать изо всех полков корпус» численностью в 30 000 человек, получивший название «Обервационного». Сам Шувалов, впрочем, представлял этот эпизод иначе: в его описании выходило, что он принужден был взвалить на себя такую тяжкую ношу, поскольку другие отказывались от нее: «как никто на себя сего дела взять не хотел, то повелено мне оное учредить». Ни существующие регламенты и штаты, ни даже вооружение и униформа Шувалова не устраивали: все это требовалось разработать для Обсервационного корпуса заново; разумеется, эти усилия расписывались в докладах графа императрице, в Сенат и в Военную коллегию. Первоначально предполагалось, что Шувалов сам поведет корпус в бой, но в последний момент он благоразумно отказался от этой чести, ссылаясь на проблемы со здоровьем: «по продолжающимся моим болезням в такое несостояние пришел, что все дела, положенные на меня, буде я при них останусь, претерпют». Тем не менее он выговорил себе звание «шефа» корпуса и продолжал до некоторой степени контролировать его и после отбытия на фронт, так что командиры должны были сноситься не только с командующим действующей армией, но и с Шуваловым в тылу[739].

Тем временем, Шувалов работал над получением нового почетного назначения. Пост генерал-фельдцейхмейстера оставался вакантным с 1748 года, и, по крайней мере, начиная с 1753 года Шувалов всячески демонстрирует свой интерес к артиллерийскому и инженерному делу. Несмотря на отсутствие у

него какого-то бы ни было опыта в этой области, в том же году граф представляет новую усовершенствованную гаубицу с овальным дулом; после серии испытаний она было одобрена и получила наименование «шуваловской»[740]. 14 декабря 1755 года собравшийся в Военной коллегии «генералитет» предложил императрице назначить Шувалова главой русской артиллерии. 31 мая 1756 года это обращение было поддержано в докладе Конференции, высшего органа государственного управления на тот момент (в состав которого входил и Александр Шувалов): члены Конференции сокрушались по поводу плачевного состояния артиллерии, вызванного, как они полагали, долговременным отсутствием в ней «главного командира» – и предлагали назначить на этот пост Петра Шувалова. Конечно, такое обращение было бы немыслимо, если бы его участники не были заранее уверены в благосклонном отношении к нему государыни, но примечательно, что сам Шувалов считал нужным и полезным конструировать таким образом собственную легитимность в новой для него области, представляя полезные изобретения и организуя демонстрацию поддержки со стороны широких кругов элиты. Когда назначение состоялось, Шувалов, вполне предсказуемо, представил императрице целый каталог недостатков, обнаруженных им во вновь возглавленном им ведомстве, не последнее место среди которых занимала и неудовлетворительная подготовка офицеров и унтер-офицеров артиллерии. Соответственно, укомплектование российской армии «достойными артиллеристами и инженерами» объявляется графом одной из ключевых стоящих перед ним задач. Среди первых шагов нового генерал-фельдцейхмейстера были разработка нового регламента для инженерного корпуса, создание инженерного полка и созыв специальной комиссии для обследования состояния крепостей в империи[741]. Как глава отдельного рода войск Шувалов имел право напрямую докладывать императрице по относящимся к нему вопросам, привилегия, которой он регулярно пользовался, чтобы информировать ее и о собственных достижениях[742].

Майор Данилов рассказывает в своих записках, как шуваловский дух прожектерства распространялся по всему артиллерийскому корпусу: из его описания видно, что поощрение прожектеров и соперничества между ними используется графом как инструмент управления. Данилов вспоминает, что «по вступлении графа в артиллерию появились многие прожекты, дельные и не годные, а паче для того, что граф был охотник [до прожектов] и сего требовал от офицеров, кто может чего показать. Я помышлял также, как и прочие, показать что-нибудь новое».

Например, один из офицеров, капитан Бишев, также «делал разные инвенции, желая что-нибудь получить себе награждения от Кронштадтского гарнизона, в котором он служил». Прожектерство, таким образом, воспроизводилось на разных уровнях иерархии и превращалось в элемент неформальных отношений между служащими и их начальниками. Вдохновение для своего собственного прожекта Данилов почерпнул в одном из рисунков, встреченных им в «Записках артиллерийских» Пьера Сюрирея де Сен-Реми (ок. 1650–1716). Заручившись одобрением своего непосредственного начальника, прожектер набросал чертеж «мортирок» нового типа, а затем изготовил и опытный образец. После многочисленных проб его изобретение было признано удачным и представлено самому Шувалову: речь идет о знаменитом «единороге», впоследствии широко использовавшемся русской армией. На изобретенном Даниловым орудии граф разместил собственный герб, тем самым символически присвоив изобретение себе и обозначив свое достижение в глазах государыни и других представителей элиты. Что до самого майора, то это изобретение, а также успешное выполнение других поручений (например, изготовление батареи игрушечных пушечек для наследника престола) позволили ему заслужить графское благоволение. Шувалов не только «отменно принимал» его у себя дома, но и подчеркнуто спрашивал мнение именно Данилова, когда за обеденным столом заходил разговор об артиллерии – видимый знак отличия, который офицер считает нужным отразить в своих записках[743].

Изобретенный Даниловым «трехфунтовый единорог» составлял предмет специального доклада, направленного Шуваловым императрице в сентябре 1759 года: генерал-фельдцейхмейстер красочно описывает эффективность новых орудий, то и дело перемежая текст самоуверенными фразами «изобретенный мною», «я старался» и так далее[744]. Фельдмаршал Апраксин, на тот момент его политический союзник, в своих донесениях из действующей армии также неоднократно подчеркивал, что именно «великое действо новоизобретенных генералом-фельдцейхмейстером графом Шуваловым секретных гаубиц» – наряду с беззаветной храбростью солдат и офицеров, конечно – было ключевым фактором успеха русских войск; эти орудия также специально демонстрировали членам французского посольства, остановившегося в лагере Апраксина на пути в Санкт-Петербург[745]. В 1760 году было издано наставление по использованию этих орудий: роль Шувалова в их изобретении подчеркивалась уже на титульной странице, причем граф лично направил рукопись этой книги в Академию наук для

публикации[746]. Французский дипломат Жан-Луи Фавье, посетивший Россию как раз в эти годы, писал, что

> все эти нововведения, не смотря на их неуспех, доставляли графу Петру случай прославлять себя и приобретать своего рода бессмертие посредством медалей, надписей, статуй и т. п.; во всей Европе, кажется, нет лица которое было бы изображаемо и столь часто и столь разными способами, существуют его портреты, писанные и гравированные, бюсты и пр. У него мания заставлять писать с себя портреты и делать с себя бюсты.

Фавье, откровенно не любивший Шувалова, здесь, пожалуй, преувеличивает и «неуспех» графских изобретений, и масштабы его самопрославления, но его общий вывод не вызывает сомнений: «как генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер и начальник инженерной части, [граф] заставил много говорить о некоторых новых учреждениях и изобретениях, честь открытия которых он себе приписывал»[747]. Действительно, во многих случаях – как это было и с «единорогами» – технологическое или организационное новшество превращалось в политический проект, в котором такой сановник, как Шувалов, действовал как агрегатор и «продюсер» разнообразных инициатив, выдвигаемых его подчиненными. Он «продавал» эти инициативы государю как свои собственные, а затем делился частью материальных и символических «прибылей» со своими сотрудниками.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ШУВАЛОВЫХ И ПРИДВОРНАЯ ПОЛИТИКА

Итак, хотя Шувалов не только никогда не изучал артиллерийское или инженерное дело, но и никогда не бывал в бою, именно он, в качестве генерал-фельдцейхмейстера, стал автором многочисленных предложений по улучшению подготовки артиллеристов и инженеров и реформированию технических школ. Предложения эти были одним из элементов весьма разносторонней административно-предпринимательской программы графа в целом и его стратегии самопродвижения и самопрезентации[748]. Говоря конкретнее, предложения эти были прямо связаны со стремлением Шувалова утвердить свои позиции в новом для него профессиональном поле. Особое внимание вопросам подготовки кадров – будь то муштрование войск или обучение будущих офицеров – должно было стать отличительной

чертой его управленческого стиля, а упор на «науки» должен был компенсировать отсутствие у генерал-фельдцейхмейстера хоть какого-нибудь боевого опыта. Эта особенность прожектерского стиля Шувалова хорошо сочетается и с намеками на его доступ к «подлинному», недоступному профанам знанию, которая, как отмечает А. А. Костин, играет важную структурирующую роль в визуальной самопрезентации графа во второй половине 1750-х годов[749].

Первое свое предложение, «О учреждении училища для военных наук», Шувалов составил в 1753 году[750]. В документе этом содержится общий обзор значения «военных наук» и важности обучения военному делу, начиная с доисторических времен, и предлагаются меры по дальнейшему улучшению ситуации в этой сфере в России. Создание Сухопутного кадетского корпуса здесь описывается в положительном ключе – как свидетельство внимания российских государей к этому важнейшему вопросу и как естественное развитие планов самого Петра I. Это училище, наряду с недавно созданным Морским кадетским корпусом, оказываются единственными учебными заведениями, удостоенными упоминания в документе. Чего, по мнению автора, не хватает России, так это учреждения, где могли бы изучаться теоретические аспекты военного дела, где ученые профессора могли бы «трактовать» вопросы военного искусства. В практическом смысле Шувалов предлагает создать при Кадетском корпусе специальный старший, офицерский класс, где лучшие из выпускников могли бы продолжить изучение военной теории. Ничего конкретного об организации такого класса в документе не говорится, кроме общего призыва привлечь к преподаванию знающих офицеров: практически все прочие детали оставлены на рассмотрение Сената. Вместо проработки организационных аспектов своего предложения, автор документа пытается произвести на читателя впечатление перечислением 160 вопросов, подлежащих рассмотрению в этом классе, от способов форсирования рек и марширования в лесу до методов снабжения и управления войсками.

Шувалов лично представил свое предложение в Сенате 24 марта 1754 года, и сенаторы постановили подробно рассмотреть его позднее, в полном собрании этого органа[751]. Но, насколько можно судить, обсуждение это так и не состоялось и практических последствий предложение не имело. Данный эпизод, однако, приходится как раз на те месяцы, когда Шувалов активно работал над конструированием своего образа как знатока военного дела. И в самом деле, следующее свое предложение на эту тему, «Проект об учреждении при шляхетном кадетском

корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству», он представляет в октябре 1755 года, как раз незадолго до декабрьского обращения генералитета с предложением назначить Шувалова главой артиллерии[752]. Как видно уже из заголовка, данный документ развивает идеи, изложенные в предыдущем предложении графа[753]. На этот раз необходимость риторически усилить свое предложение подталкивает Шувалова к критике Кадетского корпуса, который, как теперь выясняется, неспособен производить «великих людей в военном деле». В этом предложении мы находим также гораздо больше организационной конкретики: подробно расписываются процедуры приема и выпуска из нового «департамента», обязанности его директора и других должностных лиц, программа обучения. Здесь же предлагается и штат «департамента», который должен был насчитывать 100 слушателей и 18 человек офицеров-преподавателей, гражданских учителей и низших служителей с годовой сметой в 12 000 рублей. Проработка этих организационных деталей позволяет автору позиционировать себя еще и как влиятельного патрона, поскольку здесь же он предлагает конкретных кандидатов для замещения должностей в новой школе. Наконец, тексту предпослана преамбула, посвященная конструированию соответствующего образа самого автора. Преамбула напоминает читателю о той настойчивости, с которой Шувалов стремился «познавать недостатки» в «государственных материях», а познав эти недостатки и их причины, «изобретать чем что к совершенству ближе привести». Написанный от первого лица текст испещрен самоуверенным «я» и «мне», и автор не упускает случая напомнить, что государыня недавно соизволила оказать ему милость: «случай додал по причине определения меня по Высочайшему соизволению <…> к армии войти в военные материи».

Заняв, наконец, пост генерал-фельдцейхмейстера, Шувалов, судя по всему, временно потерял интерес к вопросам военного образования. Сама императрица никаких действий в связи с предложением 1755 года не предприняла, не видим мы и следов дальнейшего лоббирования со стороны графа: его внимание было теперь поглощено Обсервационным корпусом. Однако как только этот корпус отправился на фронт в апреле 1758 года, Шувалов представил новое предложение по вопросу подготовки офицеров. На этот раз граф вел речь не о реформе Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (который находился, в конце концов, за пределами контролируемой генерал-фельдцехмейстером административной сферы), но о создании совершенно нового

учебного заведения, Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, путем объединения уже существовавших при артиллерийском ведомстве специализированных школ[754]. В обращенном к императрице относительно пространном введении расписываются многочисленные достижения Шувалова во главе артиллерии и практические уроки, вынесенные им из недавнего опыта формирования Обсервационного корпуса. Обращаясь собственно к сути своего предложения, автор подчеркивал несовершенство имеющихся технических школ, их «ограниченное <…> учреждение», что бы это ни значило, и недостаток в них квалифицированных преподавателей. В чем именно заключались преимущества кадетского корпуса как модели организации школы, Шувалов не объясняет, однако указывает на важность теоретической составляющей обучения. Он расписывает, например, как опасно устраивать фейерверки, не освоив должным образом химию, оптику, архитектуру и «аэрометрию» (науку «познавать свойство воздуха»), то есть все те теоретические основания, благодаря которым устроение фейерверков и могло считаться благородным «искусством», а не просто ремесленным «рукоделием».

В своих предыдущих предложениях Шувалов всячески подчеркивал свое стремление к экономии казенных средств, однако теперь он вел речь о громадном расширении расходов. Если существующие технические школы вместе взятые обходились императрице чуть более чем в 5000 рублей в год, то на новый кадетский корпус, создаваемый под командованием генерал-фельдцейхмейстера, требовалось более 60 000 рублей ежегодно. По счастью, Шувалов мог здесь указать на другое свое недавнее предложение, направленное «к облегчению обращения в государстве медных денег», результатом которого стало выявление нового источника доходов для казны; часть этого «изысканного мною ныне еще нового дохода» он теперь предлагал направить на содержание нового училища под своим собственным ведением. Различные предложения Шувалова таким образом переплетаются друг с другом: более ранние проекты порождают ресурсы и создают возможности для последующих, демонстрируя одновременно административное искусство автора и обосновывая его право на выдвижение новых инициатив. В донесениях Шувалова Елизавете предложение о создании нового корпуса появляется всего лишь через несколько недель после красочного рапорта об эффективности изобретенных им новых артиллерийских орудий[755]. Тем временем, не дожидаясь решения императрицы, Шувалов, действуя в рамках своих полномочий генерал-фельдцейхмейстера, инициирует слияние существующих

училищ и создание Объединенной Артиллерийской и Инженерной школы – и запрашивает у государыни дополнительно 4000 рублей в год на соответствующие приготовления[756].

Предложения о реформировании военных училищ выдвигались Петром Шуваловым на фоне бурного образовательного прожектерства, развернутого в эти же годы его кузеном, фаворитом императрицы Иваном Шуваловым. Самый известный среди этих проектов, конечно, это основание, совместно с М. В. Ломоносовым, Московского университета. В своих мемуарах Екатерина II описывает юного Шувалова в момент его появления при дворе как юношу не только недурного собой, но и «вежливого», «очень внимательного», «услужливого», «очень кроткого нрава», «вечно <…> с книгой в руке». В самом деле, Шувалов до конца жизни много читал и оставался ярым франкофилом[757]. Его сотрудничество с самым известным российским ученым XVIII века началось в 1750 году, когда новый фаворит устроил Ломоносову аудиенцию у Елизаветы. Год спустя Иван Иванович помог ему получить чин коллежского советника; позднее Ломоносову было пожаловано имение с крепостными и казенная ссуда на строительство химической лаборатории и фабрики по производству цветного стекла. Кому из них, Шувалову или Ломоносову, первому пришла в голову идея открыть университет в Москве, до сих пор неясно[758]. Так или иначе, для Ломоносова поддержка со стороны такого патрона, как Иван Шувалов (и других сановников), означала резкое усиление его политических позиций внутри Академии наук, где он находился в состоянии перманентного конфликта с большинством своих коллег. Университетский проект также логично следовал из начатой Ломоносовым еще в 1740-х годах борьбы за контроль над учебным подразделением Академии наук: Ломоносов использовал свое общение с молодым фаворитом, чтобы жаловаться ему на интриги недругов, которые якобы привели в запустение академический «университет» в Санкт-Петербурге.

Тесное сотрудничество с Ломоносовым не означает, конечно, что ученый был единственным источником информации об устройстве университетов для Шувалова: скорее, академик был лишь одним звеном широкой сети сотрудников и клиентов, выстраиваемой фаворитом. Как раз в это же самое время Шувалов нанял Теодора-Анри де Чуди, уроженца Меца, масона и странствующего интеллектуала, который помогал молодому фавориту налаживать контакты с европейскими учеными и литераторами и поддерживать корреспонденцию с ними[759]. Вполне мог Чуди предоставить Шувалову и необходимые

сведения об устройстве образования в Европе. Разумеется, подобные сотрудники использовали близость к фавориту и для продвижения собственных проектов, в том числе образовательных. Наиболее наглядно мы это видим на примере Ломоносова, который пытался в 1750-х годах провести реформу «академического университета», то есть, по сути, создать в Санкт-Петербурге второй полноценный российский университет под своим собственным контролем. Что до Чуди, то в середине 1750-х он временно покинул Россию, но затем был приглашен Шуваловым вернуться и получил должность секретаря в Московском университете. В 1759 году Чуди был назначен гофмейстером пажей императорского двора, после чего составил «Мемориал о методах воспитания молодых людей», который лег в основу регламента, утвержденного 25 октября 1759 года: эта дата считается днем основания Пажеского корпуса[760].

Иван Шувалов, конечно, не был единственным вельможей, которого осаждали образовательные прожектеры. В конце 1753 года, например, к канцлеру Бестужеву-Рюмину обратился уроженец Бранденбурга обер-аудитор русского флота Георг Фридрих Федорович (1730–1790). Контракт-«капитуляция» Федоровича с русскими властями вскоре истекал, «а содержать себя нечем», как он сам признавался, так что предприимчивый юрист предложил основать «семинарию к поощрению разума молодых людей, назначенных к гражданским делам». Как он указывал в своем проекте, все рода службы в империи имели свои «цветущие школы», одно лишь «гражданское состояние в учении недостаток имеет и потому довольствуется одною только привычкою, для [приобретения] которой должно иметь доброй талант, усердное и чрезвычайное прилежание, много труда, немало время», чем, конечно, могли похвастаться далеко не все. В семинарии же необходимые навыки можно будет «получить с меньшим трудом в малое время, и вместо забавы – теориею, или чрез правила наук, ибо практика ничто иное есть как рачение к самой теории». Проект Федоровича, впрочем, не выглядит хорошо проработанным: в нем ничего не говорится об организационном устройстве семинарии, ее бюджете или педагогических приемах; прожектер ограничился лишь составлением списка предполагаемых к преподаванию предметов. Автор надеялся, однако, что «буде сие милостивейше апробуется, быть определену главным учителем таковой семинарии с награждением трудам моим сходственного жалования». «Ежели же мой проэкт за благо принят не будет, – оговаривается он, – то всепокорнейше Ваше сиятельство прошу пожаловать мне милостиво отпустить такое мое дерзновение и уважить по меньшей мере мое доброе

намерение к обучению юношества и благоповедению службы Ея императорского величества»[761]. И действительно, как и опасался Федорович, его проект не получил движения; сам прожектер, однако, в итоге был назначен профессором права в Академии наук.

Для самого Шувалова совместная работа с Ломоносовым над основанием Московского университета заложила основу его самопрезентации как «мецената»: эта роль была для России новой, и фавориту предстояло ее сконструировать для себя[762]. Ломоносов называл Шувалова «патроном» уже в 1751 году, а в конце десятилетия Жан-Луи Фавье подчеркивал, что Шувалов «особенно покровительствует артистам и писателям»[763]. Когда Московский университет был основан в 1755 году, соответствующий указ прямо упоминал Шувалова как автора идеи и основателя нового учебного заведения. Празднества по случаю основания университета, а в дальнейшем и торжественные университетские церемонии также использовались, чтобы подчеркнуть связь этого заведения с государыней – и роль «мецената» как посредника между ними. Так, иллюминация в честь открытия университета восхваляла не только Елизавету, но и самого Шувалова: она представляла воздвигаемый в честь императрицы на Парнасе обелиск, на котором рукой «ученика» высекалось имя фаворита[764].

Реализация университетского проекта заложила также основу для институционализации роли Шувалова как покровителя наук и искусств. Одобрив основание университета, императрица объявила, что берет его под свою личную «протекцию», воплощением которой стало назначение двух «кураторов», уполномоченных докладывать по университетским делам напрямую государыне. Предсказуемо, одним из них был назначен Иван Шувалов (второй, бывший президент Академии наук престарелый Лаврентий Блюментрост весьма кстати скончался уже на следующий год). В соответствии с указом, университет получал особый статус, на одном уровне с коллегиями: соответственно, он не подчинялся ни одному правительственному органу, кроме Сената. Шувалов ревниво оберегал эти привилегии университета и отстаивал его автономию[765]. Существенно, что должность «куратора» не была никак вписана в Табель о рангах, не были нигде описаны его полномочия и обязанности – что, разумеется, соответствовало уникальному статусу данного конкретного куратора и его тесной, но неофициальной близости к трону. Титул этот вроде бы указывал на принадлежность его обладателя к лицам, принимающим решения, и позволял ему покровительствовать ученым и интеллектуалам, но одновременно

помещал куратора вне установленных иерархий.

Для наших целей важно, что поскольку Иван Шувалов создавал новую институцию, даже новый тип институции, ему не нужно было вступать в конфликт с другими сановниками, которые контролировали уже существующие училища, что было бы неизбежно, если бы он вздумал сделать предметом приложения своих предпринимательских усилий, например, Кадетский корпус. Размещение университета в Москве означало, что он будет ближе к своим потенциальным студентам, но, одновременно, позволяло минимизировать точки пересечения с Академией наук и ее собственным аморфным «университетом». В целом, вместо того чтобы бороться за контроль над существующими ведомствами и учреждениями, фаворит изобретал и институционализировал новую административную нишу – управление образованием и культурой. За основанием Московского университета последовало предложение о создании Академии художеств; когда Академия была создана, ученики для нее рекрутировались из числа выпускников университетской гимназии, а занятия первое время проводились в собственном особняке Шувалова в Санкт-Петербурге. Естественно, разработать устав для новой Академии Сенат поручил именно Шувалову[766]. Не случайно Шувалова иногда называют «министром просвещения и культуры» елизаветинского царствования, и, хотя саму идею такого министерства еще только предстояло изобрести, Иван Шувалов, пожалуй, действительно начал закладывать для этого фундамент[767].

Современники отмечали, что двоюродные братья координировали свои предпринимательские усилия. Именно Петр Шувалов представлял в 1754 году в Сенате предложение Ивана Шувалова о создании университета. За предложением Петра в 1758 году учредить Комиссию о коммерции последовало, несколько дней спустя, предложение Ивана организовать преподавание коммерции и иностранных языков для детей купеческого сословия при Московском университете[768]. К концу 1750-х, однако, этот родственный альянс начал давать сбои. Иван к тому времени находился на вершине своего влияния. Фавье, наблюдавший его в 1760–1761 годах, писал, что фаворит «вмешивается во все дела, не нося особых званий и не занимая особых должностей <…> пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им». Впрочем, отмечал французский дипломат: «влияние на дела он имеет, действуя только сообща со своими двоюродными братьями»[769]. Граф Петр, тем временем, терял свои придворные позиции. С одной стороны, он и вправду сильно болел: по словам князя Я. П. Шаховского, в этот период он

«во всех присутственных по его званию местах за своими болезнями редко бывал, а о надобностях своих письменными требованиями и просьбами чрез брата своего домогался»[770]. С другой, сильный удар по позициям графа Петра нанесла смерть его жены в 1759 году: исчез важный канал коммуникации с государыней. В сентябре 1759 года началось расформирование Обсервационного корпуса, и к 1760 году он, по сути, прекратил свое существование. Наиболее зримо снижение политического влияния Петра Шувалова проявилось в «бюрократическом перевороте» июля 1760 года. Граф потерял контроль над созданными им же самим Комиссией о составлении уложения и Комиссией о коммерции, некоторые из его клиентов и союзников были выведены из состава Сената, а его заклятый недруг Шаховской стал генерал-прокурором. Наиболее убедительная версия этого «переворота» указывает на ключевую роль в нем как раз Ивана Ивановича Шувалова[771].

Сам молодой фаворит, однако, работал в это время над проектом, который превосходил, пожалуй, по своему масштабу все предыдущие предложения его двоюродного брата: речь шла не о создании того или иного нового учреждения, а ни больше ни меньше как о реформе самих основ империи. Предложения, которые Шувалова разрабатывал в конце 1750-х – начале 1760-х, предполагали введение «постоянных законов», ключевым условием действенности которых было появление сознательного, «ревностного» и «честолюбивого» дворянства. Поэтому центральным элементом плана была радикальная реформа службы и обучения дворян: Иван Иванович предлагал создание трехуровневой общеимперской системы учебных заведений, в которую вошли бы и кадетские корпуса, и курируемый им Московский университет. Иными словами, обучение дворян виделось ему как особая сфера государственного управления, как отдельный вид деятельности, который нуждается в регулировании и руководстве; на смену разрозненному, исторически сложившему набору училищ, которые готовили кадры для того или иного рода службы и не были никак связаны между собой, должна была прийти единая система школ, объединенная общими принципами и общей целью. В ноябре 1760 года Иван представил свои предложения в Сенат. Сенаторы, разумеется, полностью их поддержали – и пригласили Шувалова составить необходимые регламенты для предлагаемых им школ и гимназий, а Комиссия о составлении уложения – контролируемая теперь Воронцовыми, конкурентами Петра Шувалова, которые вместе с Иваном Шуваловым были авторами «переворота» 1760 года – начала работу по интеграции предложений фаворита в

проект нового уложения. В марте 1761 года Иван Иванович сообщил, что составление новых школьных регламентов продвигается успешно и предложил тем временем представить общие принципы будущей образовательной системы на утверждение императрице[772].

В этот момент в дело вмешался Петр Шувалов. Как будто бы поддерживая предложения Ивана, он вызвался предъявить на рассмотрение Сената и свои собственные размышления, основанные на его опыте подготовки благородного юношества к службе в артиллерии и инженерных войсках. В результате сенаторы отложили рассмотрение предложений Ивана до тех пор, пока не поступят обещанные Петром дополнения. Составленный Петром Шуваловым меморандум был готов к середине лета: он стал его последним сочинением по вопросам военного образования. В отличие от предыдущих своих текстов, здесь вельможа не предлагал создавать новые учебные заведения. Вместо этого большая часть текста посвящена описанию тех усилий, которые сам граф Шувалов ранее предпринимал в этой области, а именно, усовершенствований, сделанных им в артиллерии, и создания Объединенной школы. Петр, очевидно, пытался показать, что данная школа соответствует предложенной Иваном концепции воспитания дворянства, не заводя при этом речь о новых инициативах – ни о расширении подведомственных ему училищ, ни о создании Артиллерийского и Инженерного корпуса. Неясно, преднамеренно ли Петр пытался затормозить принятие выдвинутых Иваном предложений или же он и вправду хотел лишь добиться одобрения Сенатом своих собственных усилий. Так или иначе, сенаторы вернулись к обсуждению предложений Ивана только осенью. Разумеется, они удостоились всеобщего одобрения: открыто возражать фавориту никто не рискнул. Но, как показывает М. А. Киселев, к концу октября представляемый императрице итоговый доклад подписали лишь четыре сенатора, причем все они вошли в состав Сената в результате «переворота» 1760 года, инициированного самим Иваном Шуваловым. Среди тех, кто затягивал подписание, были Петр и Александр Шуваловы, а также И. И. Костюрин, шурин А. И. Шувалова, и князь Н. Ю. Трубецкой, союзник Петра, лишившийся в 1760 году поста генерал-прокурора. Промедление это оказалось фатальным для предложений Ивана Ивановича: 25 декабря 1761 года императрица Елизавета скончалась, так и не успев их одобрить[773].

НОВАЯ ЭРА: ОТ ИВАНА ШУВАЛОВА ДО ИВАНА БЕЦКОГО

Как вспоминала впоследствии Екатерина II, весной 1756 года ее мужу, великому князю Петру Федорович, впервые доверили командование настоящей воинской частью: «чтобы отвлечь Великого князя от голштинских войск, Шуваловы придумали, по их мнению, весьма политическую меру. Они убедили императрицу поручить Его императорскому высочеству начальство над Сухопутным кадетским корпусом <…> В помощники ему по этой должности был определен Мельгунов, ближайший друг и поверенный тайн Ивана Ивановича Шувалова»[774]. Екатерина, конечно, была очень проницательным наблюдателем – и искусным мастером – придворных интриг, но в данном конкретном случае воспоминания императрицы явно окрашены ее глубоко укоренившейся неприязнью к Шуваловым. Во всяком случае, с датами у нее выходит ошибка: великий князь был назначен главой корпуса только в феврале 1759 года, а А. П. Мельгунов, сам бывший выпускник этого учебного заведения, занял директорский пост еще в декабре 1756 года, то есть более чем двумя годами ранее[775]. Примечательно, что для Екатерины эти перестановки в Кадетском корпусе имеют значение прежде всего в контексте придворных конъюнктур: как и любые другие назначения, они становятся частью более масштабной картины патронажа и соперничества элитных группировок.

На самом деле, по сведениям прусского посла Мардефельда, Петру Федоровичу предлагали командовать «ротой кадетов» еще в середине 1740-х годов, но тогда он отказался. В 1759 году, однако, он воспринял свои новые обязанности крайне серьезно. Фавье сообщал, что великий князь «занимается исключительно смотрами, разводами и обучением воспитанников вверенного его попечениям Кадетского корпуса»[776]. И современники, и историки обычно описывают Петра Федоровича довольно пренебрежительно, подчеркивая его вздорность и неотесанность, его комичную увлеченность всем военным и прусским: в этом отношении иностранные дипломаты представляют его ничуть не в лучшем свете, чем его собственная супруга, свергнувшая его с престола. В случае с Кадетским корпусом, однако, из источников виден серьезный и устойчивый интерес наследника престола к этому учебному заведению, в том числе активное лоббирование интересов корпуса в Сенате и перед лицом императрицы[777]. Вполне может быть, конечно, что во многих случаях великий князь просто транслировал мысли и пожелания Мельгунова, который во время недолгого царствования Петра III станет одним из его ключевых приближенных. Однако Кадетский корпус явно имел значение для великого князя и как платформа для самопрезентации. Примечательно, что одной из первых его

инициатив в качестве главного начальника корпуса была установка в саду за Меншиковским дворцом десятков бюстов древних и новых философов и полководцев. Центральное место среди них, однако, занимал бюст Петра Великого, наглядно подчеркивавший прямую связь великого князя с его августейшим дедом, основателем империи[778]. И именно после назначения Петра Федоровича главным командиром штат учебного заведение вырос до 490 кадетов, а бюджет до 88 000 рублей: это было первое расширение корпуса с тех пор, как Миних добился утверждения нового штата на пике своего влияния в 1732 году[779].

Когда Петр Федорович взошел на престол как Петр III, главным командиром корпуса вместо себя он назначил И. И. Шувалова. Если раньше Шувалов как фаворит императрицы играл роль патрона по отношению к учебным заведениям, то теперь ему было поручено непосредственное руководство воинской частью под присмотром монарха, который сам был энтузиастом военного дела. Двусмысленность этого назначения подчеркивается в письме Шувалову от его приятеля, графа Ивана Чернышева. С одной стороны, пишет Чернышев, «милость эта тем значительнее, что он уступил вам место, самим им с таким удовольствием занимаемое». С другой, в результате этого назначения Шувалов, человек сугубо гражданский, оказывается в крайне некомфортном положении: «Но простите любезный друг, я все смеюсь, лишь только представляю вас в штиблетах, как вы ходите командовать всем корпусом и громче всех кричите „На караул!“» Что же делать Шувалову в той ситуации? Разумеется, инициировать реформы. «Надо бы непременно соединить все кадетские корпуса, и улучшить елико возможно, корпус Морской», – советовал Чернышев в письме из Вены в середине марта[780]. И действительно, уже в апреле Петр III подписал указ, согласно которому все военные училища для дворянства – Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Морской кадетский корпус и Объединенная Артиллерийская и Инженерная школа – сливались в единый кадетский корпус под командой Шувалова[781]. Примерно в это же время Шувалов пытался добиться от Петра III и утверждения наконец-то разработанного регламента для Московского университета[782].

Этого, однако, не произошло, и реформа кадетского корпуса оказалась столь же недолговечной, как и само царствование Петра; после его свержения Екатерина II отменила запланированное слияние. Вместо этого вторую жизнь обрела идея создания Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса: если П. И. Шувалову так и не удалось в свое время добиться ее реализации, то теперь ее подхватил новый генерал-

фельдцейхмейстер А. Н. Вильбуа. В 1740-х годах Вильбуа состоял при «молодом дворе» и попал в полуопалу за свою близость к великокняжеской чете. Теперь он был одним из заговорщиков, которые возвели Екатерину на престол. К осени 1762 года предложение о создании нового корпуса было утверждено; одновременно Сухопутный кадетский корпус был расширен до 600 человек, а его бюджет вырос до 126 500 рублей в год[783].

Год спустя Иван Шувалов был смещен со своего поста, и в итоге роль патрона Кадетского корпуса взяла на себя сама Екатерина II. В ее царствование это учебное заведение превратилось в площадку для радикальных педагогических экспериментов, затеянных Иваном Ивановичем Бецким (1704–1795)[784]. Побочный сын князя Трубецкого, он получил превосходное образование и воспитание, включая, по некоторым, не вполне подтвержденным сведениям, и обучение в Копенгагене и Париже. Помимо этого, однако, никаких военных или административных заслуг у него не было: по словам современника, Бецкой был «воспитан с преизрядным учением и дошел, по знатности отца своего, не имея в службе никаких знатных оказий, до немалого чина генерал-майора»[785]. Ему довелось, однако, служить в 1740-х годах при «молодом дворе», откуда он был вычищен вместе с Вильбуа и другими за слишком тесные отношения с Петром и Екатериной[786]. После своего возвращения ко двору в 1762 году, Бецкой развернул бурную деятельность: в составленных им многочисленных предложениях не только описывается организационная структура конкретных заведений, но и излагаются общие принципы воспитания подданных империи; черновики этих предложений, к сожалению, не сохранились, так что остается неясным, в какой степени императрица участвовала, и участвовала ли вообще, в их разработке. Обновленные в соответствии с этими принципами школы должны были быть нацелены на создание «новой породы» людей с помощью обширного набора дисциплинарных инструментов, включая изоляцию учеников от окружающего мира и подробнейшее регулирование их повседневной жизни и повседневного взаимодействия с наставниками. Настолько полным должен был быть разрыв с практиками предшествующей эры, что прием новых учеников в корпус решено было прервать на несколько лет, до тех пор, пока не будут выпущены все ученики, принятые и обучавшиеся в рамках миниховских регламентов, чтобы старые кадеты, не дай бог, не оказали дурного влияния на вновь зачисляемых. Бецкой лично занимался реализацией этих проектов, взяв на себя руководство Сухопутным шляхетным кадетским корпусом, а также создаваемыми им новыми

заведениями, такими как Воспитательный дом в Москве и Смольный институт в Санкт-Петербурге. Эти эксперименты составили новую эпоху в русской педагогике и, по словам Дэвида Рансела, в «институционализации Просвещения в России»[787].

Возможно, однако, и иное прочтение этих экспериментов. Если сама Екатерина II интерпретировала назначение своего покойного супруга главным начальником Кадетского корпуса как часть политической интриги, то и ее современники готовы были рассматривать ее собственное сотрудничество с Бецким в аналогичном свете. По мнению князя М. М. Щербатова, Бецкой, «человек малого разума, но довольно пронырлив», использовал эти реформы, чтобы сыграть на тщеславии и «славолюбии» Екатерины II. Как писал Щербатов,

> Бецкой, хотя и показывал вид, что все для славы императрицыной делает, но не токмо во всех проектах его, на разных языках напечатанных, имя его, яко первого основателя является, но ниже сего оставил монархине и той власти, чтобы избрать правителей сих мест, а сам повсюду начальником и деспотом был до падения его кредиту. Дабы закрыть сие, все способы были им употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремели ей; в речах, в сочинения и даже в балетах представленных на театре[788].

Разумеется, Щербатов в высшей степени пристрастен в своих оценках: намерения Екатерины и Бецкого облагодетельствовать и привести в «совершенство» империю и ее подданных с помощью педагогических экспериментов не могли не вызывать у него ничего, кроме глубокого скепсиса. Мы, однако, не обязаны принимать ту ли иную сторону в этом заочном споре, выбирать между пессимистическим взглядом Щербатова, описывающего эти эксперименты исключительно сквозь призму придворной политики, и более идеалистическими прочтениями образовательного прожектерства императрицы и ее советника. В конце концов, эти прочтения вовсе не обязательно являются взаимоисключающими. Наоборот, как показывают разбираемые в этой книге эпизоды, они неизбежно дополняют друг друга.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если бы нам нужно было выбрать какую-то одну институцию, наиболее ярко воплотившую в себе классическую имперскую модерность XIX века, то европейские академии генштаба были бы, пожалуй, вполне подходящей кандидатурой. Сочетавшие в себе – по крайней мере, на риторическом уровне – милитаризм и рациональность, бюрократию и маскулинность, эти учебные заведения должны были поставлять государству эффективных исполнителей, способных «научно» планировать, а затем реализовывать кровопролитие и колониальную эксплуатацию новыми промышленными методами и в промышленных масштабах. Российская академия Генерального штаба была достойным представителем этого вида, ярким воплощением государственности и государственничества. Начиная с 1855 года она гордо носила имя «Николаевской», в честь Николая I, который подписал в 1832 году указ о ее создании и сам олицетворял собой этатизм, безоговорочную преданность службе и бескомпромиссную дисциплину, торжество милитаризма и бюрократизма.

При ближайшем рассмотрении, однако, генеалогия этого учебного заведения оказывается несколько более причудливой. История специализированного обучения офицеров-штабистов в России началась с появления в 1810 году школы для подготовки молодых людей к службе «колонновожатыми» – штабными офицерами, которые помогают частям найти предписанный им маршрут следования на незнакомой местности. Школа эта родилась из инициативы группы студентов Московского университета, которые интересовались военной карьерой и организовали кружок для взаимной помощи в изучении прикладной математики. Отец одного из участников, Н. Н. Муравьев, помещик и отставной офицер, получивший в свое время образование в Страсбурге, был приглашен молодыми людьми возглавить это «общество» и читать лекции по «военной науке». Вскоре кружок эволюционировал в настоящую школу, которая собиралась в доме Муравьева и финансировалась им. Школа пользовалась покровительством князя П. М. Волконского, начальника Главного штаба Его Императорского Величества, который устроил для ее выпускников возможность поступать на службу. После ухода Муравьева на покой в 1823 году заведение было переведено в Санкт-Петербург и приобрело квазиофициальный статус[789].

Строго говоря, прямой институциональной преемственности

между муравьевским проектом и Николаевской академией не было: некоторые из выпускников школы оказались замешаны в восстании декабристов, и в 1828 году Николай I закрыл ее. И тем не менее факт остается фактом: первое в России учебное заведение для подготовки офицеров генерального штаба родилось как частная инициатива. Оно было задумано, финансировалось и управлялось частным лицом и размещалось в частном доме. Оно также стало ячейкой «публичной сферы» и платформой для выстраивания горизонтальных социальных связей и одновременно для реализации интеллектуальных и социальных амбиций ее основателя: за свои усилия Муравьев удостоился ордена Св. Анны 1-й степени. Показательно, что в первые десятилетия XIX века подобное заведение все еще могло балансировать на грани частного и государственного, встраиваясь в инфраструктуру государственной службы через неформальные патрон-клиентские связи.

Не менее показательна и последующая судьба проекта. После закрытия муравьевского детища сформированная им образовательная ниша была поглощена государством – и поглощение это произошло по инициативе еще одного интеллектуального предпринимателя, Антуана-Анри Жомини (1779–1869), генерала-эмигранта, сделавшего себе карьеру в качестве эксперта по «научным» подходам к ведению войны[790]. Разумеется, представляя Николаю I свой проект новой военной академии, Жомини рассчитывал ее возглавить (впрочем, напрасно). Сплав частной инициативы и государственного строительства, новейших педагогических доктрин и придворной политики, персональных амбиций индивидуальных экспертов и предполагаемых военных потребностей, Николаевская академия оказывается ярким примером того, как именно реализовывались организационные новшества и создавались институции в Российской империи.

ЦАРИ И ПРОЖЕКТЕРЫ ОТ ПЕТРА I ДО ЕКАТЕРИНЫ II

В самом деле, как видно из разбираемых в этой книге эпизодов, история школ в петровскую и послепетровскую эпоху может быть написана не как история государственных усилий по просвещению России, но как история индивидуальных проектов, инициируемых предпринимателями всех мастей, стремящимися к достижению собственных целей и к реализации собственных амбиций. Разумеется, административное предпринимательство играло крайне важную роль как движущая сила

институциональной эволюции и в другие эпохи – и продолжает играть ее и сегодня, как это отмечается в многочисленных работах по теории и практике институциональных изменений. И все же гипертрофированная, бросающаяся в глаза роль прожектерства в изобретении «регулярного» государства была исторически специфичным явлением, особенно характерным для второй половины XVII – первой половины XVIII века, когда границы государственного и частного, формального и неформального не были вполне артикулированы и обозначены. Амбициозные прожектеры той эпохи добивались успеха благодаря своей способности действовать поверх этих кристаллизирующихся границ, мобилизуя неформальные связи, используя частную инициативу для расширения государственных институтов и опираясь для реализации своей личной повестки на полученные от государства ресурсы и полномочия. Особенно заметна, пожалуй, роль таких предпринимателей именно за пределами Западной Европы в периоды «вестернизаций», таких как петровские преобразования в России, поскольку подобные перемены сопровождались интенсификацией культурных обменов и радикальным ослаблением – если не ликвидацией – существующих институтов. Ослабление это, понятным образом, расширяло пространство для прожектерства, легитимируя «иностранное», подрывая позиции существующих элит и выводя на арену политических игроков нового типа. В этом смысле государство в России раннемодерного периода имеет смысл рассматривать не как безликого коллективного актора, но, во-первых, как платформу для действий индивидуальных акторов, реализующих собственные проекты, часто в жесткой конкуренции друг с другом, и во-вторых – как набор ресурсов и инструментов, которыми могли пользоваться такие прожектеры.

Отправной точкой для наших рассуждений в данной книге является историография последних десятилетий, подчеркивающая мозаичный и зачастую не слишком «регулярный» характер государства раннего Нового времени в России, в Западной Европе и в других частях света. Эти работы вносят совершенно необходимую коррективу в наши устоявшиеся представления, напоминают о невозможности принимать за чистую монету, за адекватное отражение исторических реалий такие сугубо теоретические построения, как абсолютистская монархия, «регулярное полицейское государство» и им подобные. Эти ревизионистские работы подчеркивают устойчивость традиционного – однако при этом уделяют гораздо меньше внимания объяснению изменений и возникновению нового. Так, хотя во многих из них вполне убедительно показывается, что

«традиционные» формы соперничества между аристократическими кланами оставались стержнем политического процесса и в новую эпоху, из этих работ не всегда ясно, как же именно такое соперничество объясняет ту или иную конкретную траекторию институциональной эволюции. В данной книге предпринята попытка сделать следующий шаг и использовать анализ «микрополитической» борьбы в раннее Новое время для объяснения зарождающихся элементов модерности. Сама потребность в этих элементах, в импорте, адаптации и усвоении новых институтов и технологий часто рассматривается как обусловленная геополитической конкуренцией, в том смысле что давление извне якобы естественным образом подталкивает государства к поиску более «эффективных» решений. Меня, однако, интересует, как процесс поиска новых институциональных решений отражал интересы тех или иных конкретных политических игроков, которые использовали новые административные, военные и культурные технологии для утверждения собственного статуса и получения преимуществ перед своими соперниками внутри данного социума. И именно от полезности той или иной институциональной модели для достижения таких «микрополитических» целей зависело, насколько другие игроки были готовы принять ее на вооружение. На следующем этапе проекты, воспринимавшиеся окружающими как востребованные и успешные, могли быть использованы как шаблоны другими административными предпринимателями, тем самым способствуя институциональному изоморфизму.

Исходя из этого, в данной книге делается попытка показать, как именно новые «регулярные» школы – подобно другим институциям раннемодерного государства – возникали и функционировали в результате усилий «административных предпринимателей». Хотя предприятия эти и финансировались из царской казны, добиваться выделения и затем фактического получения этого финансирования обычно приходилось через личные связи, через патрон-клиентские сети или же путем творческого (нередко не вполне законного) перераспределения средств из других источников. И хотя монарх и оформлял возникновение таких предприятий своими указами, разработка этих указов была обычно делом рук самих индивидуальных предпринимателей, которые подавали государю предложения о создании новых институтов или реформировании существующих в надежде добиться с их помощью монаршего благоволения. Более того, именно в этих предложениях обычно и артикулировалось, в чем же именно состоит «государственный

интерес» применительно к той или иной ситуации. Раз возникнув, институции эти использовались их создателями для самопродвижения, для трудоустройства собственных клиентов и для реализации собственной идеологической программы. Последующая судьба этих институций, разумеется, также зависела от политической фортуны их создателей, от способности предпринимателя не только «продать» свой проект государю, но и сделать его полезным для других влиятельных представителей элиты.

Подобный подход идет вразрез с прогрессистским детерминизмом, столь характерным для многих традиционных описаний петровского периода. В частности, возникновение новых школ часто предстает в них как естественный ответ на потребности создаваемой Петром новой «регулярной» армии и бюрократического аппарата. Несомненно, школы эти действительно ориентировались на выпуск офицеров и были частью военно-административной инфраструктуры. Несомненно также, что энтузиазм самого Петра по поводу «учения» был крайне важен в смысле поощрения и поддержки образовательного прожектерства. Другое дело, что ни конкретная организационная форма, которую принимала та или иная школа, ни само возникновение этих школ не могут рассматриваться как «естественные» или очевидные для современников. Даже сама потребность в таких школах не казалась само собой разумеющейся военным-практикам, генералам и адмиралам империи, которые крайне редко выступали инициаторами создания или развития новых школ – а если и выступали, то двигали ими соображения придворной политики или стремление к реализации собственной идеологической повестки.

Характерен в этом смысле пример фельдмаршала фон Миниха и его сотрудников, профессионалов военного дела, последовательно реализовывавших в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе позаимствованную из Берлина образовательную модель. Можно было бы подумать, что перед нами очевидный эпизод прагматического заимствования передовых практик, обусловленный военными потребностями. Но дело в том, что и в самой Пруссии заимствуемая модель еще никак не успела к тому времени продемонстрировать свои практические преимущества в деле подготовки офицеров. И действительно, было бы довольно трудно «доказать», что создание кадетских корпусов и вправду как-то повысило боеспособность прусской или русской армий: вполне вероятно, что повысило, но как-то оценить или измерить это влияние источники нам, конечно, не позволяют. Разумеется, не было

никаких возможностей подтвердить или опровергнуть такой положительный эффект и у самих современников; в любом случае, эффект этот должен был быть весьма отложенным, так что прямо сослаться на него для обоснования значительных расходов на новую школу было невозможно. Ключевыми факторами, обусловившими принятие этой модели в России, следует поэтому считать не какую-то ее практическую эффективность, а пиетистские симпатии основателей корпуса, которые использовали петровское «регулярное» государство как платформу для реализации собственного весьма своеобразного, местами утопического видения. В дальнейшем Кадетский корпус, подобно многим другим образовательным проектам, превращается в орудие придворной политики, в инструмент самопрезентации и административного соперничества в руках его руководителей – что, повторимся, не исключает и вполне вероятного положительного влияния этой школы на боеспособность российских императорских войск.

Сходную динамику институциональных заимствований мы наблюдаем и в других «вестернизационных» эпизодах. В случае Оттоманской империи можно вспомнить графа Клода Александра де Бонневаля (1675–1747), перешедшего на службу Блистательной Порты, принявшего ислам и под именем Ахмет-паши пытавшегося модернизировать турецкую артиллерию и основать первую оттоманскую техническую школу; или Ибрагима Мутеферрику (с. 1670–1745), основателя первой типографии в империи и пропагандиста военных реформ по европейскому образцу[791]. Их роль как культурных посредников хорошо известна, однако меньше внимания уделяется тому, как их усилия переплетались с перипетиями оттоманской придворной политики, благодаря чему этим авантюристам и удавалось затевать свои предприятия. Как замечает историк Авигдор Леви, наибольшей поддержкой инициативы Бонневаля пользовались со стороны тех великих визирей, «главной целью которых было усиление позиций великого визиря по отношению к другим центрам власти в столице, а также восстановление власти султана в провинциях» и которые видели в прожектере инструмент для достижения этих целей[792].

Во второй половине столетия с инициативой создания технических школ в Оттоманской империи выступает другой авантюрист и культурный посредник, барон Франсуа де Тотт (1733–1793) – и это подталкивает капудан-пашу Гази-Хасана к созданию морской школы, призванной затмить проект де Тотта в глазах султана. Как пишут в своей истории турецких вооруженных сил Месут Уйар и Эдвард Дж. Эриксон, «если успех

проекта мог потенциально усилить конкурирующую группировку», вельможи, вроде Гази Хасана, стремились саботировать его или выдвинуть альтернативный проект. В итоге школа де Тотта закрылась, а вот основанное Гази Хасаном заведение трансформировалось в 1784 году в Императорскую военно-морскую школу, сыгравшую важную роль в развитии оттоманского флота[793].

Важнейшим политическим инструментом была, конечно, и сама риторика «современного» и «европейского/западного», помогавшая обосновывать и поддерживать различные проекты. Однако хотя ссылки на современность и «регулярность» позволяли легитимировать новые институты, модерность их не была только риторической. В случае России, к моменту восшествия на престол Екатерины II, которым заканчивается эта книга, административные предприниматели уже построили в империи целый набор вполне «регулярных» образовательных заведений, находившихся во многих отношениях на переднем крае тогдашней модерности. Конечно, даже в случае наиболее успешных из них, таких как Кадетский корпус, основателям не удалось и близко подойти к сформулированному ими идеалу, предполагавшему полную изоляцию и «дисциплинирование» учеников. Источники ясно показывают, что кадеты находили многочисленные возможности вести себя совершенно «нерегулярно», начиная от драк и краж и заканчивая кутежами с выпивкой и женщинами. Тем не менее механизмы оценивания знаний и повышения в чинах работали в корпусе гораздо «регулярнее», чем этого можно было бы ожидать: как ни удивительно, в среднем по этой выборке из представителей элиты, ни богатство, ни положение отцов не оказывали статистически значимого влияния на чин кадета при выпуске; значимым фактором было лишь знакомство семьи с «импортными» культурными и социальными навыками. Разумеется, во многих конкретных случаях повышения и назначения прямо и несомненно определялись наличием влиятельного покровителя, включая и выступавшего в таком качестве монарха, что рассматривалось современниками как нечто само собой разумеющееся и абсолютно нормальное. И все же общая картина указывает на существование в миниховом Кадетском корпусе таких институциональных рамок, внутри которых обладание культурным капиталом определенного типа систематически вознаграждалось. Возможно даже осторожно предположить, что в данном случае мы имеем дело с островком квазимеритократии в послепетровской России[794].

ПРОЖЕКТЕРСТВО ЗА МИНИСТЕРСКИМ ФАСАДОМ?

Хотя сам Петр I играет, разумеется, громадную роль в этой книге, он не представлен здесь всемогущим демиургом. И в самом деле, фокус на административных предпринимателях-прожектерах предполагает также и пересмотр роли первого императора в создании школ и распространении образования в России. Для начала мы должны отказаться от априорного предположения, что за каждым эпизодом обучения и преподавания в ту эпоху прямо стояла его монаршая воля. Разумеется, мы знаем, что Петр и в самом деле лично придумывал и планировал некоторые институции в мельчайших деталях, но это вовсе не обязательно верно в отношении всех и любых новаций его царствования. Как показывают разбираемые в этой книге примеры, даже в случае столь хорошо изученного предмета, как школа, источники позволяют нам сделать шаг к гораздо более точной и детальной реконструкции личного вклада Петра в происходящие изменения; когда такая реконструкция невозможна, нам следует начать хотя бы с признания ограниченности наших источников, вместо того чтобы заведомо считать вездесущего и всеведущего Петра движителем любых перемен. Больше внимания следует также уделять тому, как заданная монархом общая атмосфера его царствования стимулировала многочисленных прожектеров к реализации их собственных инициатив. Наконец, не стоит забывать и о том, что петровское государство и сам Петр могли не только помогать, но и препятствовать образовательным прожектам. При взгляде под таким углом зрения традиционный нарратив победного шествия образования по воле просвещенного монарха и решающей личной роли Петра в этом процессе оказывается не вполне состоятельным.

Действительно, огромную роль в распространении образования в петровскую эпоху играли именно многочисленные индивидуальные предприниматели: проводимая императором политика могла способствовать их деятельности, но действовали они совершенно самостоятельно. В частности, хотя в традиционном нарративе истории образования основное внимание уделяется «государственным» школам, на протяжении всего XVIII столетия как базовую грамотность, так и более сложные навыки подавляющая масса россиян – и дворяне, и крестьяне, и горожане – по-прежнему осваивала с помощью частных учителей. Большинство таких образовательных предприятий остаются невидимыми для историков именно потому, что государство их никак не регулировало, не

финансировало, не учитывало, а значит, и не описывало; однако когда такие школы все же отражаются в источниках, перед нами открывается картина довольно оживленного, хотя и не слишком «регулярного» рынка образовательных слуг. Во многих отношениях эти образовательные предприятия были действительно гибридными зонами, а само представление о «государственной школе» в эту эпоху только изобреталось.

Как и в предшествующие десятилетия, большинство таких частных «школ» петровской и послепетровской эры представляли собой неформальную, «ремесленную» по своему устройству мастерскую индивидуального частнопрактикующего учителя-«мастера». Внимание исследователей недавно привлекли материалы переписи таких мастеров чтения и письма, проведенной властями в Санкт-Петербурге в 1722 году. Всего в ходе описи в городе было выявлено около двух десятков учителей, и это, скорее всего, лишь малая доля тех, кто в той или иной форме занимался в столице преподаванием. Учтенные в ходе переписи учителя это, как правило, дьячки и другие низшие церковные служители, ремесленники, прислуга, солдаты. Для большинства из них преподавание, как кажется, не было основным занятием, но лишь источником дополнительного дохода[795]. Подобного рода учителя обучали в основном самым базовым навыкам, но и новые, «импортные» познания в таких предметах, как иностранные языки или математика, осваивались обычно таким же способом, через занятия с опытными практиками или с частнопрактикующими «мастерами». М. А. Муравьев рассказывает в своих записках, что немецкому языку в последние годы петровского царствования его обучал пленный швед; чуть позже некий штурманский ученик обучал его арифметике[796]. Дворянский недоросль Федор Смолянинов, поступая в 1740-х годах в Кадетский корпус, сообщал, что арифметике с «некоторыми частями» геометрии и фортификации его обучили инженерные офицеры астраханского гарнизона, где отец Смолянинова был смотрителем над рыбными ловлями[797]. Как следует из описания В. В. Крестинина, местного любителя старины, именно занятия с частными учителями оставались в конце XVIII века основным способом приобретения грамотности в Архангельской губернии[798]; и так далее.

Многие такие учителя создавали свои собственные, все более институционализированные школы разного масштаба. В 1733 году некто Мартин ван дер Шер поместил объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях», предлагая обучать молодых людей «итальянской и шкиперской бухгалтерской науке» за фиксированную плату, размер которой зависел от их

предшествующей арифметической подготовки; желающим предлагался также полный пансион или полупансион. В целом, за период с 1749 по 1782 год мы находим в «Санкт-Петербургских ведомостях» не менее 118 объявлений, авторы которых предлагали частные услуги по разного рода обучению. В дневнике Ивана Анненкова, состоятельного курского помещика, упоминается целый ряд иноземных учителей, практиковавших в середине столетия свое ремесло в этой, в общем-то, глухой провинции: «француз Петр Дефорж», «иноземец Яган Герц», «иноземец Иван Иванов сын Цвинкер», «француз Андрей Степанов сын Готре», «француз Михайла Иванов сын Лаваль». Как следует из записей Анненкова, эти мастера не просто давали уроки, но содержали нечто вроде небольших школ, предлагая ученикам также и пансион по цене от двух до четырех рублей в месяц. Проведенное в 1780 году обследование выявило в Санкт-Петербурге 26 частных пансионов, содержавшихся в основном иностранцами, и более трех десятков «русских» школ, организованных в отдельных приходах. В Москве обследование 1785 года выявило одиннадцать более-менее институционализованных частных пансионов, пусть и очень небольших[799]. Целый ряд частных школ существовал и в провинциальных городах, особенно в прибалтийских губерниях, но также и в Смоленске, Новгороде и Малороссии. В целом, как минимум до середины XIX века частные школы в России были более многочисленными и имели более широкий охват, чем государственные. Справедливости ради следует признать, впрочем, что многие из этих частных школ существовали в орбите государственных учебных заведений, готовя учеников к поступлению в последние или предлагая им дополнительные уроки, а учителям государственных школ – возможность для приработков[800].

Кроме того, хотя мы и привыкли описывать историю образования в России XVIII века как череду успешных проектов, поддержанных государством и государем, мы часто упускаем из виду еще более длинную, пожалуй, череду проектов, которые *не* получили никакой поддержки или были просто заблокированы правительством. Ранний, но характерный пример – это уже упоминавшаяся выше школа барона фон Нирота, эстляндского помещика и бывшего шведского полковника, перешедшего на русскую службу после оккупации Петром Прибалтики. Ниротом двигали его пиетистские воззрения, а также, несомненно, стремление представить себя в глазах императора энтузиастом «общего блага»: результатом стала школа с сиротским приютом, основанная им в своем поместье и на свои средства в конце 1710-

х годов. Составленный бароном проект «привилегии» призван был кодифицировать его пиетистскую по своей сути педагогическую доктрину, официально зафиксировать собственную роль Нирота в управлении школой как ее «протектора», а также защитить школу от произвола со стороны местных российских властей. Казалось бы, заведение Нирота полностью соответствовало устремлениям Петра. Оно предлагало российским подданным царя «западное» образование и воспитание, призванное подготовить их к двойной роли верного слуги государя и благовоспитанного дворянина, и, как кажется, Петр относился к проекту в целом благосклонно. Однако он не оказал ему никакой значимой поддержки и, похоже, так и не удосужился утвердить «привилегию». В результате школа постепенно пришла в упадок и, в итоге, обанкротилась в 1730-х годах[801]. К середине XVIII столетия мы видим все больше предложений и даже требований о создании образовательных заведений, исходящих от местных элит, в особенности в Прибалтике и Украине, но также и от дворянских сообществ Московской, например, или Псковской губерний; дворяне просили об открытии гимназий или университетов и даже вызывались их финансировать. Но поскольку авторам этих предложений не удавалось вписать свои проекты в придворные стратегии какого-нибудь влиятельного вельможи, они неизбежно были обречены на неудачу[802].

Существенно, что в результате централизаторской политики Петра практически единственным крупным источником ресурсов для реализации образовательных проектов оказалась государева казна. Особенно значимым в этом отношении была ликвидация административной и финансовой автономии церкви. Правда, благодаря петровской реформе у церкви осталось и гораздо меньше возможностей накладывать религиозные или культурные ограничения на образовательные прожекты, что способствовало расцвету предпринимательства в этой сфере; но одновременно церковь потеряла роль независимой платформы для образовательного экспериментирования, которую она раньше играла. Многие из церковных иерархов допетровской поры были влиятельными душе- и землевладельцами, контролировавшими по своей должности огромные финансовые ресурсы. Наиболее образованные из них, особенно украинцы по происхождению, выпускники Киевской академии, использовали материальные возможности своих епархий для поддержки разнообразных образовательных инициатив, как мы это видим на примере Иова Новгородского или Дмитрия Ростовского. Де-факто, а затем и де-юре секуляризация церковных имений и подчинение прелатов власти Синода положила конец таким экспериментам. Уже в 1707

году Дмитрий Ростовский жаловался Иову Новгородскому, что светские сановники, определенные Петром управлять церковными имениями, упрекали архипастыря, «будто много издерживается на учителей и учеников», – и, по сути, конфисковали епархиальные доходы («отнято все, чем дому архиерейскому питаться»)[803]. На этом фоне тезис о том, что Петр якобы рассматривал церковь как свое «министерство образования» выглядит, возможно, чуть менее очевидным.

Наконец, не менее пагубным было и влияние проводимой Петром все более жесткой сословной политики и выстраиваемой им все менее гибкой социальной структуры. Ярким примером здесь опять-таки служит школа фон Нирота. Поначалу барон взялся учить русских дворян иностранным языкам и математике, и царь вроде бы поощрял это намерение. Однако в результате набиравшей обороты регламентации дворянской службы Военная коллегия уже в начале 1720-х годов потребовала отозвать недорослей из школы для определения их на действительную службу. Другой пример – московская Навигацкая школа. В начале 1700-х годов она привлекала сотни учеников из числа свободного недворянского населения, солдатских детей, мелкого и мельчайшего дворянства, для которых были вполне привлекательны выплачиваемые школой копеечные «кормовые деньги». В 1710-х годах, однако, Петр по сути запретил представителям этих социальных групп поступать во вновь созданную Морскую академию, пытаясь вместо этого принудить к обучению в ней сыновей высшего дворянства, для которых она никакого интереса в карьерном отношении не представляла. В результате Академия столкнулась с серьезными сложностями: те, кому было велено в ней учиться, избегали ее, а тем, кто мог бы захотеть учиться, поступать в нее было запрещено[804]. К середине столетия дворяне получили некоторые возможности, частью легальные, а частью неформальные, самостоятельно выбирать для себя образовательные траектории в соответствии с собственными стратегиями социального самовоспроизводства. Тем не менее стратегии эти по большей части диктовались ритмом и требованиями государевой службы: соответственно, школам, которые не были прямо интегрированы в эту службу, было трудно что-то предложить большинству дворян, а значит, и привлекать учеников. Чтобы рассчитывать на успех, образовательные предприниматели должны были разворачивать свои проекты в административном поле, прячась за фасадом «государства».

* * *

Рассказ об административном предпринимательстве в образовании доводится в этой книге до восшествия на престол Екатерины II. Одна из причин выбора этой точки в качестве верхней хронологической границы исследования заключается, конечно, в том, что Екатерина принимала гораздо более активное и заинтересованное личное участие в развитии школ, чем ее непосредственные предшественницы на троне. Здесь сказывался и ее общий интеллектуальный багаж, и ее погруженность в современные ей западноевропейские споры об образовании. Как замечает Катриона Келли, Екатерина II – в отличие от Петра I – мыслила в категориях «воспитания», то есть интериоризации российской элитой установок на самоограничение и самоконтроль как способа формирования «добрых» и верных подданных. О. Е. Кошелева совершенно справедливо указывает, что именно Екатерина II была первым российским правителем, который «задумывался о возможности манипулирования своими подданными с помощью школ»[805].

Активность самой императрицы, однако, до некоторой степени маскирует тот факт, что и в ее царствование ключевую роль в развитии школ продолжали играть административные предприниматели. В самом деле, как минимум на протяжении первой его половины методы, которыми государыня действовала в сфере образования, были весьма похожи на то, что мы видели в предшествующую эпоху: монархиня выступала в качестве патрона тех или иных конкретных проектов, задуманных и реализуемых ее приближенными (в первую очередь, И. И. Бецким), причем поддержка эта оказывалась в контексте ее личных и неформальных отношений с этими прожектерами. Как это было и в случае парижской *École Militaire*, такие проекты могли приобретать утопический характер и масштаб, поскольку были призваны зримо воплотить великодушие и человеколюбие монархини и ее способность преображать реальность, а равно и «рвение» того или иного конкретного придворного. Некоторые проекты могли финансироваться напрямую самой императрицей из ее «кабинетных» денег или отдельными вельможами; в последнем случае поддержка образовательных проектов превращалась для них в элемент самопрезентации при дворе, их отношений с монархом и другими членами элиты.

Одновременно школы в екатерининскую эпоху могли возникать и как частные или квазичастные институции, которые сначала создавались индивидуальными благотворителями и лишь впоследствии поглощались государством, как это было, например, со Шкловским благородным училищем, основанным Семеном Зоричем (1733–1799), фаворитом Екатерины в 1777–

1778 годах. Школа была открыта в «столице» гигантских имений, пожалованных Зоричу императрицей, и финансировалась им из своего собственного кармана. В качестве символического дня основания училища Зорич выбрал 24 ноября, именины государыни: создание этой школы было для него способом публично продемонстрировать свою благодарность Екатерине, оправдать и в ее глазах, и в глазах публики полученное им сказочное богатство. После того, как Зорич обанкротился и умер, школа была взята под опеку короной и, претерпев ряд трансформаций, превратилась в итоге в Первый Московский кадетский корпус[806]. Другой яркий пример – это школы, основанные в 1770-х годах кружком частных благотворителей, группировавшихся вокруг Н. И. Новикова: финансировавшиеся сначала за счет подписки на издаваемый им журнал «Утренний свет», эти училища были несколько лет спустя поглощены создаваемой правительством сетью новых «народных училищ»[807].

Наконец, административные предприниматели могли действовать и изнутри нарождающейся образовательной бюрократии, мобилизуя ресурсы частных игроков для реализации проектов под эгидой государства и взамен предоставляя этим игрокам возможности для решения их собственных задач. Показателен в этом отношении пример Горного училища в Санкт-Петербурге, первого гражданского технического учебного заведения в России. Идея создания такой школы была выдвинута еще в конце 1760-х годов тогдашним главой Берг-коллегии графом А. Э. Мусиным-Пушкиным, но дело сдвинулось с места, лишь когда башкирский горнопромышленник Исмагил Тасимов предложил финансировать такую школу из своих собственных средств. Перед этим Тасимов провел продолжительное время в Санкт-Петербурге, представляя интересы своей семьи и других башкирских владельцев шахт в затяжном споре с влиятельным вельможей, графом И. Г. Чернышевым. Вопреки всякой вероятности Тасимову удалось добиться для своих доверителей соглашения с графом на относительно сносных условиях. Трудно предположить, что его школьная инициатива не отражала в какой-то степени опыт взаимодействия Тасимова со столичными чиновниками – его представления об их интересах и приоритетах, его стремление заслужить благоволение нынешнего и будущего руководства Берг-коллегии, его надежду привлечь к себе благосклонное внимание государыни[808].

Вместе с тем, эпоха Екатерины II принесла с собой и нарастающую институционализацию и рутинизацию управления образованием и административного предпринимательства в образовании и, соответственно, новые методы

предпринимательства и новые типы проектов. Шумпетер увязывал предпринимательство с определенной стадией в эволюции организации: со временем создаваемые предпринимателями небольшие фирмы разрастаются или сливаются с другими фирмами, образуя «бюрократизированные гиганты», которые «экспроприируют» менее успешных предпринимателей и поглощают мелкие фирмы в данной отрасли. Внутри этих «гигантов» предпринимательство принимает иные формы: здесь в качестве предпринимателей эпизодически действуют наемные сотрудники[809]. Нечто похожее мы наблюдаем к концу XVIII века и в управлении образованием, где в роли административных предпринимателей все чаще выступают должностные лица вновь создаваемых правительственных органов, специализирующихся на управлении в этой сфере. Такие предприниматели все активнее используют в своих целях рычаги формирующейся бюрократической машины и работают над консолидацией разрозненных проектов, унаследованных от предшествующих эпох, в единую государственную образовательную монополию. В этом смысле к концу екатерининского царствования история административного предпринимательства начинает сливаться с историей зарождающихся профессий и профессиональных корпораций и с историей институционализации экспертизы и бюрократической политики – или «политики групповых интересов (*interests-group politics*)», как ее называет Альфред Дж. Рибер, – которые неоднократно становились предметом изучения со стороны историков[810].

При этом и сама нарастающая институционализация управления в образовании также может быть описана как результат непрестанного прожектерства, усилий многочисленных «низовых» предпринимателей – учителей, администраторов, самоназванных экспертов, которые стремились к самореализации, самопрезентации и самопродвижению и в процессе реализации своих амбиций формировали педагогику и управление в образовании как особую профессиональную сферу. Созванная Екатериной II Уложенная комиссия включала и частную «комиссию об училищах и призрения требующих»: таким образом, подача и обсуждение образовательных проектов легитимизировалось и рутинизировалось[811]. Особенно активно боролась за роль ведущего экспертного центра в сфере образования Академия наук. Логичным продолжением этой тенденции стало и создание в 1782 году Комиссии об учреждении народных училищ. С одной стороны, эти и другие комиссии вроде бы предоставляли потенциальным предпринимателям

официальные каналы для продвижения своих образовательных проектов, но, с другой, они все больше претендовали на право контролировать доступ в образовательное поле, оценивать и отсеивать инициативы других игроков[812].

В результате набор стратегий, доступных предприимчивым экспертам, расширялся: помимо установления контроля над той или иной конкретной организацией, они могли теперь стремиться и к перехвату возникающих регуляторных рычагов. Желая обосновать собственный статус как управленцев и экспертов, административные предприниматели выступают в качестве поборников «просвещения» и «правильного порядка», претендуя на право регулировать, контролировать и даже искоренять «нерегулярные» образовательные проекты. Дьякон Иродион Тихонов, которому было поручено провести в 1722 году аттестацию учителей в Санкт-Петербурге, в итоге объявил большую часть выявленных им наставников непригодными для такой деятельности и потребовал от них подпиской отказаться от дальнейшего учительства; тем же, кто все-таки смог пройти устроенную им проверку, он попытался навязать новый, «грамматический» метод преподавания. Не удовлетворившись этим, Тихонов предпринимал дальнейшие попытки найти в городе укрывающихся от смотра учителей: такие мастера описывались им как «учащие без указа» – совершенно нормальная и обычная до того практика объявлялась теперь подпольной незаконной деятельностью[813]. Маловероятно, что Тихонову удалось добиться соблюдения разработанных им требований; в противном случае доступ к образованию в столице должен был, конечно, сократиться.

Уже в 1757 году иностранцам, желающим получить место домашнего учителя, предписано было предварительно сдавать экзамен при Академии наук в Санкт-Петербурге или при Московском университете. Когда два десятилетия спустя, в 1780-х годах, Екатерина II поручила Академии наук обследовать имеющиеся в Санкт-Петербурге частные школы, академики завершили свой доклад обращением к государыне с просьбой «ввести в действие особливое правительство», вменив ему в обязанность контроль над школами и учителями, «дабы тем в лучшее привести совершенство народное воспитание». Другое обследование, проведенное экспертами четыре года спустя, вылилось в закрытие всех (!) «русских» школ, существовавших в столичных приходах, так как преподавание там было объявлено членами комиссии «весьма несовершенным»[814].

Наконец, мандат Комиссии об учреждении народных училищ прямо предусматривал установление «совершенного

единообразия» в школьном деле. Разумеется, в глазах экспертов регулированию и унификации подлежали не только частные школы, но и государственные образовательные учреждения, унаследованные от предшествующих эпох. Переоснованный Бецким Кадетский корпус и созданный им Смольный институт также были обследованы, объявлены во многих отношениях неудовлетворительными и реформированы в соответствии с принятой Комиссией педагогической доктриной. В других случаях ранее существовавшие проекты поглощались формирующейся сетью казенных училищ и реструктурировались по утвержденному образцу, как это произошло с новиковскими школами. Устав народным училищам Российской империи 1786 года не только устанавливал программу обучения, методы преподавания и организационную структуру для учебных заведений соответствующего типа по всей стране, но и создавал иерархическую структуру управления и контроля над ними. Наиболее ярко институционализация и бюрократизация управления образованием проявилась, конечно, в создании в 1802 году Министерства народного просвещения на базе Комиссии и во главе с ее бывшим председателем и бывшим фаворитом Екатерины, П. В. Завадовским (1739–1812), в качестве министра[815].

При более внимательном рассмотрении бросается в глаза стремление не только к централизации и государственной монополизации образования самой по себе, столь характерное для этого периода, но и к мобилизации частных ресурсов на поддержку государственных школ. Правительство не запрещало частным лицам участвовать в создании школ: наоборот, оно рассматривало эти школы как канал, посредством которого частные лица и местные сообщества могли участвовать в распространении образования, не влияя при этом на его форму и содержание. Вопреки тому, что мы могли бы ожидать, зарождающаяся образовательная бюрократия не получала необходимые для содержания новых школ средства «на блюдечке» из государевой казны – вместо этого ей прямо предписывалось активно привлекать внешние ресурсы, в том числе используя неформальные отношения и личные связи. В 1770-х годах в рамках реформы местного управления Екатерина II создала губернские приказы общественного призрения, которым впоследствии было поручено ведать и новыми народными училищами. Приказы получали первоначальную сумму в размере 15 000 рублей для постройки зданий училищ и найма учителей, но дальше должны были изыскивать средства на местах. Как замечает по этому поводу Изабель де Мадариага, «насколько

успешно удалось действовать тому или иному приказу, зависело в большой степени от личности местного губернатора и от готовности местного дворянства к личному и финансовому сотрудничеству с приказом». Сами поездки Екатерины II по вновь учреждаемым губерниям призваны были дать толчок такому сотрудничеству: государыня использовала церемонии открытия новых школ для демонстрации собственного благоволения к подданным и собственной способности преображать социальную реальность, а подданные, особенно дворянские корпорации, получали возможность проявить свое «рвение» и выказать благодарность монархине, делая финансовый взнос на эти проекты[816].

Разумеется, и в XIX веке частная инициатива также оставалась ключевой движущей силой институциональных инноваций, как мы это видели на примере Академии Генштаба. Самый яркий эпизод такого рода – это, пожалуй, основание Харьковского университета в самом начале царствования Александра I: его появление стало возможным в результате сложного взаимодействия между императором, местным дворянским сообществом (пожертвовавшим на эти цели 100 000 рублей) и взявшим на себя роль посредника между ними В. Н. Каразиным, предприимчивым самозваным «экспертом». Каразину работа над этим проектом давала возможность представлять себя в столице как полномочного представителя харьковской элиты, а в Харькове – наоборот, как влиятельного правительственного эмиссара с обширными связями в Петербурге[817].

В целом, однако, рутинизация управления и появление профессиональных «экспертов» приводили к сужению гибридных зон и к установлению как все более четкой границы между «государственным» и «частным» в образовании, так и иерархических отношений между ними. Частное образование теперь все больше представлялось как стоящее по определению ниже государственного, а, возможно, даже и как нечто опасное; соответственно, образовательные эксперты всех мастей – как прогрессисты, так и реакционеры – стремились взять частные образовательные проекты под строгий контроль. В этом смысле почвеннические фобии, благонамеренный прогрессистский дирижизм и откровенное соперничество за учеников и финансирование работали в одном направлении. В эпоху Николая I мы видим, например, как директор государственной школы в Воронеже доказывал местному губернатору, что «частные школы суть зло, и ни в каком случае не могут быть добром, потому что открыты без позволения училищного начальства; они вредны для общества и противозаконны, а потому должны быть навсегда

уничтожены». В итоге, губернатор с директором использовали полицию, чтобы выгнать из губернии частных учителей и принудительно определить их учеников в государственную школу[818]. В официальном докладе С. С. Уварова императору в 1843 году государство прямо и безоговорочно представлено в качестве единственного легитимного агента просвещении в России; частные учебные заведения и даже домашние учителя удостаиваются упоминания лишь как объекты спасительного надзора и благотворных ограничений со стороны правительства. «Домашнее воспитание <…> мало-помалу поглощено было воспитанием публичным», – с удовлетворением, но, как кажется, чересчур оптимистично подводит министр итоги своей десятилетней деятельности. Несколько десятилетий спустя этот нарратив будет кодифицирован в монографии другого министра просвещения, графа Д. А. Толстого[819].

Траектория институциональной эволюции образования в XIX и XX столетиях выходит, разумеется, за хронологические рамки данного исследования, но, как представляется, похожие механизмы мы наблюдаем и на излете императорской эпохи. Последняя волна создания новых высших учебных заведений накануне революции стала возможной не благодаря, а вопреки усилиям Министерства народного просвещения, которое считало эту инициативу социально и политически нежелательной. Вместо этого появление новых политехнических институтов стало результатом усилий министра финансов С. Ю. Витте, частью его более широкой политической программы. В контексте министерских баталий выбор новых образовательных моделей, включая коммерческие училища и политехнические институты, имел и свое прагматическое, инструментальное значение: обосновывать необходимость создания именно таких учебных заведений было проще, поскольку они, как предполагалось, должны были давать учащимся навыки нового типа, которые те якобы не могли получить в уже существующих школах. Кроме того, особый характер этих учебных заведений служил доводом в пользу их создания под эгидой именно Министерства финансов, а не Министерства народного просвещения. Понятно, впрочем, что все эти доводы не помогли бы, если бы не политическое влияние самого Витте. Характерно, однако, что источниками финансирования для создаваемых политехнических институтов стали местные деловые сообщества, которые министру удалось мобилизовать на поддержку своего плана. Секрет успеха Витте заключался в том, что, претворяя в жизнь собственную политическую программу, он одновременно предоставлял этим сообществам возможности для реализации их амбиций в сфере

образования, ранее блокировавшиеся Министерством народного просвещения[820].

В XX веке расширение образовательных возможностей связывают обычно с советской эпохой – в отличие от «лихих 90-х», которые ассоциируются с кризисом в этой сфере. Примечательно, однако, что именно на сложное первое постсоветское десятилетие пришлось удвоение числа вузов и численности студентов в стране, то есть, колоссальное расширение доступности высшего образования. Этот громадный скачок стал возможен, конечно, благодаря ослаблению центрального контроля над образованием: он был обеспечен усилиями как частных предпринимателей от образования, так и предприимчивых руководителей государственных вузов, эксплуатировавших попавшие им в руки объекты образовательной инфраструктуры[821]. Наиболее яркие примеры институциональных инноваций в образовании постсоветского периода – такие, как РГГУ и «Шанинка», Европейский университет в Санкт-Петербурге и Российская экономическая школа, НИУ ВШЭ и РАНХиГС, – также иллюстрируют ключевые темы этой книги: вклад административных предпринимателей в импорт и адаптацию новых организационных форм; неоднозначность роли экспертов, пытающих с помощью государственных рычагов навязывать близкие им образовательные модели в ущерб всем прочим; риски и преимущества построения образовательного проекта внутри государственных рамок по сравнению с попытками действовать за их пределами.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Москва

Ф. 93 (Сношения России с Францией). Оп. 1. 1750. Д. 2; 1751. Д. 2.

Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 1. 1732. Д. 11.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Санкт-Петербург

Ф. 73 (Бильбасов В. А., Краевский А. А.). Д. 76.

Ф. 871 (Штелин фон Шторксбург Я.). Д. 864.

Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. Д. 339.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Москва

Ф. 2 (Дела, относящиеся до императорской фамилии). Оп. 1. Д. 26, 45.

Ф. 5 (Переписка высочайших особ с частными лицами). Оп. 1. Д. 53.

Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям). Оп. 1. Д. 190.

Ф. 8 (Калинкин дом и дела о преступлениях против нравственности). Оп. 1. Д. 10, 35, 129.

Ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение). Отд. I. Кн. 11, 12, 13, 14, 31, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 49, 52, 53, 62, 64, 66; Отд. II. Кн. 1; Кн. 20, 24, 28, 33, 39 53.

Ф. 10 (Кабинет Екатерины II и его продолжение). Оп. 1. Д. 809, 810.

Ф. 11 (Переписка разных лиц). Оп. 1. Д. 126, 307, 309, 310, 311, 405, 398, 419, 571.

Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Д. 76, 231.

Ф. 17 (Наука, литература и искусство). Оп. 1. Д. 54.

Ф. 19 (Финансы). Оп. 1. Д. 110.

Ф. 20 (Дела военные). Оп. 1. Д. 32, 50, 87,194, 198, 207а.

Ф. 21 (Дела морского ведомства). Оп. 1. Д. 13, 45, 55.

Ф. 160 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам на русском языке). Оп. 1. 1702. Д. 11; Оп. 1. 1703. Д. 8; Оп. 1. 1705. Д. 8, 14.

Ф. 177 (Кабинет министров). Оп. 1. 1736. Д. 66; Оп. 1. 1739. Д. 70.

Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 2. Д. 37, 39.

Ф. 248 (Сенат). Оп. 17. Кн. 1089, 1096; Оп. 32. Кн. 2018, 2021, 2026; Оп. 39. Кн. 2731.

Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Д. 305.

Ф. 370 (Дела, относящиеся до образования различных государственных учреждений). Оп. 1. Д. 7.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), Санкт-Петербург

Ф. 146 (Воинская морская комиссия). Оп. 1. Д. 1, 2, 48.

Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия). Оп. 1. Д. 100, 106.

Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 5. Д. 182; Оп. 7. Д. 319; Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д 25; 1732. Д. 14, 24.

Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета и других мест). Оп. 1. Д. 19.

Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина). Оп. 1. Д. 75, 119, 121, 175, 253.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва

Ф. 24 (Кабинет Его Императорского Величества). Оп. 1/119. Д. 234.

Ф. 47 (Бурхард Кристоф фон Минних). Оп. 1.

Ф. 314 (1-я Петроградская гимназия военного ведомства). Оп. 1. Д. 32, 1597, 1629, 1632, 1633, 1640, 1650, 1667, 1669, 1679, 1706, 1711, 1757, 1794, 1818, 1964, 2515, 3120, 3247, 3341.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук (НИА СПбИИ РАН), Санкт-Петербург

Кол. 95 (Коллекция документов по истории русского флота). Оп. 1. Д. 1, 53; Оп. 2. Д. 1, 50а.

Кол. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 445.

Кол. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 78, 93, 103.

Archives du Ministère des Affairs Etrangères (AMAE), Paris

Correspondance Politique, Russie. Supplement 2.

Archives Nationales (AN), Paris

Affaires étrangères. BI 982.

Carton des Rois. K 149.1. № 5.1; 8.1.

Marine. B^7 24; 28; 267.

Danska Rigsarkivet, Copenhagen
Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling, Rusland: Gesandskabsrelationer. Hans Georg von Westphal [Westphalen]. 1730–1732.

National Archives (NA), Kew, UK
State Papers. Domestic. Anne. 34/18; 34/30; 34/33.
State Papers. Foreign. Portugal. 89/21.

Österreichisches Staatsarchiv / Haus, Hof- und Staatsarchiv (OeStA/ HHStA), Vienna
Italien-Spanischer Rat, Neapel Collectanea, 20 (alt 34); 39 (alt 60).

Riksarkivet Marieberg, Stockholm
Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. M 1866; M 1689.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Анненков И. П. Дневник курского помещика И. П. Анненкова // Материалы по истории СССР / Сост. Л. Н. Пушкарев. М.: Изд-во Академии наук, 1957. Т. 5: Документы по истории XVIII века. С. 661–823.

Белосельский М. А., Белосельская Н. Г., Белосельская Н. М. Дневник Белосельских-Строгановых // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 2005. Т. 14. С. 71–90.

Бервик-и-Лириа Я. Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла Короля Испанского 1727–1730 гг. М.: Синодальная тип., 1909.

Берк К. Р. Путевые заметки о России // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 111–251.

Веселаго Ф. Ф., Коргуев Н. А., Огородников С. Ф. Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. Т. 1: От основания флота до кончины Петра Великого.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, донесения, челобитья и иностранные источники. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1.

Гордон П. Дневник 1690–1695. М.: Наука, 2014.

Данилов М. В. Записки Михаила Васильевича Данилова,

артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722–1762) // Безвременье и временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов: 1720-е – 1760-е годы / Под ред. Е. В. Анисимова. Л.: Художественная литература, 1991. С. 281–350.

Джастис Э. Три года в Петербурге // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 87–104.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина, Н. В. Калачова. СПб.: Имп. Академия наук, 1880–1901. Т. 1–6.

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Под ред. Н. А. Пенчко. М.: Изд-во Московского университета, 1960.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II: перевод с подлинника, изданнаго Императорской академией наук: с 12 портретами и 5 автографами. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907.

Желания фельдмаршала Миниха по возвращении из ссылки // Архив князя Воронцова. М.: Тип. Грачева, 1875. Т. 7. С. 573–574.

Житие милостивого мужа Феодора званием Ртищева // Древняя Российская вивлиофика. М.: Изд-во при Императорском Московском университете, 1791. Т. 18. С. 396–422; переизд.: The Hague: Mouton, 1970.

Журнал придворной конторы на знатные при дворе Ея Императорского Величества оказии 1734 года. Б. м., б. г.

Журнал придворной конторы на знатные при дворе Ея Императорского Величества оказии 1736 года. Б. м., б. г.

История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сб. документов: в 3 т. (1754–1804) / Сост. Д. Н. Костышин. М., 2006–2014.

Крестинин В. В. Труды. Творческая биография. Библиография / Под ред. А. А. Куратова, Е. И. Тропичева. Архангельск: Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова, 2007.

Кук Д. Путешествия и странствия по Российской империи // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 385–443.

Куракин Б. И. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1. С. 39–78.

Курбатов А. А. Supplex epistula ab Alexio Kurbatov ad pontificem Innocentum XII missa // Сборник документов,

относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Под ред. Е. Ф. Шмурло. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1903. Т. 1: 1693–1700. С. 359–362.

Лефорт Ф. Сборник документов и материалов / Сост. Т. А. Лаптева, Т. Соловьева. М.: Древлехранилище, 2006.

Магницкий Л. Ф. Арифметика Магницкого. Точное воспроизведение подлинника. С приложением статьи П. Баранова (биографические сведения о Магницком и историческое значение его Арифметики). М.: Изд-во П. Баранова, 1914.

Магницкий Л. Ф. Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова // Памятники древней письменности и искусства. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882. Т. 38.

Манштейн Х. Г. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 9–272.

Мардефельд фон А. Записка о важнейших персонах при дворе русском (1747) // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750: Приложения / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000. С. 269–286.

Материалы для истории русского флота / Под ред. С. И. Елагина, Ф. Ф. Веселаго. СПб.: Тип. Морского министерства, 1865–1904. Ч. 1–18.

Мессельер Л. А. Ф. Записки г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 // Русский архив. 1874. № 1. С. 962–1028.

Миних Б. Х. Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 года / Сообщ. М. Д. Хмыров // Русский архив. 1867. Вып. 3. Стб. 332–341.

Миних Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С. Н. Шубинского. СПб.: Тип. Безобразова и Ко, 1874.

Миних Б. Х. Миниховы кондиции с русским правительством 1721 и 1727 гг. / Публ. М. Д. Хмырова // Русский архив. 1867. Вып. 3. Стб. 321–332.

Миних Б. Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273–318.

Миних Б. Х. Перевод с письма к государственному канцлеру гр. Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину от бывшего фельдмаршала гр. Миниха из Пелыма от 4-го июня 1744 года // Русский архив. 1866. № 2. С. 172–185.

Миних Б. Х. Предложения, прошения и письма фельдмаршала графа Миниха // Архив князя Воронцова. М.: Тип. А. И.

Мамонтова и Ко, 1871. Т. 2. С. 484–522.

Миних Б. Х. Фельдмаршал Миних из Сибири. Письма // Русский архив. 1865. № 2. С. 353–382.

Миних Х. В. Из бумаг обергофмейстера барона фон Миниха // Архив князя Воронцова. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1871. Т. 2. С. 435–483.

Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 319–410.

Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / Под ред. Г. Г. Мартынова. М.: Ломоносов, 2010.

Могила П. Челобитная Киевского митрополита Петра Могилы царю Михаилу Федоровичу о построении монастыря в Москве, в котором бы жили монахи Киевского братского монастыря для обучения детей Греческой и Славянской грамоте // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / Под ред. Н. Костомарова. СПб.: Изд-во Археографической комиссии; в тип. П. А. Кулиша, 1861. Т. 3. С. 39.

Мордвинов С. И. Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб.: Тип. Скороходова, 1901. Т. 2. С. 9–55.

Муравьев М. А. Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного возраста воспитываем был // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ, 1994. Т. 5. С. 8–81.

Неплюев И. И. Записки // Империя после Петра. 1725–1765 / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 385–445.

Общий морской список. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. Т. 1.

Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб.: Тип. В. Демакова; Тип. Морского министерства, 1877–1906. Т. 1–10.

Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С. Петербурге, 1732 года // Щукинский сборник. М.: Синодальная тип., 1909. Вып. 8. С. 137–141.

Остерман А. И. Записка для памяти // Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М.: Университетская тип., 1880. Т. 24. С. 1–5.

Остерман А. И. Представление генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в 1740 году, на немецком языке писанное, правительнице Анне о внутреннем тогда состоянии Российской империи и о надежнейших способах к благоуспешнейшему управлению государством // Памятники

новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов / Под ред. А. Ф. Базунова. СПб.: Тип. Майкова, 1873. Т. 3. С. 257–277.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. / Под ред. А. И. Цепкова. Рязань: Александрия, 2010.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. М.: Студия ТРИТЭ, 2000. Т. 10. С. 15–582.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. 1–45.

Порошин С. А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. С. А. Порошин, А. В. Куракин, Великий князь Павел Петрович / Сост., послесл., имен. указ. А. Скоробогатова. М.: Фонд Сергея Дубова, 2004. С. 9–372.

Походный журнал 1698 года. СПб.: Б. и., 1853.

Походный журнал 1700 года. СПб.: Б. и., 1853.

Походный журнал 1701 года. СПб.: Б. и., 1853.

Походный журнал 1715 года. СПб.: Б. и., 1855.

Походный журнал 1721 года. СПб.: Б. и., 1855.

Практика единорогов, изобретенных артилерии генерал-фельдцейхмейстером и Кавалером графом Петром Ивановичем Шуваловым и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления при артиллерийских школах. СПб.: При Императорской Академии наук, 1760.

Протоколы Правительствующего сената, 1753–1756 гг. // Сенатский архив. СПб.: Сенатская тип., 1901. Т. 9.

Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699 / Под ред. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. М.: Наука, 1992.

Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Под ред. И. С. Шарковой. Л.: Наука, 1972.

Салтыков Ф. Пропозиции Федора Салтыкова. СПб.: Б. и., 1890.

Санктпетербургские ведомости. СПб., 1732–1740.

Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1867–1916. Т. 1–198.

Татищев В. Н. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / Под ред. А. И. Юхта. М.: Наука, 1990.

Татищев В. Н. Записка В. Н. Татищева об учащихся и расходах на просвещение в России // Разговор о пользе наук и училищ / Под ред. Н. Попова. М.: Университетская тип., 1887. С.

161–162.

Татищев В. Н. Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л.: Наука, 1979.

Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 году…) СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1864.

Фавье Ж. Л. Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. № 29. С. 384–405.

Фавье Ж. Л. Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермьера // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 187–206.

Финкенштейн фон К. В. Ф. Общий отчет о русском дворе (1748) // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750: Приложения / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000. С. 289–326.

Французский авантюрист при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера / Сост. и науч. ред. И. И. Федюкин. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Церемониальный журнал 1737 года. Б. м., б. г.

Церемониальный журнал 1738 года. Б. м., б. г.

Церемониальный журнал 1739 года. Б. м., б. г.

Чернышев Г. П. Записки графа Г. П. Чернышева. 1672–1745 // Русская старина. 1872. № 6. С. 791–802.

Чернышев Г. П. Письма к И. И. Шувалову графа Ивана Григорьевича Чернышева // Русский архив. 1869. № 11. С. 1779–1870.

Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского // Империя после Петра. 1725–1765 / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. С. 9–177.

Шувалов П. И. Письмо графа П. И. Шувалова к Императрице Елисавете // Архив князя Воронцова. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1872. Т. 4. С. 187–188.

Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М.: РОССПЭН, 2010.

Щербатов М. М. Избранные труды / Сост. С. Г. Калинина. М.: РОССПЭН, 2010.

Экстракт из допросов бывшего фельдмаршала графа Миниха // Русский архив. 1864. № 5–6. С. 505–536.

Algarotti F. Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and the Marquis Scipio Maffei: Containing the State of the Trade, Marine, Revenues, and Forces of the Russian Empire. London: Johnson and

Payne, 1769. Vol. 1.

Bentham J. Panopticon Letter XXI // The Works of Jeremy Bentham / Ed. J. Bowring. New York: Russell & Russell, 1962. Vol. 4. P. 62–67.

Forbes G., Lord. An Account of Russia // Bitter M. J. A British Embassy to St. Petersburg: George, Lord Forbes, and the Anglo-Russian Commercial Treaty, 1733–1734. PhD diss. University of Minnesota, 1999. P. 393–403.

Johnson S. A. Dictionary of the English Language. 2 vols. London: W. Strahan, 1755; repr.: New York: Arno Press, 1979.

Johnson S. Projectors Injudiciously Censured and Applauded // The Adventurer. 1753. October 16.

Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford: Oxford University Press, 1857. Vol. 4.

Münnich B. C., von. Ebauche pour donner une idée de la forme du Governement de l'empire de Russie. Copenhagen: N. p., 1774.

Ordonnance de Louis XIV. Pour les Armées navales et Arcenaux de Marine. Paris: Chez Estienne Michallet, 1689.

Perry J. The State of Russia under the Present Czar. London: B. Tooke, 1716. Vol. 1.

Weber F. C. The Present State of Russia … Being an Account of the Government of That Country, Both Civil and Ecclesiastical… London: Printed for W. Taylor in Pater-noster-Row, W. and J. Innys … and J. Osborn, 1723. Vol. 1.

ЛИТЕРАТУРА

Аваков П. А., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Ржеуцкий В. С., Мезен А. Вешери де Кулон Альбрехт де // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 150–154.

Аваков П. А., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Ржеуцкий В. С. Клапье де Колонг Александр // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 311–314.

Агеева О. Г. Христиан-Вильгельм Миних – обер-гофмейстер русского двора: К биографии второго директора Кадетского корпуса // Труды Государственного Эрмитажа. Первый кадетский

корпус во Дворце Меншикова: к 275-летию основания. Материалы научной конференции / Под ред. В. В. Мещерякова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Т. 37. С. 14–19.

Азизбаева Р. Е. Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // Труды Государственного Эрмитажа. / Под ред. В. В. Мещерякова, И. В. Саверкиной. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011. Т. 58: Петровское время в лицах. 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). Материалы научной конференции. С. 5–11.

Алексеевский Б. Белосельский, князь Михаил Андреевич // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцова. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1908. Т. 3: Бетанкур – Бякстер. С. 651–652.

Амелин А. Михаил Собакин: Младенчествующая речь // Арион. 2007. № 3. С. 116–127.

Андреев А. Ю. Лекции по истории Московского университета, 1755–1855. М.: Изд-во Московского университета, 2001.

Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005.

Андреева Е. А. От дворца Меншикова к Первому кадетскому корпусу // Труды Государственного Эрмитажа. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова: к 275-летию основания. Материалы научной конференции / Под ред. В. В. Мещерякова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Т. 37. С. 20–29.

Андриайнен С. В. Империя проектов: Государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011.

Андронов И. К. Первый учитель математики российского юношества Леонтий Филиппович Магницкий // Математика в школе. 1969. № 6. С. 75–78.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

Анисимов Е. В. И. И. Шувалов – деятель русского просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94–104.

Анисимов Е. В. Личность Ивана Шувалова // Философский век. Альманах / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Т. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. С. 13–23.

Анисимов Е. В. М. В. Ломоносов и И. И. Шувалов // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 1. С. 73–83.

Астров Н. П. Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. 1875. № 8. С. 470–488; № 9. С. 90–105; № 10. С. 212–221.

Аурова Н. Н. Система военного образования в России: Кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М.: ИРИ РАН, 2003.

Базарова Т. А. Приключения ганноверцев в России: Малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф. Х. Вебера при дворе Петра I // Труды ГЭ. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. Т. XC: Материалы научной конференции «Петровское время в лицах-2017. С. 49–58.

Балакирева Л. М. А. А. Матвеев во главе Морской Академии (1716–1718 гг.) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала, 13–17 сентября 2006 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2006. Т. 2. С. 18–25.

Бегунов Ю. К. Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова) // XVIII век / Под ред. А. М. Панченко. СПб.: Наука, 1991. Сб. 17. С. 221–248.

Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М.: Университетская тип., 1892.

Белокуров С. С., Зерцалов А. Н. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907. № 1. С. 9–244.

Бенда В. Н. Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке. СПб.: ГУАП, 2009.

Бенда В. Н. К вопросу о возобновлении деятельности Московской военно-инженерной школы в конце первой половины XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. Ч. 1. С. 154–165.

Бенда В. Н. К вопросу о деятельности Объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50-х – начале 60-х годов XVIII века // Известия российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 16–22.

Бенда В. Н. Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 7–15.

Бенда В. Н. Начало руководства артиллерийским и

инженерным корпусом генерал-фельдцейхмейстером Петром Ивановичем Шуваловым (1756–1757) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6–1. С. 119–125.

Бенда В. Н. Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. Ч. 1. С. 34–40.

Бенда В. Н. Развитие артиллерийского и инженерного корпусов под руководством генерал-фельдцейхмейстера Василия Аникитича (Никитича) Репнина (1745–1748) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–1. С. 79–87.

Бенда В. Н. Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2008.

Берков П. Н. У истоков дворянской литературы XVIII века. Поэт Михаил Собакин // Литературное наследство / Под ред. Л. Авербаха. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. Т. 9–10. С. 421–432.

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб.: Морская тип., 1831–1836. Ч. 1–4.

Бескровный Л. Г. Военные школы в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. № 42. С. 285–300.

Биржакова К. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1972.

Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900–1904. Т. 1–4.

Богданов А. П. Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М.: Политиздат, 1990.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т. 1–5.

Богословский М. М. Значение реформ Петра Великого в истории русского дворянства // Богословский М. М. Российский XVIII век: Избранные труды. М.: Интелвак, 2008. Т. 1. С. 21–35.

Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Куприяновы // Труды Института книги, документа и письма. М.: Б. и., 1936. Т. 5. С. 59–67.

Брагоне М. К. Стихотворения в «арифметике» Леонтия Магницкого // History and Literature in Eighteenth-Century Russia /

Eds. S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Hartley. London: Study Group on Eighteenth-Century Russia, 2013. P. 1–28.

Буланин Д. М. Магницкий Леонтий Филиппович // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 3: XVII в. Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 481–487.

Булгаков М. В. Грамотность посадских людей г. Ростова Великого в первой половине XVII в. // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов: Музей-заповедник Ростовский Кремль, 1998. С. 34–39.

Вагеманс Э. Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб.: Европейский дом, 2013.

Вагнер И. Ф. Остерман – немец при дворе российских императоров. Картина жизни и поиски следов // ГИМ. Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время. Каталог выставки. М.: ГИМ, 2000. С. 19–39.

Вахмистрова С. И. Подготовка офицерских кадров для российского флота во второй половине XVIII века (по опыту морского шляхетного кадетского корпуса). Дис. … канд. ист. наук. СПб.: Высшее военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, 1998.

Верховский П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1916. Т. 1.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб.: Тип. Морского Кадетского корпуса, 1852.

Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975.

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. М.: Типо-литография С. И. Архипова и Ко, 1883. Вып. 2.

Винтер Э. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Сб. статей и материалов / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры: к 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. С. 43–46.

Висковатов А. В. Краткая история первого кадетского корпуса. СПб.: Военная тип., 1832.

Вишленкова Е. А. Университетский XIX век в России: дискурсивная история // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Под ред. Е. А.

Вишленковой, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 285–326.

Волков Л. В. Типографская школа – первое крупное учебное заведение в России // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М.: Академия педагогических наук СССР, 1983. С. 89–94.

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Под ред. Д. О. Серова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб.: Тип. Императорских Санкт-Петербургских театров, 1914.

Галем Г. А. Жизнь графа Миниха, Императорского российского Генерал-Фельдмаршала: в 2 т. М.: Университетская тип., 1806.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М.: В тип. Н. Степанова, 1841. Т. 15.

Гольденберг Л. А. Михаил Федорович Соймонов (1730–1804). М.: Наука, 1973.

Горфункель А. Х. Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII – начала XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1962. Т. 18. С. 188–213.

Горфункель А. Х. Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Д. Буланин, 1992. Т. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 128–131.

Гриффитс Д. Екатерина открывает Крым // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 369-385.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб.: Д. Буланин, 2008.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006 / Под ред. Э. Вагеманса. М.: Д. Буланин, 2008.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Под ред. Н. В. Козловой, А. Ю. Прокофьевой. М.: РОССПЭН, 2015.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.

Демидова Н. Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны

Голиковой / Под ред. Л. А. Тимошиной, И. А. Тихонюк. М.: Археографический центр, 1994. С. 152–167.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Отв. сост. Г. А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011.

Денисов А. П. Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739). М.: Просвещение, 1967.

Долбилов М. Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки / Под ред. Б. В. Ананьича. М.: Наука, 2006. Вып. 9. С. 5–48.

Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: Тип. Комиссионера Императорской Академии художеств, Гогенфельдена и Ко, 1864.

Ельницкий А. Римский-Корсаков, Воин Яковлевич // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. 16: Рейтерн – Рольцберг. С. 217–219.

Емелин А. Ю. «Прожект о морских кадетских школах», или Кто задумал Морской корпус // Кортик: Флот. История. Люди / Под ред. А. Ю. Емелина. СПб.: Гангут, 2004. Т. 2. С. 25–31.

Жерве Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912 / Под ред. А. К. Линдеберга. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. Т. 1.

Живов В. Два этапа дисциплинарной революции в России: XVII–XVIII столетия // Cahiers du monde Russe. 2012. Vol. 53. № 2–3. С. 349–374.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М.: Языки русской культуры, 1996.

Жуковская А. В. От поручения к учреждению: А. А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. М.: Альянс-Архео, 2009. Т. 13. С. 314–376.

Забелин И. Е. Детские годы Петра Великого // Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории. М.: Тип. Грачева и Ко, 1872. Т. 1. С. 5–50.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989.

Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб.: Летний сад; Коло, 2001.

Калугин В. В. Педагогическая деятельность Дмитрия Ростовского // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники: Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М.: Академия педагогических наук СССР, 1983. С. 76–84.

Каменева Т. Н. К истории создания «Арифметики» Магницкого // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1984. Т. 48. С. 72–82.

Карпеев Е. П. И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов // Философский век. Альманах. / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Т. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. С. 58–66.

Кирикова О. А., Костина Т. В. Записка Г. Ф. В. Юнкера «О введении одинаковых книг во всех школах Российской империи» (1735): к предыстории школьных реформ в России // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. 2020. № 2 (в печати).

Киселев М. А. «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: записка П. И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании (1761) // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 346–362.

Киселев М. А. «Отворить вход к благополучию дарованиям природным?» Сословная проблематика проектов образовательных реформ И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова на рубеже 50-х – 60-х годов XVIII в. // Россия XXI. 2015. № 6. С. 40–63.

Киселев М. А. Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 317–345.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011.

Кислова Е. И. Грамматическое учение и модели церковного образования 1720-х гг. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 475–491.

Клочков М. В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16.

Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 46–59.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М.: Археографический

центр, 1998.

Козлов С. Л. Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: Как была создана Практическая школа высших исследований // Пермяковский сборник. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. Н. Мазур. М.: Новое издательство, 2010. Т. 2. С. 400–442.

Козлов С. Л. Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Козловский И. П. Ф. М. Ртищев. Историко-биографическое исследование. Киев: Б. и., 1906.

Козловский И. Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев: Тип. Университета св. Владимира, 1895.

Комиссаренко А. И., Чекунова А. Е. Граф П. И. Шувалов – руководитель и реформатор военного дела в России. 1756–1762 гг. // Философский век. Альманах. / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Т. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. С. 297–304.

Копелев Д. Н. Даниил Якоб Вильстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг. // Елагинские чтения / Под ред. С. Н. Чернявского. СПб.: Петроний, 2009. Вып. 4. С. 25–47.

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977.

Корсакова В. Ртищев, Федор Большой Михайлович // Русский биографический словарь / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград: Тип. Акционерного общества «Кадима», 1918. Т. 17: Романова – Рясовский. С. 357–366.

Корякина Е. П. Идеология абсолютизма и политические взгляды П. И. Шувалова // Вестник МГУ. 1991. Сер. 8: История. № 5. С. 17–26.

Костин А. «Выдумкой барыш сосать» или «для пользы общества трудиться»: Аллегорические презентации П. И. Шувалова в публичном пространстве // Русская авантюра. Международная научная конференция. РАНХиГС, 21–23 сентября 2017 г. М.: Дело, 2017. С. 49–54.

Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б.

Лавринович. М., 2014. С. 222–223.

Кошелева О. Е. Пигмалион, отец Отечества. Петр – автодидакт // Родина. 2007. № 11. С. 46–48.

Кошелева О. Е. Обучение в русской средневековой православной традиции // Одиссей. Человек в истории. 2010/2011. М.: Наука, 2012. С. 47–72.

Кошелева О. Е. Рукописный сборник учебного состава и А. А. Виниус // Русь, Россия: Средневековье и Новое время / Под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2013. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. С. 491–498.

Кошелева О. Е. Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века, Новое время / Под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. М.: Наука, 2008. С. 78–94.

Кринщкий Н. А. Леонтий Филиппович Магницкий // Труды II областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Издание Тверской ученой архивной комиссии. Тверь: Тип. Губернского правления, 1906. С. 433–443.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Кром М. М., Пименова Л. А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сб. статей / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2013. С. 7–16.

Кротков А. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1901.

Кротов П. А. Гардемарины Петра I во Франции (из истории русско-французских культурных связей) // Исследования по русской истории. Сб. ст. к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / Под ред. В. В. Пузанова. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2001. С. 256–266.

Кротов П. А. К вопросу об источниках Морского устава Петра I. (Неизвестные уставные флотские положения 1694 и 1699 гг.) // Петербургские чтения – 97: Петербург и Россия. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 287–300.

Кротов П. А. Морская академия в Петровское время // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг.: Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб.: ВИМАИВиВС, 2001. С. 53–54.

Кузнецова В. С., Симонов Р. А. «Цифирная счетная мудрость» – первый русский учебник арифметики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М.: Академия педагогических наук СССР, 1983. С. 94–104.

Кулакова И. П. И. И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» // Философский век. Альманах. / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Т. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. С. 139–151.

Куприянова Т. Г. Гражданская типография Киприановых // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. М.: Студия ТРИТЭ, 1999. Т. 9. С. 9–30.

Куприянова Т. Г. Новые архивные сведения по истории создания «Арифметики» Л. Магницкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия / Под ред. Р. А. Симонова. М.: Наука, 1988. С. 279–282.

Курбатов О. А. Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII в.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб.: ЕУ СПб., 2013. С. 231–249.

Курмачёва М. Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй России. XVI–XVIII вв. / Под ред. Н. И. Павленко. М.: Наука, 1975. С. 240–264.

Курукин И. В. Бирон. М.: Молодая гвардия, 2006.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань: Издатель Трибунский П. А., 2003.

Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля 1730 года. События, люди, документы. М.: Квадрига, 2010.

Кусбер Я. Какие знания нужны дворянину для жизни? Провинциальные и столичные воспитательные дискурсы второй половины XVIII и начала XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Под ред. О. Глаголевой, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Кусбер Я. Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века: Дискурс, законодательство, реальность. М.: РОССПЭН, 2018.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. Памятники русской истории и

культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М.: Русский издательский центр, 1997.

Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1869 гг. М.: Археографический центр, 1999.

Лалаев М. С. Исторический очерк образования и развития Перваго Московскаго кадетскаго корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия, 1778–1878. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1878.

Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. Т. 1.

Ларина [Прокопенко] Я. И. Осмысление роли образования в государственном строительстве: Проекты Генриха Фика в первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 70–98.

Левшин Д. М. Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. СПб.: Тип. Товарищества художественной печати, 1902. Т. 1.

Лихарева Н. И. Из истории педагогической мысли: Вопросы методики истории в России XVIII в. // К 25-летию ученo-педагогической деятельности И. М. Гревса. Сб. статей. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1911. С. 443–476.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750 / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000.

Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе (с 1732 по 1741). СПб.: Книгопечатня Шмидт, 1907.

Лукичев М. П. Григорий Васильевич Львов – учитель царя Алексея Михайловича // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2004. С. 312–317.

Лукичев М. П. К истории русского просвещения конца XVII в. (Итальянская школа братьев Лихудов) // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2004. С. 352–361.

Лукичев М. П. К истории школьного образования в России в XVII веке // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению / Сост. Ю. М. Эскин. М.: Древлехранилище, 2004. С. 344–351.

Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–

1740. Л.: Наука, 1976.

Любжин А. И. История русской школы. М.: Никея, 2014. Т. 1: Русская школа XVIII столетия.

Майков П. М. Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1904.

Масловский С. Д. Репнин, князь Василий Никитич // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1913. Т. 16: Рейтерн – Рольцберг. С. 85–89.

Материалы по истории русского балета / Под ред. М. В. Борисоглебского. Л.: Ленинградское хореографическое училище, 1938. Т. 1.

Медынский Е. Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1954.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015.

Мезин С. А., Гузевич Д. Ю., Брызгалов В. В., Ржеуцкий В. С. Вильбуа Франсуа // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 158–165.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905.

Митюров Б. Н. Развитие педагогической мысли на Украине в XVI–XVII вв. Киев: Радянська школа, 1968.

Мозговая Е. Б. И. И. Шувалов и Академия художеств // Философский век. Альманах / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. Т. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук. С. 152–161.

Мухин Н. Киево-братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новитского, 1893.

Мыльников А. С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л.: Наука, 1991.

Мыльников А. С. Петр III. Повествование в документах и версиях. М.: Молодая гвардия, 2002.

Мюльпфорт Г. Система образования в Галле и ее значение для России 1696–1831 гг. (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи / Под ред. Г. И. Смагиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 159–169.

Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 51–72.

Нелипович С. Г. Позиция Б. Х. фон Миниха в дискуссии 1725 года о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 3–8.

Нечаев Н. В. К 250-летию первых указов Петра I о школах // Советская педагогика. 1951. № 6. С. 15–33.

Ожеро К. Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году // Россия и Франция. XVIII–XX века. Сб. статей / Под ред. П. П. Черкасова. М.: Наука, 2008. Вып. 8. С. 9–31.

Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Под ред. Т. А. Быковой, М. М. Гуревича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Осповат К. Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: Поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 148–183.

Оточкин В. В. Генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов и Обсервационный корпус в Семилетней войне 1756–1763 // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб.: ВИМАИВиВС, 2012. Ч. II. С. 479–490.

Оточкин В. В. Граф П. И. Шувалов: реформатор или прожектер? // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 78–81.

Оточкин В. В. П. И. Шувалов и русская армия 40-х – начала 60-х годов XVIII века. Дис. … канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 1999.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Э. Д. Днепрова. М.: Педагогика, 1989.

Ошанина Е. Н. Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // Советские архивы. 1975. № 1. С. 105–108.

Павленко Н. Петр II. М.: Молодая гвардия, 2006.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897; переизд.: М.: ГПИБ, 2011.

Панченко А. М. Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Т. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 309–313.

Панченко А. Н. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 3: XVII век. Ч. 3: П–С. С. 354–361.

Панченко А. Н. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.:

Дмитрий Буланин, 1993. Т. 3: XVII век. Ч. 3: П–С. С. 362–379.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1862. Т. 1.

Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М.: Изд-во Московского университета, 1953.

Петров Н. И. Киевская академия во второй половине XVII века. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новитского, 1895.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: РОССПЭН, 2014.

Петрухинцев Н. Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н. Н. Петрухинцева, Э. Лоренц. М.: РОССПЭН, 2013. С. 256–283.

Петрухинцев Н. Н. Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова: к 275-летию основания. Материалы научной конференции / Под ред. В. В. Мещерякова. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. Т. 37. С. 132–144.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001.

Писаренко К. А. Елизавета Петровна. Наследница Петровских времен. М.: Вече, 2013.

Писаренко К. А. Из семейной хроники рода Голицыных // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: Студия ТРИТЭ, 2007. Т. 15. С. 9–13.

Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Тартуский университет, 1997.

Подъяпольская Е. П. К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I) // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. / Под ред. Н. И. Павленко. М.: Наука, 1975. С. 181–189.

Полиевктов М. А. Остерман, граф Андрей Иванович // Русский биографический словарь / Под ред. А. А. Половцева. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1905. Т. 12: Обезьянинов – Очкин. С. 405–417.

Польской С. В. Политические проекты И. И. Шувалова конца 1750-х – начала 1760-х годов // Философский век. Альманах / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-

Петербургский центр истории идей, 2000. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. С. 225–231.

Посохова Л. Ю. «Харьковский коллегиум» / «Харьковская академия»: воплощенный проект белгородского епископа Епифания Тихорского // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 99–126.

Посохова Л. Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX века). М.: РОССПЭН, 2016.

Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М.: Университетская тип., 1896.

Рамазанова Д. Н. Богоявленская школа – первый этап Славяно-греко-латинской академии // Очерки феодальной России / Под ред. С. Н. Кистерева. М.: УРСС, 2003. Вып. 7. С. 211–237.

Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685–1694 гг.). Дис. … канд. ист. наук. РГГУ, 2003.

Рамазанова Д. Н. Формирование учебной программы Славяно-греко-латинской академии // Образ науки в университетском образовании. Материалы XVII научной конференции. Москва, 27–29 января 2005 / Под ред. В. А. Муравьева. М.: Изд-во РГГУ, 2005. С. 226–230.

Рамазанова Д. Н. Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской академии 1685–1694 гг. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сб. статей / Сост. Л. А. Тимошина. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 353–364.

Рамазанова Д. Н. Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России / Под ред. С. Н. Кистерева. М.: Альянс-Архео, 2009. Сб. 13. С. 293–313.

Рамазанова Д. Н. Становление системы преподавания в Московской Славяно-греко-латинской академии // Лихудовские чтения. Материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения»: Великий Новгород, 24–26 мая 2004 года. Великий Новгород: НовГУ, 2009. С. 15–20.

Рамазанова Д. Н. Славяно-греко-латинская академия – центр просвещения в России в конце XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. Сб. статей / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 133–141.

Рамазанова Д. Н. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. Екатеринбург: Волот, 2007.

Ржеуцкий В. С. В тени Шувалова: Французский культурный посредник в России барон де Чуди // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. С. 91–124.

Ржеуцкий В. С., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Федюкин И. И. Бодан Шарль, де // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 92–94.

Рождественский С. В. Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVIII–XIX веках // Описание дел архива Министерства народного просвещения / Под ред. С. Ф. Платонова, А. С. Николаева. Петроград: Тип. К. Н. Губинского, 1917. Т. 1. С. XXXI–LI.

Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. Т. 1.

Руднев Д. А. Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 363–399.

Румянцева В. С. Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII веке // Культура Средневековой Москвы: XVII век / Авт.-сост. Л. А. Беляев. М.: Наука, 1999. С. 292–304.

Румянцева В. С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 179–183.

Рункевич С. Г. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1900.

Рункевич С. Г. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра: 1713–1913. Историческое исследование. СПб.: Логос, 2001. Т. 1.

Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб.: Тип. Р. Голике, 1879. Т. 1.

Савельев А. И. Первые кадетские смотры. 1734–1737 гг. // Русская старина. 1890. С. 351–352. Т. 66. № 4–5.

Савич Н. Г. Изучение иностранных языков русскими в XVII веке // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей / Под ред. Н. Г. Савич. М.: Институт истории СССР, 1983. С. 35–79.

Сазонова Л. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006.

Сальво Д. М. Юный россиянин за границей: Дневник И. Нарышкина // XVIII век / Под ред. Н. Д. Кочетковой. СПб.: Наука, 1999. Вып. 21: Памяти П. Н. Беркова (1896–1969). С. 22–32.

Сальман Г. Я. Морской устав 1720 г. – первый свод законов русского флота // Исторические записки / Под ред. А. Л. Сидорова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 53. С. 310–322.

Сафронова А. М. Кравченко О. С. Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (По материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. 2015. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 1 (136). С. 112–126.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 5 т. / Под ред. И. П. Кондакова. М.: Изд-во Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1962–1967.

Седов П. М. Закат московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.

Сергеева С. В. Становление и развитие частного школьного образования в России. Последняя четверть XVIII в. – первая половина XIX в. Дис. … д-ра пед. наук. Московский пед. университет, 2003.

Серов Д. О. Администрация Петра I. М.: ОГИ, 2008.

Серов Д. О. П. И. Ягужинский: грани личности и служебной деятельности // Уральский исторический вестник. 2012. Т. 36. № 3. С. 31–41.

Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1996.

Сивков К. В. Частные школы и пансионы Москвы в 80-х годах XVIII в. // Исторический архив. 1951. № 6. С. 315–323.

Сидоренко Е. Г. Первая артиллерийско-инженерная школа в России // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея / Под ред. В. М. Крылова. Л.: Издание Артиллерийского исторического музея. 1958. С. 81–99. Вып. 3.

Симонов Р. А. Русская учебная математическая литература конца XVII века // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М.: Академия педагогических наук СССР, 1983. С. 104–111.

Смагина Г. И. Академия наук и Российская школа: Вторая половина XVIII в. СПб.: Наука, 1996.

Смагина Г. И. Немецкие образовательные идеи и российская

школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Сост. А. Доронин. М.: РОССПЭН, 2008. С. 205–220.

Смагина Г. И., Лавринович М. Б. Учился ли император Петр II и чему? «Расположение учений императора Петра II» в политическом и академическом контекстах эпохи // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 127–175.

Сменцовский М. Н. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1899.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003.

Смирнов А. В. Из истории просвещения Вологодского края в XIV–XVIII вв. // Материалы по истории местного края. Сб. статей / Ученые записки кафедры истории. Вологда: Б. и., 1967. Т. 35.

Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М.: Тип. В. Готье, 1855.

Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб.: Императорский Санкт-Петербургский университет, 1892.

Соколов Д. И. Историческое и статистическое описание Горнаго Кадетскаго Корпуса. СПб.: В тип. Департамента Народнаго Просвещения, 1830.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен / Отв. ред.: Н. А. Иванов. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1997. Кн. 8. Т. 15–16.

Старикова Л. М. Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740. М.: Радикс, 1995.

Столпянский П. Н. Частные школы и пансионы Петербурга во второй половине XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Ч. 38. № 3. Отд. 3. С. 1–23.

Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуну»: Авантюристы эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Сукновалов А. Е. Очерки по истории военно-морского образования в России при Петре I. Дис. … канд. ист. наук. Ленингр. гос. ун-т., 1947.

Сукновалов А. Е. Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. 1953. № 42. С. 303–311.

Сукновалов А. Е. Чему и как обучали в Петербургской Морской академии при Петре I. (Из истории школы в России XVIII века) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Исторический факультет. 1956. Т. 13. Вып. 2. С. 123–145.

Сумароков А. П. Оды торжественныя. Элегии любовныя. М.: ОГИ, 2009.

Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М.: Русская панорама, 2009.

Тимошина Л. А. «Греко-славянские школы» и русская жизнь XVII в. // Очерки феодальной России / Под ред. С. Н. Кистерева. М.: Альянс-Архео, 2010. Т. 14. С. 520–694.

Тихонов Ю. А. Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М.: Кучково поле, 2011.

Тихонравов Н. С. Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский // Сочинения Н. С. Тихонравова. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 2. С. 156–304.

Толстой Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1883.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974.

Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966.

Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 105–262.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1858–1863. Т. 1–8.

Фабрициус И. Г. Главное инженерное управление. Исторический очерк // Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Под ред. Д. А. Скалона. СПб.: А. И. Вильборг, 1902. Кн. VII. Ч. I.

Федюкин И. И. «От обоих истинное шляхетство»: Сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX вв. / Науч. ред.: И. И. Федюкин, В. Ржеуцкий. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 245–273.

Федюкин И. И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. Сб. статей / Сост. Е. В. Акельев, В. Е. Борисов; отв. ред. Е. Б. Смилянская. М.:

Древлехранилище, 2014. С. 83–142.

Федюкин И. И. Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 176–218.

Федюкин И. И. Лавринович М. Б. Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 264–316.

Федюкин И. И. Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 гг. // «Регулярная академия учреждена будет…» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М.: Новое издательство, 2014. С. 34–69.

Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. статей / Под ред. П. Н. Беркова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 316–325. Т. 5.

Флоря Б. Н. Вопрос о создании греческого училища и греческой типографии в Москве в 30–40-х годах XVII в. // Греческая культура в России XVII–XX вв. Сб. статей / Под ред. Г. Л. Арша. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 12–22.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009.

Фруменкова Т. Г. Екатерина II и И. И. Бецкой (1762–1763 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 4 (66). С. 70–75.

Фруменкова Т. Г. Екатерина II и И. И. Бецкой (1764–1767 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 5 (67). С. 65–71.

Фруменкова Т. Г. И. И. Бецкой в 1704–1756 гг. // Вестник Герценовского университета. 2009. № 1 (63). С. 75–80.

Фруменкова Т. Г. И. И. Бецкой в странах Западной Европы (1756–1761 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 2 (64). С. 63–67.

Фруменкова Т. Г. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 7. 136–143.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Фурсенко В. Люберас или Любрас Фон-Потт, барон Иоганн-

Людвиг // Русский биографический словарь / Под ред. Н. Д. Чечулина, М. Г. Курдюмова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1914. Т. 10: Лабзина – Лященко. С. 799–802.

Харлампович К. В. Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898.

Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд-во книжного магазина М. А. Голубева, 1914.

Хмыров М. Д. Сведения о Василии Киприанове, библиотекаре Московской гражданской типографии при Петре I // Русский архив. 1866. Вып. 8–9. Стб. 1291–1300.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха // Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С. Н. Шубинского. СПб.: Тип. Безобразова и Ко, 1874. С. 217–387.

Ховинг А. В поисках формы: как Петр I изучал голландские кораблестроительные методы // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург. 7–9 июня 2013 года / Сост. А. Кобак, О. Кувалдина. СПб.: Европейский дом, 2014. С. 294–300.

Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование. М.: Университетская тип., 1890.

Черников С. В. Военная элита России 1700–1725 гг.: Меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н. Н. Петрухинцева, Э. Лоренц. М.: РОССПЭН, 2013. С. 45–62.

Черников С. В. Российская элита эпохи реформ Петра Великого: Состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Под ред. А. П. Павлова. СПб.: Наука, 2007. С. 366–386.

Черников С. В. Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. Т. 51. № 2–3. С. 259–280.

Черников С. В. Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // Cahiers du Monde russe. 2009. Т. 50. № 4. С. 699–736.

Чистович И. Феофан Прокопович и его время: в 2 ч. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1868.

Чулков Н. Гессен-Гомбургский принц, Людвиг-Груно-

Вильгельм // Русский биографический словарь / Под ред. Н. П. Чулкова. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. Т. 5: Герберский – Гогенлоэ. С. 149–151.

Ш. А. Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. Отд. 3. С. 30–50.

Шевченко П. В. Г. В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 94–105.

Шляпкин И. А. Св. Дмитрий Ростовский и его время, 1651–1709 г. СПб.: Тип. А. Траншель, 1891.

Шмидт С. О. Внутренняя политика России в середине XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 44–47.

Шмидт С. О. Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Исторический архив. 1962. № 6. С. 100–118.

Шмидт С. О. Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы // Вопросы военной истории России: XVIII – первая половина XIX века. / Под ред. В. И. Шункова. М.: Наука, 1969. С. 390–404.

Шмурло Е. Россия и Италия. Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб.: Тип. Академии наук, 1911. Т. 3.

Шубинский С. Н. Граф Андрей Иванович Остерман: Биографический очерк. СПб.: Тип. В. Спиридонова и Ко, 1863.

Щеглов С. Две санкт-петербургские школы в первой половине XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1912. Ч. 39. № 5. С. 1–55.

Щербо Г. М. Сухарева башня: Исторический памятник и проблема его воссоздания / Отв. ред. С. С. Илизаров. М.: Янус-К, 1997.

Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985.

Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дис. … д-ра филол. наук. МГУ, 2001.

Яламас Д. А. Приветствия учеников Славяно-греко-латинской академии московскому патриарху Иоакиму // The Legacy of the Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow: Proceedings of the International Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26–28 November 1988 / Ed. A. E. Tachiaos. Thessaloniki: Hellenic Association for Slavic Studies, 1992. P. 513–519.

Яламас Д. А. Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 2. С. 119–123.

Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Дис. … канд. филол. наук. МГУ, 1992.

Ястребов А. О. Братья Лихуды в Падуе и Венеции // Вестник церковной истории. 2015. № 1-2 (37–38).

Abad R. La falsification d'identité en France, du règne personnel de Louis XIV a la veille de la Révolution // French Historical Studies. 2016. Vol. 39. № 3. P. 471–508.

Acemoglu D., Jameson M. O. History, Expectations, and Leadership in the Evolution of Social Norms // Review of Economic Studies. 2015. Vol. 82. № 2. P. 423–456.

Adams J. The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Aksan V. H. Breaking the Spell of the Baron de Tott: Reframing the Question of Military Reform in the Ottoman Empire, 1760–1830 // The International History Review. 2002. Vol. 24. № 2. P. 253–277.

Alexander J. T. Ivan Shuvalov and Russian Court Politics, 1749–1763 // Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia / Eds. A. G. Cross, G. S. Smith. Nottingham, UK: Astra Press, 1994. P. 1–15.

Alexopoulos G. Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 4. P. 774–790.

Algran C. P. Madame de Pompadour: Mistress of France. New York: Grove Press, 2002.

Allmayer-Beck J. C. The Establishment of the Theresan Military Academy in Wiener Neustadt // East Central European Society and War in the Pre-Revolutionary Eighteenth Century / Eds. G. E. Rothenberg, B. K. Király, P. F. Sugar. New York: Columbia University Press, 1982. P. 115–121.

Artz F. B. The Development of Technical Education in France, 1500–1850. Cambridge, MA: SHOT and MIT Press, 1966.

Ash E. H. Introduction: Expertise and the Early Modern State // Osiris. 2010. № 25. P. 1–24.

Aya R. The Third Man; or, Agency in History; or, Rationality in Revolution // PhD diss. 2001, December. Vol. 40. № 4. P. 143–152.

Bach T. P. G. A. Francke and the Halle Communication Network: Protection, Politics, and Piety // Pietism and Community in Europe and North America: 1650–1850 / Ed. J. Strom. Leiden: Brill, 2010. P. 95–109.

Balzer H. D. Educating Engineers: Economic Politics and Technical Training in Tsarist Russi. PhD diss. University of Pennsylvania, 1980.

Baron S. H. Henry Lavie and the Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // Forschungen zur osteuropaïschen Geschichte. 1995. № 38. P. 29–50.

Barran T. P. Russia Reads Rousseau, 1762–1825. Evanston, Ill: Northwestern University Press, 2002.

Bartlett R. Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century. London: SSEES, 2000.

Bartlett R. Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / Eds. R. Bartlett, L. Hughes. Münster: LIT-Verlag, 2004. P. 98–115.

Battilana J. Agency and Institutions: The Enabling Role of Individuals' Social Position // Organization. 2006. Vol. 13. № 5. P. 653–676.

Battilana J., Casciaro T. Change Agents, Networks, and Institutions: A Contingency Theory of Organizational Change // Academy of Management Journal. 2012. Vol. 55. № 2. P. 381–398.

Battilana J., D'Aunno T. Institutional Work and the Paradox of Embedded Agency // Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations / Eds. T. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 31–58.

Battilana J., Leca B. The Role of Resources in Institutional Entrepreneurship: Insights for an Approach to Strategic Management That Combines Agency and Institution // Handbook of Research on Strategy and Foresight / Eds. L. A. Costanzo, R. B. MacKay. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 260–274.

Battilana J., Leca B., Boxenbaum E. How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // Academy of Management Annals. 2009. Vol. 3. № 1. P. 65–107.

Beik W. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. 2005. Vol. 188. № 1. P. 195–224.

Ben-David J. The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Berg B. Burchard Christoph Reichsgraf von Münnich (1683–1767). Ein Oldenburger in Zarendiensten. Oldenburg: Isensee, 2011.

Berg B. Burchard Christoph von Münnich: Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie; Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. Oldenburg: Isensee, 2001.

Biagioli M. Galileo, Courtier: The Practice of Science in the Culture of Absolutism. Chicago: University of Chicago Press, 1993.

Bireley R. The Refashioning of Catholicism, 1450–1700: A Reassessment of the Counter Reformation. Washington, DC: Catholic University of America Press, 1999.

Bissonnette G. A. A. Peter the Great and the Church as an Educational Institution // Essays in Russian and Soviet History in Honor of Geroid Tanquary Robinson / Ed. J. S. Curtiss. Leiden: E. J. Brill, 1963. P. 3–19.

Bitter M. Count Ernst Johann Bühren and the Russian Court of Anna Ioannovna // The Man Behind the Queen: Male Consorts in History / Eds. C. Beem, M. Taylor. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 103–124.

Black J. L. Citizens for the Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. Boulder, CO: East European Quarterly, 1979.

Bloomfield A. Norm Antipreneurs and Theorising Resistance to Normative Change // Review of International Studies. 2016. Vol. 42. № 2. P. 310–333.

Boeck B. J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Brown P. B. Muscovite Arithmetic in Seventeenth-Century Russian Civilization: Is It Not Time to Discard the «Backwardness» Label? // Russian History. 2012. Vol. 39. № 4. P. 393–459.

Bruijn J. R. The Dutch Navy of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Columbia: University of South Carolina Press, 1993.

Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York: Oxford University Press, 1982.

Cabrera M. Á. Postsocial History: An Introduction. Lanham, MD: Lexington Books, 2004.

Cabrera M. Á. The Crisis of the Social and Post-Social History // The European Legacy: Towards New Paradigms. 2005. Vol. 10. № 6. P. 611–620.

Campbell P. R. Power and Politics in Old Regime France, 1720–1745. London: Routledge, 1996.

Cassis Y., Minoglou I. P. Entrepreneurship in Theory and History: State of the Art and New Perspectives // Entrepreneurship in Theory and History / Eds. Y. Cassis, I. P. Minoglou. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2005. P. 3–24.

Childs J. Armies and Warfare in Europe, 1648–1789. New York: Holmes and Meier, 1982.

Chrissidis N. A. Academy at the Courts of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, IL:

Northern Illinois University Press, 2016 (русский перевод: *Хриссидис Н.* Академия при царском дворе. М., 2021. Готовится к печати).

Combeau Y. Le Comte d'Argenson, 1696–1764: Ministre de Louis XV. Paris: Ecole des Chartes, 1999.

Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei? // Slavic Review. 1981. Vol. 40. № 2. P. 173–193.

Cracraft J. Feofan Prokopovich // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. C. Garrard. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 75–105.

Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. Stanford: Stanford University Press, 1971.

Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2004.

Cracraft J. The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Crousaz A. F. J. von. Geschichte des Königlich Preußischen Kadetten-Corps nach seiner Entstehung, seinem Entwicklungsgange und seinen Resultaten. Berlin: H. Schindler, 1857.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton: Princeton University Press, 1983.

Curtiss M. K. A Forgotten Empress: Anna Ivanovna and Her Era, 1730–1740. New York: Ungar, 1974.

Dainville F. D. L'instruction des Gardes de la Marine à Brest en 1692 // Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. 1956. Vol. 9. № 4. P. 323–338.

Dear P. Discipline and Experience: The Mathematical Way in the Scientific Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

Defoe D. An Essay upon Projects / Eds. J. D. Kennedy, M. Seidel, M. E. Novak. New York: AMS Press, 1990.

Dickinson H. W. Educating the Royal Navy: Eighteenth- and Nineteenth-Century Education for Officers. Hove, Sussex, UK: Psychology Press, 2007.

DiMaggio P. Interest and Agency in Institutional Theory // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / Ed. L. Zucker. Cambridge: Ballinger Pub. Co, 1988. P. 3–22.

Dorwart R. A. The Prussian Welfare State Before 1740. Cambridge: Harvard University Press, 1971.

Dyke C. van. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. New York: Greenwood Press, 1990.

Ellerton N. F., Clements M. A. (Ken). Rewriting the History of School Mathematics in North America 1607–1861: The Central Role of Cyphering Books. New York: Springer, 2012.

Ermakoff I. Rational Choice May Take Over // Bourdieu and

Historical Analysis / Ed. P. Gorski. Durham, NC: Duke University Press, 2013. P. 89–106.

Ermakoff I. Theory of Practice, Rational Choice and Historical Change // Theory and Society. 2010. Vol. 39. № 5. P. 527–553.

Fedosov D. A Scottish Mathematician in Russia: Henry Farquharson in Russia (c. 1675–1739) // The Universities of Aberdeen and Europe: The First Three Centuries / Ed. P. Dukes. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1995. P. 102–118.

Fedyukin I. «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites»: Génie and Governance in Post-Petrine Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. Vol. 11. № 4. P. 741–762.

Fedyukin I. I. Before the Panopticon: School Building and 'Discipline' in Early Modern Russia // Russian Review. 2018. Vol. 77. № 2. P. 200–218.

Fedyukin I. I. Nobility and Schooling in Russia, 1700s – 1760s: Choices in Social Context // Journal of Social History. 2016. Vol. 49. № 3. P. 558–584.

Fedyukin I. I. The «German» Reign of Empress Anna: Russia's «Disciplinary» Moment? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. Vol. 19. № 2. P. 363–384.

Fedyukin I., Gabdrakhmanov S. Cultural Capital in an Early Modern Elite School: The Noble Cadet Corps in St. Petersburg, 1732–1762 // Journal of Interdisciplinary History. 2016, Spring. № 46. P. 485–516.

Fedyukin I., Zitser E. For Love and Fatherland: Early Modern Patronage Politics and the Origins of Russia's First Female Order of Chivalry // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. № 1. P. 5–44.

Flynn J. T. V. N. Karazin, the Gentry, and Kharkov University // Slavic Review. 1969. Vol. 28. № 2. P. 209–220.

Fortna B. Imperial Classroom: Islam, Education and the State in the Late Ottoman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995.

Frey L., Frey M. The Treaties of the War of the Spanish Succession: A Historical and Critical Dictionary. Westport, CT: Greenwood Press, 1995.

Froumin I., Kuzminov Ia., Semyonov D. Institutional Diversity in Russian Higher Education: Revolutions and Evolution // European Journal of Higher Education. 2014. Vol. 4. № 3. P. 209–234.

Gawthrop R. L. Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Glete J. Warfare, Entrepreneurship, and the Fiscal-Military State // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. J. B. Trim. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 300–321.

Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück. (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden: Harrasowitz, 2005.

Gorsky P. S. The Disciplinary Revolution: Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Graber F. Du faiseur de projet au projet régulier dans les Travaux Publics (XVIIIe – XIXe siècles): Pour une histoire des projets // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2011. Vol. 58. № 3. P. 7–33.

Graham A. Corruption, Party, and Government in Britain, 1702–1713. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Griffiths D. M. Catherine II Discovers the Crimea // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Vol. 56. № 3. P. 339–348.

Guízar H. A. «Make a Hard Push for It»: the Benthams, Foucault, and the Panopticons' Roots in the Paris École Militaire // Lumen. 2018. № 37. P. 151–173.

Halle und Osteuropa. Zur europäischen Ausstrahlung des hallischen Pietismus / Eds. J. Wallmann, U. Strater. Tübingen: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 1998.

Hans N. The Moscow School of Mathematics and Navigation (1701) // Slavonic and East European Review. 1951, June. Vol. 29. № 73. P. 532–536.

Hartley J. The Boards of Social Welfare and the Financing of Catherine II's State Schools // The Slavonic and East European Review. 1989. Vol. 67. № 2. P. 211–227.

Hennet L. C. Les compagnies de cadets-gentilshommes et les écoles militaries. Paris: L. Baudoin et Co., 1889.

Hevia J. The Imperial Security State: British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Holquist P. «In Accord with State Interests and the People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. 2010, Spring. Vol. 69. № 1. P. 151–179.

Hooper-Hamersley R. The Hunt after Jeanne-Antoinette de Pompadour: Patronage, Politics, Art, and the French Enlightenment. Lanham: Lexington Books, MD, 2011.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.

Ivanov A. V. Reforming Orthodoxy: Russian Bishops and Their Church, 1721–1801. PhD diss. Yale University, 2012.

Jones W. G. The Morning Light Charity Schools, 1777–1780 // Slavonic and East European Review. 1978. Vol. 56. № 1. P. 47–67.

Kettering S. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York: Oxford University Press, 1986.

Kivelson V. A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996.

Klueting H., Klueting E. Heinrich Graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg: 1687 bis 1747. Bochum: Studienverlag Brockmeyer, 1976.

Kollmann N. S. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Kosheleva O. E. Education as a Problem in the Seventeenth Century Russia // The State in Early Modern Russia: New Directions / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, IN.: Slavica Publishers, 2019. P. 191–217.

Kosheleva O. To Discipline Those Who Teach: The Penetration of Petrine Educational Reforms into Russian Educational Practice // Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser / Eds. G. Marker, J. Neuberger, M. Poe, S. Rupp. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2010. P. 317–328.

Krom M. Formen der Patronage im Russland des 16 und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2009. № 57. P. 321–345.

Kusber J. Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart: Steiner, 2004 (русский перевод: *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018).

Kuxhausen A. From the Womb to the Body Politic: Raising the Nation in Enlightenment Russia. Madison: University of Wisconsin Press, 2013.

Landet, Jean-Baptiste // Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / Eds. A. Mézin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire: CIEDS, 2011. Vol. 2. P. 464–465.

Landweber J. Fashioning Nationality and Identity in the Eighteenth Century: The Comte de Bonneval in the Ottoman Empire // The International History Review. 2008. Vol. 30. № 1. P. 1–31.

Laulan R. La fondation de l'École militaire et Madame de Pompadour // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1974. Vol. 21. № 2. P. 284–299.

Laulan R. L'École militaire de Paris. Le monument 1751–1788.

Paris: A. & J. Picard, 1950.

Lawrence T. B., Suddaby R. Institutions and Institutional Work // Sage Handbook of Organization Studies / Eds. S. R. Clegg, C. Hardy, T. B. Lawrence, W. R. Nord. London: Sage, 2006. P. 215–254.

Lawrence T. B., Suddaby R., Leca B. Introduction: Theorizing and Studying Institutional Work // Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations / Eds. T. B. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 1–29.

Leonard C. S. Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1993.

Levy A. Military Reform and the Problem of Centralization in the Ottoman Empire in the Eighteenth Century // Middle Eastern Studies. 1982, July. Vol. 18. № 3. P. 227–249.

Ley F. Le Marechal de Munnich et la Russie au XVIIIe siècle. Paris: Plon, 1959.

Liechtenhan F. Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen // Quaestio Rossica. 2015. № 1. P. 59–70.

Long P. O. Artisan/Practitioners and the Rise of the New Sciences, 1400–1600. Corvallis: Oregon State University Press, 2011.

Madariaga I. de. The Foundation of the Russian Educational System by Catherine II // The Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57. № 3. P. 369–395.

Marker G. Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration // Slavic Review. 1990. Vol. 49. № 1. P. 74–89.

Marschke B. «Lutheran Jesuits»: Halle Pietist Communication Networks at the Court of Friedrich Wilhelm I of Prussia // The Covenant Quarterly. 2006, November. Vol. 65. № 4. P. 19–38.

Marschke B. «Wir Halenser»: The Understanding of Insiders and Outsiders among Halle Pietists in Prussia under King Frederick William I (1713–1740) // Pietism and Community in Europe and North America: 1650–1850 / Ed. J. Strom. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 81–93.

Martin R. E. The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // Slavic Review. 2010, Summer. Vol. 69. № 2. P. 410–425.

Meehan-Waters B. Autocracy & Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1982.

Mettam R. Power and Faction in Louis XIV's France. New York: B. Blackwell, 1988.

Mézin A. Les Consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792). Paris: Direction des Archives et de la Documentation Ministère des Affaires étrangères, 1997.

Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-

Pétersbourg, 1713–1792. Inventaire Analitique des articles AE B1 982 à 989, du fonds dit Affaires étrangères. Paris: Archives nationales, 2009.

Mintrom M. Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, DC: Georgetown University Press, 2000.

Mintrom M., Norman P. Policy Entrepreneurship and Policy Change // The Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37. № 4. P. 649–667.

Mironov B. The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries // History of Education Quarterly. 1991. Vol. 31. № 2. P. 229–252.

Mokyr J. A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy. Princeton, NJ: Princeton Univercity Press, 2016.

Mormiche P. Devenir prince: L'école du pouvoir en France, XVIIe – XVIIIe siècles. Paris: CNRS Éditions, 2009.

Norris S. M., Sunderland W. Introduction: Russia's People of Empire // Russian's People of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to the Present / Eds. S. M. Norris, W. Sunderland. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2012. P. 1–17.

North D. C. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Novak M. E. Introduction // The Age of Projects / Ed. M. E. Novak. Toronto: University of Toronto Press, 2008. P. 3–28.

Okenfuss M. J. Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. New Series. 1979. Vol. 27. № 1. P. 41–68.

Okenfuss M. J. Education in Russia in the first half of the eighteenth century. PhD diss. Harvard University, 1970.

Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 131–145.

Okenfuss M. J. Technical Training in Russia under Peter the Great // History of Education Quarterly. 1973, Winter. Vol. 13. № 4. P. 325–345.

Okenfuss M. J. The Jesuit Origins of Petrine Education: Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 107–120.

Okenfuss M. J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagans, Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy. Leiden: E. J. Brill, 1995.

Okenfuss M. J. V. O. Kliuchevskii on Childhood and Education in Early Modern Russia // History of Education Quarterly. 1977, Winter. Vol. 17. № 4. P. 417–447.

Ospovat K. Mikhail Lomonosov Writes to his Patron: Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. New Series. 2011. Vol. 59. № 2. P. 240–266.

Parrott D. From Military Enterprise to Standing Armies: State, Society and Military Organization, 1600–1700 // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. Trim. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 74–95.

Parrott D. The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Pesciarelli E. Smith, Bentham, and the Development of Contrasting Ideas on Entrepreneurship // History of Political Economy. 1989. Vol. 21. № 3. P. 521–536.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm: Nordiska bokhandeln, 1979.

Plumley N. M. The Royal Mathematical School, Christ's Hospital // History Today. 1973, August 1. P. 581–587.

Poe M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki: Finnish Academy of Sciences and Letters, 2004. Vol. 1: The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign's Court», 1613–1713.

Potter C. J. The Russian Church and the Politics of Reform in the Second Half of the Seventeenth Century. PhD diss. Yale University, 1993.

Projektemacher. Zur Produktion von Wissen in der Vorform des Scheiterns / Ed. M. Krajewski. Berlin: Kulturverlag Kadmos, 2004.

Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York: Harcourt, Brace & World, 1966.

Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983.

Ralston D. Importing the European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into the Extra-European World, 1600–1914. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

Ransel D. L. Ivan Betskoi and the Institutionalization of the Enlightenment in Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. № 3. P. 327–338.

Ransel D. L. The «Memoirs» of Count Münnich // Slavic Review. 1971, December. Vol. 30. № 4. P. 843–852.

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven: Yale University Press, 1975.

Ratcliff J. Art to Cheat the Common-Weale: Inventors, Projectors, and Patentees in English Satire, ca. 1630–1670 // Technology and

Culture. 2012. Vol. 53. № 2. P. 337–365.

Rieber A. J. Bureaucratic Politics in Imperial Russia // Social Science History. 1978, Summer. Vol. 2. № 4. P. 399–413.

Rieber A. J. Interest-Group Politics in the Era of the Great Reforms // Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Eds. B. Eklof, J. Bushnell, L. G. Zakharova. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994. P. 58–83.

Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la sociéte russe à l'époque des Lumières // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 3. P. 473–527.

Roberts N. C., King P. J. Policy Entrepreneurs: Their Activity Structure and Function in the Policy Process // Journal of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175.

Rodger N. A. M. The Wooden World: An Anatomy of the Georgian Navy. Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1986.

Roth S. Les Aventuriers au XVIIIe siècle. Paris: Editions Galilée, 1980.

Rowlands G. Agency Government in Louis XIV's France: The Military Treasurers of the Elite Forces // War, Entrepreneurs, and the State in Europe and the Mediterranean, 1300–1800 / Ed. J. Fynn-Paul. Leiden: Brill, 2014. P. 215–234.

Rowlands G. The Dynastic State and the Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1701. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Ryan W. F. Peter the Great's English Yacht // The Mariner's Mirror. 1983. Vol. 69. № 1. P. 65–87.

Scaglione A. The Liberal Arts and the Jesuit College System. Amsterdam: John Benjamins Pub. Co., 1986.

Schmitt-Maass C. Quietistic Pietists? The Reception of Fenelon in Central Germany c. 1700 // Fénelon in the Enlightenment: Traditions, Adaptations, and Variations / Eds. J. Le Brun, C. Schmitt-Maass, S. Stockhorst, D. Ahn. Amsterdam: Rodopi, 2014. P. 147–170.

Schotte M. E. A Calculated Course: Creating Transoceanic Navigators, 1580–1800. PhD diss. Princeton University, 2014.

Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy. London: Routledge, 1994.

Scott H. M. The Rise of the First Minister in Eighteenth Century Europe // History and Biography: Essays in Honour of Derek Beales / Eds. D. E. D. Beales, T. C. W. Blanning, D. Cannadine. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 21–52.

Shaw D. G. Recovering the Self: Agency after Deconstruction // Sage Handbook of Historical Theory / Eds. S. Foot, N. Partner. London: Sage, 2012. P. 474–494.

Smith D. K. Structuring Politics in Early Eighteenth-Century

France: The Political Innovations of the French Council of Commerce // Journal of Modern History. 2002, September. Vol. 74. № 3. P. 490–537.

Soll J. S. The Information Master: Jean-Baptiste Colbert's Secret State Intelligence System. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011.

Spitz L. W. The Importance of the Reformation for the Universities: Culture and Confession in the Critical Years // Rebirth, Reform and Resilience: Universities in Transition, 1300–1700 / Eds. J. M. Kittelson, P J. Transue. Columbus: Ohio University Press, 1984. P. 42–67.

Steeck W., Thelen K. Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / Eds. W. Steeck, K. Thelen. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 1–7.

Stevens C. B. Belgorod – Notes on Literacy and Language in the Seventeenth-Century Russian Army // Russian History. 1980. Vol. 7. № 1. P. 113–124.

Stoeffler F. E. German Pietism during the Eighteenth Century. Leiden: Brill, 1973.

Stoeffler F. E. The Rise of Evangelical Pietism. Leiden: Brill, 1965.

Teodoro M. P. Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and the Innovative Administrator. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2014.

The World of the Favourite / Eds. J. H. Elliott, L. W. B. Brockliss. New Haven: Yale University Press, 1999.

Thirsk J. Economic Policy and Projects: The Development of a Consumer Society in Early Modern England. Oxford: Clarendon Press, 1978.

Thomson G. M. First Churchill: The Life of John, 1st Duke of Marlborough. New York: Morrow, 1980.

Thorvaldsen G. Swedes in Siberian Diaspora // Sibirica. 2008. № 7. P. 47–66.

Tichovskis H. Provost Ernst Gluck as Educator of Livonia and Russia // Slavic Review. 1965, June. Vol. 24. № 2. P. 307–313.

Usitalo S. A. The Invention of Mikhail Lomonosov: A Russian National Myth. Brighton, MA: Academic Studies Press, 2013.

Uyar M., Erickson E. J. A Military History of the Ottomans: From Osman to Ataturk. Santa Barbara, CA: Praeger, 2009.

Vergé-Franceschi M. Marine et Éducation sous l'Ancien régime (1752–1792). Paris: Éditions du CNRS, 1991.

Vischer M. Münnich. Ingenieur, Feldherr, Hochverräter. Frankfurt: Societäts-verlag, 1948.

Wakefield A. The Disordered Police State: German Cameralism as

Science and Practice. Chicago: University of Chicago Press, 2009.

Walker F. A. Popular Response to Public Education in the Reign of Tsar Alexander I (1801–1825) // History of Education Quarterly. 1984, Winter. Vol. 24. № 4. P. 527–543.

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkley: University of California Press, 1978.

Werrett S. Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

Werrett S. The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth-Century Russia // Osiris. 2010. Vol. 25. № 1. P. 104–126.

Winter E. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1981.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie-Verlag, 1953.

Witzenrath C. Literacy and Orality in the Eurasian Frontier: Imperial Culture and Space in Seventeenth-century Siberia and Russia // The Slavonic and East European Review. 2009. Vol. 87. № 1. P. 53–77.

Yamamoto K. Taming Capitalism before its Triumph: Public Service, Distrust, and «Projecting» in Early Modern England. Oxford: Oxford University Pres, 2018.

Zitser E. A. A Mason-Tsar? Freemasonry and Fraternalism at the Court of Peter the Great // Freemasonry and Fraternalism in Eighteenth-Century Russia / Eds. A. Önnerfors, R. Collis. Sheffield: Centre for Research into Freemasonry and Fraternalism, University of Sheffield, 2009. P. 7–32.

Zitser E. A. Post-Soviet Peter: New Histories of the Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005, Spring. Vol. 6. № 2. P. 375–392.

Zitser E. A. The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004 (русский перевод: *Зицер Э*. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008).

Zitser E. A. The Vita of Prince Boris Ivanovich «Korybut»-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Vol. 59. № 2. P. 163–194.

notes

Примечания

1

О Сильвестре см.: *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. М., 1896; *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895; *Богданов А. П.* Перо и крест: Русские писатели под церковным судом. М., 1990. С. 233–382; *Панченко А. Н.* Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1993. Т. 3: XVIII век. Ч. 3: П–С. С. 354–361. Цитата см.: *Прозоровский А. А.* Сильвестр Медведев. С. 338.

2

О «Привилегии» см.: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 190–213. Сам текст опубликован на с. 223–231.

З

Панченко А. Н. Сильвестр. С. 356–358.

4

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы. С. 214–217. Столкновение между Медведевым и патриархом традиционно описывалось как отражение идеологических разногласий (в первую очередь, между «грекофилами» и сторонниками «латинской» ориентации). Кэти Портер, однако, настаивает, что идеологически очерченных противоборствующих группировок не существовало и их описания в историографии являются ретроспективной проекцией более поздних культурных процессов. *Potter C. J.* The Russian Church and The Politics of Reform in The Second Half of The Seventeenth Century. PhD diss. Yale University, 1993. P. 384–394. Среди недавних работ на эту тему см.: *Chrissidis N. A.* An Academy at The Courts of The Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. DeKalb, IL, 2016 (русский перевод: *Хриссидис Н.* Академия при царском дворе. М: Новое литературное обозрение. Готовится к печати). О свержении режима регентства в 1689 году. см.: *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1869 гг. М.: Археографический центр, 1999. С. 157–190.

Панченко А. Н. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1993. Т. 3: XVIII век. Ч. 3: П–С. С. 362–379.

6

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы. С. 208–211, 214–215. Цитата на с. 215; о школе монаха Тимофея см.: С. 103–173; *Панченко А. Н.* Сильвестр. С. 355–356; *Горфункель А. Х.* Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1992. Т. 3: XVII в. Ч. 1: А–З. С. 128–131.

Ключевые работы: *Raeff M.* Origins of The Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility. New York, 1966; *Okenfuss M. J.* Technical Training in Russia under Peter The Great // History of Education Quarterly. 1973, Winter. Vol. 13. № 4. P. 325–345; *Black J. L.* Citizens for The Fatherland: Education, Educators and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. Boulder, CO, 1979; *Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts: Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004 (русский перевод: *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018); *Бенда В. Н.* Создание и развитие системы подготовки военных кадров в России в конце XVII – первой половине XVIII вв. СПб., 2008.

8

Превосходный анализ историографии по данной работе приводится в работе: *Kosheleva O. E.* Education as a Problem in Seventeenth Century Russia // The State in Early Modern Russia: New Directions / Ed. P. Bushkovitch. Bloomington, IN., 2019. P. 191–217.

9

Black J. L. Citizens for The Fatherland. P. 3. Совсем недавно эта парадигма была вновь – и с обескураживающей прямолинейностью – воспроизведена в: *Любжин А. И.* История русской школы. Русская школа XVIII столетия. Т. 1. М., 2014.

10

См., например: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 152–154; и, конечно же: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, донесения, челобитья и иностранные источники. М.; Л., 1945. Т. 1; *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017.

11

Bushkovitch P. Peter The Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 3. Обращаясь к более раннему периоду, М. М. Кром также призывает нас «отрешиться от мысли, будто при самодержавном строе любой правительственный шаг предпринимался по воле царствующего монарха» (*Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 610).

Artz F. B. The Development of Technical Education in France, 1500–1850. Cambridge, MA, 1966. P. 44–46.

13

Ley F. Le Marechal de Munnich et la Russie au XVIIIe siècle. Paris, 1959. P. 4.

Beik W. The Absolutism of Louis XIV as Social Collaboration // Past & Present. 2005. Vol. 188. № 1. P. 195–224.

15

См., например: *Kettering Sh.* Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York, 1986; *Mettam R.* Power and Faction in Louis XIV's France. New York, 1988; *Campbell P. R.* Power and Politics in Old Regime France, 1720–1745. London, 1996; *Adams J.* The Familial State: Ruling Families and Merchant Capitalism in Early Modern Europe. Ithaca, 2005.

16

См.: *Martin R. E.* The Petrine Divide and The Periodization of Early Modern Russian History // Slavic Review. 2010, Summer. Vol. 69. № 2. P. 410–425. Доводы в пользу понимания петровской эпохи именно как «разрыва» и революции см. в: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago, 1988; *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago, 1997; *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. Cambridge, MA, 2004.

17

Обзор новых трендов в литературе см. в: *Zitser E. A.* Post-Soviet Peter: New Histories of The Late Muscovite and Early Imperial Russian Court // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005, Spring. Vol. 6. № 2. P. 375–392.

18

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven, 1975. P. 1–2.

19

О роли родственных/клановых связей и сетей см.: *Crummey R. O.* Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983; *Kollmann N. Sh.* Kinship and Politics: The Making of The Muscovite Political System, 1345–1547. Stanford, 1987; *Kivelson V. A.* Autocracy in The Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in The Seventeenth Century. Stanford, 1996; *Berelowitch A.* La hiérarchie des égaux: La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe – XVIIe siècles). Paris, 2001; *Poe M. T.* The Russian Elite in The Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of The Russian «Sovereign's Court», 1613–1713; *Krom M.* Formen der Patronage im Russland des 16 und 17. Jahrhunderts: Perspektiven der vergleichenden Forschung im europäischen Kontext // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2009. № 57. P. 321–345. Среди работ, в которых подчеркивается межпоколенческая преемственность внутри элит, можно выделить: *Meehan-Waters B.* Autocracy & Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, NJ, 1982; *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого: Состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Под ред. А. П. Павлова. СПб., 2007. С. 366–386; *Черников С. В.* Эволюция высшего командования российской армии и флота первой четверти XVIII века: к вопросу о роли европейского влияния при проведении петровских военных реформ // Cahiers du Monde russe. 2009. № 50. С. 699–736; *Черников С. В.* Состав и особенности социального статуса светской правящей элиты России первой четверти XVIII века // Cahiers du Monde russe. 2010. № 51. С. 259–280; *Черников С. В.* Военная элита России 1700–1725 гг.: Меритократические и аристократические тенденции в кадровой политике Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н. Н. Петрухинцева, Э. Лоренц. М., 2013. С. 45–62.

Седов П. М. Закат московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; *Bushkovitch P.* Peter The Great.

21

См.: *Zitser E. A.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at The Court of Peter The Great. Ithaca, NY, 2004 (русский перевод: *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008).

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: Западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг. Екатеринбург, 2007.

Beik W. Absolutism of Louis XIV. P. 208.

24

Мое понимание поведения индивидов, из которого я здесь исхожу, близко к изложенному в работах: *Ermakoff I.* Rational Choice May Take Over // Bourdieu and Historical Analysis / Ed. P. Gorski. Durham, NC, 2013. P. 89–106; *Ermakoff I.* Theory of Practice, Rational Choice and Historical Change // Theory and Society. 2010, August. № 39. P. 527–553. См. также: *Aya R.* The Third Man; or, Agency in History; or, Rationality in Revolution // History and Theory. 2001, December. Vol. 40. № 4. P. 143–152.

Rowlands G. The Dynastic State and The Army under Louis XIV: Royal Service and Private Interest, 1661–1701. Cambridge, 2002; *Soll J. S.* The Information Master: Jean-Baptiste Colbert's Secret State Intelligence System. Ann Arbor, 2011; *Graham A.* Corruption, Party, and Government in Britain, 1702–1713. Oxford, 2015; *Wakefield A.* The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice. Chicago, 2009. P. 138.

Rowlands G. The Dynastic State. P. 1, 266.

Wakefield A. Disordered Police State. P. 16.

Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia. P. 7, 134. Почти одновременно с Ранселом феномен «бюрократической политики» XIX века был «открыт» Альфредом Рибером (Rieber A. J. Bureaucratic Politics in Imperial Russia // Social Science History. 1978, Summer. Vol. 2. No 4. P. 399–413) и другими историками, развивающими его идеи. В частности, Питер Холквист продолжает эту линию в своем исследовании Главного управления земледелия и землеустройства в 1900–1920-х годах., однако его интересуют в первую очередь идейное измерение и особая институциональная культура, возникающая в рамках данного ведомства, а не траектория институционального развития как таковая (*Holquist P.* «In Accord with State Interests and The People's Wishes»: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. 2010, Spring. Vol. 69. № 1. P. 151–179). Брайан Дж. Бек в своей недавней работе указывает, что поглощение империей территории донских казаков, в результате которого в этот регион и пришли современные представления о территориальных границах и суверенитете, было отражением сложного и постоянно меняющегося баланса сил и интересов между разными царскими сановниками и ведомствами, а также способности самих казаков навязывать царским представителям повестку и концептуальный аппарат и, наоборот, манипулировать навязываемыми им самим из Москвы представлениями (*Boeck B. J.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in The Age of Peter The Great. Cambridge, 2009. P. 3, 7, 117).

Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 46–47.

Жуковская А. В. От поручения к учреждению: А. А. Курбатов и «крепостное дело» при Петре I // Очерки феодальной России. М., 2009. Т. 13. С. 314–376. Роль индивидуальных иерархов в трансформации православной церкви при Петре и его преемниках недавно была рассмотрена в работе: *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy: Russian Bishops and Their Church, 1721–1801. PhD diss. Yale University, 2012.

Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996.

32

Кром М. М. «Вдовствующее царство». С. 616. См. также: *Седов П. М.* Закат московского царства. С. 30–33, 31, 42–45, 345–346, 551.

North D. C. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, 1990. P. 16.

См.: *Shaw D. G.* Recovering The Self: Agency after Deconstruction // Sage Handbook of Historical Theory / Eds. S. Foot, N. Partner. London, 2012. P. 474–494; *Cabrera M. A.* Postsocial History: An Introduction. Lanham, MD, 2004. P. 1–19; *Cabrera M. A.* The Crisis of The Social and Post-Social History // The European Legacy: Towards New Paradigms. 2006. Vol. 10. № 6. P. 611–620. О проблеме субъектности («агентности») в истории см. тематический выпуск «Agency after Postmodernism» журнала History and Theory (2001, December. Vol. 40. № 4).

35

О важности биографической перспективы см.: *Norris S. M., Sunderland W.* Introduction: Russia's People of Empire // Russian Peoples of Empire: Life Stories from Eurasia, 1500 to The Present / Eds. S. M. Norris, W. Sunderland. Bloomington and Indianapolis, 2012. P. 1–17. В последнее время агентность в контексте России раннего Нового времени весьма плодотворно рассматривалась также сквозь призму «самоизобретения» (*self-fashioning*), то есть целенаправленного конструирования собственного социального и культурного облика в диалоге с заданными извне шаблонами. См.: *Zitser E. A.* The Vita of Prince Boris Ivanovich «Korybut»-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at The Court of Peter The Great // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Vol. 59. № 2. P. 163–194, и другие материалы в том же номере журнала. О «самоизобретении» в советском контексте см., например: *Alexopoulos G.* Portrait of a Con Artist as a Soviet Man // Slavic Review. 1998, Winter. Vol. 57. № 4. P. 774–790.

Johnson S. Projectors Injudiciously Censured and Applauded // The Adventurer. 1753, October 16. P. 99.

Glete J. Warfare, Entrepreneurship, and The Fiscal-Military State // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. J. B. Trim. Cambridge, 2010. P. 307–316.

Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy. London, 1994. P. 132–133; *Cassis Y., Minoglou I. P.* Entrepreneurship in Theory and History: State of The Art and New Perspectives // Entrepreneurship in Theory and History / Eds. Y. Cassis, I. P. Minoglou. Houndmills; Basingstoke; Hampshire, 2005. P. 5.

Steeck W., Thelen K. Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies / Eds. W. Steeck, K. Thelen. Oxford, 2005. P. 1–7.

Lawrence T. B., Suddaby R. Institutions and Institutional Work // Sage Handbook of Organization Studies / Eds. S. R. Clegg, C. Hardy, T. B. Lawrence, W. R. Nord. 2nd ed. London, 2006. P. 215.

DiMaggio P. Interest and Agency in Institutional Theory // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment / Ed. L. Zucker. Cambridge, 1988. P. 3–22.

Например: *Roberts N. C., King P. J.* Policy Entrepreneurs: Their Activity Structure and Function in The Policy Process // Journal of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1. № 2. P. 147–175; *Mintrom M.* Policy Entrepreneurs and School Choice. Washington, DC, 2000; *Mintrom M., Norman P.* Policy Entrepreneurship and Policy Change // The Policy Studies Journal. 2009. Vol. 37. № 4. P. 649–667; *Teodoro M. P.* Bureaucratic Ambition: Careers, Motives, and The Innovative Administrator. Baltimore, 2014.

Например: *Battilana J., Casciaro T.* Change Agents, Networks, and Institutions: A Contingency Theory of Organizational Change // Academy of Management Journal. 2012, April. Vol. 55. № 2; *Battilana J., Leca B., Boxenbaum E.* How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship // Academy of Management Annals. 2009. № 3. P. 65–107; *Battilana J.* Agency and Institutions: The Enabling Role of Individuals' Social Position // Organization. 2006. № 13. P. 653–676; *Battilana J., D'Aunno T.* Institutional Work and The Paradox of Embedded Agency // Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations / Eds. T. B. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge, 2009. P. 31–58; *Battilana J., Leca B.* The Role of Resources in Institutional Entrepreneurship: Insights for an Approach to Strategic Management That Combines Agency and Institution // Handbook of Research on Strategy and Foresight / Eds. L. A. Costanzo, R. B. MacKay. Cheltenham, UK, 2009. P. 260–274.

Lawrence T. B., Suddaby R., Leca B. Introduction: Theorizing and Studying Institutional Work // Institutional Work: Actors and Agency in Institutional Studies of Organizations / Eds. T. B. Lawrence, R. Suddaby, B. Leca. Cambridge, 2009. P. 6.

45

Mokyr J. A Culture of Growth: The Origins of The Modern Economy. Princeton, NJ, 2016. P. 59–68. Мокир также перечисляет целый ряд недавних работ, оперирующих такими понятиями, как «моральное предпринимательство», «идеологическое предпринимательство» и «социальное предпринимательство»: Ibid P. 59. Для сравнения можно упомянуть работы экономистов, которые используют формальные методы, чтобы моделировать «направляемые лидерами изменения в социальных нормах *(leadership-driven changes in social norms)*», или исследователей в области международных отношений, которые призывают рассматривать агентов, сопротивляющихся изменениям глобальных норм, как «нормативных *противо*принимателей» (*norm* anti*preneurs*), а само сопротивление изменениям (или поддержку их) как ситуационно заданные роли (*Acemoglu D., Jameson M. O.* History, Expectations, and Leadership in The Evolution of Social Norms // Review of Economic Studies. 2015. Vol. 82. № 2. P. 423–456; *Bloomfield A.* Norm Enterpreneurs and Theorizing Resistance to Normative Change // Review of International Studies. 2016. № 42. P. 310–333).

Rowlands G. The Dynastic State. P. 88–108.

См. в особенности: *Adams J.* The Familial State.

Parrott D. The Business of War: Military Enterprise and Military Revolution in Early Modern Europe. Cambridge, 2012; *Parrott D.* From Military Enterprise to Standing Armies: State, Society and Military Organization, 1600–1700 // European Warfare, 1350–1750 / Eds. F. Tallett, D. Trim. Cambridge, 2010. P. 74–95.

Smith D. K. Structuring Politics in Early Eighteenth-Century France: The Political Innovations of The French Council of Commerce // Journal of Modern History. 2002, September. Vol. 74. № 3. P. 490–537. Сравни размышления Роулендса об «агентском управлении», описываемом как «промежуточная стадия между отправлением правительственных функций напрямую чиновниками соответствующих департаментов и передачей этих функций на подряд частным исполнителям» (*Rowlands G.* Agency Government in Louis XIV's France: The Military Treasurers of The Elite Forces // War, Entrepreneurs, and The State in Europe and The Mediterranean, 1300–1800 / Ed. J. Fynn-Paul. Leiden, 2014. P. 216–217).

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / Eds. G. Roth, C. Wittich. Berkley, 1978. Vol. 2. P. 1029.

51

Об «угадывании» монаршей воли см.: *Долбилов М. Д.* Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. 2006. Вып. 9. С. 5–48.

52

Обзор «эпохи прожектов» см. в: *Novak M. E.* The Age of Projects / Ed. M. E. Novak. Toronto, 2008. P. 3–28; *Graber F.* Du faiseur de projet au projet régulier dans les Travaux Publics (XVIIIe – XIXe siècles): Pour une histoire des projets // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2011. Vol. 3. № 58–3. P. 7–33; *Thirsk J.* Economic Policy and Projects: The Development of a Consumer Society in Early Modern England. Oxford, 1978. P. 1–22. Роли прожектеров и прожектерства также уделяется большое внимание в работах по экономической истории и истории экономической мысли Европы раннего Нового времени. Кроме: *Novak M. E.* The Age of Projects и *Graber F.* Du faiseur de projet, см., в первую очередь: Projektemacher. Zur Produktion von Wissen in der Vorform des Scheiterns / Ed. M. Krajewski. Berlin, 2004; *Yamamoto K.* Taming Capitalism before its Triumph: Public Service, Distrust, and 'Projecting' in Early Modern England. Oxford, 2018.

Defoe D. An Essay upon Projects / Eds. J. D. Kennedy, M. Seidel, M. E. Novak. New York, 1990. P. 7–11, 17.

Среди недавних работ на эту тему см.: *Ratcliff J.* Art to Cheat The Common-Weale: Inventors, Projectors, and Patentees in English Satire, ca. 1630–1670 // Technology and Culture. 2012. № 53. P. 337–365.

Novak M. E. The Age of Projects; *Кром М. М., Пименова Л. А.* Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сб. статей / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 7–16.

Johnson S. Projectors.

Johnson S. A Dictionary of The English Language. 2 vols. London, 1755; repr.: New York, 1979.

Pesciarelli E. Smith, Bentham, and The Development of Contrasting Ideas on Entrepreneurship // History of Political Economy. 1989. Vol. 21. № 3. P. 524.

Клочков М. В. Прибыльщики и доносители петровского времени // Записки Императорского Харьковского университета. 1915. Кн. 3. С. 1–16.

Характерно пренебрежительное высказывание о «жужжащих» вокруг Петра «прибыльщиках» см. в: *Богословский М. М.* Значение реформ Петра Великого в истории русского дворянства // Российский XVIII век: Избранные труды. М., 2008. Т. 1. С. 32–33.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897; переизд.: М., 2011. С. 16–17.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 383–384, 542–543.

Оточкин В. В. Граф П. И. Шувалов: реформатор или прожектер? // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 78–81; *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010; *Андриайнен С. В.* Империя проектов: Государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб., 2011; *Прокопенко Я. И.* «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 323–337; *Ларина [Прокопенко] Я. И.* Осмысление роли образования в государственном строительстве: Проекты Генриха Фика в первой четверти XVIII века // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 34–68.

Bartlett R. Projects and Peasants: Russia's Eighteenth Century. London, 2000; *Bartlett R.* Utopians and Projectors in Eighteenth-Century Russia // Russian Culture and Society and The Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross / Ed. R. Bartlett, L. Hughes. Münster, 2004. P. 98–115.

Биржакова К. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972. С. 389.

Об этом эпизоде см.: *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; *Курукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года. События, люди, документы. М., 2010.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 13–23, 172–193.

Например, в случае П. И. Шувалова: *Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 11.

69

О «констелляциях» на примере французской академической политики см.: *Ben-David J.* The Scientist's Role in Society: A Comparative Study. Chicago, 1984. P. 105. Здесь я хотел бы еще раз отметить огромное влияние, которое оказали на мое понимание академического предпринимательства работы С. Л. Козлова: *Козлов С. Л.* Из истории интеллектуального предпринимательства во Франции: Как была создана Практическая школа высших исследований // Пермяковский сборник. Сб. науч. трудов / Под ред. Н. Н. Мазур. М., 2010. Ч. 2. С. 400–442; *Козлов С. Л.* Имплантация. Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М., 2020.

См.: *Ash E. H.* Introduction: Expertise and The Early Modern State // Osiris. 2010. Vol. 25. № 1. P. 1–24 и другие материалы в этом номере журнала.

71

См.: *Biagioli M.* Galileo, Courtier: The Practice of Science in The Culture of Absolutism. Chicago, 1993. P. 37–77. Применительно к России хорошее представление об этом процессе дают работы: *Werrett S.* The Schumacher Affair: Reconfiguring Academic Expertise across Dynasties in Eighteenth-Century Russia // Osiris. 2010. Vol. 25. № 1. P. 104–126; *Usitalo S. A.* Lomonosov: Patronage and Reputation at The St. Petersburg Academy of Sciences // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Vol. 59. № 2. P. 217–239; *Ospovat K.* Mikhail Lomonosov Writes to his Patron: Professional Ethos, Literary Rhetoric and Social Ambition // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2011. Vol. 59. № 2. P. 240–266.

О фаворитизме как политическом институте см.: The World of The Favourite / Eds. J. H. Elliott, L. W. B. Brockliss. New Haven, 1999; *Scott H. M.* The Rise of The First Minister in Eighteenth Century Europe // History and Biography: Essays in Honour of Derek Beales / Eds. D. E. D. Beales, T. C. W. Blanning, D. Cannadine. Cambridge, 1996. P. 21–52. О российском фаворитизме в интересующий нас период см.: *Курукин И. В.* Бирон. М., 2006. С. 97–109; *Bitter M.* Count Ernst Johann Bühren and The Russian Court of Anna Ioannovna // The Man Behind The Queen: Male Consorts in History / Eds. C. Beem, M. Taylor. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 103–124.

73

О знаменитом путешествии Екатерины II в Крым см.: *Griffiths D. M.* Catherine II Discovers The Crimea // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2008. Vol. 56. № 3. P. 339–348. (Русский перевод: *Гриффитс Д.* Екатерина открывает Крым // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет. М: Новое литературное обозрение, 2013. С. 369–385).

О Мартиновиче и его школе см.: *Okenfuss M. J.* Russian Students in Europe in The Age of Peter The Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford, 1973. P. 133–136; *Княжецкая Е. А.* Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 46–59; *Шмурло Е.* Россия и Италия. Сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1911. Т. 3. С. 27–40; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия, 1697–2006 / Под ред. Э. Вагеманса. М., 2008. С. 31–32 (ссылка 53), а также работы, перечисленные в: Там же. С. 149, 153, 179, 181, 202, 218–219, 222, 229, 300, 322. Описание визита в Котор, оставленное одним из «волонтеров», приведено в: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697–1699 / Под ред. Л. А. Ольшевской, С. Н. Травникова. М., 1992. С. 116–117. В надписи на картине перечисляются имена 17 учеников и объясняется, что здесь изображено, как «Марко Мартинович учит поименованных здесь московских князей и бояр морским наукам и управлению [кораблем]».

Okenfuss M. J. Russian Students in Europe. P. 134–135. О методах подготовки морских офицеров в Европе того времени см.: *Rodger N. A. M.* The Wooden World: An Anatomy of The Georgian Navy. Annapolis, MD, 1986. P. 203–205, 382–394; *Dickinson H. W.* Educating The Royal Navy: Eighteenth- and Nineteenth-Century Education for Officers. Hove, Sussex, UK, 2007. P. 10–21; *Dainville De F.* L'instruction des Gardes de la Marine à Brest en 1692 // Revue d'histoire des sciences et de leurs applications. 1956. № 9. P. 323–338; *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime (1752–1792). Paris, 1991. P. 153–172; *Bruijn J. R.* The Dutch Navy of The Seventeenth and Eighteenth Centuries. Columbia, 1993. P. 96–113. О процессе институционализации профессионального знания в области навигации в целом см.: *Schotte M. E.* A Calculated Course: Creating Transoceanic Navigators, 1580–1800. PhD diss. Princeton University, 2014. О том, как вообще возникали в ту эпоху представления об экспертах и экспертном знании, см.: *Ash E. H.* Introduction; *Long P. O.* Artisan/Practitioners and The Rise of The New Sciences, 1400–1600. Corvallis, 2011.

Мое изложение истории образования допетровского периода далее в этой главе следует в ключевых своих моментах точке зрения, изложенной О. Е. Кошелевой: *Kosheleva O. E.* Education as a Problem.

Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1892; *Carol B. S.* Belgorod – Notes on Literacy and Language in The Seventeenth-Century Russian Army // Russian History. 1980. № 7. P. 113–124; *Булгаков М. В.* Грамотность посадских людей г. Ростова Великого в первой половине XVII в. // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 34–39; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1989. С. 60–65; *Marker G.* Literacy and Literacy Texts in Muscovy: A Reconsideration // Slavic Review. 1990. № 49. P. 74–89; *Mironov B.* The Development of Literacy in Russia and The USSR from The Tenth to The Twentieth Centuries // History of Education Quarterly. 1991. № 31. P. 229–252; *Witzenrath C.* Literacy and Orality in The Eurasian Frontier: Imperial Culture and Space in Seventeenth-century Siberia and Russia // The Slavonic and East European Review. 2009. № 87. P. 53–77. О преподавании арифметики см.: *Кузнецова В. С., Симонов Р. А.* «Цифирная счетная мудрость» – первый русский учебник арифметики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1983. С. 94–104; *Симонов Р. А.* Русская учебная математическая литература конца XVII века // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1983. С. 104–111; *Brown P. B.* Muscovite Arithmetic in Seventeenth-Century Russian Civilization: Is It Not Time to Discard The «Backwardness» Label // Russian History. 2012. № 39. P. 393–459.

Демидова Н. Ф. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой / Под ред. Л. А. Тимошиной, И. А. Тихонюк. М., 1994. С. 167.

Kosheleva O. E. Education as a Problem; *Кошелева О. Е.* Обучение в русской средневековой православной традиции // Одиссей. Человек в истории. 2010/2011. М., 2012. С. 47–72.

Например: *Смирнов А. В.* Из истории просвещения Вологодского края в XIV–XVIII вв. // Материалы по истории местного края. Сб. статей / Ученые записки Вологодского педагогического института. Вологда, 1967. Т. 35. С. 37–38; *Савич Н. Г.* Изучение иностранных языков русскими в XVII веке // Историографические и исторические проблемы русской культуры. Сб. статей / Под ред. Н. Г. Савич. М., 1983. С. 42–45.

81

См., например: *Лукичев М. П.* К истории школьного образования в России в XVII веке // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 345–351; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 116–117, 119, 123–124.

82

Об истории «греческих» школ в Москве в XVII веке, включая и детальный разбор имеющихся источников и обширной литературы по теме, см. в: *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы; *Тимошина Л. А.* «Греко-славянские школы» и русская жизнь XVII в. // Очерки феодальной России / Под ред. С. Н. Кистерева. М., 2010. Т. 14. С. 520–694.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы. С. 12–16.

См., в частности, рейтарский полк Исаака Фанбуковена, выполнявший в середине XVII века функции по подготовке младших командиров из числа русских дворян и детей боярских. Это последнее новшество было также и ответом на ропот среди московской элиты в связи с назначением иноземцев на командные должности: *Курбатов О. А.* Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII в.) / Под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 240–241.

Демидова Н. Ф. Приказные школы.

Тимошина Л. А. «Греко-славянские школы». С. 616, 627.

Лукичев М. П. К истории школьного образования. С. 347–348.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы. С. 88–91.

89

Седов П. М. Закат московского царства. С. 520. Курсив мой. – *И. Ф.*

Очерки истории школы и педагогической мысли. С. 61.

Очерки истории школы и педагогической мысли. С. 103–114.

О Типографской школе в целом см.: *Волков Л. В.* Типографская школа – первое крупное учебное заведение в России // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1983. С. 89–94; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 115–119, 124, 148–190. О биографии Тимофея см.: Там же. С. 103–115. *Тимошина Л. А.* «Греко-славянские школы». С. 669–683.

93

См., например: *Bireley R.* The Refashioning of Catholicism, 1450–1700: A Reassessment of The Counter Reformation. Washington, DC, 1999. P. 121–146; *Scaglione A.* The Liberal Arts and The Jesuit College System. Amsterdam, 1986. P. 51–74; *Spitz L. W.* The Importance of The Reformation for The Universities: Culture and Confession in The Critical Years // Rebirth, Reform and Resilience: Universities in Transition, 1300–1700 / Eds. J. M. Kittelson, P J. Transue. Columbus, 1984. P. 42–67.

Okenfuss M. J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagans, Authors, Ukrainians, and The Resiliency of Muscovy. Leiden, 1995. P. 45–58, 63–79; *Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011. С. 50–58, 71–85. О школах этих см.: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895; *Мухин Н.* Киево-братский училищный монастырь. Исторический очерк. Киев, 1893; *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным. Казань, 1898; *Митюров Б. Н.* Развитие педагогической мысли на Украине в XVI–XVII вв. Киев, 1968; *Посохова Л. Ю.*, Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX века). М., 2016.

Kosheleva O. E. Education as a Problem. P. 208–209.

96

Челобитная Киевского митрополита Петра Могилы царю Михаилу Федоровичу о построении монастыря в Москве, в котором бы жили монахи Киевского братского монастыря для обучения детей Греческой и Славянской грамоте // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / Под ред. Н. Костомарова. СПб., 1861. Т. 3. С. 39; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 114–116; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 42.

О Ртищеве и его предполагаемой школе см.: *Козловский И. П.* Ф. М. Ртищев: Историко-биографическое исследование. Киев, 1906; *Корсакова В.* Ртищев, Федор Большой Михайлович // Русский биографический словарь / Под ред. Б. Л. Модзалевского. Петроград, 1918. Т. 17: Романова – Рясовский. С. 357–366; *Румянцева В. С.* Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 179–183; *Румянцева В. С.* Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII веке // Культура Средневековой Москвы: XVII век / Авт.-сост. Л. А. Беляев. М., 1999. С. 292–304; Житие милостивого мужа Феодора званием Ртищева // Древняя Российская вивлиофика. М., 1791. Т. 18. Переизд.: The Hague, 1970. С. 396–422; Очерки истории школы и педагогической мысли. С. 67–68.

Житие милостивого мужа. С. 400–401; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 225.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 2. Д. 658. Л. 317–318; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние. Т. 1. С. 131–137. Как подчеркнул недавно А. Ю. Андреев, за столетие, прошедшее с выхода классической работы Харламповича, так и не было обнаружено новых свидетельств преподавания в монастыре: *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 138 (примеч. 220). Характерно, что весьма лаконичные показания Варлаама становятся иногда отправной точкой для гипотетических построений, которые далеко выходят за пределы сообщаемой источником информации. Из упоминания Варлаамом того, что он учил «малых детей», В. С. Румянцева заключает, что речь идет именно о «школе», где «стало быть» существовал еще и младший класс обучения русской грамоте. Раз так, то «вероятно» в школе были две ступени; в рассуждениях появляется некий «средний» класс с преподаванием грамматики, риторики, философии. Наконец, «может быть» в школе использовали пособие по нравственному богословию Епифания Славинецкого. Не стоит и говорить, что ровно ничего из этого источник нам не сообщает (*Румянцева В. С.* Андреевский училищный монастырь. С. 298–299).

100

Панченко А. М. Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1992. Т. 3: XVII в. Ч. 1. С. 309–313; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 42–48.

Фонкич Б. Л. Греко-славянские школы. С. 20. Курсив автора.

102

Флоря Б. Н. Вопрос о создании греческого училища и греческой типографии в Москве в 30–40-х годах XVII в. // Греческая культура в России XVII–XX вв. Сб. статей / Под ред. Г. Л. Арша. М., 1999. С. 12–22; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 16–65; *Тимошина Л. А.* «Греко-славянские школы». С. 607–609.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York, 1982. P. 128–175; *Potter C. J.* The Russian Church and The Politics of Reform; *Живов В.* Два этапа дисциплинарной революции в России: XVII–XVIII столетия // Cahiers du monde Russe. 2012. № 52. P. 349–374.

Kosheleva O. E. Education as a Problem. P. 214-215; *Кошелева О. Е.* Обучение в русской средневековой православной традиции. С. 52–57. Так же: *Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России. С. 43–46; *Okenfuss M. J.* The Rise and Fall of Latin Humanism. P. 41–44; Очерки истории школы и педагогической мысли. С. 74–78.

105

Попытку реконструировать представления о «просвещении» в России XVII века см. в: *Potter C. J.* The Russian Church and The Politics of Reform. P. 159–161, 346–398.

Как наиболее амбициозная образовательная инициатива допетровского периода академия является предметом целого ряда классических работ, в первую очередь: *Смирнов С. К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855; *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. За последние полтора-два десятилетия появился целый ряд новых исследований, в которых не только предлагается исчерпывающий анализ имеющихся российских источников, но привлекается широкий спектр греческих и венецианских документов, что позволяет поместить академию в контекст греческого и западноевропейского образования того времени. Наши рассуждения ниже основаны, в первую очередь, на работах Николаоса А. Криссидиса, Д. Н. Рамазановой и Д. А. Яламаса: *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды и начальный этап истории Славяно-греко-латинской академии (1685–1694 гг.). Дис. … канд. ист. наук. РГГУ, 2003; *Рамазанова Д. Н.* Богоявленская школа – первый этап Славяно-греко-латинской Академии // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7. С. 211–237; *Рамазанова Д. Н.* Ученики Иоанникия и Софрония Лихудов в Славяно-греко-латинской Академии 1685–1694 гг. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сб. статей / Сост. Л. А. Тимошина. М., 2008. С. 353–364; *Рамазанова Д. Н.* Становление системы преподавания в Московской Славяно-греко-латинской академии // Лихудовские чтения. Материалы научной конференции «Вторые Лихудовские чтения»: Великий Новгород, 24–26 мая 2004 года. Великий Новгород, 2009. С. 15–20; *Рамазанова Д. Н.* Славяно-греко-латинская академия – центр просвещения в России в конце XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. Сб. статей / Под ред. Е. Токаревой, М. Инглота. СПб., 2011. С. 133–141. *Chrissidis N. A.* An Academy at The Courts of The Tsars. *Яламас Д. А.* Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Дис. … канд. филол. наук. МГУ, 1992; *Яламас Д. А.* Приветствия учеников Славяно-греко-латинской академии московскому патриарху Иоакиму // The Legacy of The Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow: Proceedings of The International Congress on The Millennium of The Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26–28 November 1988 / Ed. A. E. Tachiaos. Thessaloniki, 1992. P. 513–519; *Яламас Д. А.* Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во

второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 119–123; *Яламас Д. А.* Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Дис. … д-ра филол. наук. МГУ, 2001. Подробнее об их пребывании и учебе в Италии см.: *Ястребов А. О.* Братья Лихуды в Падуе и Венеции // Вестник церковной истории. 2015. № 1–2 (37–38). С. 214–217, 219–221.

107

Речь идет всего о двух источниках. Во-первых, сам Досифей в своем послании цитирует письмо, якобы полученное им из Москвы от Мелетия Грека, монаха, подвизавшегося одновременно в качестве торговца и учителя, в котором Мелетий упоминает якобы исходящий от царя Федора и патриарха Иоакима запрос о присылке учителей. Письмо Мелетия не сохранилось, а сам Досифей вспомнил о нем только в 1683 году, когда и Мелетий, и царь Федор, и патриарх Иоаким были уже мертвы. Во-вторых, сами Лихуды упоминают запрос о присылке учителей, якобы устно переданный Досифею царским послом Прокопием Возницыным. Однако в статейном списке посольства Возницына о таком поручении не упоминается. Подробный разбор имеющихся свидетельств см. в: *Chrissidis N. A.* An Academy at The Courts of The Tsars. P. 43–49. Хотя автор в итоге склоняется к традиционной версии о приглашении Лихудов из Москвы, его доводы не представляются в данном случае достаточно убедительными: какого бы прочтения имеющихся источников мы ни придерживались, факт состоит в том, что все они восходят не к московским властям, а к самим Лихудам и Досифею. Скептически оценивает версию о приглашении Лихудов русскими властями и А. О. Ястребов (*Ястребов А. О.* Братья Лихуды в Падуе и Венеции. С. 224–227).

Potter C. J. The Russian Church and The Politics of Reform. P. 446–449, 464–465.

Рамазанова Д. Н. Братья Лихуды. С. 226–229.

Демидова Н. Ф. Приказные школы. С. 158. Об обучении царя Алексея Михайловича см.: *Лукичев М. П.* Григорий Васильевич Львов – учитель царя Алексея Михайловича // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 312–317. Об обучении его старшего брата царя Федора см.: *Седов П. М.* Закат московского царства. С. 178–183. В частности, П. М Седов оспаривает часто повторяемое предположение, что Симеон Полоцкий, который действительно был наставником царевича Алексея Алексеевича, учил также Федора и Петра.

111

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 2007. Т. 1. С. 30–35. Об игрушках и игрушечных инструментах, изготовлявшихся для Петра в кремлевских мастерских, см.: *Астров Н. П.* Первоначальное образование Петра Великого // Русский архив. 1875. № 8. С. 470–488; № 9. С. 90–105; № 10. С. 212–221. См. также: *Hughes L.* Russia in The Age of Peter The Great. New Haven, CT, 1998. P. 3–4; *Забелин И. Е.* Детские годы Петра Великого // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Т. 1. С. 5–50. Как член Всепьянейшего собора Зотов фигурирует в: *Zitser E. A.* The Transfigured Kingdom.

См. в особенности: *Mormiche P.* Devenir prince: L'école du pouvoir en France, XVIIe – XVIIIe siècles. Paris, 2009.

113

Zitser E. A. A Mason-Tsar? Freemasonry and Fraternalism at The Court of Peter The Great // Freemasonry and Fraternalism in Eighteenth-Century Russia / Eds. A. Önnerfors, R. Collis. Sheffield, 2009. P. 8–9.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб., 2008. С. 161–175; *Ховинг А.* В поисках формы: как Петр I изучал голландские кораблестроительные методы // Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург. 7–9 июня 2013 года / Сост. А. Кобак, О. Кувалдина. СПб., 2014. С. 294–300.

115

Zitser E. A. A Mason-Tsar. P. 8–9. Шире см.: *Zitser E. A.* The Transfigured Kingdom; *Collis R.* The Petrine Instauration: Religion, Esotericism and Science at The court of Peter The Great, 1689–1725. Leiden, 2012.

Кошелева О. Е. Пигмалион, отец Отечества. Петр – автодидакт // Родина. 2007. № 11. С. 46–48.

117

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. С. 212–214.

118

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 188–211, особенно 196–197. О его поездке через Нидерланды см.: *Вагеманс Э.* Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.

119

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 14. Л. 72.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. С. 162–163.

121

Там же. С. 164–165.

122

НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 156.

123

Цитируется по: *Artz F. B.* The Development of Technical Education. P. 51. В этом контексте примечательно, что данное письмо было написано Петром сразу после беседы с бароном де Сент-Илером, самозваным французским экспертом по морским вопросам (см. главу 3).

124

Опубликовано в: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. С. 33–34.

125

См.: *Okenfuss M. J.* The Jesuit Origins of Petrine Education: Russian Students in Europe in The Age of Peter The Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. G. Garrard. Oxford, 1973. P. 113–114; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 4. № 1870. С. 173–174. Грамота опубликована в: *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954. С. 168–172.

126

См. также письмо патриарха Адриана Т. Н. Стрешневу от 13 июля 1699 года, где патриарх выражает озабоченность состоянием «академии» и предлагает назначить для надзора над ней Афанасия Холмогорского: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 500–501.

127

«Статьи последующии учения морского флоту» опубликованы в: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 117–118, 607.

128

Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 114–117.

129

Записные книжки хранятся в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 52. Многочисленные версии отдельных записок-«меморий» разбросаны в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 31, 33, 39, 40, 44, 54, 64, 65. Обзор этого источника см. в: *Подъяпольская Е. П.* К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в. (по записным книжкам и «мемориям» Петра I // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 181–189. Некоторые из них опубликованы – см., например: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. С. 34, 54–59.

130

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 44. Л. 532.

131

О стиле и методах работы Петра с законодательными проектами вообще см.: *Кошелева О. Е.* Указотворчество Петра Великого и формирование образа его власти // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси. Средние века, Новое время / Под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. М, 2008. С. 78–94; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. С. 1–24; *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель. С. 77–81.

132

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 54. Л. 93 об., 544; Кн. 44. Л. 526 об.

133

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 54. Л. 93 об., 544; Кн. 40. Л. 97.

Там же. Кн. 42. Л. 509 об. – 510 об.; ПСЗ РИ. Т. 6. № 3937. С. 535.

135

Там же. Кн. 44. Л. 524, 526; Кн. 31. Л. 239–242; Кн. 33. Л. 501; Кн. 39. Л. 493–494; Кн. 54. Л. 93–95, 455; Кн. 52. Л. 7 об.; Кн. 40. Л. 90–91.

136

ПСЗ РИ. Т. 5. № 3265. С. 607; см. также: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974. С. 78. Отводя своей гвардии такую роль, Петр следовал примеру Франции, где схожую функцию выполняли части королевского *maison militaire*, и Швеции, где Карл XII также производил в офицеры только отслуживших рядовыми в гвардии (*Childs J.* Armies and Warfare in Europe, 1648–1789. New York, 1982. P. 93–97).

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3534. С. 154.

138

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 33. Л. 486 об.; Кн. 44. Л. 524, 526 об.; Кн. 64. Л. 304 об.

139

Там же. Кн. 44. Л. 406.

140

НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 202 – 202 об.

141

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 53. Л. 281. Курсив мой. – *И. Ф.*

Там же. Кн. 44. Л. 406. Курсив мой. – *И. Ф.*

143

ПСЗ РИ. Т. 4. № 2467. С. 778. Курсив мой. – *И. Ф.*

Там же. С. 778.

145

Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч. III. С. 290; *Нечаев Н. В.* К 250-летию первых указов Петра I о школах // Советская педагогика. 1951. № 6. С. 16–17; *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584–1725 гг. М., 1883. Вып. 2. С. 477, 480; *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды. С. 69–72; *Бенда В. Н.* Создание и развитие системы подготовки. С. 110.

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3708. С. 302.

147

РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 42. Л. 152, 154.

148

См. тезис Марка Раева о том, что петровское законодательство в действительности не имело своей целью «произвести новые модели поведения» в том смысле, как это предполагалось современными ему «полицейскими» ордонансами в Западной Европе: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in The Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven, 1983. P. 206.

149

Беляев – Апраксину, 23 марта 1714 г. Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 323. Сам указ см. в: ПСЗ РИ. Т. 5. № 2762. С. 78. Более развернутая версия указа, разработанная в Сенате: ПСЗ РИ. Т. 5. № 2778. С. 86. О самих этих школах см. среди недавних работ: *Фруменкова Т. Г.* Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 136–143; *Сафронова А. М., Кравченко О. С.* Законодательство о цифирных школах России первой половины XVIII в. (По материалам Полного собрания законов Российской империи) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 112–126.

150

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 136.

Ср.: *Okenfuss M. J.* Technical Training in Russia. P. 327.

Сукновалов А. Е. Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. 1953. № 42. С. 303–311.

153

Самый яркий, пожалуй, и очевидно обусловленный политически пример таких вымученных попыток сосчитать все петровские школы мы находим в: *Бескровный Л. Г.* Военные школы в первой половине XVIII в. // Исторические записки. 1953. № 42. С. 285–300; *Сидоренко Е. Г.* Первая артиллерийско-инженерная школа в России // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея / Под ред. В. М. Крылова. Л., 1958. Вып. 3. С. 81–99. Недавние фундаментальные работы по истории раннего артиллерийского и инженерного образования: *Бенда В. Н.* Создание и развитие системы подготовки; *Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке. СПб., 2009.

ПСЗ РИ. Т. 5. № 2762. С. 78; Т. 5. № 2778. С. 86.

155

Бенда В. Н. Создание и развитие системы подготовки. С. 155. Курсив мой. – *И. Ф.*

Лукичев М. П. К истории русского просвещения конца XVII в. (Итальянская школа братьев Лихудов) // Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 356–357; *Рамазанова Д. Н.* Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М., 2019. С. 48–50, 61.

157

Кошелева О. Е. Рукописный сборник учебного состава и А. А. Виниус // Русь, Россия: Средневековье и Новое время / Под ред. В. Л. Янина. М., 2013. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. С. 491–498.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ. С. 27–38, 54–79; *Салтыков Ф.* Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1890; о школах см.: Там же. С. 21.

159

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 32–64. Примечательно, что, хотя Петр получает многочисленные послания от Лейбница на этот счет начиная уже с 1697 года, у нас нет прямых свидетельств его заинтересованности этим вопросом вплоть до самых последних лет его царствования. Не видим мы в источниках и существенной вовлеченности царя в разработку итоговых версий регламентов Академии (Там же. С. 32, 54).

160

Обзор см. в: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 299–310; *Флоровский А. В.* Латинские школы в России в эпоху Петра I // XVIII век. Сб. статей. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 316–325; *Okenfuss M. J.* The Jesuit Origins. P. 106–130. Об остром соперничестве в образовательной сфере в Москве в 1701–1703 годах между киевлянами, иезуитами и лютеранами см. также: *Okenfuss M. J.* The Jesuit Origins. P. 116.

161

См., например: *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. Историческое исследование. М., 1890. С. 222, 224–234.

162

Калугин В. В. Педагогическая деятельность Дмитрия Ростовского // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси: Малоисследованные проблемы и источники. Сб. научных трудов / Под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1983. С. 76–84; *Шляпкин И. А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время, 1651–1709 г. СПб., 1891. С. 327–353.

163

Обзор связей Галле с Россией см. в: *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. Так же см.: *Мюльпфортг.* Система образования в Галле и ее значение для России 1696–1831 г. (ученые, учителя, училища, школьные реформы, книги, дидактика) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи / Под ред. Г. И. Смагиной. СПб., 2000. С. 159–169; *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005. С. 114, 116–117; *Gawthrop R. L.* Pietism and The Making of Eighteenth-Century Prussia. Cambridge, 1993. P. 183–187. В XVII веке лютеранская община в Москве находилась под прямым покровительством герцога Эрнста Саксен-Готского, ведущего патрона пиетизма той поры (*Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты. С. 182, 186, 224–225). О Франке и пиетизме в целом см.: *Stoeffler F. E.* German Pietism during The Eighteenth Century. Leiden, 1973; *Stoeffler F. E.* The Rise of Evangelical Pietism. Leiden, 1965. Некоторые примеры влияния пиетистов на становление школ в России см. в главе 5 данной книги, а также: *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус в Санкт-Петербурге (1730-е) и его берлинский прообраз // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 264–316.

См. о ней: *Ш. А.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 7. С. 30–50; *Okenfuss M. J.* Education in Russia. P. 45–49; *Winter E.* Halle. P. 303–312; *Thorvaldsen G.* Swedes in Siberian Diaspora // Sibirica. 2008. № 7. P. 53–56. Исследователи подчеркивают использование патрон-клиентских связей и интенсивный обмен информацией посредством переписки как ключевые факторы успеха пиетистской сети: *Marschke B.* «Lutheran Jesuits»: Halle Pietist Communication Networks at The Court of Friedrich Wilhelm I of Prussia // The Covenant Quarterly. 2006, November. Vol. 65. № 4. P. 19–38; *Bach T. P.* G. A. Francke and The Halle Communication Network: Protection, Politics, and Piety // Pietism and Community in Europe and North America: 1650–1850 / Ed. J. Strom. Leiden, 2010. P. 95–109; *Marschke B.* «Wir Halenser»: The Understanding of Insiders and Outsiders among Halle Pietists in Prussia under King Frederick William I (1713–1740) // Pietism and Community in Europe and North America: 1650–1850 / Ed. J. Strom. Leiden; Boston, 2010. P. 81–93.

165

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 313–332. Также см.: *Tichovskis H.* Provost Ernst Gluck as Educator of Livonia and Russia // Slavic Review. 1965, June. Vol. 24. № 2. P. 307–313; *Glück H., Polanska I.* Johann Ernst Glück. (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005; *Андреев А. Ю.* Русские студенты. С. 119–121; *Winter E.* Halle. P. 161–175.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 318; примечательно, что ранее чешские иезуиты также собирались, по их выражению, «*formale scholarum a gymnasium a Moscovitica nobilitate*» (*Okenfuss M. J.* Education in Russia. P. 28).

167

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 128–130. См. также: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода. С. 318–325; *Winter E.* Halle. P. 161–175. Заместитель, впоследствии преемник Глюка Иоганн Вернер Паус был специально направлен в Россию из Галле самим Франке.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 328–329.

169

Азизбаева Р. Е. Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. Т. 58: Петровское время в лицах – 2011. К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): Материалы научной конференции. С. 5–11; *Winter E.* Halle. P. 267–276. Составленный Ниродом проект «привилегии» и связанные с ним документы см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 39. Л. 205–212.

170

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3718. С. 335–337; *Верховский П. В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России: Исследование в области истории русского церковного права. Ростов-на-Дону, 1916. Т. 1.

Bissonnette G. A. A. Peter The Great and The Church. P. 3–19.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 58.

173

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 33. Л. 439–440.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 103.

175

О Прокоповиче см.: *Okenfuss M. J.* The Rise and Fall of Latin Humanism. P. 110–119; *Cracraft J.* The Church Reform of Peter The Great. Stanford, 1971. P. 49–62; *Cracraft J.* Feofan Prokopovich // The Eighteenth Century in Russia / Ed. J. C. Garrard. Oxford, 1973. P. 75–105; *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy. P. 154–157. Наиболее подробной биографией до сих пор остается классическая работа: *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время: в 2 ч. СПб., 1868. См. также: *Рункевич С. Г.* История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода. СПб., 1900. С. 94–147.

Cracraft J. Did Feofan Prokopovich Really Write Pravda voli monarshei? // Slavic Review. 1981. № 40. P. 173–193; *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. С. 43–47. О его контактах с Галле см.: *Чистович И.* Феофан Прокопович. Ч. 1. С. 3–7; *Winter E.* Halle. О переписке между Прокоповичем и Франке см.: Там же. С. 405, 437–439; *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy. P. 154–157. О библиотеке Прокоповича, самой крупной в России того времени см.: *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время: 1725–1740. Л., 1976. С. 257–265. Общий обзор взглядов Прокоповича на образование см.: *Cracraft J.* The Church Reform. P. 262–276.

177

Чистович И. Феофан Прокопович. Ч. 1. С. 133–137; Ч. 2. С. 631–638. Регламент, составленный Прокоповичем для его школы, опубликован в: *Чистович И.* Феофан Прокопович. Ч. 2. С. 723–725; *Рункевич С. Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–1913: Историческое исследование. СПб., 2001. Т. 1. С. 550–552.

О Харьковском коллегиуме см.: *Посохова Л. В.* «Харьковский коллегиум» / «Харьковская академия»: воплощенный проект белгородского епископа Епифания Тихорского // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 99–126. Шире см.: *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 97–108, 140–143.

179

См.: *Fedyukin I., Zitser E.* For Love and Fatherland. Political clientage and The origins of Russia's first female order of chivalry // Cahiers du monde russe. 2011. Vol. 52. № 1. P. 5–44.

180

Походный журнал 1698 года. СПб., 1853. С. 11–12. В основе данной главы лежит, в существенно переработанном виде, моя более ранняя публикация: *Федюкин И. И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

181

Fedosov D. A Scottish Mathematician in Russia: Henry Farquharson in Russia (c. 1675–1739) // The Universities of Aberdeen and Europe: The First Three Centuries / Ed. P. Dukes. Aberdeen, 1995. P. 102–107.

182

См.: *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. С. 231, 559 (ссылка 549).

183

См., например: *Okenfuss M. J.* Technical Training in Russia. P. 328.

Архив школы не сохранился, что также способствовало мифологизации этого учебного заведения. Судя по всему, после закрытия Навигацкой школы в 1753 году он был передан во вновь созданный Морской кадетский корпус (в который она влилась); в этом случае он должен был сгореть во время большого пожара в этом учебном заведении в 1771 году, уничтожившем, похоже, большую часть документов по ранней истории морского образования в России. Исследователям поэтому приходится полагаться на архивы тех правительственных органов, которые ведали Навигацкую школу и переписывались с ней: сначала это была Оружейная палата, а затем, последовательно, Приказ воинского морского флота, Адмиралтейская канцелярия и Адмиралтейств-коллегия. В фондах этих учреждений сохранились отпуски исходящих писем, адресованных школе, и подборки входящих, полученных из нее. В фонде Оружейной палаты (РГАДА. Ф. 396) отложились в основном финансовые документы, относящиеся к выплате жалованья ученикам и учителям, ремонту помещений и закупке товаров для школы. Эти документы отражены в: *Викторов А. А.* Описание записных книг и бумаг. В РГА ВМФ фонды 176 (Адмиралтейская канцелярия), 212 (Адмиралтейств-коллегия) и 233 (Канцелярия Ф. М. Апраксина) содержат разнообразные материалы как финансового характера, так и относящиеся к учету персонала и дисциплинарным вопросам. Особенно ценны дела под заголовками «Столп о академии и школах» (РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48) и «Об учреждении в Москве школы математических и навигацких наук» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25). Целый ряд ключевых источников, включая многие документы из этих фондов, были опубликованы в: Материалы для истории русского флота. Ч. III. Ценнейшим источником сведений остается и неопубликованная диссертация: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования в России при Петре I. Дис. … канд. ист. наук. Ч. 1–2. Ленингр. гос. ун-т., 1947. Наконец, в коллекции Санкт-Петербургского института истории РАН сохранилось несколько дел из архива самой школы (НИА СПбИИ РАН. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1; Оп. 2. Д. 1; Оп. 2. Д. 50а), в основном относящихся к зачислению в нее новых учеников. Об отсутствии прямых архивных указаний на посещения Петром Навигацкой школы см.: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 230.

185

Наиболее подробный очерк биографии Курбатова см. в: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. М., 2007. С. 172–214; также: *Серов Д. О.* Строители империи. С. 104–107, 173, 182–203. О его прожектерской деятельности, включая предложения о развитии академий и школ, см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ. С. 80–90; *Жуковская А. В.* От поручения к учреждению. С. 314–376. Особенно ценна для наших целей проведенная Жуковской блестящая реконструкция предпринимательских методов Курбатова и его социального окружения. Роль этого «прибыльщика» в становлении Навигацкой школы уже неоднократно подчеркивалась в литературе, среди прочего см.: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 167–168; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 69–108; *Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений. С. 13.

186

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 304; Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 723–724.

Fedosov D. A Scottish Mathematician in Russia. P. 104; *Plumley N. M.* The Royal Mathematical School, Christ's Hospital // History Today. 1973, August 1. P. 581–587. О методах преподавания, разработанных в лондонской школе, см.: *Ellerton N. F., Clements M. A. (Ken)*. Rewriting The History of School Mathematics in North America 1607–1861: The Central Role of Cyphering Books. New York, 2012. P. 25–32.

Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford, 1857. Vol. 4. P. 207.

Ryan W. F. Peter The Great's English Yacht // The Mariner's Mirror. 1983. Vol. 69. № 1. P. 85.

Ibid.; *Fedosov D.* A Scottish Mathematician in Russia. P. 103–104. См. также указание на роль Кармартена и других сопровождавших царя лиц в найме специалистов в: *Perry J.* The State of Russia under The Present Czar. London, 1716. Vol. 1. P. 163–168.

Collis R. The Petrine Instauration. P. 71.

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 304.

193

Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 723–724.

Fedosov D. A Scottish Mathematician in Russia. P. 104; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. С. 264–266; *Perry J.* The State of Russia. P. 168.

195

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 291.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 8.

197

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 79; Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 289.

198

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века / Под ред. А. И. Цепкова. Рязань, 2010. С. 89.

199

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 291.

200

Там же. С. 289–290. Обращения с просьбой перевести школу в другое здание были повторены 15 марта и 24 апреля 1701 г.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг. С. 468.

201

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 289–290. Описание самой башни см.: *Щербо Г. М.* Сухарева башня: Исторический памятник и проблема его воссоздания / Отв. ред. С. С. Илизаров. М., 1997. С. 14.

202

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 710.

203

Приходится встречать утверждения, что первым директором школы был Яков Брюс (среди недавних примеров см.: *Collis R.* The Petrine Instauration. P. 70–71), но эта легенда не находит никакого подтверждения в источниках.

Perry J. The State of Russia. P. 1–22.

205

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 632 об. – 633.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 224.

Куракин Б. И. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив князя Ф. А. Куракина / Под ред. М. И. Семевского. СПб., 1890. Т. 1. С. 69.

Бобровский П. О. История Лейб-гвардии Преображенского полка. Приложения к I-му тому. СПб., 1900. С. 96–97.

209

Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 229, 238.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 188–189.

211

Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864. С. 24; *Гордон П.* Дневник 1690–1695. М., 2014. С. 90, 143, 225–228, 230–236, 271–281; *Лефорт Ф.* Сборник документов и материалов / Сост. Т. А. Лаптева, Т. Соловьева. М., 2006. С. 319–320.

212

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 94 – 94 об.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 188, 216.

214

Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 763–764.

215

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 290.

Ковригина В. А. Немецкая слобода. С. 216, 227; *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М., 1989. С. 209, 293.

217

Использование подобных стряпчих было довольно распространено в то время, см.: Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Под ред. Н. В. Козловой, А. Ю. Прокофьевой. М., 2015. С. 54–56.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 2007. Т. 3: 1698–1699. С. 263–266; ПСЗ РИ. Т. 3. № 1673. С. 597.

219

См. письма Курбатова Петру: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 632–633; Кн. 2. Л. 573 – 573 об.; Кн. 53. Л. 284.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. С. 189–190.

Bushkovitch P. Peter The Great. P. 221–222.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 187. Домнин служил в Разряде с 1663 г., участвовал в посольствах в Швецию и Бранденбург и был награжден за участие в Троицком походе во время стрелецкого бунта 1682 г. В 1688 г., в правление Софьи, Домнин получил думный чин; кроме того, он состоял в дружеских отношения с Сильвестром Медведевым и был под следствием по делу последнего. Следствие это, однако, похоже, не повлияло на его карьеру; во всяком случае, в 1700 году он был назначен в Палату об Уложении: *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011. С. 173–174; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 46, 102, 176; *Богданов А. П.* Перо и крест. С. 235–236.

223

РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 11. Л. 17–17 об.

224

«Алексей Курбатов просил меня, чтоб взять в Оружейную дву человек, один у Салтыкова Алексея, другой у Гагина: Салтыкова – Ивашка Хрипунов, Гагина – Федор Обыгов», – пишет Головин Петру в конце февраля или в начале марта 1700 года: Письма и бумаги Петра. Т. 1. С. 337. О привлечении бывших холопов на государственную службу в этот период см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 179–180. Подробнее об отношениях Курбатова с этими его клиентами см.: *Жуковская А. В.* От поручения к учреждению. С. 322–325.

225

Серов Д. О. Администрация Петра I. С. 172–178. См. также мемориал Курбатова о необходимости более настойчиво добиваться перехода россиян на «венгерское» платье, прямо соотносящийся с соответствующим указом 1701 года.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. / Отв. ред. Н. А. Иванов. М., 1997. Кн. 8: Т. 15–16. С. 103.

226

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 353.

Серов Д. О. Администрация Петра I. С. 180–181; *Жуковская А. В.* От поручения к учреждению. С. 329; *Bushkovitch P.* Peter The Great. P. 237.

Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 601–602.

229

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 632 об. – 633.

О Магницком см.: *Буланин Д. М.* Магницкий Леонтий Филиппович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2003. Т. 3: XVII в. Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 481–487; *Криницкий Н. А.* Леонтий Филиппович Магницкий // Труды II областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Издание Тверской Ученой Архивной комиссии. Тверь, 1906. С. 433; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 69–108; *Денисов А. П.* Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739). М., 1967. С. 19–23; *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг. С. 468; *Андронов И. К.* Первый учитель математики российского юношества Леонтий Филиппович Магницкий // Математика в школе. 1969. № 6. С. 75–78. Судя по всему, Магницкий начал преподавать математику частным образом еще до создания Навигацкой школы. Одним из его учеников мог быть Петр Шишипуров, поступивший впоследствии и в школу (*Нечаев . В.* К 250-летию первых указов. С. 19).

231

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 1. Л. 632 об. – 633; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 104. Судя по походному журналу, в интересующий нас период Петр был в Новгороде с 30 августа по 5 сентября, с 23 ноября по 6 декабря 1700 года и начиная с 7 июля 1701 г. (Походный журнал 1700 года. СПб., 1853. С. 2–3, 10; Походный журнал 1701 года. СПб., 1853. С. 7–8).

232

Походный журнал 1700 года. СПб., 1853. С. 10; Походный журнал 1701 года. СПб., 1853. С. 1.

233

По предположению Богословского, в данном случае мы имеем дело с копией указа, к которой некто добавил цветистое предисловие: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 4. 1699–1700. М., 2007. С. 308. О языке петровских указов см.: *Кошелева О. Е.* Указотворчество Петра Великого. С. 84–88.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ. С. 239–240.

235

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 467–468, 471, 478–479; *Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений. С. 18.

236

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 50а. Л. 26 – 27 об.

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 466.

238

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 293.

239

РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1703. Д. 8. Л. 50.

240

РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1702. Д. 11. Л. 23 – 23 об.; Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 293.

241

Там же. 1703. Д. 8. Л. 50.

Реконструкция этой среды предложена в: *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 83–90. О деле Тверетинова см.: *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 247–252, 265–270, 307, 321–323. О связях Магницкого и его возможном обучении у Лихудов см.: *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 72; *Денисов А. П.* Леонтий Филиппович Магницкий. С. 19–23. Список 147 известных на сегодня учеников академии приводится в: *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды. С. 280–290.

Буланин Д. М. Магницкий Леонтий Филиппович. С. 485; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 88; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. С. 307–308.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 75, 78. См. также: *Магницкий Л. Ф.* Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1882. Т. 38. С. 22, 232–233.

Буланин Д. М. Магницкий Леонтий Филиппович. С. 483–484; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 78.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 87–88.

Сам Магницкий мог быть также связан родственными связями и с Макарием (Теляшиным), митрополитом Сибирским, и Нектарием, основателем Нилово-Столбенской пустоши (*Буланин Д. М.* Магницкий Леонтий Филиппович. С. 481; *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. С. 89). Примечательно, что позднее Курбатов командировал Магницкого как представителя от Ратуши именно в его родной Осташков (*Жуковская А. В.* От поручения к учреждению. С. 349).

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 84–89.

Там же. С. 85, 89; *Магницкий Л. Ф.* Записка Леонтия Магницкого. С. 50. Подробнее о Василии Ершове см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 42–43; *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ. С. 124–126, 154–156.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 104.

251

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 468; *Рамазанова Д. Н.* Братья Лихуды. С. 294–295; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 156. Об Агееве см.: *Рамазанова Д. Н.* Итальянская школа. С. 64–66. Когда переводчик Федот Агеев умирает, Курбатов считает необходимым немедленно подобрать нового, Аггея Ботвиньина (Письмо А. А. Курбатова Ф. А. Головину, 9 сентября 1702. РГАДА. Ф. 160. 1702. Д. 11. Л. 33 – 33об).

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 87–88.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 126–142; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. С. 320–323; *Тихонравов Н. С.* Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский // Сочинения Н. С. Тихонравова. М., 1898. Т. 2. С. 156–304. Недавний обзор этого конфликта см.: *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy. P. 26–93.

Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. С. 21–23.

Там же. С. 12–15, 20–29.

Письма и донесения. С. 66–67.

257

Курбатов А. А. Supplex epistula ab Alexio Kurbatov ad pontificem Innocentum XII missa // Сборник документов, относящихся к истории царствования императора Петра Великого / Под ред. Е. Ф. Шмурло. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 359–362. Хотя Курбатов здесь и описывает преподавание математики лишь как способ привлечь в школу молодых дворян, заинтересованных в военной карьере, математика играла и существенную эпистемологическую роль в иезуитской педагогике, см.: *Dear P.* Discipline and Experience: The Mathematical Way in The Scientific Revolution. Chicago, 1995. P. 32–62. О роли иезуитов в организации преподавания математики в ранних французских морских школах см.: *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 154–155, 207–209, 246.

См., например: *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 36–37. О фило-католицизме среди русской аристократии в 1720–1730-х годах см., в частности: *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 125–133.

Об этих школах см.: *Флоровский А. В.* Латинские школы в России; *Okenfuss M. J.* The Jesuit Origins.

Bushkovitch P. Peter The Great. P. 202–204.

261

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 5–8, 12, 18 – 18 об., 20 – 20 об.

Там же. Л. 7, 20 об.

263

Там же. Л. 5.

О Мусине-Пушкине см.: *Chrissidis N. A.* An Academy at The Courts of The Tsars. P. 176–177; обзор источников и литературы о нем см.: Там же. P. 252 (сноска 78); *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy. P. 46, 49, 57.

265

Okenfuss M. J. The Rise and Fall of Latin Humanism. P. 57, 74–78; *Буланин Д. М.* Магницкий Леонтий Филиппович. С. 483; *Брагоне М. К.* Стихотворения в «Арифметике» Леонтия Магницкого // History and Literature in Eighteenth-Century Russia / Eds. S. Bogatyrev, S. Dixon, J. M. Harley. L London, 2013. С. 1–28. См. также: *Каменева Т. Н.* К истории создания «Арифметики» Магницкого // Книга. Исследования и материалы. М., 1984. Т. 48. С. 72–82. Сам текст см. в: Арифметика Магницкого. Воспроизведение подлинника. С приложением статьи П. Баранова (биографические сведения о Магницком и историческое значение его Арифметики). М., 1914.

Разбор ключевых источников для написания «Арифметики» см. в: *Брагоне М. К.* Стихотворения в «Арифметике» Леонтия Магницкого.

267

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 466, 475; *Куприянова Т. Г.* Гражданская типография Киприановых // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1999. Т. 9. С. 11; *Буланин Д. М.* Магницкий Леонтий Филиппович. С. 483.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 93, 95. См. также: *Куприянова Т. Г.* Новые архивные сведения по истории создания «Арифметики» Л. Магницкого // Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия / Под ред. Р. А. Симонова. М., 1988. С. 279–282; *Хмыров М. Д.* Сведения о Василии Киприанове, библиотекаре Московской гражданской типографии при Петре I // Русский архив. 1866. Вып. 10. Стб. 1291–1300; *Куприянова Т. Г.* Гражданская типография Киприановых. С. 18–19.

269

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 104–108; *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг. С. 477, 480. По меркам того времени Магницкий был уникально преуспевающим учителем. Показательно, что в 1715 году он бил челом в связи с тяжбой с князьями Петром Ивановичем и Борисом Ивановичем Прозоровскими о поместной земле в Юрьев-Польском уезде (пустошь Бородино и пустошь Глядячее); на каких основаниях учитель Магницкий мог претендовать на эту землю, неясно: РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 515. Л. 126–130.

Лаврентьев А. В. Люди и вещи. С. 105.

271

Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Куприяновы // Труды Института книги, документа и письма. М., 1936. Т. 5. С. 59–67; *Куприянова Т. Г.* Гражданская типография Киприановых. С. 18–19; *Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений. С. 16.

См.: *Жуковская А. В.* От поручения к учреждению; *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 181.

См.: *Веселовский С. В.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 557; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. Ч. 2. С. 697; Письма и бумаги Петра. Т. 3. С. 353; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. С. 608; *Бегунов Ю. К.* Новонайденное «Путешествие» по Русскому Северу начала XVIII века («Диурналы» и письма Матвея Жданова) // XVIII век. / Под ред. А. М. Панченко. СПб., 1991. Сб. 17. С. 221–248. См. письмо Курбатова к Петру в 1707 года. с просьбой о пожаловании Хрипунова в дьяки: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 5. Л. 286. Пользуюсь случаем поблагодарить Д. О. Серова, указавшего мне на этот документ.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ. С. 84–85, 238–239; *Серов Д. О.* Строители империи. С. 99–133.

Магницкий Л. Ф. Записка Леонтия Магницкого. С. 22, 232–233. О Василии Ершове см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 42–43; *Павлов-Сильванский Н. П.* Проекты реформ. С. 124–126, 154–156.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. С. 321–322. О взглядах Апраксина см. также: *Магницкий Л. Ф.* Записка Леонтия Магницкого. С. 266; *Заозерский А. И.* Фельдмаршал Б. П. Шереметев. С. 189–191.

Горфункель А. Х. Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII – начала XVIII в. // Труды Отдела Древнерусской литературы. М., 1962. Т. 18. С. 191.

278

РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705. Д. 14. Л. 6; Д. 8. Л. 80 об. Из переписки следует, что мать Головина была сестрой Протасьева.

279

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 45. Из документов следует, что к 1718 году Беляев уже скончался и был заменен гвардии капитаном кн. Одоевским (Материалы для истории русского флота / Под ред. С. И. Елагина. СПб., 1867. Ч. IV. С. 334; Описание дел архива Морского Министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1882. Т. 3. С. 66).

280

В 1673–1675 годах среди служащих Разрядного приказа упоминается подьячий Беляев, а в 1677–1583 годах среди служащих Приказа Казанского дворца фигурирует одноименный «молодой подьячий». Если один из них и есть интересующий нас Беляев, то к началу 1700-х годов он уже должен был быть немолодым человеком (*Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. С. 63).

281

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 75. Л. 57 – 57 об., 75 – 75 об.; см. также: Описание дел архива Морского Министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1879. Т. 2. С. 143, 465.

282

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 412–417.

283

Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 478–479.

284

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 253. Л. 4 об.

285

О передаче Паддону отписного двора Беляева в Санкт-Петербурге см.: Материалы для истории русского флота. Ч. IV. С. 334; Описание дел архива Морского Министерства. Т. 3. С. 375, 376, 474; Описание дел архива Морского Министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1891. Т. 6. С. 420, 424, 737; *Тихонов Ю. А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства (по новым источникам первой половины XVIII в.). М., 2011. С. 208.

286

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 75. Л. 17–18.

287

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 466. Первое из относящихся к школе писем, подписанное Беляевым, датируется августом 1705 года, хотя в этот момент, как кажется, он еще не назначен «ведать» училищем от имени Оружейной палаты (НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 45).

288

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 53. Л. 248.

289

См., например: РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–2.

Там же. Л. 1082; НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 471.

291

См., например: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 75. Л. 11, 52 об.

292

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 316–319, 323; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н. Ф. Дубровина, Н. В. Калачова. СПб., 1880. Т. 1. Кн. 1. С. 154–155, 393–394; Т. 2. Кн. 2. С. 15–16; роль Беляева в сохранении и развитии школы после ухода Курбатова из Оружейной палаты подчеркивается также в: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 267–293.

293

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 312–313.

Характерный пример устойчивости этой легенды – недавняя, во всех прочих отношениях великолепная работа В. П. Бенды. Автор пишет, что «в моменту объявления петровского указа об основании школы математико-навигацких наук ее учебная программа была разработана во всех деталях и согласована с Петром I». И далее: «Очевидно [*sic!* – *И. Ф.*], в одну из первых встреч с Фархварсоном <…> Петр подробно обсуждал с ним вопросы организации школы и, в первую очередь, ее учебный план и программу, а также процесс подготовки необходимых учебных пособий». Излишне говорить, что абсолютно никаких свидетельств того, что такая встреча (тем более «встречи», во множественном числе) и обсуждения имели место, исследователь не приводит (*Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений. С. 11).

295

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 293, 306, 322.

Рамазанова Д. Н. Формирование учебной программы Славяно-греко-латинской академии // Образ науки в университетском образовании. Материалы XVII научной конференции. Москва, 27–29 января 2005 / Под ред. В. А. Муравьева. М., 2005. С. 227; *Рамазанова Д. Н.* Источники для изучения Итальянской школы Иоанникия и Софрония Лихудов (челобитные учеников и учителей) // Очерки феодальной России. М. СПб., 2009. Сб. 13. С. 307–308; *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы. С. 143, 227; *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды. С. 69–85.

297

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

Там же. Л. 199.

299

Там же. Д. 53. Л. 687.

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 468.

301

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–3.

302

Викторов А. Е. Описание записных книг и бумаг. С. 477; НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 50а. Л. 1–7.

303

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 295–300.

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 308–311, 314, 321; *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 200–202.

305

См.: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 198–199. О «шляхетстве» см.: *Петрухинцев Н. Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750) / Под ред. Н. Н. Петрухинцева, Э. Лоренц. М., 2013. С. 262–272.

306

Королевская математическая школа в первую очередь ассоциируется с новаторским подходом к обучению математике. В основе этого подхода лежало, во-первых, использование учебника, подготовленного главой школы и изданного типографским способом (здесь сразу приходит на ум «Арифметика» Магницкого), а во-вторых, так называемый *«ciphering approach»* – каждый ученик должен был подготовить *«ciphering book»*, рукописный конспект всего пройденного в школе, который он потом брал с собой в плавание и использовал на протяжении своей карьеры навигатора (*Ellerton N. F., Clements M. A.* Rewriting The History of School Mathematics. P. 25–26). Тезис о том, что Навигацкая школа следовала модели Королевской математической школы, был впервые выдвинут Николасом Хансом. С одной стороны, это представляется вполне логичным, учитывая, что двое из трех британских учителей были выпускниками этой школы. С другой стороны, хотя Ханс и указывает на некоторые элементы сходства между двумя школами, они представляются слишком общими, чтобы можно было говорить о заимствовании, а прямых доказательств процесса заимствования в источниках обнаружить не удается (*Hans N.* The Moscow School of Mathematics and Navigation (1701) // Slavonic and East European Review. 1951, June. Vol. 29. № 73. P. 532–536). См. также: *Collis R.* The Petrine Instauration. P. 61–62.

Рамазанова Д. Н. Формирование учебной программы. С. 227; *Рамазанова Д. Н.* Источники для изучения. С. 309–310. О преподавании арифметики в допетровский период, см.: *Brown P. B.* Muscovite Arithmetic.

308

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 1. Л. 120. Поначалу Магницкий просто направлял своих старших учеников напрямую к Фархварсону, но в 1710 году Беляев распорядился, чтобы все такие переводы проходили через него и через Приказ воинского морского флота (Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 303).

309

Weber F. C. The Present State of Russia … Being an Account of The Government of That Country, Both Civil and Ecclesiastical… London, 1723. Vol. 1. P. 180.

310

Об авантюристах см.: *Roth S.* Les Aventuriers au XVIIIe siècle. Paris: Editions Galilée, 1980; *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет фортуну»: Авантюристы эпохи просвещения. М., 1998. Недавний обзор литературы о самозванчестве в эпоху Просвещения, а также типологию тех ситуаций, в которых становилась возможной смена, корректировка или неопределенность социальных статусов и идентичностей, см. в: *Abad R.* La falsification d'identité en France, du règne personnel de Louis XIV à la veille de la Révolution // French Historical Studies. 2016. Vol. 39. №. 3. P. 471–508.

311

В основе данной главы лежит, в существенно переработанном виде, моя более ранняя публикация: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии: Документы барона де Сент-Илера и его преемников, 1715–1723 гг. // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 34–46. Большая часть относящихся к деятельности Сент-Илера архивных документов, цитируемых в данной главе, была мною опубликована в книге: Французский авантюрист при дворе Петра I: Письма и бумаги барона де Сент-Илера / Сост. и науч. ред. И. И. Федюкин. М., 2018. Там же можно найти и более подробное описание его похождений.

312

Детальная биографическая справка добавлена чиновниками французского морского ведомства на полях донесения Лави в Совет морского флота (*Conseil de Marine*) от 6 января 1716 (AN. Marine. B^7 28. Fol. 129–130).

Frey L., Frey M. The Treaties of The War of The Spanish Succession: A Historical and Critical Dictionary. Westport, CT, 1995. P. 177–179.

AN. Marine. B7 28. Fol. 129–130. См. также его «Дневник моих переговоров о сепаратном договоре между королевствами Франции и Испании и Португалией», 18 апреля 1711 г.: NA. State Papers 89/21/64. Fol. 97. Письмо Дж. Делаваля от 11 мая 1711 г.: NA. State Papers 89/21/66. Fol. 142.

315

См. его прошение лорду Дартмуту от 28 сентября 1711 г. и письмо к лорду Оксфорду от 8 мая 1712 г.: NA. State Papers 34/30/50. Fol. 94–95; 34/33/37B. Fol. 133–134.

316

NA. State Papers 34/18/66. Fol. 126.

317

AN. Marine. B^{7} 28. Fol. 129–130.

318

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–60.

319

Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 года.

Thomson G. M. First Churchill: The Life of John, 1st Duke of Marlborough. New York, 1980. P. 282.

321

Саймон Клемент – лорду Оксфорду, 3 сентября (н. с.) 1712 г. NA. State Papers. Foreign. Austria. 83/13. F. 252.

322

Электронное письмо к автору от доктора Эрнста Петрича (OeStA/HHStA) от 20 апреля 2015 года.

OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 20 (alt 34). Пользуясь случаем, еще раз выражаю глубокую благодарность доктору Эрнсту Петричу (OeStA/HHStA), предоставившему мне копии этих документов.

324

Донесение Лави в Совет морского флота от 6 января 1716 г.: AN. Marine. B^{7} 28. Fol. 129 verso – 130. Письмо Сент-Илера графу Дауну хранится в: OeStA/HHStA. Italien-Spanischer Rat. Neapel Collectanea. 39 (alt 60). Fol. 239–242.

325

О Лави см.: *Liechtenhan F.* Henry La Vie, Spion, Konsul und Verehrer Peters des Grossen // Quaestio Rossica. 2015. № 1. P. 59–70; *Ожеро К.* Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 году // Россия и Франция. XVIII–XX века. Сб. статей. / Под ред. П. П. Черкасова. М., 2008. Вып. 8. С. 9–31. О проекте учреждения компании для торговли с Россией см. также: *Baron S. H.* Henry Lavie and The Failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1995. № 38. P. 29–50.

326

См. донесение Лави из Санкт-Петербурга 19 марта 1717 г.: СИРИО. Т. 34. С. 117–120. Цитата с. 119.

327

Донесение Лави в Совет морского флота 26 августа 1714 г.: AN. Marine. B^7 24. Fol. 131 verso. О Матвееве см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 56; Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Под ред. И. С. Шарковой. Л., 1972.

328

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

329

См., например, переписку Петра с кн. Б. И. Куракиным за соответствующий период: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13.

330

А. А. Матвеев – Сент-Илеру, 15 ноября 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 808.

331

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 98.

332

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

333

AN. AE BI 982. Fol. 47 verso.

Ibid. Fol. 49; *Mézin A.* Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg, 1713–1792. Inventaire Analitique des articles AE B^1 982 à 989, du fonds dit Affaires étrangères. Paris, 2009. P. 10.

335

AN. Marine. B^{7} 28. Fol. 163–163 verso.

336

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8–11. Публикация этих предложений: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 47–53. См. также: Описание дел архива Морского Министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1877. Т. 1. С. 42. Этот запрос, впрочем, должен был быть для русского государя проблематичным: см., например, письмо Петра кн. Б. И. Куракину от 14 марта 1715 года, в котором царь жалуется на невозможность содержать войска в Германии именно из-за сложности с получением у европейских банкиров векселей, необходимых для перевода средств (НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 168).

337

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 24. Л. 13.

Там же. Л. 17.

339

AN. AE BI 982. Fol. 49.

См., например, письмо Петра Федору Салтыкову от 15 января 1715 года касательно планов строительства кораблей для русского флота на европейских верфях: НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 14.

341

Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg. P. 11.

342

Ожеро К. Учреждение первого консульства. С. 24. Список французских ремесленников, прибывших в Петербург в этом году, см. в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 34. Л. 386, 548–549. Список голландских и итальянских ремесленников: Там же. Л. 464–465.

Ожеро К. Учреждение первого консульства. С. 21.

Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg. P. 11.

345

Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 48. *Ожеро К.* Учреждение первого консульства. С. 23. Речь идет об имевшей на императрицу большое влияние Елизавете Ивановне Глюк, старшей дочери пастора Эрнста Глюка, в доме которого воспитывалась будущая Екатерина I (*Мезин С. А., Гузевич Д. Ю., Брызгалов В. В., Ржеуцкий В. С.* Вильбуа Франсуа // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 158).

ПСЗ РИ. Т. 5. № 2778, 2779.

347

НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 183 – 183 об., 184–187, 217–218, 219–220, 229–230, 256–257, 278–279, 311, 344 – 344 об.

Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство. С. 53–56; Русский дипломат во Франции. С. 185.

349

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 20. Л. 484, 736.

350

Ordonnance de Louis XIV. Pour les Armées navales et Arcenaux de Marine. Paris, 1689.

351

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 42. Оригинал см.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 62. Л. 378; Кн. 49.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 43. Подлинник собственноручно написан Петром.

353

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об.; Ordonnance de Louis XIV. P. 104–110, 326–331. В частности, в своем переводе 1714 года Конон Зотов использует несколько иные формулировки для передачи французских терминов. См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 49. Л. 196 об. Определение «гидрографии» как дисциплины см.: *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 209–211.

См.: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 40–41.

355

НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 78. Л. 156.

356

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 30 – 31 об.; *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 54–55.

Там же. Л. 36, 38–39.

Mézin A. Correspondance des consuls de France à Saint-Pétersbourg. P. 11; *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 339.

359

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 326–328.

360

РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 515. Л. 205–206.

361

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 326–328; *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 312–315.

362

Об обстоятельствах переезда см.: *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 316–318. Позднее, однако, приказ был скорректирован, и Гвин оставался в Москве до лета следующего года: Там же. С. 319–320.

363

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40 – 43 об.; РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 19. Л. 48–49 об. Опубликовано в: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 56–58; Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 316.

РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 19. Л. 50; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 40.

ПСЗ РИ. Т. 5. № 2937. С. 173–176.

366

РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 19. Л. 51 – 57 об.; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 40.

367

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 44 – 44 об. Опубликовано в: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 58–59. Собственноручные приписки Петра обозначены соответствующим образом при публикации текста «Инструкции» в Полном собрании законов.

368

См., например, сообщение И. И. Неплюева о том, что 1 октября 1715 г. его и других дворян, обучавшихся в Нарве, «перевели … в школу в Санкт-Петербург, которой школы был содержателем француз Баро [речь конечно, о *бароне* Сент-Илере. – *И. Ф.*]; оная была под ведением адмирала Федора Матвеевича Апраксина и генерал-майора и обер-штер-кригс-комиссара Григорья Петровича Чернышева; потом она поручена была Андрею Артамоновичу Матвееву. В той школе было нас обучающихся 300 человек»: *Неплюев И. И.* Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 388.

369

РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 100. Л. 4, 7, 13, 19, 41, 47. *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 364.

Цит. в: *Кротов П. А.* Морская академия в Петровское время // От Нарвы к Ништадту: Петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сб. материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. СПб., 2001. С. 53.

371

Походный журнал 1715 года. С. 71, 74.

372

Ф. М. Апраксин – Сент-Илеру, 21 января 1716 г. Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331.

ПСЗ РИ. Т. 5. № 2968. С. 186.

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331.

Французский авантюрист при дворе Петра I. С. 79, 247, 250

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 808.

Там же. Л. 809 об.

378

А. А. Матвеев – Сент-Илеру, 27 августа 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 354 об.

Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 19; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии (1716–1718 гг.) // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2006. Т. 2. С. 21.

380

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. 2000. Т. 10. С. 65, 72. Упоминания посещений Матвеевым меншиковской резиденции см., например, на с. 97, 99–100, 102, 104, 106, 107.

381

А. А. Матвеев – Петру I, 8 февраля 1716 г.; А. А. Матвеев – А. В. Макарову, 17 марта 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 329, 330.

382

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 33. Л. 183 – 183 об.; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 21; А. А. Матвеев – А. В. Макарову, 28 сентября 1716 г. РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 343 – 344 об.

383

А. А. Матвеев – Ф. М. Апраксину, 30 марта 1716 г. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 13.

384

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–2.

385

Там же. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 802.

Там же. Л. 802 об., 804 об., 805 об.

387

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 51 – 52 об. Опубликовано в: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 59–60.

Сукновалов А. Е. Очерки по истории военно-морского образования. С. 468.

389

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 47.

Сукновалов А. Е. Очерки по истории военно-морского образования. С. 446, 468; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 45.

391

См., например, письмо А. А. Матвеева Ф. М. Апраксину 3 сентября 1716 года: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 29. Обвинения эти, похоже, отражали некоторые личные взгляды самого Матвеева: еще в описании своей поездки в Париж в 1705 году он как особую и похвальную диковинку отмечал, что дворянские дети во Франции «от добраго и остраго наказания словеснаго, паче нежели от побоев в прямой воле и смелости воспитываются», и благодаря этому растут без всякой «косности» или «ожесточения» (Русский дипломат во Франции. С. 197).

Детальную хронику этого конфликта см.: *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 21; Французский авантюрист при дворе Петра I. С. 75–80.

393

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 47.

394

РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 808 об.

395

Петр I – Ф. М. Апраксину, 12 февраля 1717 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 140.

396

См. письмо Ф. М. Апраксина Петру I от 7 января 1717 г. и письмо П. П. Шафирова Ф. М. Апраксину от 30 марта 1717 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 336, 338–339; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 24.

397

СИРИО. Т. 34. С. 378–379. При публикации этого донесения в СИРИО была допущена ошибка: в опубликованном тексте говорится о должности «французского генерального консула в России», тогда как в оригинале донесения речь идет о должности именно «генерального консула России во Франции» *(«Consul general* ***en*** *France de la nation Russe»)*. Донесение Лави 27 октября 1718 г.: AN. AE BI 982. Fol. 258; РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 60, 62 об.

Подробнее о его более поздних похождениях см.: Французский авантюрист при дворе Петра I. С. 94–144.

399

Письма Сент-Илера графу Тулузскому от 29 декабря 1715 г. и 13 февраля 1716 г.: AN. Marine. B^{7} 265. Fol. 209–210 v.; B^{7} 267. Fol. 1–2 v.

AMAE (Paris). Correspondance Politique. Russie. Suppl. 2. Fol. 274–275 verso.

401

Письма эти хранятся в: Riksarkivet Marieberg, Stockholm. Riksarkivets ämnessamlingar. Militaria. M 1866; M 1689. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить сотрудников архива, любезно предоставивших мне копии этих документов. См. также: Общий морской список. СПб., 1885. Т. 1. С. 335.

Weber F. C. The Present State of Russia. Vol. 1. P. 180.

403

Базарова Т. А. Приключения ганноверцев в России: Малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф. Х. Вебера при дворе Петра I // Труды ГЭ. СПб., 2017. Т. XC: Материалы научной конференции «Петровское время в лицах – 2017. С. 49–58; Французский авантюрист при дворе Петра I. С. 84.

404

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 331 – 331 об.

405

Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 126. Л. 1–2.

Mézin A. Les Consuls de France au Siècle des Lumières (1715–1792). Paris, 1997. P. 384–386; *Ожеро К.* Учреждение первого консульства. С. 9–31.

407

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 355–357. См. также: *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 22.

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331–332.

409

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 183.

Можно было бы подумать, что дело тут в разочаровании Петра бароном, но следует вспомнить, что и Фархварсон, пользовавшийся очевидным расположением своих российских работодателей, так никогда и не смог добиться соблюдения условий устных договоренностей, заключенных им с Петром в Лондоне. То же произошло и с инженером Джоном Перри, автором известных мемуаров о петровской России, который не смог добиться обещанного ему вознаграждения. См. письмо Фархварсона Ф. М. Апраксину от 2 июля 1710 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 304; *Perry J.* The State of Russia. P. 15–22. См. также многочисленные примеры иностранных моряков, безуспешно пытающихся добиться получения причитающегося им по контракту жалования: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 120–170. Впрочем, подобная ситуация не была в то время, конечно, уникальной для России и конкретно для Петра.

411

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 327; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 46.

412

Г. Г. Скорняков-Писарев – Ф. М. Апраксину, январь 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 346.

413

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 51 об.

414

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 82.

415

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331–332.

416

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 41 об.

Ordonnance de Louis XIV. P. 105.

418

В разделе XI главы I книги 7 офицерам предписывается помещать часовых «у дверей *каждой* школы (à la porte de *chaque* école)»: Ordonnance de Louis XIV. P. 124.

419

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 40–43.

Там же. Л. 50; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 40.

421

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331.

422

РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 100. Л. 7, 19.

423

А. А. Матвеев – Ф. М. Апраксину, 6 февраля 1716 г.: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 1 – 1 об.

424

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 28. Л. 343 об., 345 об., 348; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 22–33.

425

А. А. Матвеев – Ф. М. Апраксину, 3 сентября 1716 г.: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 29 об.

426

Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 99 и далее.

427

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 120.

Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 17, 21, 26.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории. С. 53–54; Материалы для истории русского флота. Ч. IV. С. 655.

Сукновалов А. Е. Очерки по истории военно-морского образования. С. 230–238, 300–310. См., например, списки молодых дворян, отправленных в Нидерланды в 1706–1714 годы, и «школьников», отправленных в сентябре 1715 года. в Нидерланды и Англию: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 81–95, 109–112.

Мордвинов С. И. Родословие фамилии адмирала Мордвинова // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. 2. С. 13–14.

См., например, его приказы в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 11. Л. 25, 65, 120 об., 128, 149 об., 229, 237, 249 об., 253; Кн. 12. Л. 89 об., 122 об., 148.

433

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 31. Л. 239–242; Кн. 33. Л. 486, 497 об.; Кн. 52. Л. 6 об., 7 об.; Кн. 64. Л. 756, 759 об.

Okenfuss M. J. Russian Students in Europe. P. 142.

435

РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 14.

436

Сукновалов А. Е. Очерки по истории военно-морского образования. С. 449–451. Оригинал документа находится в: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 121. Л. 58 – 58 об.

437

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 128–129.

438

А. А. Матвеев – Ф. М. Апраксину, 23 апреля 1718 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 172; см. также: Материалы для истории русского флота. Ч. IV. С. 358; также Г. П. Чернышев – Ф. М. Апраксину, 15 апреля 1717 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 150.

439

Указ 20 мая 1723 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 228.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 62. Л. 830; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. С. 113. О более ранних петровских документах, относящихся к регулированию морской службы, см.: *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Т. 1. С. 537–547; *Сальман Г. Я.* Морской устав 1720 г. – Первый свод законов русского флота // Исторические записки / Под ред. А,Л. Сидорова. М., 1955. Т. 53. С. 310–322; *Кротов П. А.* К вопросу об источниках Морского устава Петра I (Неизвестные уставные флотские положения 1694 и 1699 гг.) // Петербургские чтения – 97: Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 287–300.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 54, 57–59, 87–88.

442

РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 – 8 об., опубликовано в: *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 51–52.

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. С. 523–524; проект Крюйса хранится в: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 175; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 38. Л. 416–429; см.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. С. 94.

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. С. 113–115, 195–196, 471–473, 489–490, 513–548; Походный журнал 1721 года. С. 21–22, 24; Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 378; РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 42. Л. 148.

445

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 13. Л. 54.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 109, 98.

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3485. С. 30.

448

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 34 об., 45 об., итоговая версия л. 122. В черновой версии эта статья имеет номер 47.

449

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 43. Л. 249.

Там же. Кн. 41. Л. 54.

451

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3485. С. 48.

452

См. также черновую версию: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 160–161. Итоговая версия первого абзаца добавлена там же (Л. 329 об.).

453

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3937. С. 631–633.

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 287.

455

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Л. 401 об. – 404.

Там же. Кн. 43. Л. 332–333.

Там же. Кн. 41. Л. 288а об.

458

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3937. С. 526. Черновые версии находятся в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 582; Кн. 42. Л. 442 об.

459

Там же. № 3937. С. 535.

460

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 41. Л. 582; Кн. 42. Л. 486 об., 509 об. – 510, 518.

461

Не обращал Петр внимания и на привезенные Зотовым из Франции новейшие французские регламенты, относящиеся к морской гвардии, такие, например, как «Ordonnance pour l'établissement d'une compagnie de gardes du pavillon amiral» от 16 ноября 1716 года: РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 109 – 113 об. Зотов также подготовил для Петра письменный обзор того, как содержатся гардемарины во Франции: Там же. Л. 213–218.

См., например, соображения Паддона касательно улучшений во флоте (1717), порядка производства мичманов (1717) и его предложения 1718 года: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 183–186, 165–166, 168-169.

463

См., например, «пункты», направленные генерал-кригскомиссаром флота Г. П. Чернышевым самому Петру (в январе 1715 года) и Ф. М. Апраксину (в июне 1718 года), или предложения майора Румянцева и князя Юсупова в 1722 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 96–97, 177–178; Материалы для истории русского флота. Ч. IV. С. 333–335.

464

См. указ от 2 января 1716 года, резолюции Апраксина на докладе 16 января 1716 года и доклад от 26 января 1716 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 329–330.

465

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331–332.

466

А. А. Матвеев – А. В. Макарову, 3 марта, 2 июня, 21 июня и 21 июля 1717 г.: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 33. Л. 185–187, 189 об., 191; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 24. Такое положение дел не было, конечно, уникально российским. В 1715 года королевский интендант в Тулоне точно также жаловался, что его офицеры не получают жалованья; бальи Бельфонтена писал о «скудости» морских офицеров и гардемаринов; гардемарины в Тулоне пребывали в «скудости» и выживали лишь благодаря «подаяниям», и так далее (*Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 207–208).

467

РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 11. Л. 117 об.

Серов Д. О. Администрация Петра I. С. 70–71; *Серов Д. О.* Строители империи. С. 31–32, 40–44, 60–65, 81–88; *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. Т. 1. С. 6; *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 435; о составленном Г. Г. Скорняковым-Писаревым учебнике (Наука статистическая или механика. 1722) см.: Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Под ред. Т. А. Быковой, М. М. Гуревича. М.; Л., 1955. С. 362–363.

469

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 229, 231, 234, 238–239, 271–272, 275–276, 285–286, 301, 306–308, 310, 323, 382–383.

Bushkovitch P. Peter The Great. P. 430; Ф. М. Апраксин Г. Г. – Скорнякову-Писареву, 14 марта 1721 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 204.

471

Опубликованы в ПСЗ как «Высочайше утвержденный доклад»: ПСЗ РИ. Т. 6. № 3276. С. 609.

472

Г. Г. Скорняков-Писарев – Ф. М. Апраксину, январь 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 346.

473

Ф. М. Апраксин – Г. Г. Скорнякову-Писареву, 18 января 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 346.

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 82 – 91 об.

475

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 84.

Там же. Л. 82; Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 18–19, 23, 65.

477

Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 90–93.

478

Г. Г. Скорняков-Писарев – Ф. М. Апраксину, январь 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 346.

479

А. А. Беляев – Ф. М. Апраксину, 2 февраля 1715 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 325.

480

Сент-Илер – Петру I, 15 ноября 1716 г.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 807 об.; публикация см.: Французский авантюрист при дворе Петра I. С. 266.

481

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 21 об.

Там же. Л. 11 об. – 12.

483

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 11–14.

484

О молодых Нарышкиных-«Львовичах» см.: *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 59–60; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 48; *Ошанина Е. Н.* Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // Советские архивы. 1975. № 1. С. 105–108; *Сальво Ди М.* Юный россиянин за границей: Дневник И. Нарышкина // XVIII век. СПб., 1999. Вып. 21: Памяти П. Н. Беркова (1896–1969). С. 22–32. Дневники, которые Иван вел во время путешествия, хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) (Ф. 73. Д. 76; Ф. 1000. Оп. 3. Д. 339). О докладе, представленном братьями по возвращении в Адмиралтейство, см.: Материалы для истории русского флота. Ч. IV. С. 448.

485

ОР РНБ. Ф. 73. Д. 76. Л. 42 об. – 43 об., 60 об., 61 об. – 80 об.; *Кротов П. А.* Гардемарины Петра I во Франции (из истории русско-французских культурных связей) // Исследования по русской истории. Сб. статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / Под ред. В. В. Пузанова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 258.

486

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 20 об.

487

РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 – 19 об.

488

Ф. М. Апраксин – Сент-Илеру, 31 января 1716 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331.

489

Ф. М. Апраксин – А. А. Матвееву, 14 февраля 1716 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 331; *Балакирева Л. М.* А. А. Матвеев во главе Морской Академии. С. 21.

НИА СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 1. Л. 669.

491

Ф. М. Апраксин – А. А. Матвееву, 3 января 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 345.

492

Г. Г. Скорняков-Писарев – Ф. М. Апраксину, январь 1719 г.; Ф. М. Апраксин – Г. Г. Скорнякову-Писареву, 18 января 1719 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 346.

493

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 351–352.

494

Ф. М. Апраксин – А. Л. Нарышкину, 26 января 1722 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 352.

495

Кротов П. А. Морская академия в Петровское время. С. 53; *Сукновалов А. Е.* Чему и как обучали в Петербургской Морской академии при Петре I. (Из истории школы в России XVIII века) // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. Л., 1956. Т. 13. Вып. 2. С. 123–145. Ср., например, с курсом математики во французской морской школе в Рошфоре, который также был разделен на семь последовательных ступеней-«тетрадей»: *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 208–209.

Материалы для истории русского флота. Ч. III. С. 347–350.

Vergé-Franceschi M. Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 186–189.

ПСЗ РИ. Т. 6. № 3937. С. 632.

499

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 82.

500

См. недатированную запись Петра по тому же вопросу: РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 33. Л. 486.

501

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 23 – 23 об.

502

Там же. Л. 45. Указом 11 августа 1725 г. Екатерина I велела Адмиралтейству отчислять ленивых и неспособных учеников в матросы.

503

Там же. Л. 65 – 65 об.

504

См. проект Сент-Илера: РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 7. Л. 4об; *Федюкин И. И.* Основание Морской академии. С. 49.

505

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 64–64 об., 70 – 70 об.

Там же. Л. 76.

507

Там же. Л. 72 – 72 об., 80 об.

508

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1725. Д. 25. Л. 92, 120, 123 – 123 об., 126–127.

509

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1831. Ч. 1. С. 341–354; *Копелев Д. Н.* Даниил Якоб Вильстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723–1724 гг. // Елагинские чтения / Под ред. С. Н. Чернявского. СПб., 2009. Вып. 4. С. 25–47; *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории. С. 79.

Его биографию см. в: *Берх В. Н.* Жизнеописания. Ч. 1. С. 298–329.

511

Протокол Адмиралтейств-коллегии, 4 января 1728 г.: Материалы для истории русского флота / Под ред. С. И. Елагина. СПб., 1875. Ч. V. С. 583. О Пушкине см.: Общий морской список. Т. 1. С. 313–314.

512

Протокол Адмиралтейств-коллегии, 2 апреля 1728 г.; Ф. М. Апраксин – Адмиралтейств-коллегии, 15 апреля 1728 г.; Протокол Адмиралтейств-коллегии, 24 апреля 1728 г.: Материалы для истории русского флота. Ч. V. С. 608, 550, 612.

513

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории. С. 79–80; Общий морской список. Т. 1. С. 266–268, 22–23.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории. С. 88; *Кротков А.* Морской кадетский корпус: Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 49; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 239.

515

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1089. Л. 694 – 694 об. О Воинской Морской комиссии см.: *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 240.

516

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1732. Д. 14. Л. 1–58.

517

Направленные Комиссией запросы и полученные ею предложения хранятся в: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1732. Д. 24. Л. 1–184. О предложенных Комиссией реформах в целом см.: *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 240–261.

518

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Ч. 1. 1732. Д. 24. Л. 279–282, 296 об. – 297, 391.

519

Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 1. Л. 245; Д. 2. Л. 57 – 57 об.

520

О нем см.: *Полиевктов М. А.* Остерман, граф Андрей Иванович // Русский биографический словарь. / Под ред. А. А. Половцева. СПб., 1905. Т. 12: Обезьянинов – Очкин. С. 405–417; *Шубинский С. Н.* Граф Андрей Иванович Остерман: Биографический очерк. СПб., 1863; *Берх В. Н.* Жизнеописания. Ч. 1. С. 186–193; *Klueting H., Klueting E.* Heinrich Graf Ostermann: von Bochum nach St. Petersburg: 1687 bis 1747. Bochum, 1976; *Вагнер И. Ф.* Остерман – немец при дворе российских императоров. Картина жизни и поиски следов // ГИМ. Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время. Каталог выставки. М., 2000. С. 19–39. В данном разделе использованы некоторые материалы моей публикации: *Федюкин И. И.* Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 176–218.

Луппов С. П. Книга в России. С. 180–195.

Павленко Н. Петр II. М., 2006. С. 30–44, 174–176; *Вагнер И. Ф.* Остерман. С. 39. Архивные документы, относящиеся к обучению Петра, хранятся в: РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26; Ф. 11. Оп. 1. Д. 398. Программа обучения, разработанная под надзором Остермана Георгом Бернгардом Бильфингером, профессором Академии наук, была опубликована тогда же: Расположение учений Его Императорского Величества Петра Второго, императора и самодержца Всероссийского. СПб., 1728; о ней см.: *Смагина Г. И., Лавринович М. Б.* Учился ли император Петр II и чему? «Расположение учений императора Петра II» в политическом и академическом контекстах эпохи // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 127–175. Подготовленный для Петра II учебник истории был опубликован: *Байер Т. З.* Сокращение древней Статской Истории от начала света до средних веков ко употреблению императора Его Величеству Петру Второму Императору и Самодержцу Всероссийскому. СПб., 1728. О нем см.: *Лихарева Н. И.* Из истории педагогической мысли // Вопросы методики истории в России XVIII в. К 25-летию ученo-педагогической деятельности И. М. Гревса. Сб. статей. СПб., 1911. С. 446–450; *Black J. L.* Citizens for The Fatherland. P. 65–66, 186 (ссылки 53–54).

Ivanov A. V. Reforming Orthodoxy. P. 116, 119, 122.

524

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 5. Д. 182. Л. 56.

525

Остерман А. И. Записка для памяти // Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1880. Т. 24. С. 2, 5.

526

Остерман А. И. Представление генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в 1740 году, на немецком языке писанное, правительнице Анне о внутреннем тогда состоянии Российской империи и о надежнейших способах к благоуспешнейшему управлению государством // Памятники новой русской истории. Сб. исторических статей и материалов / Под ред. А. Ф. Базунова. СПб., 1873. Т. 3. С. 256–277.

527

Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе: РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 – 38 об. Опубликовано в: *Федюкин И. И.* Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии. С. 190–208. Ранняя версия этого документа несет следы достаточно подробной редактуры (судя по всему, со стороны заказчика документа): НИА СПбИИ РАН. Кол. 115. Оп. 1. Д. 445.

Подробнее эти практики рассматриваются мною в работах: *Fedyukin I.* «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites»: Génie and Governance in Post-Petrine Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. № 4. P. 741–762; *Федюкин И. И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. Сб. статей / Сост. Е. В. Акельев, В. Е. Борисов; отв. ред. Е. Б. Смилянская. М., 2014. С. 83–142; *Федюкин И. И.* «От обоих истинное шляхетство»: сухопутный шляхетный кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе XVII–XIX вв. / Ред. В. С. Ржеуцкий, И. И. Федюкин, В. Берелович. М., 2018. С. 245–273. Обширный и хорошо сохранившийся архив Корпуса находится в Российском государственном военно-историческом архиве, ф. 314.

529

См.: *Gorsky P. S.* The Disciplinary Revolution: Calvinism and The Rise of The State in Early Modern Europe. Chicago, 2003. P. 79–113. О Берлинском кадетском корпусе и влиянии в нем пиетистов см.: *Gawthrop R. L.* Pietism and The Making. P. 231, 234–236; *Dorwart R. A.* The Prussian Welfare State Before 1740. Cambridge, 1971. P. 201–204.

530

Его биографию см. в: *Галем Г. А.* Жизнь графа Миниха, Императорского российского Генерал-Фельдмаршала: в 2 т. М., 1806; *Хмыров М. Д.* Фельдцейхмейстерство графа Миниха // Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С. Н. Шубинского. СПб., 1874. С. 217–387; *Vischer M.* Münnich. Ingenieur, Feldherr, Hochverräter. Frankfurt, 1948; *Ley F.* Le Marechal de Munnich; *Berg B.* Burchard Christoph Reichsgraf von Münnich (1683–1767). Ein Oldenburger in Zarendiensten. Oldenburg, 2011. Обзор посвященной Миниху историографии приводится в: *Berg B.* Burchard Christoph von Münnich: Die Beurteilung, Darstellung und Erforschung seines Wirkens in Russland in der deutschen und russischen Historiographie; Der Versuch einer Perspektivenuntersuchung an Hand von Beispielen. Oldenburg, 2001. Так называемые «записки» Миниха были впервые опубликованы как: *Münnich B. C.* Ebauche pour donner une idée de la forme du Governement de l'empire de Russie. Copenhagen, 1774. Стандартный перевод на русский: Записки фельдмаршала графа Миниха / Под ред. С. Н. Шубинского. СПб., 1874. Все ссылки ниже даются на современный репринт: *Миних Б.-Х.* Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М., 1997. С. 273–318. Следует учитывать, что текст этот был написан Минихом гораздо позднее и с весьма определенной политической целью: *Ransel D. L.* The «Memoirs» of Count Münnich // Slavic Review. 1971, December. № 30. P. 843–852. Бумаги Миниха, как и многих других сановников той эры, были конфискованы после его ареста и сегодня рассеяны по целому ряду архивных коллекций, включая РГАДА, РГВИА (Ф. 47), а также Военно-исторический музей артиллерии и инженерных войск в Санкт-Петербурге.

531

Галем Г. А. Жизнь графа Миниха. Т. 2. С. 63–72; *Winter E.* Halle. P. 87–91. См. также: *Winter E.* Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jahrhundert. Berlin, 1981; Halle und Osteuropa. Zur europäischen Ausstrahlung des hallischen Pietismus / Eds. J. Wallmann, U. Strater. Tübingen, 1998. Общий обзор влияния пиетистской педагогики в России того времени приводится в: *Смагина Г. И.* Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Сост. А. Доронин. М., 2008. С. 205–220.

Ley F. Le Marechal de Munnich. P. 9–14.

533

Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 321. «Приключения Телемаха» Фенелона были, конечно, ключевым педагогическим текстом той эпохи – при Минихе они, в частности, использовались в Корпусе для обучения французскому языку. См., например: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1667. Л. 6; Д. 1629. Л. 22. О собственной библиотеке фельдмаршала см.: *Луппов С. П.* Книга в России. С. 197–199.

Schmitt-Maass C. Quietistic Pietists? The Reception of Fenelon in Central Germany c. 1700 // Fénelon in The Enlightenment: Traditions, Adaptations, and Variations / Eds. J. Le Brun, C. Schmitt-Maass, S. Stockhorst, D. Ahn. Amsterdam, 2014. P. 151–156. О пиетистских сетях взаимной поддержки и обмена информацией и, в том числе, о роли переписки в поддержании этих сетей см.: *Bach T. P.* G. A. Francke and The Halle Communication Network.

Петрухинцев Н. Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 962.

ПСЗ РИ. Т. 5. № 2789. С. 92.

537

См., например: РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 119. Л. 14; *Сукновалов А. Е.* Очерки по истории военно-морского образования. С. 447–449; Описание дел архива Морского Министерства. Т. 2. С. 178.

538

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1–2; здесь: Ч. 1. Л. 61–69 об. В том же деле хранится и немецкая версия документа: Л. 321–327 об. Подробнее об этом тексте и о возможном времени его создания см.: *Федюкин И. И. Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 264–316. Публикация документа: Там же. С. 281–282.

539

Краткую биографию см.: Люберас или Любрас Фон-Потт, барон Иоганн-Людвиг // РБС. СПб., 1914. Т. 10: Лабзина – Лященко. С. 799–802. Необходимо заметить, однако, что в этой биографической статье интересующий нас Люберас сливается со своим отцом, Ананией Христианом Потт фон Люберасом, разработавшим по заказу Петра целую серию оставшихся нереализованными проектов коллегий и других ведомств. О Люберасе-отце см.: *Peterson C.* Peter The Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and The Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 81–84, 125, 140, 159, 318, 362, 363, 374–376; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования. С. 113–114, 138. Крайне комплиментарное описание Любереса-младшего, оставленное современником, см.: *Муравьев М. А.* Журнал от начала рождения моего и как во все текущее время я до совершенного возраста воспитываем был // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. Т. 5. С. 10, 11, 14, 17, 18, 22, 24–28.

540

Аваков П. А., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Ржеуцкий В. С., Мезен А. Вешери де Кулон Альбрехт де // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 150–154. В первом (английском) издании данной монографии, а также в некоторых моих предшествующих публикациях А. де Вешери де Кулон был ошибочно идентифицирован как Александр Клапье де Колонг (Alexandre Clapiers de Collongues, 1685–1735/1740). Пользуюсь случаем исправить эту ошибку, что стало возможным благодаря выходу биографического словаря под редакцией В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича и А. Мезен. О путанице вокруг многочисленных де Кулонов на русской службе в ту эпоху см. в этом же словаре: *Аваков П. А., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Ржеуцкий В. С.* Клапье де Колонг Александр // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М., 2019. С. 314.

541

ПСЗ РИ. Т. 7. № 4412. С. 201; *Савельев А. И.* Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1879. Т. 1. С. 63, 65, 196–199; *Фабрициус И. Г.* Главное инженерное управление: Исторический очерк // Столетие Военного министерства. 1802–1902 / Под ред. Д. А. Скалона. СПб., 1902. Кн. VII. Ч. I. С. XX–XXVI.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 103. Л. 591.

543

Доклад де Кулона был утвержден лишь после смерти царя и выхода в отставку Брюса. Он предполагал создание инженерной школы в составе 60 учеников и пяти офицеров-преподавателей, но, в отличие от «Экстракта», в нем ничего не говорилось о «регулярной» организации школы или о ее педагогических принципах: ПСЗ РИ. Т. 8. № 5277. С. 43–45; Т. 43. Ч. 1. С. 46–48. Об инженерных школах под командой Брюса см.: *Бенда В. Н.* Создание и развитие системы подготовки военных кадров.

544

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–4. Подробный разбор документа см.: *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса при Анне Иоанновне. 1731–1740 гг. // Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. Материалы конференции. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Т. 37. С. 133–134. Текст опубликован в: *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 282–286.

545

Курукин И. В., Плотников А. Б. 19 января – 25 февраля. С. 220, 222.

Там же. С. 207.

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны. С. 141–165.

Татищев В. Н. Духовная // Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 145.

549

Валк С. Н. О составе издания // В. Н. Татищев. Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 14.

См., например, его письмо от 14 июля 1731 г.: *Татищев В. Н.* Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / Под ред. А. И. Юхта. М., 1990. С. 144. О его правительственной деятельности в этот период см.: *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 190–312.

Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 140.

Там же. С. 143.

553

О письме этом см.: *Кирикова О. А., Костина Т. В.* Записка Г. Ф. В. Юнкера «О введении одинаковых книг во всех школах Российской империи» (1735): к предыстории школьных реформ в России // Вестник ПСТГУ. Серия IV. Педагогика. Психология. 2020. № 2 (в печати). Пользуюсь случаем искренне поблагодарить Т. В. Костину, любезно сообщившую мне об обнаружении письма Байера. О самом Байере и его деятельности во главе гимназии, см.: *Костин А. А., Костина Т. В.* «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 222–223.

ПСЗ РИ. Т. 8. № 5811. С. 519.

555

О Ягужинском (включая и обзор литературы о нем) см.: *Серов Д. О.* П. И. Ягужинский: грани личности и служебной деятельности // Уральский исторический вестник. 2012. № 36. С. 31–41; *Серов Д. О.* Администрация Петра I. С. 83–84.

Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1979. С. 304.

Петрухинцев Н. Н. Становление Кадетского корпуса. С. 135; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 55, 56, 61.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. С. 44–45; *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство. С. 51, 103.

559

В Полном собрании законов указ датирован 29 июля, хотя он прибыл в Сенат уже подписанным государыней 27 июля и был окончательно оформлен протоколом Сената 30 июля. *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С. 134.

Hennet L. C. Les compagnies de cadets-gentilshommes et les écoles militaries. Paris, 1889. P. 21–32.

561

См. резолюцию Сената: РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2018. Л. 10–12; *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С. 134.

562

Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 147. Ср. донесение Рондо от 9 августа 1731 года: СИРИО. Т. 66. С. 350.

563

РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 116.

Серов Д. О. Администрация Петра I. С. 83; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 55–63; *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С.135.

Татищев В. Н. Лексикон. С. 304.

Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи. С. 285, 293.

567

Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны. С. 61; *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С. 136; ПСЗ РИ. Т. 8. № 5881. С. 557–559; Т. 43. Ч. 1. С. 184–187.

Forbes G. An Account of Russia // Bitter M. J. A British Embassy to St. Petersburg: George, Lord Forbes, and The Anglo-Russian Commercial Treaty, 1733–1734. PhD Diss. University of Minnesota, 1999. P. 375.

Algarotti F. Letters from Count Algarotti to Lord Hervey and The Marquis Scipio Maffei: Containing The State of The Trade, Marine, Revenues, and Forces of The Russian Empire. London, 1769. Vol. 1. P. 118.

Бервик-и-Лириа Я. Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского 1727–1730 годов. М., 1909. С. 67.

571

Миних Б. Х. Миниховы кондиции с русским правительством 1721 и 1727 гг. / Публ. М. Д. Хмырова // Русский архив. 1867. Вып. 3. Стб. 321–332. Также см.: *Савельев А. И.* Исторический очерк. С. 81–82.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 342.

Миних Б. Х. Предложения, прошения и письма графа Миниха // Архив князя Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 509–510.

Там же. С. 515–516, 449–471.

Цит. в: *Савельев А. И.* Исторический очерк. С. 226.

Порошин С. А. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет. С. А. Порошин, А. В. Куракин, Великий князь Павел Петрович / Сост., послесл., имен. указ. А. Скоробогатова. М., 2004. С. 340.

СИРИО. Т. 15. С. 226.

578

ПСЗ РИ. Т. 8. № 5881. С. 8; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 2, 3, 9 об. – 10, 19 об.; *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С. 134.

Там же. № 5883. С. 561–564; протокол кабинета 18 ноября 1731 г.: СИРИО. Т. 103. С. 25. Это обстоятельство можно считать еще одним косвенным указанием на возможную роль именно Кабинета и лично Остермана в разработке документа.

Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М., 1997. С. 294. Миних повторяет это утверждение и в прошении об отставке, направленном в конце 1760-х годов Екатерине II: если штаты для гвардии, армии и др., по его словам, были «мною сочинены и от Ея императорского величества всемилостивейше конфирмованы», то Кадетский корпус он лишь «формировал»: *Миних Б. Х.* Предложения, прошения и письма. С. 515–516.

581

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 405. Ч. 10. См., например: Л. 14 – 15 об.

См. его бумаги в: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Ч. 1–2.

583

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 419. Л. 8 – 9 об., 10 – 11 об., 17 – 18 об.

Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 338.

585

Из бумаг обергофмейстера барона фон Миниха // Архив князя Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 471–472; *Агеева О. Г.* Христиан-Вильгельм Миних – обер-гофмейстер русского двора: К биографии второго директора Кадетского корпуса // Первый кадетский корпус во Дворце Меншикова: к 275-летию основания. Материалы научной конференции. Труды Государственного Эрмитажа / Под ред. В. В. Мещерякова. СПб., 2007. Т. 37. С. 14–19. Императрица даже пожаловала 3000 рублей на переезд Миниха-брата в Россию: РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2021. Л. 112.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 306.

587

Донесение Лефорта от 5 ноября 1731 г.: СИРИО. Т. 5. С. 437–438.

Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи. С. 293–294; *Хмыров М. Д.* Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 307–308.

589

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 419. Л. 6–7; *Миних Э.* Записки графа Эрнста Миниха. С. 339.

590

Донесения Лефорта от 19 ноября и 3 декабря 1731 г.: СИРИО. Т. 5. С. 438–439, 440.

591

Danska Rigsarkivet, Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling, Rusland: Gesandskabsrelationer. Hans Georg von Westphal [Westphalen] 1730–1732. Донесение из Москвы от 15/4 ноября 1731 г.; *Миних Э.* Записки графа Эрнста Миниха. С. 343.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 312–313; *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 63.

593

Danska Rigsarkivet, Tyske Kancelli, Udenrigske Afdeling, Rusland: Gesandskabsrelationer. Hans Georg von Westphal [Westphalen] 1730–1732. Донесения от 8, 11 и 18 марта 1732 г.

Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха. С. 343.

595

Луганов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус (ныне 1-й кадетский корпус) при графе Минихе (с 1732 по 1741). СПб., 1907. С. 17.

Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. 1732–1762. Обмундирование и снаряжение. М., 2009. С. 39.

597

Именной указ от 16 ноября 1731 года см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2021. Л. 104. В ПСЗ РИ он датирован 20 ноября: ПСЗ РИ. Т. 8. № 5886. С. 564. Также см. протокол Кабинета от 20 ноября 1731 г.: СИРИО. Т. 103. С. 31.

598

ПСЗ РИ. Т. 8. № 5894. С. 569–570; протокол Кабинета от 4 декабря 1731 года: СИРИО. Т. 103. С. 61. Чтобы обеспечить набор необходимого числа учащихся, правительство зачислило некоторых шляхтичей в Корпус вопреки их воле, в том числе около двух дюжин пажей и других придворных недавно скончавшихся царевны Прасковьи Иоанновны и царицы Евдокии Федоровны (*Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 5). Далеко не все эти молодые дворяне были рады оказаться в стенах Корпуса, и некоторые из них пытались добиться перевода в полки (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 32. Л. 70 – 71 об.; Д. 1650. Л. 83–84).

599

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 38.

600

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1632. Л. 87.

601

Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 40; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1632. Л. 45.

602

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 32. Ч. 2. Л. 340 – 340 об.; *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 286–287; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1632. Л. 1–6.

603

Доклад Миниха в: РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2026. Л. 163–164.

604

Петрухинцев Н. Н. Становление Кадетского корпуса. С. 138; ПСЗ РИ. Т. 8. № 6050. С. 812–813; Т. 43. Ч. 1. С. 196–201. Копию доклада и проект штата, датированные 12 мая 1732 годом, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 66–79.

605

Донесение Маньяна см.: СИРИО. Т. 5. С. 451–454, 459–461; донесение Лефорта см.: СИРИО. Т. 81. С. 331, 338–339, 342–343; *Миних Э.* Записки графа Эрнста Миниха. С. 107–108; *Манштейн Х. Г.* Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 46–47; *Курукин И. В.* Бирон. С. 92–94.

См.: *Хмыров М. Д.* Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 345–346; о политическом использовании фейерверков в России см.: *Werrett S.* Fireworks: Pyrotechnic Arts and Sciences in European History. Chicago, 2010. P. 104–125; о Минихе в особенности см.: Там же. P. 111–114.

607

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 311, 316; *Миних Б. Х.* Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 генваря 1732 года / Сообщ. М. Д. Хмыров // Русский архив. 1867. Вып. 3. Стб. 332–341.

608

Манштейн Х. Г. Записки о России. С. 45–46; *Хмыров М. Д.* Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 323–324; «Диспозиция плавания императрицы Анны Иоанновны для осмотра Ладожского канала»: РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 325–331.

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 54.

611

Так, по крайней мере, уверял фон Теттау в своем донесении в Сенат от 22 августа 1737 года, пытаясь объяснить недостаточные успехи кадетов в науках (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 125); опубликован в: *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 57. Впрочем, внутренние документы Корпуса вполне ясно показывают, что уже в апреле 1732 года кадетов обучали иностранным языкам и письму (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1633. Л. 21–21об).

612

Санкт-Петербургские ведомости. 1732. 14 декабря. С. [4].

613

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 31–37.

Там же. Л. 70 – 71 об.

615

Записки фельдмаршала графа Миниха. С. 343–344; донесение Маньяна: СИРИО. Т. 81. С. 389; *Безобразов П. В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 114–118; *Курукин И. В.* Бирон. С. 144–147.

616

Донесение Маньяна от 22 мая 1733 г.: СИРИО. Т. 81. С. 637.

Манштейн Х. Г. Записки о России. С. 47.

618

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1664. Л. 16; Д. 1. Л. 92–93, 106.

619

Санкт-Петербургские ведомости. 1733. 16 июля. С. [4].

620

Там же. 1734. 4 июля. С. [6].

621

Бумаги Кабинета от 26 июня 1734 г.: СИРИО. Т. 108. С. 353; Журнал придворной конторы на знатные при дворе Ея Императорского Величества оказии 1734 года. Б. м., б. г. С. 5, 10; Журнал придворной конторы на знатные при дворе Ея Императорского Величества оказии 1736 года. Б. м., б. г. С. 36, 37; Церемониальный журнал 1737 года. Б. м., б. г. С. 41; Церемониальный журнал 1738 года. Б. м., б. г. С. 36; Церемониальный журнал 1739 года. Б. м., б. г. С. 47; *Савельев А. И.* Первые кадетские смотры. 1734–1737 гг. // Русская старина. 1890. Т. 66. № 5. С. 351–352; Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 28 марта. С. [4]; 1734. 7 октября. С. [7–8]; 1738. 25 сентября. С. [6]; 1739. 18 сентября. С. [6]. Проведение в высочайшем присутствии ежегодных парадов в конце лета – начале осени становится традиционным начиная с 1734 года. См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 3 октября. С. [7–8].

Татищев был лишь одним из целого ряда сановников, которые регулярно направляли Бирону параллельные доклады по важным для них вопросам на немецком языке (*Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 231; *Курукин И. В.* Бирон. С. 124–125).

623

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 54. Опубликована в: *Татищев В. Н.* Записка В. Н. Татищева об учащихся и расходах на просвещение в России // Разговор о пользе наук и училищ / Под ред. Н. Попова. М., 1887. С. 161–162.

624

В своем «Лексиконе» Татищев также повторяет мысль о чрезмерных тратах Миниха на Кадетский корпус, противопоставляя намерение Ягужинского содержать два корпуса по 500 человек на 25 000 рублей в год действиям Миниха, который расходовал 65 000 рублей на 360 кадет (*Татищев В. Н.* Лексикон. С. 304). В «Разговоре» Татищев хотя и признает корпус за «лучшее училище доднесь», но также призывает к сокращению расходов: по его мнению, для содержания корпуса хватит и половины выделяемого на него бюджета. На сэкономленные же средства можно обучать дополнительно 600 молодых дворян в Москве и в провинциях (*Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищах // Избранные произведения. Л., 1979. С. 129–130). Примечательно, что несколькими годами позднее кабинет-министр А. П. Волынский, судя по всему, также начал формулировать предложения по сокращению армии и расходов на нее после обсуждения этой темы с Бироном (*Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 203). Таким образом, критика чрезмерных расходов на армию могла быть для Бирона стандартным способом политического давления на Миниха. Насколько известно, Миних был более-менее единственным сановником, выступившим в ходе последовавших за смертью Петра I правительственных дискуссий против сокращения военных расходов. См.: *Нелипович С. Г.* Позиция Б. Х. фон Минниха в дискуссии 1725 года о сокращении армии и военного бюджета России // Военно-исторический журнал. 1990. № 8. С. 3–8.

625

Татищев В. Н. Записка В. Н. Татищева об учащихся и расходах на просвещение; *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей. С. 131.

626

Письмо Татищева М. И. Воронцову от 12 мая 1748 года: *Татищев В. Н.* Записки. Письма. С. 339.

627

См.: *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева. С. 254–264.

628

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 571. Л. 34.

629

ПСЗ РИ. Т. 8. № 5881. С. 559; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. Прил. 5.

Об этих представлениях подробнее см.: *Fedyukin I. I.* «An Infinite Variety of Inclinations and Appetites»; *Федюкин И. И.* «Честь к делу ум и охоту раждает»; *Fedyukin I.* The «German» Reign of Empress Anna: Russia's «Disciplinary» Moment? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. № 2. P. 363–385.

631

Об истории дворца см.: *Андреева Е. А.* От дворца Меншикова к Первому кадетскому корпусу // Первый Кадетский корпус во дворце Меншикова. Материалы конференции. Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Т. 37. С. 20–29; Описание дома кн. Александра Даниловича Меншикова в С. Петербурге, 1732 года // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 137–141; *Калязина Н. В., Дорофеев Л. П., Михайлов Г. В.* Дворец Меншикова. Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986.

Берк К. Р. Путевые заметки о России // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1997. С. 227; *Джастис Э.* Три года в Петербурге // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1997. С. 103.

Более подробно о школьных зданиях той эпохи см.: *Fedyukin I.* Before The Panopticon: School Building and «Discipline» in Early Modern Russia // Russian Review. 2018. № 2. P. 200–218.

634

РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2018. Л. 10–12.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории. С. 82, 85.

Кук Д. Путешествия и странствия по Российской империи // Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Пер. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1997. С. 407–408.

637

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 58–59; ПСЗ РИ. Т. 8. № 5881. С. 557.

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 10, 53–54, 49; ПСЗ РИ. Т. 8. № 5881. С. 559.

639

Там же. С. 34.

Там же. С. 53; Прил. 5.

641

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1794. Л. 96 об.; Д. 1757. За каждый прогулянный час занятий следовало оштрафовать учителя в размере его недельного жалования, за каждый прогулянный учебный день – месячного. На практике эти драконовские ставки, как кажется, не применялись: хотя штрафы и выписывались, но они имели более скромный размер.

642

Татарников К. В., Юркевич Е. И. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 43.

643

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1964.

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 50–52.

Там же. С. 47–48, 60.

646

РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–17; АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1732. Д. 11. В 1731–1732 годах прусский король и сам пытался добиться расположения Анны в связи с приближающимся конфликтом из-за польского наследства: например, он послал ей в подарок 2000 мушкетов для вновь создаваемого Измайловского полка. Ходили слухи и о возможном браке Анны Леопольдовны, наследницы престола, с одним их прусских принцев (СИРИО. Т. 66. С. 268, 384).

Берк К. Р. Путевые заметки о России. С. 228.

648

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 22–24; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2515. Л. 10–12; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 171–174; *Crousaz A. von.* Geschichte des Königlich Preußischen Kadetten-Corps nach seiner Entstehung, seinem Entwicklungsgange und seinen Resultaten. Berlin, 1857. P. 72.

649

РГАДА. Ф. 11. Д. 405. Ч. 1. Л. 213 – 214 об.

650

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2515. Л. 10–12; *Ржеуцкий В. С., Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д., Федюкин И. И.* Бодан Шарль, де // Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойии, 1682–1727 / Под ред. В. С. Ржеуцкого, Д. Ю. Гузевича, при участии А. Мезен. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 92–94; *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 45; Санкт-Петербургские ведомости. 1738. 26 января. С. [6].

651

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2515. Л. 11 об.

652

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 31–37. См. также: *Петрухинцев Н. Н.* Становление Кадетского корпуса. С. 142.

653

Лузанов П. Ф. Сухопутный. С. 30.

Чистович И. Феофан Прокопович. С. 631–633; *Ivanov A. V.* Reforming Orthodoxy. P. 136, 146, 149, 224; *Winter E.* Halle. P. 90–91.

655

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1647. Л. 8, 38.

Хмыров М. Д. Фельдцейхмейстерство графа Миниха. С. 383–384; РГАДА. Ф. 11. Д. 405. Ч. 2. Л. 288–290.

657

РГАДА. Ф. 11. Д. 405. Ч. 1. Л. 213 – 214 об.

Фельдмаршал продолжал преследовать Любераса еще и в 1737 году, а возможно, и позднее (*Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 12–14).

659

Указ от 16 февраля 1734 года: СИРИО. Т. 198. С. 40. Также см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 18 февраля. С. [4].

Из бумаг обергофмейстера барона фон Миниха. С. 435–483; *Агеева О. Г.* Христиан-Вильгельм Миних. С. 15–18.

661

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1664. Л. 44; Д. 1672. Л. 20–29, 48 – 49 об.

662

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 36 – 36 об. Составленные бароном регуляции см.: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1711. Л. 1–10, 12–23, 110–121.

663

См. донесение директора фон Теттау в августе 1737 года: *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 58.

664

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 39.

665

ПСЗ РИ. Т. 43. Ч. 1; Т. 8. № 6050. С. 198.

666

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1640. Л. 11; опубликовано в: *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 301–302; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 39–40, 174.

667

Там же. Ф. 24. Оп. 1/119. Д. 234. Л. 1 – 2 об.

668

Там же. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1679. Л. 174 – 174 об.; опубликовано в: *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 313–315.

669

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 1. Л. 30; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1706; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 103–104; Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 25 ноября. С. [7].

670

СИРИО. Т. 114. С. 187, 91, 333–334, 346, 390, 402, 408; РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 111.

671

РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. 1736. Д. 66. Л. 1–29, 60–78; 1739. Д. 70. Л. 15–26.

ПСЗ РИ. Т. 10. № 7313. С. 206–207.

673

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1096. Л. 125–129. Доклад опубликован: *Татарников К. В., Юркевич Е. И.* Сухопутный шляхетный кадетский корпус. С. 57–59. С окончанием в 1740 году войны с оттоманами право председательствовать на «генеральном экзамене» в возглавляемом им корпусе было возвращено Миниху (ПСЗ РИ. Т. 11. № 8253. С. 270–271).

Об этих одах и их литературном контексте см.: *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 23–84; *Амелин А.* Михаил Собакин: Младенчествующая речь // Арион. 2007. № 3. С. 116–127; *Берков П. Н.* У истоков дворянской литературы XVIII века. Поэт Михаил Собакин // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 421–432. Об участии корпуса в придворной жизни аннинской эпохи см. также: *Савельев А. И.* Первые кадетские смотры. С. 351–352; *Curtiss M. K.* A Forgotten Empress: Anna Ivanovna and Her Era, 1730–1740. New York, 1974. P. 214–215.

Савельев А. И. Первые кадетские смотры.

676

Сумароков А. П. Ея Императорскому Величеству Анне Иоанновне … Поздравительные Оды в Первый день Новаго года 1740 // Оды торжественныя. Элегии любовныя. М., 2009. С. 227.

677

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1818. Л. 21, 24.

Там же. Д. 1669. Л. 61; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 54; Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 28 марта. С. [4].

Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Анне Иоанновне и императоре Иоанне Антоновиче. СПб., 1914. С. 72–74; *Старикова Л. М.* Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. Документальная хроника. 1730–1740. М., 1995. С. 318–382, 412–415; Материалы по истории русского балета / Под ред. М. В. Борисоглебского. Л., 1938. Т. 1. С. 20–21, 339; Landet, Jean-Baptiste // Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / Eds. A. Mézin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 464–465.

680

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 1. Л. 30; *Лузанов П. Ф.* Сухопутный. С. 103–104.

681

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1640. Л. 11; публикация см.: *Федюкин И. И., Лавринович М. Б.* Сухопутный Кадетский корпус. С. 301–302; *Висковатов А. В.* Краткая история первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 80. Фон Зигхейм был назначен принцем Антоном Ульрихом муштровать отборную роту Преображенского полка, которая должна была стать образцом для всей армии и которая, по иронии судьбы, в итоге возвела на престол цесаревну Елизавету (*Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 331, 335).

682

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1–3.

683

Миних Б. Х. Перевод с письма к государственному канцлеру гр. Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину от бывшего фельдмаршала гр. Миниха из Пелыма от 4-го июня 1744 года // Русский архив. 1866. № 2. С. 172–185.

684

Экстракт из допросов бывшего фельдмаршала графа Миниха // Русский архив. 1864. № 2. С. 510.

685

Миних Б. Х. Перевод с письма к государственному канцлеру. Сочинение Миниха о фортификации хранится в: ОР РНБ. Ф. 871. Д. 864.

Миних Б. Х. Фельдмаршал Миних из Сибири. Письма // Русский архив. 1865. № 12. С. 1418–1446. См. также его последующие письма к Елизавете, касающиеся, в том числе, перестройки Киевской крепости: *Миних Б. Х.* Предложения, прошения и письма. С. 484–494, 495–504.

Желания фельдмаршала Миниха по возвращении из ссылки // Архив князя Воронцова. М., 1875. Т. 7. С. 573–574.

Миних Б. Х. Предложения, прошения и письма. С. 504–506.

Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of The Prison. New York, 1995. P. 316, 172–173 (русский перевод: *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999); Panopticon Letter XXI // The Works of Jeremy Bentham / Ed. J. Bowring. New York, 1962. Vol. 4. P. 63. Историю этого здания см.: *Laulan R.* L'École militaire de Paris. Le monument. 1751–1788. Paris, 1950. В особенности см. недавнюю работу: *Guízar H. A.* «Make a Hard Push for It»: The Benthams, Foucault, and The Panopticons' Roots in The Paris École Militaire // Lumen. 2018. № 37. P. 151–173.

690

AN. Carton des Rois. K 149.1. №. 5.1. «Memoir: Collège académique». 1750, April 22. Описание Кадетского корпуса: Там же. №. 8.1. «Memoir». 1750, April 18. Я в высшей степени признателен Джемме Тидман, любезно предоставившей мне копии этих документов, и Харольдо А. Гюйзару за консультации по обстоятельствам их создания.

Laulan R. La fondation de l'École militaire et Madame de Pompadour // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1974. № 21. P. 284–299; *Combeau Y.* Le comte d'Argenson, 1696–1764: Ministre de Louis XV. Paris, 1999. P. 330–335; *Algrant C. P.* Madame de Pompadour: Mistress of France. New York, 2002. P. 3–5, 34–35, 102–119; *Hooper-Hamersley R.* The Hunt after Jeanne-Antoinette de Pompadour: Patronage, Politics, Art, and The French Enlightenment. Lanham, MD, 2011. P. 34, 40–41, 47, 131–132, 196.

Подробнее см.: *Fedyukin I.* Nobility and Schooling in Russia, 1700s–1760s: Choices in Social Context // Journal of Social History. 2016. № 49. P. 558–584.

693

AN. Carton des Rois. K 149.1. № 8.1. «Memoir». April 18, 1750.

Обзор этих школ см. в: *Бенда В. Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений. Также: *Бенда В. Н.* К вопросу о возобновлении деятельности Московской военно-инженерной школы в конце первой половины XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. 1. С. 154–165; *Савельев А. И.* Исторический очерк. С. 210–211.

695

Данилов М. В. Записки // Безвременье и временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов: 1720–1760-е годы / Под ред. Е. В. Анисимова. Л., 1991. С. 297–298, 310. Об этой школе см.: *Бенда В. Н.* Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 7–15.

Савельев А. И. Исторический очерк. С. 229.

697

Чулков Н. Гессен-Гомбургский принц, Людвиг-Груно-Вильгельм // Русский биографический словарь. / Под ред. Н. П. Чулкова. М., 1916. Т. 5: Герберский – Гогенлоэ. С. 149–151; *Масловский С. Д.* Репнин, князь Василий Никитич // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16: Рейтерн – Рольцберг. С. 85–89; *Бенда В. Н.* Развитие артиллерийского и инженерного корпусов под руководством генерал-фельдцейхмейстера Василия Аникитича (Никитича) Репнина (1745–1748) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3–1. С. 79–87.

698

РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Ч. 5. Л. 312–315 об. Обзор этого эпизода см. также в: *Писаренко К. А.* Елизавета Петровна. Наследница Петровских времен. М., 2013. С. 146–152.

699

См. экстракт из этой переписки в протоколе Адмиралтейств-коллегии от 8 июля 1747 г. (№ 2330): РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 319. Л. 311–321.

700

РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 319. Л. 316 об. – 317 об. Материалы для истории русского флота / Под ред. Ф. Ф. Веселаго. СПб., 1882. Ч. IX. С. 506–509.

701

См. протокол заседаний Адмиралтейств-коллегии: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 319. Л. 317 об. – 319. Сокращенная версия протокола опубликована в: Материалы для истории русского флота. Ч. IX. С. 648; полный текст в: *Федюкин И. И.* Граф А. И. Остерман и проект реформирования Морской академии. С. 212–218. Предложения, включая преамбулу и проект штата, см. в: РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2731. Л. 1–35.

702

РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Ч. 5. Л. 312 – 315 об.

703

Там же. Л. 306 – 311 об.

Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750. М., 2000. С. 205–207; РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Ч. 5. Л. 301.

705

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 231. Л. 22. Курсив мой. – *И. Ф.* Сенат рассмотрел предложения Адмиралтейства 11 мая 1750 г.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2731. Л. 46.

Там же. Л. 101, 276.

707

ПСЗ РИ. Т. 44. Книга штатов. Ч. 1. № 10062. С. 45–53. Доношение Сената 1751 г. см. в: РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2731. Л. 72–102.

Вахмистрова С. И. Подготовка офицерских кадров для российского флота во второй половине XVIII века (по опыту морского шляхетного кадетского корпуса). Дис. … канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 27–28, 31–32, 34–36, 101.

709

Руднев Д. А. Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 363–372; сами документы опубликованы: Там же. С. 374–399; *Вахмистрова С. И.* Подготовка офицерских кадров. С. 80–82, 101–102.

Финкенштейн, фон, К. В. Ф. Общий отчет о русском дворе (1748) // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750: Прил. М., 2000. С. 322.

711

Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1832. Ч. 2. С. 377–390; *Алексеевский Б.* Белосельский, князь Михаил Андреевич // Русский биографический словарь. / Под ред. А. А. Половцова. СПб., 1908. Т. 3: Бетанкур–Бякстер. С. 651–652; *Курукин И. В.* Бирон. С. 118, 215; Материалы для истории русского флота. Ч. IX. С. 420, 518–521, 524–527, 529–533; *Чернышев Г. П.* Записки графа Г. П. Чернышева. 1672–1745 // Русская старина. 1872. № 6. С. 798–799; РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 37. Л. 54; Д. 39. Л. 4. (Пользуюсь случаем выразить благодарность А. В. Захарову, любезно поделившемуся со мной текстом этих документов); *Белосельский М. А., Белосельская Н. Г., Белосельская Н. М.* Дневник Белосельских-Строгановых // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2005. Т. 14. С. 71–73.

712

Материалы этого дела см.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 190.

713

Мардефельд фон А. Записка о важнейших персонах при дворе русском (1747) // Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство: 1740–1750. М., 2000. С. 282.

714

РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Ч. 5. Л. 304 – 305 об.

715

РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2731. Л. 40; Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Ч. 5. Л. 318 об. Черновик указа см.: Л. 324 – 339 об. Здесь цитируются л. 338 об. – 339.

716

Берх В. Н. Жизнеописания. Ч. 2. С. 387. О Голицыне и его деятельности во главе Адмиралтейства см. также: *Писаренко К. А.* Письма барона И. А. Черкасова.

717

РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 10. Л. 22 – 23 об.; Д. 35. Л. 16; Д. 129. Л. 24 – 24 об., 22.

718

Берх В. Н. Жизнеописания. Ч. 2. С. 387; Белосельский императрице Елизавете, апрель 1753 г.: РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 809; Д. 810.

719

Берх В. Н. Жизнеописания. Ч. 2. С. 373–376; *Ельницкий А.* Римский-Корсаков, Воин Яковлевич // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16: Рейтерн – Рольцберг. С. 217–219; *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. М., 1841. Т. 15. С. 235–236.

720

Материалы для истории русского флота. Ч. IX. С. 478, 529–531, 533, 651; *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II: Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907. С. 36.

721

РГАДА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 55. Л. 2 – 9 об.; опубликовано в: *Емелин А. Ю.* «Прожект о морских кадетских школах», или Кто задумал Морской корпус // Кортик: Флот. История. Люди. СПб., 2004. Т. 2. С. 25–31. К сожалению, с предположением автора о том, что именно проект Римского-Корсакова лег в основу документов о создании Морского кадетского корпуса, невозможно согласиться.

Берх В. Н. Жизнеописания. Ч. 2. С. 375.

723

Писаренко К. А. Из семейной хроники рода Голицыных // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. Т. 15. С. 9–13.

В целом миссия Голицына была не слишком успешной. Его официальные донесения см.: АВПРИ. Ф. 93. Оп. 1. 1750. № 2; 1751. № 2.

Allmayer-Beck J. C. The Establishment of The Theresan Military Academy in Wiener Neustadt // East Central European Society and War in The Pre-Revolutionary Eighteenth Century / Eds. G. E. Rothenberg, B. K. Király, P. F. Sugar. New York, 1982. P. 115–121; *Vergé-Franceschi M.* Marine et Éducation sous l'Ancien régime. P. 231–232.

О взаимовлиянии придворных конъюнктур и внешней политики в эти годы см.: *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу.

О И. И. Шувалове см., в последнее время: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 1998; *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды.

О П. И. Шувалове см.: *Андриайнен С. В.* Империя проектов; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия 40-х – начала 60-х годов XVIII века. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 1999. Цитата см.: *Данилов М. В.* Записки. С. 324.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 24–33, 42–43; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 63–78; *Мардефельд фон А.* Записка о важнейших персонах. С. 274, 281; *Финкенштейн фон К. В. Ф.* Общий отчет. С. 314; *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Щербатов М. М. Избранные труды / Сост. С. Г. Калинина. М., 2010. С. 456. Доклады и послания Шувалова императрице см. в: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 309–311.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 115, 119–148, 224–239. Недавнюю публикацию документов см. в: *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды. Также: *Шмидт С. О.* Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Исторический архив. 1962. № 6. С. 100–104. Его теоретические взгляды разбираются в: *Шмидт С. О.* Внутренняя политика России в середине XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 44–47; *Корякина Е. П.* Идеология абсолютизма и политические взгляды П. И. Шувалова // Вестник МГУ. 1991. Сер. 8: История. № 5. С. 17–26; *Андриайнен С. В., Каменский А. Б.* Петр Иванович и Иван Иванович Шуваловы // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010. С. 5–42; *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 61–75, 77–79. Исследователи отмечают как характерную черту Шувалова то, что он не упускал случая представить Елизавете или сенаторам обзоры своих успешных предприятий (*Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 222; *Шувалов П. И.* Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей деятельности // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010. С. 228–233).

Данилов М. В. Записки. С. 337.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 136–148; *Фавье Ж. Л.* Записки Фавье // Исторический вестник. 1887. № 29. С. 393–394.

Шаховской Я. П. Записки князя Якова Петровича Шаховского // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 125. Многочисленные предложения, выдвигавшиеся самим Шаховским см.: Там же. С. 177–224.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 456–459.

735

РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 307. Л. 17 об. – 18, 30–32.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 45.

Подробный разбор его действий во главе дивизии см.: *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 78–89; *Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 149–150.

Шаховской Я. П. Записки. С. 77–78.

Данилов М. В. Записки. С. 337; *Шаховской Я. П.* Записки. С. 80–82; *Шувалов П. И.* Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей деятельности. С. 229–230; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 89–97; *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. С. 458; *Оточкин В. В.* Генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов и Обсервационный корпус в Семилетней войне 1756–1763 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей м научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб.: ВИМАИВВС, 2012. Ч. II. С. 479–490.

Оточкин В. В. П. И. Шувалов и русская армия. С. 132–139.

741

Бенда В. Н. Начало руководства артиллерийским и инженерным корпусом генерал-фельдцейхмейстером Петром Ивановичем Шуваловым (1756–1757) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6–1. С. 119–125. См. также: *Комиссаренко А. И., Чекунова А. Е.* Граф П. И. Шувалов – руководитель и реформатор военного дела в России. 1756–1762 гг. // Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. С. 297–304; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 139–145.

Эти доклады см. в: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 207а.

Данилов М. В. Записки. С. 324–325, 332.

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 207а. Л. 31–37.

Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 364, 367; *Мессельер Л. А. Ф.* Записки Г. де ла Мессельера о пребывании его в России с мая 1757 по март 1759 // Русский архив. 1874. № 1. Ст. 964.

746

Практика единорогов, изобретенных артиллерии генерал-фельдцейхмейстером и Кавалером графом Петром Ивановичем Шуваловым и преимущества их пред прежними артиллерийскими орудиями, кратко описанные в вопросах и ответах для употребления при артиллерийских школах. СПб., 1760; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 5 т. / Под ред. И. П. Кондакова. М., 1962–1967. Т. 2. С. 463. Описания успешных фейерверков, устраивавшихся «перед домом его сиятельства <…> Графа Петра Ивановича Шувалова» также публиковались для распространения среди публики. См., например: Сводный каталог русской книги. Т. 2. С. 171.

Фавье Ж. Л. Записки Фавье. С. 394. О самопрезентации П. И. Шувалова см.: *Костин А.* «Выдумкой барыш сосать» или «для пользы общества трудиться»: Аллегорические презентации П. И. Шувалова в публичном пространстве // Русская авантюра: Международная научная конференция. РАНХиГС, 21–23 сентября 2017 г. М. 2017. С. 49–54.

Обзор его образовательных проектов см.: *Шмидт С. О.* Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы // Вопросы военной истории России: XVIII – первая половина XIX веков / Под ред. В. И. Шункова. М., 1969. С. С. 390–392; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 100–120; *Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 159–161.

749

Костин А. «Выдумкой барыш сосать» или «для пользы общества трудиться». С. 52, 54.

750

О учреждении училища для военных наук и бытии которому пристойнее при Шляхетном кадетском корпусе: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 194. Л. 1–15. Публикацию этого документа см.: Записка о высшем военном образовании графа П. И. Шувалова // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010. С. 165–177. Первоначальная публикация в: *Рождественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1912. Т. 1. Прил. С. 33–43.

751

Сенатский архив. СПб.: Сенатская типография, 1901. Т. 9: Протоколы Правительствующего сената, 1753–1756 гг. С. 249.

752

Хотя сама рукопись не озаглавлена, в литературе она известна как «Проект о создании в России высшей военной школы» (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 40–51). Текст опубликован в: *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды. С. 177–180. Первоначальная публикация в: *Шмидт С. О.* Проект П. И. Шувалова. С. 392–404.

753

Проект об учреждении при шляхетном кадетском корпусе военного департамента для обучения офицеров военному искусству // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды. С. 181–187.

Эти документы включают «Всеподданнейший доклад генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова об учреждении при артиллерии шляхетного кадетского корпуса с классом военной науки»: *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды. С. 188–191; и «План о учреждении при артиллерии шляхетного кадетского корпуса»: *Шувалов П. И., Шувалов И. И.* Избранные труды. С. 191–222. Оригинал см.: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 198. Л. 56 – 65 об. Первая публикация в: *Жерве Н. П., Строев В. Н.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912 / Под ред. А. К. Линдеберга. СПб., 1912. Т. 1. Прил. С. 4–28. Недавний обзор см. в: *Бенда В. Н.* Причины учреждения, создание и начало деятельности Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса (АИШКК) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. Ч. 1. С. 34–40.

755

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 207а. Л. 81–82.

Бенда В. Н. Причины учреждения, создание и начало деятельности. С. 36; *Бенда В. Н.* К вопросу о деятельности Объединенной артиллерийской и инженерной школы в конце 50-х – начале 60-х годов XVIII века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 16–22. Стремление Шувалова лично подбирать офицеров и учителей для объединенной школы согласуется с его обостренным вниманием к вопросам подготовки личного состава в качестве командира дивизии и генерал-фельдцейхмейстера. См.: *Лалаев М. С.* Исторический очерк военно-учебных заведений. С. 38; *Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 145–149. Документы, отражающие его практическое участие в управлении школой см., например, в: Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. «Штаб генерал-фельдцейхмейстера». Д. 1223, 1561, 1558, 2020, 2021.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. С. 109–110. О государственной деятельности И. И. Шувалова в целом см.: *Анисимов Е. В.* И. И. Шувалов – деятель русского просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94–104; *Alexander J. T.* Ivan Shuvalov and Russian Court Politics, 1749–1763 // Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia / Eds. A. G. Cross, G. S. Smith. Nottingham, UK, 1994. P. 1–15; *Анисимов Е. В.* Личность Ивана Шувалова // Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 1998. С. 13–23.

758

Основанию Московского университета посвящена обширнейшая литература, в первую очередь: *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. М., 1953; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века / Под ред. Н. А. Пенчко. М., 1960; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века). Сб. документов: в 3 Т. (1754–1804) / Сост. Д. Н. Костышин. М., 2006–2014; *Андреев А. Ю.* Лекции по истории Московского университета, 1755–1855. М., 2001. О взаимоотношениях И. И. Шувалова и Ломоносова см.: *Анисимов Е. В.* М. В. Ломоносов и И. И. Шувалов // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 1. С. 73–83; *Карпеев Е. П.* И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов // Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 1998. С. 58–66; *Кулакова И. П.* И. И. Шувалов и Московский университет. Тип «просвещенного покровителя» // Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 1998. С. 139–151; *Киселев М. А.* «Отворить вход к благополучию дарованиям природным?» Сословная проблематика проектов образовательных реформ И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова на рубеже 50-х – 60-х годов XVIII в. // Россия XXI. 2015. № 6. С. 41–43. В целом о стратегиях самопрезентации Ломоносова и придворной политике см. недавние работы: *Осповат К.* Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: Поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // НЛО. 2007. № 87. С. 148–183; *Ospovat K.* Mikhail Lomonosov Writes to his Patron; *Usitalo S. A.* Lomonosov: Patronage and Reputation at The St. Petersburg Academy of Sciences; *Usitalo S. A.* The Invention of Mikhail Lomonosov: A Russian National Myth. Brighton, MA, 2013.

759

См. о нем: *Ржеуцкий В. С.* В тени Шувалова: Французский культурный посредник в России барон де Чуди // НЛО. 2010. № 105. С. 91–124.

Ржеуцкий В. С. В тени Шувалова. С. 100; *Левшин Д. М.* Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. СПб., 1902. Т. 1. С. 63–82.

761

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 1. Д. «Ф–19».

См.: *Анисимов Е. В.* Личность Ивана Шувалова. С. 21; *Кулакова И. П.* И. И. Шувалов и Московский университет. С. 149.

763

Ломоносов И. И. Шувалову, 15 августа 1751 г.: Михаил Васильевич Ломоносов. Переписка. 1737–1765 / Под ред. Г. Г. Мартынова. М., 2010. С. 146–147; *Фавье Ж. Л.* Записки Фавье. С. 392.

Кулакова И. П. И. И. Шувалов и Московский университет. С. 142.

ПСЗ РИ. Т. 14. № 10346. С. 285–294.

766

Представление И. И. Шувалова в Сенат об учреждении Академии художеств. 6 ноября 1757 года // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010. С. 250–251; ПСЗ РИ. Т. 14. № 10776. С. 806–807; *Мозговая Е. Б.* И. И. Шувалов и Академия художеств // Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории: к 275-летию Академии наук / Под ред. Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб., 1998. С. 152–161.

См., например: *Alexander J. T.* Ivan Shuvalov and Russian Court Politics. P. 4.

Андриайнен С. В. Империя проектов. С. 41.

Фавье Ж. Л. Записки Фавье. С. 392.

770

Шаховской Я. П. Записки. С. 133. К осени 1761 года состояние здоровья Шувалова ухудшилось настолько, что его клиент А. И. Глебов был назначен исполнять обязанности командующего артиллерией и инженерами (*Оточкин В. В.* П. И. Шувалов и русская армия. С. 166).

Оточкин В. В. П. И. Шувалов и русская армия. С. 99. О «бюрократическом перевороте» 1760 года см.: *Наумов В. П.* Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 69; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». С. 358, 369 (сноска 2 на с. 98); Письмо графа П. И. Шувалова к Императрице Елисавете // Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. 4. С. 187–188.

772

В Правительствующий Сенат Московского Императорского университета от куратора Шувалова доношение // Шувалов П. И., Шувалов И. И. Избранные труды / Сост. С. В. Андриайнен. М., 2010. С. 250–252-257; *Польской С. В.* Политические проекты И. И. Шувалова конца 1750 – начала 1760-х годов // Философский век. Альманах / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 2000. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. С. 225–231; *Киселев М. А.* Вопросы образования в Уложенной комиссии 1754–1766 годов (два проекта 4-й главы «О должности родительской» третьей части Уложения) // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 320–324.

773

Киселев М. А. «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: записка П. И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании (1761) // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / Под ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавринович. М., 2014. С. 346–362; *Киселев М. А.* «Отворить вход к благополучию». С. 56–59; *Андриайнен С. В.* Империя проектов. С. 51.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. С. 385.

Висковатов А. В. Краткая история первого кадетского корпуса. С. 77, 81.

Мардефельд фон А. Записка о важнейших персонах. С. 273; *Фавье Ж. Л.* Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермьера // Русская старина. 1878. Т. 23. № 10. С. 194.

Мыльников А. С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 47–50, 54–58; *Мыльников А. С.* Петр III. Повествование в документах и версиях. М., 2002. С. 117–124. Ревизионистский взгляд на Петра II см.: *Leonard C. S.* Reform and Regicide: The Reign of Peter III of Russia. Bloomington, 1993.

778

РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3120. Л. 1, 3, 16.

779

Висковатов А. В. Краткая история первого кадетского корпуса. С. 29–31, 65.

780

Письма к И. И. Шувалову графа Ивана Григорьевича Чернышова // Русский архив. 1869. № 11. С. 1844–1845; *Висковатов А. В.* Краткая история первого кадетского корпуса. С. 111–112.

ПСЗ РИ. Т. 15. № 11515. С. 985–987.

Андреев А. Ю. Российские университеты. С. 265.

783

Бенда В. Н. Причины учреждения, создание и начало деятельности. С. 37; *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II. С. 314; *Висковатов А. В.* Краткая история первого кадетского корпуса. С. 32–33.

О Бецком и его педагогической доктрине см.: *Okenfuss M. J.* V. O. Kliuchevskii on Childhood and Education in Early Modern Russia // History of Education Quarterly. 1977, Winter. № 17. P. 417–447; *Майков П. М.* Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии. СПб., 1904; *Ransel D. L.* Ivan Betskoi and The Institutionalization of The Enlightenment in Russia // Canadian-American Slavic Studies. 1980. № 14. P. 327–338; *Barran T. P.* Russia Reads Rousseau, 1762–1825. Evanston, Ill, 2002. P. 58–61; *Фруменкова Т. Г.* И. И. Бецкой в 1704–1756 гг. // Вестник Герценовского университета. 2009. № 1 (63). С. 75–80; *Фруменкова Т. Г.* И. И. Бецкой в странах Западной Европы (1756–1761 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 2 (64). С. 63–67; *Фруменкова Т. Г.* Екатерина II и И. И. Бецкой (1762–1763 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 4 (66). С. 70–75; *Фруменкова Т. Г.* Екатерина II и И. И. Бецкой (1764–1767 гг.) // Вестник Герценовского университета. 2009. № 5 (67). С. 65–71. Из последних работ, посвященных педагогическим и антропологическим теориям в России во второй половине XVIII века, см. в особенности: *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2007. P. 1–32; *Kuxhausen A.* From The Womb to The Body Politic: Raising The Nation in Enlightenment Russia. Madison, 2013. О Кадетском корпусе в этот период см.: *Аурова Н. Н.* Система военного образования в России: Кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003.

Нащокин В. А. Записки. С. 273.

Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. С. 19–22.

Некоторые ключевые документы, относящиеся к реформированию Бецким Кадетского корпуса, см. в: РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 3247, 3341.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. С. 469–470.

789

Современная история этого интереснейшего учебного заведения еще не написана. Краткий обзор (на английском языке) см. в: *Dyke C. V.* Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. New York, 1990. О том, как появление академий генерального штаба по всей Европе отражало профессионализацию военного дела, см.: *Hevia J.* The Imperial Security State: British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012. P. 17–32.

790

Об участии Жомини в реформировании военного образования в России в целом, см.: *Аурова Н. Н.* Система военного образования в России: Кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003. С. 32–34, 77–83; о его деятельности в составе комиссии по разработке проекта Академии см.: *Шевченко П. В.* Г. В. Жомини и подготовка реорганизации военного образования в России в конце 1820-х гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 94–105.

Landweber J. Fashioning Nationality and Identity in The Eighteenth Century: The Comte de Bonneval in The Ottoman Empire // The International History Review. 2008. № 30. P. 1–31; *Aksan V. H.* Breaking The Spell of The Baron de Tott: Reframing The Question of Military Reform in The Ottoman Empire, 1760–1830 // The International History Review. 2002. № 24. P. 253–277. Сравнительный обзор «вестернизационных» реформ за пределами Европы см. в: *Ralston D.* Importing The European Army: The Introduction of European Military Techniques and Institutions into The Extra-European World, 1600–1914. Chicago, 1990.

Levy A. Military Reform and The Problem of Centralization in The Ottoman Empire in The Eighteenth Century // Middle Eastern Studies. 1982, July. Vol. 18. № 3. P. 233.

Uyar M., Erickson E. J. A Military History of The Ottomans: From Osman to Ataturk. Santa Barbara, CA, 2009. P. 119, 145. Не было чуждо для Оттоманской империи и образовательное прожектерство с конфессиональным подтекстом, столь заметное в России в конце XVII – начале XVIII веков. О школах, отражавших локальные или этнические повестки (т. е. греческие, армянские и болгарские) во второй половине XIX века см.: *Fortna B.* Imperial Classroom: Islam, Education and The State in The Late Ottoman Empire. Oxford, 2002. P. 15, 48–60, 71–75. И, разумеется, не секрет, что корни некоторых из ведущих университетов в сегодняшнем Китае восходят к проектам, инициированным в последние десятилетия императорского периода соперничающими генералами или, особенно часто, конкурирующими между собой европейскими миссионерами.

Fedyukin I., Gabdrakhmanov S. Cultural Capital in an Early Modern Elite School: The Noble Cadet Corps in St. Petersburg, 1732–1762 // Journal of Interdisciplinary History. 2016, Spring. № 46. P. 485–516.

Kosheleva O. To Discipline Those Who Teach: The Penetration of Petrine Educational Reforms into Russian Educational Practice // Everyday Life in Russian History: Quotidian Studies in Honor of Daniel Kaiser / Eds. G. Marker, J. Neuberger, M. Poe, S. Rupp. Bloomington, IN, 2010. P. 317–328; *Кислова Е. И.* Грамматическое учение и модели церковного образования 1720-х гг. // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 2. С. 475–491. Об учителях и частных школах в России петровского времени см. также: *Щеглов С.* Две санкт-петербургские школы в первой половине XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1912. Ч. 39. № 5. С. 1–55; *Ковригина В. А.* Немецкая слобода. С. 350–375; *Белокуров С. С., Зерцалов А. Н.* О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1907. № 1. С. 9–244. Об образовательных предпочтениях русских дворян в первой половине XVIII столетия см.: *Fedyukin I.* Nobility and Schooling in Russia.

Муравьев М. А. Журнал от начала рождения моего. С. 8–9.

797

РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 305. Л. 324 – 324 об.

798

Крестинин В. В. Труды. Творческая биография. Библиография / Под ред. А. А. Куратова, Е. И. Тропичева. Архангельск: Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова, 2007. С. 139.

Санкт-Петербургские ведомости. 1733. 5 июля. С. [4]; *Столпянский П. Н.* Частные школы и пансионы Петербурга во второй половине XVIII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Новая серия. Ч. 38. № 3. Отд. 3. С. 1–23; *Анненков И. П.* Дневник курского помещика И. П. Анненкова // Материалы по истории СССР / Сост. Л. Н. Пушкарев. М., 1957. Т. 5: Документы по истории XVIII века. С. 683, 690–693, 699, 765; *Смагина Г. И.* Академия наук и Российская школа: Вторая половина XVIII в. СПб., 1996. С. 88–89; *Сивков К. В.* Частные школы и пансионы Москвы в 80-х годах XVIII в. // Исторический архив. 1951. № 6. С. 315–323; *Rjéoutski V.* Les écoles étrangères dans la société russe à l'époque des Lumières // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 3. P. 479–481, 488.

800

См. обзорную работу: *Сергеева С. В.* История домашнего образования и частной школы в России. (Последняя четверть XVIII в. – первая половина XIX в.) Пенза, 2010.

801

Азизбаева Р. Е. Барон Магнус Вильгельм фон Нирот и замысел сиротского дома // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. Т. 58: Петровское время в лицах. 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011). Материалы научной конференции. С. 5–11; *Peterson C.* Peter The Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and The Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 72; *Winter E.* Halle. P. 437–446, 272–273, 268. «Привилегия» и относящиеся к ней документы см. в: РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 39. Л. 205–212.

802

Курмачёва М. Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй России. XVI–XVIII вв. / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 240–264; *Кусбер Я.* Какие знания нужны дворянину для жизни? Провинциальные и столичные воспитательные дискурсы второй половины XVIII и начала XIX века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Под ред. О. Глаголевой, И. Ширле. М., 2012. С. 269–291. В частности, см. проект К. Г. Разумовского о создании университета в Батурине: *Андреев А. Ю.* Российские университеты. С. 266–268.

803

Цитируется в: *Знаменский П. В.* Духовные школы. С. 26.

Подробнее об этом см.: *Fedyukin I.* Nobility and Schooling in Russia. С. 561–562.

Kelly C. Refining Russia. P. 11–12; *Kosheleva O. E.* Education as a Problem. P. 213.

806

Лалаев М. С. Исторический очерк образования и развития Перваго Московскаго кадетскаго корпуса, что ныне Первая Московская военная гимназия, 1778–1878. СПб., 1878. С. 1–20.

Jones W. G. The Morning Light Charity Schools, 1777–1780 // Slavonic and East European Review. 1978. № 56. P. 47–67.

808

См. «Проект учреждения горного училища с планами»: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 110; *Гольденберг Л. А.* Михаил Федорович Соймонов (1730–1804). М., 1973. С. 42–48; *Соколов Д. И.* Историческое и статистическое описание Горнаго Кадетскаго Корпуса. СПб., 1830. С. 2–5.

Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism, and Democracy. P. 132.

Rieber A. J. Interest-Group Politics in The Era of The Great Reforms // Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Eds. B. Eklof, J. Bushnell, L. G. Zakharova. Bloomington, IN, 1994. P. 58–83.

811

Усилия академиков подробно разбираются в работе: *Смагина Г. И.* Академия наук.

812

См. обзор в: *Madariaga I. de.* The Foundation of The Russian Educational System by Catherine II // The Slavonic and East European Review. 1979. № 57. P. 369–395; *Okenfuss M. J.* Education and Empire: School Reform in Enlightened Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. N. s. 1979. № 27. P. 41–68.

813

Kosheleva O. To Discipline Those Who Teach. P. 319–321, 323–324; *Кислова Е. И.* Грамматическое учение.

814

ПСЗ РИ. Т. 16. № 10724. С. 765; *Смагина Г. И.* Академия наук. С. 89.

815

Новейший обзор см.: *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование. С. 227–262. Классические работы: *Рождественский С. В.* Значение Комиссии об учреждении народных училищ в истории политики народного просвещения в XVIII–XIX веках // Описание дел архива Министерства народного просвещения / Под ред. С. Ф. Платонова, А. С. Николаева. Пг.: Тип. К. Н. Губинского, 1917. Т. 1. С. xlix–l; *Madariaga I. de.* The Foundation of The Russian Educational System. P. 383–386.

Madariaga I. de. The Foundation of The Russian Educational System. P. 380–382; *Hartley J.* The Boards of Social Welfare and The Financing of Catherine II's State Schools // The Slavonic and East European Review. 1989. Vol. 67. № 2. P. 211–227.

Flynn J. T. V. N. Karazin, The Gentry, and Kharkov University // Slavic Review. 1969. № 28. P. 209–220. См. также: *Walker F. A.* Popular Response to Public Education in The Reign of Tsar Alexander I (1801–1825) // History of Education Quarterly. 1984, Winter. № 24. P. 527–543.

818

Цит.: *Сергеева С. В.* История домашнего образования. С. 101–102.

819

Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 году…) СПб., 1864. С. 15–16, 34; *Вишленкова Е. А.* Университетский XIX век в России: дискурсивная история // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / Под ред. Е. А. Вишленковой, Д. А. Сдвижкова. М., 2013. С. 292–294; *Толстой Д. А.* Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии. СПб., 1883.

Balzer H. D. Educating Engineers: Economic Politics and Technical Training in Tsarist Russia. PhD diss. University of Pennsylvania, 1980.

Froumin I., Kuzminov Ia., Semyonov D. Institutional Diversity in Russian Higher Education: Revolutions and Evolution // European Journal of Higher Education. 2014. № 4. P. 209–234.